Огни Кузбасса

№ 3 / 2019

Выступление писателей 9 мая 2019 года у скульптурной группы «В 6 часов вечера после войны»

Ирина Фролова

Василий Феданов и Андрей Пятак

Перед началом выступления

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Наш современник»

В. И. Лихоносов,
г. Краснодар, лауреат Государственной премии им. М. Горького, главный редактор журнала «Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии «Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним связям и имущественным отношениям Кузбасского филиала ООО «Сибирская генерирующая компания»

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2019

МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Вера ЛАВРИНА,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Марина ЧЕРТОГОВА,
Евгений ЧИРИКОВ

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

ЮБИЛЕЙ. А. С. ПУШКИНУ – 220 ЛЕТ

Вячеслав Елатов. Пушкин и мы 3

ПОЭЗИЯ

Людмила Щипахина. Жизнь твоя – только сегодня!..... 8
Василий Гуляев. Первый снег – наваждение, таинство 10
Юлия Шкуратова. Грозы, умеренно облачно 75
Мария Берестова. Иди ко мне, мой стих 78
Наталья Ахпашева. Вечному небу плечо подставь..... 90
Сергей Донбай. Во сне снегов..... 104

ПРОЗА

Игорь Назаров. Жанна д'Арк – ведьма Христова. Научно-популярная повесть 13
Виталий Лозович. Заблудившийся олень. Рассказ 80
Сергей Криворотов. Молодость. Рассказ 92

ЮБИЛЕЙ

Поздравления 108

РУССКАЯ ШКОЛА

Виктор Шабалин. Наступление на язык Даля..... 111

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Евгений Чириков. Инженер кузбасской культуры. Очерк 130
Григорий Шалакин. Говорим «Пача», подразумеваем «Вернер» 135

300 ЛЕТ КУЗБАССУ

Александр Смышляев. Железная Горная Шория. История открытия, разведки и освоения железорудных месторождений Горной Шории 143
Игорь Мангазеев. ДК-47, или Зодчий Константин Бартошевич 162

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Иванов. Мысли по поводу. О творении А. Брюховецкого «За пять минут до пробуждения...»..... 166
Галина Карпова. Кому передавать плуг? О поэтическом сборнике Анатолия Иленко «Запах пашни»..... 166
Татьяна Горохова. Отклик на книгу Юрия Дубатова «Избранное»..... 167
О книге «Завтрашнее» (стихи, проза, драматургия молодых кемеровских авторов)..... 168

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 169

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**..... 170

Великому русскому поэту Александру Пушкину – 220 лет

(1799–1837)

Памятник А. С. Пушкину в г. Кемерово. Скульптор М. Г. Манизер, 1954 г.
Фото Г. Т. Шалакина

Статью о Пушкине читайте на с. 3

Вячеслав ЕЛАТОВ

ПУШКИН И МЫ

Пушкин…

Пушкин и мы… Наш Пушкин… Мой Пушкин…

Каждое новое поколение и каждый новый просвещённый читатель неизменно обращаются к великому поэту в надежде найти у него решение жгучих проблем современности.

Наш Пушкин…

Ну что для нас сегодня Пушкин, которого не раз уже пытались сбросить с парохода современности? Мы ведь тоже – реалисты и прагматики – «ищем речи точной и нагой»*. Чем же подкупают нас сегодня его стихи?

Непостижимая загадка искусства, поразившая, вы помните, воображение принца датского во время исполнения бродячим актёром страстного монолога жены троянского царя Гекубы:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает…

Разделим с Гамлетом изумление перед захватывающей силой высокого искусства: «Что мы поэту? Что он для нас сегодня?». А мы читаем…

Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.
И чьё-нибудь он сердце тронет…

Это поразительно, но ведь звучит и не перестаёт трогать этот волшебный звукоряд во исполнение заветного желания поэта:

И чьё-нибудь он сердце тронет;
И, сохранённая судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
(Евгений Онегин. Глава вторая, XXXIX – XL)

Позже, мы знаем, искромётный юмор сменят торжественные аккорды поэтического завещания, в котором Пушкин сделает официальное заявление о своих неопровержимых заслугах перед соотечественниками:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный…

Отстаивая своё право на поэтическое бессмертие, среди прочих неоценимых заслуг Пушкин выделяет педагогическую направленность своего творчества. Это сегодня мы с вами изгоняем назидательность, гоним её, что называется, и в хвост и в гриву из изящного, по нашим понятиям, искусства. Пушкин же, с нескрываемой гордостью за свой подвижнический труд, декларировал благотворное воспитательное воздействие своего искусства на современников и потомков:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал…
(Я памятник себе воздвиг нерукотворный…)

Что ж, заслуга по всем временам безмерная. На эту сторону пушкинского наследия обратил внимание уже Белинский: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоего пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства»**.

К сожалению, именно эта часть пушкинского наследия сегодня нами решительно отторгается.

* Юбилейное // Владимир Маяковский – стихи [Сайт]. URL: stihi-rus/1/Mayakovskiy/57.htm.

** *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина: Статья пятая [Электронный ресурс]. URL: az.lib.ru/b.belinskij_w_g/text_0160.shtml.

Лихое время несчастных манкуртов, бойких закодированных прагматиков и автоматических систем управления общественным сознанием! Веками складывавшаяся традиция воспитания обжигающим душу словом отнесена сегодня к разряду вредных заблуждений, с которыми раз и навсегда должно быть покончено. «Искусство риторики, – уверяет нас в лице Михаила Золотоносова перестроившаяся общественность, – несмотря на все усилия краснобаев, уже не определяет поведения человека…»*

А Пушкин, этот неисправимый «краснобай», будоражит наше воображение образом поэта-пророка, который только после сложнейшей хирургической операции по пересадке жизненно важных органов получил от Всевышнего благословение на самоотверженный труд учителя и воспитателя:

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.
(Пророк)

Великий поэт всегда был великим учителем. У Пушкина мы учимся, например, воспринимать прекрасное – там, где мы сами могли бы и не заметить его, просто пройти мимо:

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.
(Осень)

У Пушкина мы учимся выражать своё восхищение естественно и просто:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
(Зимнее утро)

И тот же Пушкин, с другой стороны, преподаёт нам урок предельно трезвой оценки окружающего:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА.
(Из Пиндемонти)

Отправляясь на очередной урок к Пушкину, мы не перестаём изумляться неисчерпаемости воспитательных задач, которые он ставил перед собой для достижения всё той же главной цели преподавания: чувства добрые в нас лирой пробуждать. Прилежный ученик поэта – Достоевский не ошибался, утверждая, что мир спасёт красота. Пушкинская поэзия и проза воспитывали и продолжают воспитывать в нас красоту человеческого общения. Сквозь грязь и пошлость тиражируемых сегодня сценических образов старческого маразма пробиваются к нам родниковой чистоты строки пушкинского послания няне Арине Родионовне:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
(Няне)

Сквозь кромешную неразбериху конкурирующих между собой сегодня былых друзей, приятелей и просто добрых знакомых ещё доносится проникновенная пушкинская задушевность при обращении к другу:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
(И. И. Пущину)

* Russia seems to have entered the post-realistic period of disbelief in doctrines. Most people don't like the idea of going to the execution block for them. The art of rhetoric, despite the rhetoricians efforts, no longer determines human conduct // Moscow News. 1996. № 32. P. 12.

Олицетворением душеспасительной красоты стало для поэта лицейское братство:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.
(19 октября)

Одно из самых благотворных воздействий на человеческую личность оказывает, по Пушкину, такое доброе чувство, как любовь. Любовная лирика, можно сказать, – одна из главных составляющих пушкинского педагогического наследия. Он и тут противостоит нашим новоиспечённым реалистам и прагматикам, которые не просто любят, но занимаются любовью – без божества, без вдохновенья и без самой любви.

Любовь, по Пушкину, рождает в человеке прекрасные, возвышенные чувства. Она облагораживает нас. Она ассоциируется с устремлённостью к идеалам, потребностью вдохновенного творчества, способностью на живой эмоциональный отклик и сочувствие. Любовь Онегина к Татьяне вспыхивает после того, как он вырвался наконец из пут эгоистического сознания, обрёл способность на самоотдачу и постиг наконец эту неуловимую формулу любви:

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть… вот блаженство!
(Евгений Онегин. Глава восьмая)

Любовь, по Пушкину, это не только всеохватывающее, но и прежде всего самоотверженное чувство. Можно сказать, что именно самоотверженность делает любовь тем добрым чувством, которое поэт пробуждает в нас своей волшебной лирой:

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
(Я вас любил: любовь ещё, быть может…)

Эту формулу, мы помним, так и не сумел усвоить Алеко. Отвергнутый табором вольных цыган, осудивших его за беспредельный эгоизм и психологию собственника, он упорствует:

Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
(Цыганы)

Этот образ страстного душевладельца вызвал непреодолимое отвращение у своего создателя. В день окончания поэмы Пушкин писал поэту Вяземскому: *«Сегодня кончил я поэму «Цыганы». Не знаю, что о ней сказать. Она покамест мне опротивела»*.

Говоря о воспитывающем характере пушкинского наследия, нельзя не упомянуть произведений открыто нравоучительных, когда писатель в назидание читателю показывает духовное становление героя. Эта давняя традиция нашей литературы отмечена несомненными художественными достижениями (например, герои Толстого и Чернышевского, некрасовский Гриша Добросклонов и горьковские Павел Власов с Пелагеей Ниловной). Эта традиция была продолжена советской литературой (например, в «Разгроме» Фадеева и «Хождениях по мукам» Алексея Толстого, «Тихом Доне» Шолохова и «Стране Муравии» Твардовского). Пушкин в этой ретроспективе занимает довольно приметное место, но вначале всё-таки был не он, а его великий предшественник Александр Николаевич Радищев, который превратил жанр сентиментального путешествия в суровую жизненную школу для своего героя.

Путешествие Онегина, мы помним, Пушкин исключил из окончательной редакции романа. Оно дано в качестве приложения. Но без этого приложения Онегина не поняла бы не только Татьяна Ларина, но и читатель. Без этого путешествия мы не могли бы представить себе, как изменяется герой, как преображается, как пробуждается, как воскресает его душа.

Татьяна читает его письмо и – не понимает. Мы же читаем исключённую из романа главу о путешествии да ещё раздёрганные строки десятой

главы и понимаем: «душе настало пробужденье»! Пушкин, вослед Радищеву, заставил-таки Онегина «взглянуть окрест себя». Более того, в это отнюдь не развлекательное турне по матушке России поэт отправляет – в соответствии с жанром нравоучительного романа – и нас с вами.

Путешествие в пространстве, как это удачно осуществил в поэме «За далью – даль» Твардовский, нередко сопряжено с путешествием во времени. В сегодняшнем Нижнем Новгороде, например, мы могли бы вспомнить такую близкую по времени и такую недосягаемо далёкую по духу советскую даль:

Под городом Горьким,
Где ясные зорьки,
В рабочем посёлке
Подруга живёт…

А с пушкинским Онегиным, напротив, мы возвращаемся в такую отдалённую по времени, но такую близкую нам сегодня базарную даль знаменитой Макарьевской ярмарки:

Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привёз индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привёз свои колоды
И горсть услужливых костей…

Интересно, были тогда напёрсточники?

Всяк суетится, лжёт за двух,
И всюду меркантильный дух.

Нельзя, разумеется, отождествлять век нынешний с давно минувшим, но тоска Онегина и сегодня не может не вызывать сочувствия. Скажете, что я смотрю на вещи предвзято, сгущаю краски, что такое отношение к рыночной действительности продиктовано зацикленностью «совкового» сознания. Скажете – и ошибётесь.

Как и его предшественник Радищев, Пушкин ведёт своего героя – вперёд и выше! – по пути сближения с собственным мировосприятием. Мы знаем, что Онегин, как позже и герои толстовской эпопеи, разворачивался в сторону Сенатской площади. Но и сам поэт не останавливался на пути к совершенству. Куда он шёл, к каким новым идеалам устремлялся Пушкин? Ответ на этот вопрос мы находим в лирическом отступлении той же главы о путешествии Онегина:

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Мы видим, как поэт полемически заостряет наше внимание на картинах простонародной жизни, которые, кстати, мы и раньше встречали в романе; например, ставшее хрестоматийным описание прихода зимы в пятой главе:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив,
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно…

Таким отступлениям от основного действия соответствует и композиция романа: оторванному от национальных корней заглавному герою противостоит Татьяна Ларина, которая как бы вырастает из толщи народного самосознания:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарёю поздной
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.

Помните, как дорог был для Толстого этот штрих в обаятельном облике Наташи Ростовой? Это по-пушкински. Помните, какой СТРАННОЙ, по его собственному выражению, любовью любил отчизну Лермонтов? Это по-пушкински. Ну а если кто-то из сегодняшней интеллигенции выстраивает своё мировосприятие, ориентируясь на новоявленный элитарный бомонд, то это, кроме всего прочего, не по-пушкински.

Героя исторической повести Петра Гринёва Пушкин сводит не только с капитанской дочкой из простонародья, но и с грозным предводителем народной войны Емельяном Пугачёвым. Дворянин Гринёв симпатизировал бунтовщику: «Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком. Извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которым он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время».

Гринёв сочувствовал Пугачёву; другое дело – и Пушкин не оставляет нам ни малейшего повода для сомнения – дворянин Гринёв так и не преодолел порога своей классовой ограниченности: крестьянская война осталась для него бессмысленным и беспощадным бунтом. Это суждение по явному недоразумению нередко приписывается автору. Но это свидетельствует лишь о нашей слабой читательской подготовке. А ведь Пушкин в данном случае очень рассчитывал на грамотного читателя, по-настоящему проницательного: показывая ограниченность своего героя, он тем самым через его голову обращался непосредственно и к своим современникам, и к нам, просвещённым потомкам, людям не XVIII, как Гринёв, века, но уже XIX и последующих веков.

Да, Пушкин намного опережал свою эпоху, ведя за собой своих героев и читателя к пониманию исторической роли народа. Россия народная, та самая Россия, которая пока ещё – по заключительной ремарке «Бориса Годунова» – «безмолвствует», эта Россия, по Пушкину, определяет в конечном счёте судьбы отечества.

Надо ли говорить, что пушкинское понимание исторического развития расходится с нашим новёхоньким – с иголочки да с белой ниточкой – мышлением? Мы ведь, благодетели и отцы родные, лучше самого народа знаем, как ему жить и трудиться, о чём ему горевать и по какому поводу веселиться.

О такой вот нашей «новой» – с длиннющей бородой – позиции хорошо сказал один из самых прилежных читателей Пушкина: *«Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе; а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие <…> В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нём почти до какого-то простодушнейшего умиления*»*.

Чествовать поэта лучше всего стихами. Вот как на примере русской классической поэзии известный советский поэт удачно обозначил альфу и омегу духовных устремлений нашего, из недавнего прошлого, отнюдь не потерянного поколения:

Как-то стыдно изящной словесности,
отрешённости на челе.
Как-то стыдно натужной небесности,
Если люди живут на земле.

Как-то хочется слова непраздного,
чтоб давалось оно нелегко.
Всё к Некрасову тянет, к Некрасову,
ну а он – глубоко-глубоко…

Как-то стыдно сплошной заслезнённости,
сострадательства с нимбом борца.
Как-то стыдно одной заземлённости,
если всё-таки есть небеса.

Как-то хочется слова нескушного,
чтоб лилось оно звонко, легко,
и всё к Пушкину тянет, всё к Пушкину,
*ну а он – высоко-высоко…***

г. Прокопьевск

---

* Достоевский // Литература в школе. 1990. № 3.

** *Евтушенко Е. А.* Избранные произведения: в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975.

Людмила ЩИПАХИНА

ЖИЗНЬ ТВОЯ – ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!..

* * *

...Шли, падая возле дороги.
Шли, харкая кровью под ноги.
Шли день. И шли ночь до рассвета.
Шли осень, шли зиму, шли лето...
По тропам, оврагам, по полю
Шли, зубы сжимая до боли.
Голодные слюни глотали.
Упрямые клятвы шептали...
Шли, цену пути понимая.
Шли, беды на грудь принимая.
Шли, панике не поддаваясь.
Шли, падая и поднимаясь.
Какая вселенская сила
Простёрлась, над вами радея?
«Ах, что вас ведёт?» – я спросила.
И мне отвечали: «Идея»…

ОНИ И МЫ

Штампуя решенья и даты,
С душой, провалившейся в ад,
Они заседают где надо,
Присвоив продажный мандат.
Карьерные эти везенья
Окутаны в денежный мрак.
Невидимый орден презренья
Приколот на модный пиджак.
От них мы по-рабски зависим,
Хоть им наши беды не в счёт.
Дворцы их взмываются к высям,
И нефть по карманам течёт...
Хоть ростом не больше напёрстка,
А духом – не выше тюрьмы,
Они – лишь сплочённая горстка...
А сила несметная – мы.

ОСМЕЯННЫЕ ПАТРИОТЫ

У них священные заботы –
Спасать Отечество и нас...
Осмеянные патриоты –
Отверженный эпохой класс.

По убеждению, не в спешке
Несут идей высоких свет,
Презрев ухмылки и усмешки
В лицо, и в спину, и вослед...

От них дрожат не понарошку
Владельцы замков и валют,
Где можно, ставят им подножку,
А где нельзя – наотмашь бьют.

ЩИПАХИНА Людмила Васильевна *родилась в Свердловске. Советская, российская поэтесса, переводчик зарубежной поэзии. Окончила Литературный институт им. М. Горького. С 1961 года член Союза писателей СССР. В настоящее время член Высшего творческого совета СП России и наблюдательного совета МГО СП России. Автор более 40 книг стихов и переводов. Имеет многочисленные награды и всемирное признание. 29 октября 2016 года Людмиле Щипахиной присвоено звание «Народный писатель России» с вручением одноимённого ордена. Живёт в Москве.*

И даже слово «патриоты» –
Как символ – «тайные враги»,
Совки, изгои, идиоты.
А дальше – только матюги.

...В их скромном подвиге великом
Залог добра грядущих лет!
А время «икс» к священным ликам
Ещё причислит их портрет...

* * *

Смешной тоске не поддавайся,
Купайся в благодати дня!
Не майся дурью и не кайся
И не бери пример с меня.

Над суматохой жизни смейся.
Проклятых денег не жалей.
Ешь шашлыки, под солнцем грейся,
От зорь малиновых шалей!

Не подвергай заочной каре
Очередного подлеца.
Смотри, как день веселье дарит
И снег шаманит у лица...

Покуда полдень осиянный
Бушует, как морской прибой,
Расстанься с дурью окаянной
И помирись с самим собой.

Сияет счастьем луч небесный –
Святой привет далёких сфер...
Грешно роптать и бесполезно.
...Нет! Не бери с меня пример...

НАВЕЯЛО...

Не говори, что независим!
Не верь наивно в эту ложь!
Ты каждый миг у вечных истин
В суровой кабале живёшь.

Уже с рождения – зависим!
Хоть отрекаешься хитро.
От дел, от случая, от писем,
От стрелки, сломанной в метро.

От грозных рисков лихолетья,
Где дым войны горяч и густ.
Ты – в кабале проблем столетья.
Ты – в рабстве у прекрасных чувств...

Ты мерой глубины и выси
Сверяешь собственные дни.
Не говори, что независим!
Смирись и голову склони.

Да будь ты неуч или профи,
Да будь ты трус или герой...
Ведь иногда от чашки кофе
Зависит и судьба… Порой...

ТЫЛ

Вдалеке от всех сражений,
Но в невидимом строю
Мы – на страже убеждений,
В стратегическом бою.

Незаметно и заочно
Обретаем естество,
«Свой, чужой» – сверяя точно.
Точно зная, кто кого...

Может быть, ещё не скоро,
Но придёт желанный час...
Против нас – такая свора!
Но история – за нас!

Пусть от нас далече беды,
Мы как будто – в стороне...
Но в ТЫЛУ куют победы!
...На невидимой войне.

СЕГОДНЯ

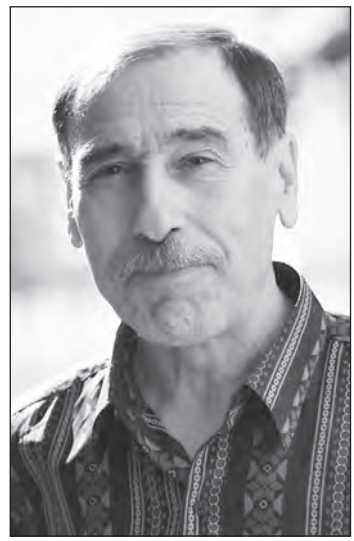
(Жизнь принадлежит тому, кто ей рад...)

Грешна и напрасна тоска о былом
Во времени кратком и гулком,
Где тени событий подбитым крылом
Летят по земным закоулкам.

Сегодня – бесценен твой день и велик!
И вечность дарует свободу.
Сегодня – твой шанс. Твой божественный миг.
Явленье родному народу.

Сегодня святой благодатью дыши,
Ведомый таинственной силой.
Сегодня – единое слово скажи...
Сегодня – спаси и помилуй!

Сегодня – смахни надоевшую тень,
Не сникни, как лист прошлогодний...
Сегодня – твой праздник. Сегодня твой день!
И жизнь твоя – только сегодня!..

Василий ГУЛЯЕВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ – НАВАЖДЕНИЕ, ТАИНСТВО

ЖЕЛНА

Привет тебе, любимый лес –
Приют восторгов и чудес!
Вновь, покрывая гвалт и свист,
Знакомый трудится радист.
Морзянка издали слышна –
Стучит настойчиво желна,*
Он не щадит свой острый нос,
Передаёт сигналы SOS:
«Палят в зверей, палят костры,
И зубья хищных пил остры,
Кедрач заветный поредел,
Кругом разбой и беспредел...»

Ты не горюй, родимый лес,
Он достучится до небес
И, может быть, до наших душ,
Ты потерпи немного, сдюжь.

ПРЕДЗИМЬЕ

Пока робея, выпал первый снег,
Земля ещё не тронута морозом,
Но небо стало рыхлым и белёсым,
Сошла палитра осени на нет.

Обожжена последняя листва
Бездымными кострами увяданья.
И дерева стоят, как изваянья
Сурового природы естества.

Предзимье – невесёлая пора.
Вожак к полёту окликает стаю.
В моей ладони две снежинки тают –
Два вечностью оброненных пера.

ПЕРВОЕ КИНО

Порою память словно дразнит,
Порой – как солнышко в окно.
...В селе родном сегодня праздник –
Сегодня привезут кино.
Нет электричества и клуба
(им через пару лет черёд).
От самокруток дыма клубы –
Собрался вечером народ
Нарядный возле сельсовета,
Где на бревенчатой стене
Искусства главного примета –
Квадрат из белых простыней.
Вот тишь вечернюю проранил
Кинодвижок, вспугнувши кур,
И появился на экране
Смешной и грустный Радж Капур.

* Желна – крупный чёрный дятел, живёт в хвойных лесах.

ГУЛЯЕВ Василий Дмитриевич *родился в 1949 году в Кемеровской области. Жил в Казахстане, служил в Узбекистане. Работал сварщиком, строителем. Участвовал в ликвидации аварии на ЧАЭС. Первые публикации – в армейской газете во время срочной службы. Публиковался в альманахах «Образ», «Кольчугинская осень». Издал три книги стихов: «Максим – медвежий сын», «Вехи» и «Сколько зим». Живёт в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области.*

Он бегал, падал, поднимался,
И танцевал, и песню пел.
Он в душу зрителей стучался,
Но я кино не досмотрел,
Уснул в конце индийской саги.
Назавтра многие с утра
Вели беседы о «Бродяге»
И напевали: «Авара-а».

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Словно ангелы с неба спускаются,
Легкокрылы, чисты и юны,
Так и хочется в чём-то покаяться,
Даже в том, в чём не знаю вины.
Первый снег – наваждение, таинство
И любви самой первой родня,
Вот и ты навсегда не останешься,
Только нежно коснёшься меня.

ЖУРАВЛИ

Шестидесятые года –
Уже забрезжил свет во мраке.
Приютом были нам тогда
Послевоенные бараки,
Мандраж от самиздатских книг,
Удачный старт на космодроме...

Он неожиданно возник
В открывшемся дверном проёме –
Со шкиперской бородкой дед,
Витёк налил ему «агдама»:
«Знакомьтесь, парни, мой сосед –
Недавний узник Магадана».
Тот угостился не спеша,
Заметил наше удивленье:
«Чтоб не сочли за алкаша –
Услышал через стенку пенье».
Компашка будущих мужчин
(В сужденьях горячи и скоры) –
Мы познавали свойства вин
И пели про моря и горы.
А этот ветхий старикан,
Как равный, безо всякой спеси
Опорожнил другой стакан
И нам свою исполнил песню.
У небогатого стола
В сопровождении гитары
Он пел, и песня та была
Не про зэка и не про нары –
Про журавлей летящий клин
К родным берёзам и ракитам.
И как страдал внизу один
Сородич их, с крылом подбитым.
Мы молча слушали певца,
Лишь нервно мяли сигареты.
Не позабыть его лица
И смысла песни давней этой.

...Старик попил вина опять
И в коридор барачный вышел.
А отсидел он двадцать пять,
С его статьёй грозила «вышка».
Он не испачкался о зло
И на судьбу обижен не был.

Срослось подбитое крыло,
Журавль поднялся снова в небо.

* * *

Сибирь, конечно, не Паттайя –
Ещё хозяйкою зима,
Но что-то, в воздухе витая,
Влетает с улицы в дома.

Уже оттаяли улыбки,
Становится лучистым взгляд,
И даже петли на калитке
День ото дня нежней скрипят.

Пусть всё пройдёт неповторимо,
Но каждый год и каждый март
Влюбляюсь я в глаза любимой,
Как много лет тому назад.

ЯБЛОКИ

Этот год получился яблочным –
Распирает плодами сады.
Этот год оказался тягостным
От смертельного груза беды.

Страсть мальчишечья – безбоязненно
Сквозь забор, не щадя штанов,
Только здесь по садам не лазают –
Нет в Чернобыле пацанов.

Копачи ли, Залесье ли, Припять ли
Веют холодом брошенных хат.

Между яблок в саду, как призраки, –
Куры голые, два петуха.

А над яблочною палитрою
По утрам туманы скользят.
Пригласить бы сюда политиков,
Эти сёла им показать.

Может, где-нибудь в шляпах сплющенных
Озарение пробежит,
Пусть посмотрят: вот мишка плюшевый
В заражённой траве лежит.

Разлучились друзья-товарищи,
В детских садиках тишина.
Если даже авария – варварство,
Чем же станет тогда война?

Над Чернобылем небо ясное,
Только в нём вороньё кружит.
А в садах обрываются яблоки –
Продолжается жизнь.

СНЕГИРИ

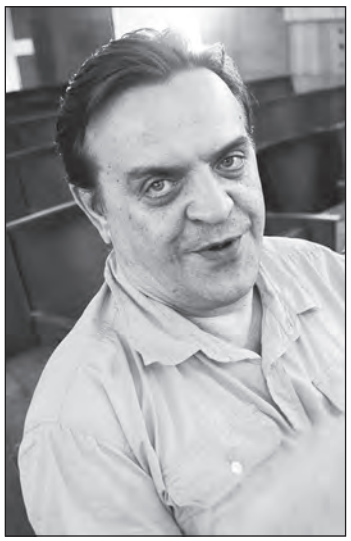
– Под рябиной на улице
снег горит!
– Понапрасну волнуешься,
это снегири.

Что ты маешься, доченька,
у окна?
Чем ты так озабочена?
Может, влюблена?

– Где пальто с полушалочком?
Потушу!
– Никуда тебя, шалая,
больше не пущу.

Догулялась по мальчикам –
вся в огне.
– Ах, родимая мамочка,
ты не веришь мне.

Там пожар возле горенки,
посмотри.
– Ты в бреду, моё горюшко,
это снегири.

Игорь НАЗАРОВ

ЖАННА Д'АРК – ВЕДЬМА ХРИСТОВА

Научно-популярная повесть

О, честь какова для женского пола, что Бог
Возлюбил его так, что когда весь сей великий народ
Был жалким, как пёс, а всё королевство являло собою пустыню,
Он женщину выбрал, чтоб вновь возродить сей народ
И вернуть ему силы.

Кристина Пизанская*.
Деяния Жанны из Орлеана

ПРОЛОГ

Читатель, дай мне руку, я хочу пригласить тебя в путешествие. Пойдём со мной, я знаю дорогу. Посмотри, где мы с тобой оказались. Видишь величественное здание? Это древний собор Нотр-Дам-де-Реймс. Место коронации всех французских королей.

Да-да, мы во Франции, и давай-ка, не теряя времени, пройдём внутрь собора. Он очень тщательно охраняется, но стража нас с тобой не заметит.

Посмотри – под высоченными, сорокаметровыми сводами собора собралась огромная пышно разряженная толпа. Пусть тебя не удивляют наряды этих людей. Взгляни на календарь – мы с тобой попали в 17 июля 1429 года.

Сегодня здесь должны короновать на французский престол дофина Карла де Валуа. То есть должно произойти событие, в реальность которого, хотя бы самую слабую, ещё совсем недавно во всей Европе не верил никто, включая самого дофина Карла. Никто, кроме одной семнадцатилетней девушки.

Кстати, вот и она. Современники Жанны оставили нам запись, как она выглядела в сей знаменательный день. Поэтому мы с вами можем подробно её разглядеть.

На девушке короткая, чуть ниже пояса, мужская куртка из голубого бархата, расшитая золотыми шёлковыми узорами. Между прочим, голубой с золотом – цвета французских королей. Коротко подстриженные тёмные волосы покрывает бархатный берет малинового цвета. На ногах вишнёвые чулки и вишнёвые короткие сапожки. На девушке – пояс с серебряными накладками. На поясе короткий меч в бархатных ножнах вишнёвого цвета.

А какова её внешность? Вот опять свидетельство современника, посланника миланского герцога Филиппо Мария Висконти, присутствовавшего на коронации:

«Дева сия сложена изящно, у неё чёрные волосы, чёрные глаза, красивая грудь и приятный

* К. Пизанская – первая в Европе женщина – профессиональная поэтесса и родоначальница феминизма. «Деяния…» были написаны в 1429 году. Это первое литературное произведение о Жанне д'Арк.

НАЗАРОВ Игорь Владимирович *родился 2 декабря 1970 года. По образованию и профессии – юрист. Печатался в журнале «Сибирские огни». Участник Второго регионального совещания сибирских авторов, 2018 года. В литературном конкурсе «Энергия творчества» 2016 года получил премию в номинации «Крупная проза» за научно-популярную повесть: «Жанна д'Арк – ведьма Христова», в 2018 году – премию за пьесу «Язычники». В 2019 году с той же пьесой победил во Всероссийском конкурсе «Выбор зрителя». Живёт в Киселёвске.*

женский голос. Держится она совершенно по-мужски. В речах высказывает необыкновенную рассудительность. Ест она мало и никогда не пьёт вина. Она ненавидит многолюдные сборища и пиры. Ей очень нравятся дорогие боевые кони и красивое оружие…»

Такова была на пике своей славы Жанна д'Арк. Национальная героиня Франции и одна из самых ярких личностей всей истории человечества! Единственная в истории женщина – верховный главнокомандующий! Единственная в истории, проделавшая путь от официально признанной ведьмы и еретички до канонизированной святой!

Её жизнь задокументирована так, как не документировалась жизнь ни одного из её современников, за исключением, может быть, Римских Пап. По крайней мере, о королях той эпохи нам известно гораздо меньше, чем об этой семнадцатилетней девушке. Судите сами: только очевидцами и современниками написаны о Жанне д'Арк двадцать две французские, восемь бургундских и четырнадцать иностранных хроник.

Добавим к этому мемуары её соратников. Ну и, наконец, многотомные материалы двух судебных процессов над ней. Источников более чем достаточно. Кстати, именно потому в этой повести вы почти не встретите ни одного вымышленного мною диалога. Все они – живые голоса, донёсшиеся до нас сквозь толщу шести столетий. Я выделил их в тексте курсивом. Так что выдумывать что-то от себя не было ни малейшего смысла.

Повесть коснётся только одного эпизода из множества деяний Жанны. Начнём с 12 февраля 1429 года, когда Жанна с небольшим, но отлично вооружённым отрядом соратников отправится в безумно опасное путешествие из города Вокулёр, на северо-западе Франции, на шестьсот километров к юго-западу. В город Шинон. Ко двору дофина Карла.

А закончим спустя три месяца – 8 мая. В момент, когда Жанна одержит победу в одной из самых великих битв Средневековья – битве под Орлеаном – и тем самым поставит себя в один ряд с величайшими полководцами в истории человечества.

Но она не просто великий полководец (кстати, великим полководцем называл её сам Наполеон Бонапарт, так что это не только моё мнение), нет, она была кем-то ещё. Но кем?

Все, кто имел с ней дело, в один голос твердят: «В этой девушке что-то было». Это «что-то» я и хочу показать, но объяснить не берусь. Скажу сразу, я не верю в то, что она крестьянка, пастушка из Домреми. Но нет никаких сомнений в том, что:

– в то время в Домреми действительно жила очень благочестивая девушка, дочь уважаемых родителей, которую звали Жаннетта Роме;

– эта Жаннетта в январе 1429 года покинула родное село с целью спасти Францию и больше никогда не вернулась на родину;

– наша героиня очень сильно хотела, чтобы все считали её именно той самой пропавшей крестьянкой из Домреми, и много в том преуспела;

– под именем Жаннетты и выдавая себя за неё, девушка появилась в городе Вокулёр, правда, уже через несколько дней стала называть себя – Жанна.

Всё бы ничего, но вот только Жаннетта Роме ни при каких условиях не сумела бы делать того, что делала Жанна: управлять боевым конём, носить доспехи, владеть мечом и топором, прекрасно разбираться в стратегии и тактике, управлять артиллерийским огнём…

А сама Жанна, как позже выяснится, не знала очень многого о жизни Жаннетты Роме. По крайней мере, два-три раза наша героиня встречалась и беседовала с глазу на глаз с этой наивной крестьяночкой из Домреми, чьё имя и биографию она взяла чуть позднее себе. И этот факт я тоже попробую доказать, опираясь на… дошедшие до нас слова самой Жаннетты.

Не берусь, однако, утверждать, что вместе с именем и биографией Жанна не забрала у этой крестьянки во время их последней встречи и жизнь. Ведь нельзя же было допустить, чтобы Жаннетта вдруг взяла и вернулась домой в тот момент, когда «она» вообще-то воюет под Орлеаном. Так что, может быть, тело Жаннетты Роме так и истлело в лесу рядом с Домреми. А может, она закончила свою жизнь в глубокой старости монашкой в каком-нибудь дальнем монастыре.

Жанна кем-то очень долго, возможно, с самого раннего детства готовилась для выполнения той миссии, которую в конце концов осуществила, а осуществив, вдруг вышла из-под контроля и стала очень опасна для всех, включая своих неизвестных нам воспитателей и покровителей.

Кто они были? Неведомо. Но, скорее всего, один из католических орденов. Историк и президент геральдического совета Франции виконт Оскар де Поли полагал, что Жанна, выражаясь

современным языком, «проект» ордена францисканцев.

Однако с ещё большим основанием можно считать её «проектом» ордена доминиканцев – «Псов Господних». Ведь доминиканцев мы всё время видим неподалёку от Жанны. В ордене доминиканцев состояли женщины. Да ведь и инквизиция была в те времена полностью в руках доминиканцев. А если учесть, что инквизиция сразу отстранилась от обвинительного процесса Жанны, устроенного англичанами, но зато была инициатором и главным организатором оправдательного процесса Жанны в 1450–1456 годах, то задумаешься.

Историк Жак Кордье считает, что Жанна – продукт Тевтонского ордена. В обоснование этого он указывает на высочайшее военное искусство Жанны и то, что в путь из Вокулёра в Шинон её снаряжал один из германских герцогов – Карл Лотарингский. Он дал ей людей, коней и снаряжение, плюс выделил на дорожные расходы сто золотых ливров. Чтоб размер суммы был понятен читателю, скажу: опытный каменщик в то время зарабатывал от силы десять-пятнадцать ливров в год. Рядовой солдат-наёмник – примерно четыре-пять ливров в месяц.

В общем, как видим, у историков (во Франции работает целый Институт Жанны д'Арк) есть предположение, что Жанна – главный герой некой спецоперации. Я это мнение полностью разделяю. И в принципе повесть эту можно было бы назвать «Спецоперация «Пастушка». Если бы… если бы волей-неволей я не пришёл к тому же выводу, что и соратники Жанны: «В этой девушке что-то было». И это «что-то» не совсем вмещается в привычную картину мира. И, честно говоря, порой закрадывалась мне мысль о том, что…

Но… тссс, читатель, мы с тобой отвлеклись, а там, в Реймском соборе, какой-то шум. Давайка быстренько вернёмся туда и поглядим, что случилось. А вот что. Когда в собор стали заносить королевские штандарты и знамёна французских полководцев, Жанна остановила процессию и потребовала, чтобы её штандарт внесли первым.

Так и было сделано. Её белый стяг с вытканной на нём радугой внесли внутрь самым первым. И остальные штандарты вынуждены были расступиться перед ним.

Жанна показала рукой на своё знамя и сказала: *«Оно вынесло тяжесть – ему надлежит и честь»*.

Потом посмотрела на окружающих так, как только она одна умела. И головы высокородной знати и князей церкви почтительно склонились перед девушкой.

Жанна могла быть довольна. Пусть кланяются и пусть хорошенько осознают, чей на самом деле сегодня триумф.

А ведь всего полгода назад… 12 февраля 1429 года. Раннее утро. Западные ворота Вокулёра. Отряд в двадцать человек стоит на выезде из города. Тихо всхрапывают кони. Сыплет с неба снег, и всадники кутаются в шерстяные плащи, из-под которых тускло поблёскивают латы.

Во главе отряда – Жанна. Рядом стоит, держа за узду её коня, правитель Вокулёра капитан Робер де Бодикур. Старый, опытный вояка.

Совсем недавно он выгнал прочь эту наглую девчонку, появившуюся в его городе откуда ни возьмись и заявившую, что она-де Посланница Божия и идёт спасать Францию. Дай ей сопровождающих и коней! Получила вместо этого затрещину. Не успокоилась. Переманила на свою сторону всех жителей Вокулёра. Побывала в Германии у герцога Карла Лотарингского. Добилась поддержки от него. И немалой поддержки. Убедила, наконец, и самого де Бодикура.

Теперь ей пора в путь. Шестьсот миль, большей частью по вражеской территории. Пройдёт ли?

Робер де Бодикур вздыхает, снимает с пояса свой испытанный во многих боях меч и протягивает Жанне:

– Возьми. Пусть принесёт он тебе удачу. – Потом хлопает по крупу коня. – Поезжай, Жанна. И будь что будет.

Всадники трогаются с места. Гулким эхом отдаётся стук копыт в каменной арке ворот. Путь очень далёк, в город Шинон. Навстречу славе. Навстречу бессмертию.

ГЛАВА 1. ПУТЬ В ШИНОН

Один из спутников Жанны, Бертран Пуланжи, позднее вспоминает об этом безумно рискованном путешествии: *«Повсюду кишели бургундцы и годоны* (так французы называли англичан по любимому английскому ругательству God damned – «будь я проклят»)*, поэтому нам надо было соблюдать осторожность. Каждую ночь Жанна-Дева ложилась рядом со мной, не снимая плаща и сапог. Я был молод тогда, но, несмотря на сильное желание и телесное влечение, не посмел тронуть Жанну».*

Эти строки Пуланжи писал на склоне лет. Поэтому, очевидно, запамятовал, что Жанна не каждую ночь спала с ним. Иногда по неизвестным соображениям она устраивалась в одной постели с другим своим телохранителем – Жаном из города Мец. Тот, вспоминая об этом, клянётся, что не только не делал никаких попыток овладеть Жанной, но и желания к тому не испытывал, несмотря на внешнюю привлекательность Девы. В отсутствие желания у Жана из Меца охотно верится, так как сей отважный воин был геем.

У спутников Жанны во время всей этой одиннадцатидневной гонки время от времени возникали сомнения в том, что король не то что Жанне войско даст, но и вообще примет и выслушает их.

Жанна же чувствовала себя вполне уверенно.

«Нас всё время одолевали сомнения, но Жанна повторяла, что не нужно бояться, потому что когда мы приедем в Шинон, благородный дофин встретит нас с радостным лицом».

На своём пути Жанна совершает несколько очень интересных остановок. Первую из них – уже на второй день. И не где-нибудь, а в доминиканском монастыре Сент-Урбан. Там отряд провёл почти весь день и заночевал. Вообще-то это мужской монастырь, на что спутники указывают Жанне, но девушку это ни в малейшей степени не смущает. Она направляется в обитель, как к себе домой… и её впускают безо всяких колебаний.

Эта ночь прошла в комфортных условиях. Дальше скакали почти без отдыха. Прерывая путь только на краткие ночные привалы, отряд пересёк чуть ли не всю Бургундию и Восточную Шампань. Переправился в стороне от мостов через три разлившиеся в весеннем половодье реки. Двигались по бездорожью, в стороне от больших дорог, осторожно обходя не только города, но даже деревни.

Жанна будто всю жизнь прожила в этих краях. И при этом утверждала, что никогда здесь не бывала, что это её «голоса» ведут отряд.

Наконец, самый опасный участок пути, пролегающий по захваченной врагом территории, позади. Впереди город Осер. Последний город на вражеской земле. Сразу за ним уже королевский домен, или Буржское королевство, как называли тогда ту часть Франции, что оставалась ещё французской.

И тут Жанна неожиданно изменяет своему правилу: идти быстро и тайно. Она направляется прямо в Осер, идёт там в кафедральный собор, слушает мессу, причащается и долго-долго молится.

Полдня за молитвами! А потом срывается с места и стремительно покидает город. Небольшой переход, и отряд уже на дружественной территории. Эту ночь они проведут не на сырой земле у чахлого костерка, как предыдущие, а в тёплых и мягких постелях. Под крышами гостеприимного городка Жьен.

Пусть пока воины спят, а мы с вами подведём некоторый итог прохода Жанны по Бургундии. Вы обратили внимание, что в начале самого опасного отрезка своего пути, в его крайней восточной точке, она довольно долго гостит в мужском (!) монастыре? Потом она исчезает с отрядом в бургундских дебрях. Проходит Бургундию с востока на запад, стараясь не попасться никому на глаза. Но в конце маршрута Жанна выходит из лесов и явно выставляет себя напоказ. Мне кажется, Жанна делает это умышленно. Она хочет, чтобы кто-то увидел её в Осере живой и здоровой. Очень похоже на то, что своими остановками в монастыре в начале пути, а затем в соборе Жанна как бы фиксируется для кого-то в контрольных точках.

Да, в Осере Жанна ни с кем не общается. Только молится. Но для того, чтобы «считать» сигнал, и не надо непосредственного контакта. Достаточно, чтобы нужные глаза увидели её и сообщили кому надо что-то вроде: «Всё хорошо. Она жива».

Вторая половина пути до Шинона проходит куда более приятно, чем раньше. Отряд теперь не прячется, а идёт открыто. На отдых останавливается в городах. Сытно ест, сладко спит. Правда, скачут быстро, Жанна медленной езды не любит.

Но как бы стремительно не двигался отряд, слухи о Деве, явившейся спасать Францию, летят ещё быстрее. В осаждённом Орлеане о Жанне узнают раньше, чем при дворе короля в Шиноне.

Вот что через двадцать лет после этих событий вспоминает внебрачный брат короля Дюнуа, в то время оборонявший Орлеан: *«Я находился в Орлеане, который осаждали англичане, когда до меня дошли слухи о том, что через город Жьен проехала некая девушка, называемая всеми Девой. Она уверяла, что направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести дофина в Реймс для миропомазания. А так как я был королевским наместником и ведал обороной на-*

званного города, то послал к королю двух дворян, чтобы получить о сей Деве более полную информацию».

Пусть вас не смущает, что Дюнуа называет здесь Карла то королём, то дофином. Слово «дофин» он вкладывает и в уста Жанны. И это очень характерный штрих. Из сторонников Карла только Жанна называла его в то время всё ещё дофином. Для всех других он был уже король, но только не для неё. «Голоса» ей сказали, что Карла ещё предстоит короновать и не где-нибудь, а в Реймсе. Раз коронация, по мнению «голосов», ещё только предстоит, значит, и Карл пока не король.

Звать короля дофином с её стороны дерзко, конечно, но это не первая дерзость, которую мы слышим от «деревенской пастушки», и далеко не последняя.

Дворяне, посланные из Орлеана Дюнуа, прибывают в Шинон значительно раньше Жанны. Но при дворе о появлении на французской земле Девы узнают не от них. Кто-то решил не пускать всё на самотёк (пошлёт Дюнуа гонцов или нет, неведомо же), а подготовить появление Жанны у короля тщательней. И в Шинон приходит предтеча Девы!

Профессор теологии Жан Эро, очевидец явления предтечи, рассказывает такую историю: некая женщина по имени Марианна из Авиньона за три дня до прибытия Жанны откуда ни возьмись появилась в Шиноне (тщательно охраняемом, кстати сказать) и стала громко и экзальтированно всем рассказывать о своих видениях о разорениях и бедах Франции. А потом, дескать, она увидела доспехи и оружие. Испытав ужас, Марианна подумала, что ей предложат взять оружие и надеть доспехи. Но глас Божий громко сказал ей, чтобы она не боялась, ибо эти латы наденет и это оружие возьмёт в руки не она, а та, что идёт за ней. Дева-спасительница! Смутив таким образом умы обитателей Шинона (умы, надо сказать, крайне суеверные, как и положено в Средневековье), Марианна исчезла из замка так же таинственно, как и появилась.

А вскоре некий гонец, представившийся «посланцем Девы», привёз письмо от Жанны дофину Карлу. И, со слов мэтра Эро, все пришли к твёрдому убеждению, что Жанна и есть Дева. Само письмо не сохранилось, но спрошенная о нём на судебном процессе Жанна передала его содержание. Вот как это зафиксировано в протоколе её допроса: *«Кажется, в этом письме говорилось, что она узнает своего короля среди всех прочих»*.

Впрочем, на суде Жанна отказалась принести присягу в том, что будет говорить судьям только правду, поэтому врала им много и охотно. Так что, может, в том письме и совсем другое говорилось. Впрочем, это неважно. Важно, откуда именно Жанна направила это письмо в Шинон. А отправила она его из города Фьербуа, что в двадцати километрах от Шинона. Промчав за одиннадцать дней шестьсот километров, Жанна как вкопанная остановилась рядом со своей целью. Зачем? Будьте уверены, причины были – без веской причины эта мудрая девушка ничего не делала.

Одна из них нам известна. Это – аббатство Сент-Катрин-де-Фьербуа – аббатство Святой Екатерины, если по-русски. С давних пор существовало поверье, что святая Екатерина оказывает покровительство военнопленным. Поэтому те, чьи родственники оказывались в плену, заказывали молебны именно в этом аббатстве. А освобождённые пленники благодарность приносили в дар святой Екатерине (читай: аббатству) оружием и доспехами.

Всё это делало аббатство в Фьербуа довольно доходным и неплохо вооружённым. Там Жанна и разбивает на несколько дней свой последний перед встречей с дофином походный лагерь. Не в городе, а в самом аббатстве, тоже мужском, кстати говоря.

Позднее мы с вами ещё вернёмся туда и увидим, что эти два дня Жанна потратила не зря.

В городе и в аббатстве Жанна появилась в сопровождении только двух своих спутников. Куда она отправила остальных? Зачем? Что они делали эти несколько дней? Это остаётся тайной. Может, всё дело в следующей загадке: а когда именно Жанна прибыла-таки в Шинон?

Уже упомянутые выше Бертран Пуланжи и Жан из Меца, опрошенные отдельно друг от друга, называют дату прибытия Жанны в Шинон – 23 февраля. И сама Жанна называла её на суде, а вот «Хроники царствования Карла Седьмого» и записки его секретаря Алена Шартье указывают, что Жанна появилась в Шиноне только 6 марта. Девять дней разницы!

Что это? Чья-то ошибка в датировке? Память кого-то подвела или переписчик ошибся? Или Жанне и её телохранителям хочется скрыть, что и где они делали в эти девять дней между

23 февраля и 6 марта? Не знаю. Но как бы то ни было, а перед самым Шиноном отряд Жанны вдруг рассыпается по округе, чтобы вновь собраться, когда Жанна по известным только ей признакам определит: время встречи с дофином пришло. И она едет в Шинон.

23 ли февраля, или 6 марта однако Жанна во главе своего небольшого, но уже спаянного испытаниями отряда прибывает в Шинон около полудня, и вечером её приняли при дворе.

ГЛАВА 2. ПРИ ДВОРЕ

Чтобы от слов «при дворе» у вас не возникло в воображении нечто вроде Версаля времён Людовика XIV, полагаю, стоит немного рассказать, что же это был за «двор».

По сути дела, это был кочевой табор. В постоянном страхе, ежедневно ожидая вторжения англичан или бургундцев, дофин Карл всё время перемещался по своим землям из замка в замок. Зимой он откочёвывал на юг, а когда становилось теплее – переезжал ближе к Луаре. Как половцы, право слово!

В этом году Карл выбрал для своего летнего «кочевья» Шинон.

Тоскливая безнадёга и ожидание близкого конца, царящие в королевском доме, стали чуть ли не физически ощутимыми после того как англичане, начав новое наступление, захватили все города по течению Луары за исключением Орлеана. Поэтому двор, и раньше не склонный к строгости нравов и благочестию, теперь погрузился в нескончаемые оргии и вакханалии. Пьянство, азартные игры, самый грубый и самый утончённый разврат – вот что творилось при дворе дофина круглосуточно.

Придворные, даже очень знатные, не гнушались выезжать на самый банальный грабёж округи, когда у них заканчивались деньги. Они бы, конечно, и в казну залезли, но в ней-то было пусто.

Дофин, не имеющий возможности, разумеется, выходить на большую дорогу, жил в царственной нищете. Даже колыбель для своего первенца он был вынужден просить в долг.

А буквально перед приездом Жанны и вовсе случилось нечто, ни на что в истории Франции более не похожее. Сапожник отобрал у короля сапоги! За долги. Ну ладно, не у короля – у дофина. Но всё же.

История сохранила имя отважного сапожника – мэтр Жак. Он сшил королю сапоги. Ждал-ждал оплаты, а её нет. Тогда Жак пришёл в замок, почтительно поклонился Карлу, забрал сапоги, завернул их в рогожу, ещё раз почтительно поклонился и ушёл.

Так что Жанну дофин Карл встречал в сапогах, которые дал ему на время архиепископ Реймский Реньо де Шартр. Прямо скажем, что со стороны архиепископа было очень благородным поступком – дать Карлу поносить сапоги. Ведь ещё совсем недавно Карлу пришлось выкупать архиепископа из плена.

Нет-нет, в плен почтенного клирика захватили не англичане и не бургундцы. Свои! Артур де Ришмон – коннетабль Франции (это нечто вроде министра обороны) взял да и приказал схватить его и бросить в темницу. Наверно, деньги не поделили. Де Шартр – он же не только архиепископ Реймский был, но ещё и канцлер Франции. В этой должности он где-то и перешёл дорожку коннетаблю. И Карл был вынужден выкупать канцлера у своего же коннетабля, который после этого стал фактическим правителем того, что осталось от Франции.

Но ненадолго…

В том змеином клубке, что представлял собой тогда двор, расслабляться нельзя было ни на минуту. Де Ришмон имел неосторожность позволить себе это, и возмездие не заставило себя ждать. Артур де Ришмон приблизил к себе некого Жоржа де Ла Треймуля. Ну а тот, осмотревшись и освоившись, втёрся в доверие к дофину и архиепископу. Потом эта троица совместными усилиями низвергла всемогущего коннетабля и отправила его в изгнание. Коннетаблем стал Жорж де Ла Треймуль.

Правда, эта победа не обошлась без потерь. Вместе с низвергнутым коннетаблем ушли и его воины, а это полторы тысячи закалённых в боях рубак. Так что дофин лишился воинов, как после хорошей битвы.

Всего через пару месяцев, когда Жанна, овеянная славой орлеанской победы, будет обладать огромной властью, она вернёт Артура де Ришмона вместе с его отрядом и приблизит бывшего коннетабля к себе. Это, разумеется, не добавило любви к Жанне среди приближённых дофина.

Ну а что же сам дофин? Что представлял собой этот человек?

К моменту встречи с Жанной Карлу исполнилось двадцать шесть лет. Это был очень хилый человек с неуверенной, крадущейся походкой и затравленным, бегающим взглядом.

Двенадцатый ребёнок сумасшедшего отца и распутной матери – Карл был даже не уверен в законности собственного рождения, а не то что в законности его притязания на престол. Он был скрытен, лжив, коварен, недоверчив, но очень хорошо образован. Великолепно знал несколько языков, историю и географию. Вот только в тот момент меньше всего Франция нуждалась в историке и географе на престоле. Нужен был воин, а воином-то Карл и не был.

В истории есть традиционное представление о первой встрече Жанны с дофином. Сцена эта настолько яркая и красивая, что перекочевала без малейших изменений из исторических трудов на страницы художественной литературы и киноэкраны. И, право слово, она того стоит. Напомним её вкратце.

Для встречи Жанны в залитом светом факелов и свечей тронном зале Шинона собрались все придворные числом несколько сотен человек. Сам же Карл, желая испытать Деву, скрылся среди толпы. На трон посадили подставную фигуру.

Жанна, войдя в зал, ничуть не смутилась видом роскошно одетой, знатной толпы и сразу поняла, что сидящий на троне человек – не тот. Услышав предложение найти дофина самостоятельно, Жанна, поискав глазами среди придворных, уверенно указала на Карла, чем привела в восторг, смешанный со страхом, как самого Карла, так и его приближённых.

Но так ли всё было на самом деле? Например, в так называемой «Чёрной книге» Жанна просит показать ей дофина. К ней дважды выводят подставное лицо, и дважды Жанна отвергает его. На третий раз вышел дофин, и Жанна сразу же его узнала.

А вот присутствовавшие при встрече камергер и медик дают нам совсем иную картину. Их показания очень кратки.

Камергер Рауль де Гокур: *«Я находился в Шиноне, когда она прибыла туда, и видел, как она предстала перед Его Королевским Величеством и советом. Я слышал её слова: «Светлейший сеньор дофин, меня послал Бог, дабы помочь вам и вашему королевству». Увидев и выслушав её, король, чтобы лучше быть осведомлённым о том, кто она такая, распорядился передать её под надзор Гильома Белье, своего дворецкого, бальи Труа и моего наместника в Шиноне, чья супруга была известна своим благочестием. Затем он повелел, чтобы Жанну обследовали клирики, прелаты и доктора, дабы выяснить, должно ли и можно ли верить тому, что она говорит»*.

Медик Реньо Тьерри: *«Я видел Жанну, когда она предстала перед королём в Шиноне, и слышал, как она сказала, что её послал Бог к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс для коронации и миропомазания»*.

Вот и всё. Куда-то исчезает и тронный зал, забитый придворной знатью, и дофин, прячущийся среди толпы.

А появляется просто деловое заседание Королевского совета, в котором всего-то-навсего десяток человек. И дофин никуда не прячется, да и Жанне, чтобы опознать Карла среди десятка седовласых советников, совсем не требуется ни особая проницательность, ни помощь свыше. Это, конечно, если бы вообще, вопреки всякому этикету, Жанну не представили дофину, чем сразу же ясно указали самой Жанне на то, кто здесь кто. А её, надо полагать, всё же представили.

Так что всё было, как видим, намного скучнее, деловитее и проще. Да и, действительно, мыслимое ли дело, чтобы дофин, теряя остатки своего авторитета среди придворных, вдруг стал бы трусливо прятаться от какой-то девчонки? Зачем это ему? Устроить испытание Жанне? Дескать, если её и правда Бог послал, то она, конечно, укажет на короля, где бы он ни скрылся. Но ведь решись Карл и впрямь на такое, это было бы испытание не столько Жанне, сколько самому Карлу. А ну как Жанна ошибётся и впрямь примет подставку за дофина? Что скажут окружающие? Что это подставная Дева, мошенница и проходимка, раз не смогла различить настоящего короля? А может, они скажут совсем наоборот? Скажут, что король не настоящий и действительно не имеет никаких прав на престол, раз даже Дева не указала на него.

Ну и зачем это всё Карлу было бы надо? Незачем. Этого и не было. А было вот что. Карл принял Жанну там, где и должно принимать подобных гостей, на заседании Королевского совета. Он никуда не прятался и не пытался вводить Жанну в заблуждение. Состоялся короткий, как и положено при первой аудиенции, разговор, и дофин распорядился начать расследование данного дела.

Скучновато, зато правдиво.

Хотя постойте! Мы совсем забыли ещё про одного свидетеля. Да про какого! Про саму

Жанну! Ведь она тоже рассказывала на суде о своей первой встрече с дофином. Ну и как же было дело, со слов Жанны?

«Когда я вошла в комнату, где находился король, то сказала ему, что хотела бы пойти на войну с англичанами».

Всё!

На вопрос, как же она узнала короля, Жанна ответила так, как обычно отвечала на вопросы суда: *«Я не помню»*.

ИНТЕРЛЮДИЯ 1. О ПРОРОЧЕСТВАХ И ДЕВЕ НА БЕЛОМ КОНЕ

«Разве вы не слышали пророчество, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой из пределов Лотарингии?» – так сказала мне Жаннетта, и я вспомнила это и было поражена. После этого я и многие другие поверили в неё» – это говорила Екатерина Ле Рое о своём разговоре с Жанной.

«Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой?» – спрашивает Жанна у Бодекура.

«Разве вы не слышали пророчества…» – многие свидетели вспоминают, что во время первой встречи с ними Жанна именно этими словами начинала беседу.

Да, слышали, слышали!

Действительно, за несколько лет до появления Жанны на кровавой сцене Столетней войны пророчество «Женщина погубила – Дева спасёт» начинает из уст в уста ходить по всей Франции.

В другом варианте пророчество звучит так: *«Се Дева грядет по спинам лучников»*.

Или иначе:

«Дева выйдет из дубового леса и проскачет на белом коне по спинам лучников».

Как видим, пророчество несколько туманно, но враг Девы указан максимально ясно – лучники, основная сила английской армии.

Пророчество это приписывают не христианскому святому, а колдуну Мерлину, жившему, по легендам, в IV–V веках в Шотландии. Но Мерлин, персонаж героических баллад, – больше для простонародья.

А требуется, чтобы все слои населения пророчеством прониклись.

Поэтому среди интеллектуалов тогдашней Франции пророчество ходит за более авторитетным для них авторством Беды Достопочтенного, англо-саксонского философа и провидца, жившего в конце VII века. В таком варианте оно звучит несколько по-другому:

«Из дубового леса выйдет Дева и принесёт бальзам для ран. Она возьмёт крепости и своим дыханием иссушит источники зла. Она прольёт слёзы жалости, и острова наполнятся ужасным криком. Она будет убита оленем с десятью рогами, четыре из которых будут нести золотые короны, а шесть других превратятся в рога буйвола и произведут небывалый шум на Британских островах. Тогда придёт в движение Датский лес и вскрикнет человеческим голосом: «Приди, Камбрия, и присоедини к себе Корнуэлл!».

Хорошо написано, не правда ли? Всё так грозно и туманно, но в то же время и про Деву, и про Британские острова, которые из-за Девы наполнятся ужасным криком, сказано вполне определённо, без всяких туманов. В последнем предложении упоминается некая Камбрия. По понятиям тех времён – это местность, откуда франки пришли в Галлию (теперешнюю Францию). Ну а Корнуэлл – это Англия. Хорош призыв к захвату Англии. Очень уместный, когда англичане в Париже и под Орлеаном.

Пророчества эти тем быстрее ходили из уст в уста и тем сильнее ложились французам на душу, чем хуже у них были дела. К моменту появления Жанны они как раз шли хуже некуда. Наверно, поэтому спасителем Франции в пророчестве выступает не мужчина – рыцарь, а девушка. Кто-то очень хорошо учёл глубокое разочарование французов в своих мужчинах-защитниках. В то, что мужчина спасёт Францию, уже не поверила бы ни одна живая душа, сколько ни запускай пророчеств. Все были уверены, что спасти Францию может только чудо. Народ жаждал чуда и поверить в него мог только в том случае, если совершать его будет персонаж воистину чудесный – обычная девушка с необычными способностями.

Англичанам, конечно, эти пророчества тоже были прекрасно известны. И весьма их смущали и тревожили. Англичане-то ведь были такие же средневековые люди, как и французы, а значит, более чем охотно верили всяким предсказаниям. Тем более – предсказаниям своего достопочтенного земляка Мерлина. Легко представить, что начало твориться в британских умах и сердцах, когда они узнали – Дева из пророчества явилась во плоти!

Забегая вперёд, скажу, когда Жанна во главе армии пойдёт на Орлеан, за сутки до её появления под стенами города чья-то заботливая рука приколет бумагу с пророчеством Мерлина на стену комнаты одного из старших английских командиров сэра Вильяма Гласдейла. А то вдруг он забыл?

А ведь Дева на белом коне уже однажды спасала Францию. И не только спасала, но и в известной степени создавала эту страну. Для того чтобы посмотреть, как было дело, нам придётся перенестись в V век, в Париж. Вернее, не в Париж, а в галльский город, названный римлянами Лютеция (в переводе с латыни на русский – «грязный» или «помойка»), которому вот-вот предстояло стать Парижем.

И мы увидим Деву, спасшую город. Её звали Женевьева. Она родилась в 422 году неподалёку от Лютеции в семье христиан. А тогда в Галлии христианство не так чтоб уж очень сильно распространено было. И быть христианином было не очень-то безопасно, могли убить за веру. Поэтому христианами становились люди, всей душой уверовавшие в Христа. Родители Женевьевы такими и были. А дочь у них выросла ещё более беззаветно преданная христианскому учению, чем они сами.

Отбросим всё то чудесное и сверхъестественное, что нагородили про Женевьеву в её житии. Пламенная, фанатичная девочка, которую по обычаю тех времён креститься научили раньше, чем пользоваться ложкой, достигнув четырнадцати лет, то есть обычного (и даже несколько позднего) для тех времён возраста вступления в брак, предпочитает стать невестой Христовой. То есть монахиней. В то время, хотя монастыри и существовали уже в Галлии, большинство монахов жили в миру, проповедью и личным примером показывая окружающим образец правильной жизни.

Вскоре Женевьева осиротела. Её родителей унесла какая-то эпидемия. Обычнейшее дело в Средние века. Девушка переселяется в Лютецию к своей крёстной матери. И тут её настигает тяжёлая болезнь. Окружающие уже решили, что она не жилец. Однако Женевьева поправилась. И стала всем рассказывать, что её спасли ангелы, которые заодно и устроили ей экскурсию по раю. Всё это Женевьева описывала в самых красочных подробностях. Но её рассказы, а также праведная жизнь и длительные молитвы вызвали у жителей Лютеции не благоговейные, а самые отрицательные чувства.

Женевьеву называли лгуньей, притворщицей и лицемеркой. Очевидно, тогдашним парижанам, верней лютецианам, было про Женевьеву известно что-то такое, что до нас хроники и жития постеснялись донести.

Однако епископ Галлии Герман (впоследствии причисленный к лику святых), услышав о Женевьеве, решил, что в столь тёмном для христианства месте, которое являла собой тогдашняя Галлия, такая девушка – просто дар божий. И с его благословения церковь приступает, как бы мы сейчас сказали, к «раскрутке» Женевьевы.

Епископ прибывает в Лютецию, встречается с Женевьевой, оказывает ей при встрече необыкновенное почтение. А во всех галльских церквях священники провозглашают, что всё виденное Женевьевой в болезненной горячке – святая правда, а сама Женевьева – Избранница Господня.

Отношение к Женевьеве, особенно среди женской части населения, резко меняется в положительную сторону. Все уверовали, что эта девушка побывала в раю и беседовала с ангелами. Но и Женевьева окончательно уверовала в реальность своих видений.

Вскоре эта вера подверглась очень серьёзному испытанию. В Галлию вторглись орды Атиллы. Круша, убивая и сжигая всё на своём пути, они рвались к Орлеану. На пути у них стояла Лютеция.

Опасность была столь очевидна и страшна, а сопротивление казалось столь бессмысленным, что городские вожди на совете решили бросить Лютецию и бежать всем городом в отдалённые места.

И тут на заседание совета ворвалась Женевьева. Она принялась уговаривать не бежать и не сдавать город. Говорила: глас Божий поведал ей о том, что если жители не бросят город, а решат драться, то Господь отведёт от Лютеции беду. А если, дескать, горожане голосов Женевьевы не послушают и начнут эвакуацию, то Лютеция-то всё равно уцелеет (раз Господь так решил, то это не обсуждается), а вот все бежавшие погибнут.

Всё это звучало так дико и нелепо, что в обычное время могло бы насмешить, а в той обстановке страшной опасности вызвало гнев.

Женевьеву решили казнить, чтобы от дел не отвлекала. Девушку выволокли во двор, обнажили мечи, но тут в события вмешался священник Седулиус. Потрясая крестом, он кричал, чтобы

никто не смел трогать божью избранницу. Смущённые этим зрелищем, отцы города отпустили Женевьеву, но от планов бросить город и бежать куда подальше не отказались.

А Женевьева, сев на белого коня, стала объезжать городские улочки, будоража население и призывая его к борьбе. Горячо откликнулась на её призыв женская часть Лютеции. Женщины насели на своих мужей с требованием идти на стены и драться. Очевидно, жёны были страшней Атиллы, потому что мужики дрогнули и предпочли иметь дело с разъярёнными гуннами, а не с разъярёнными бабами. Проклиная всё на свете, мужики изготовились к обороне. Причём им было вполне очевидно, что оборона продлится в лучшем случае полчаса и ничем хорошим не завершится.

Атилла подошёл к городу. Соотношение сил было таким: примерно одна тысяча со стороны обороняющихся и пара сотен тысяч со стороны гуннов. Положение обороняющихся несколько улучшал тот факт, что весь тогдашний Париж полностью умещался на одном острове. В окружении реки защищаться, конечно, легче. Но всё равно дело шло к тому, что сейчас гунны Лютецию попросту затопчут, причём большинство её даже и не заметит.

Чтобы напомнить Богу о его обещании, Женевьева начала страстно молиться и призвала к этому делу всех не занятых на стенах жителей города. Впрочем, и без её призывов молебны шли во всех парижских церквях.

И, вы не поверите, чудо всё-таки свершилось! Постояв полдня под стенами Лютеции, гунны вдруг снялись и двинулись на юг в обход города. Город был спасён!

Ясно, что у такого поведения Атиллы есть вполне материалистическая причина. Вот она: в лагерь гуннов пришли посланцы от вождя аланских племён Сангибана, что имел владения около Орлеана. (Да-да, город будущей славы Жанны тогда уже существовал.) Сангибан обещал Атилле сдать Орлеан, но просил поторопиться. Дескать, городские власти что-то подозревают и могут помешать Сангибану сдать город Атилле без боя. Так как Атилле эта островная помойка, вполне заслуженно носившая в те времена имя Лютеция, в принципе даром была не нужна, а нужен ему был как раз Орлеан с его мостами через широкую и глубоководную Луару, то он быстренько поднял орду и двинулся на юг. Так это было.

Но жители Лютеции всего этого не знали! Для них было явно одно – чудо, обещанное Женевьевой, свершилось! Дева на белом коне спасла город! После этого Женевьеву при жизни принялись почитать как святую.

А ведь это ещё не конец истории про Деву, спасшую страну, а самое её начало. Прошло тридцать лет. Молодой король франков (так называлось объединение германских племён, вторгшихся в Галлию и захвативших её северную часть) по имени Хлодвиг решил овладеть Галлией, выбив оттуда остатки римлян. В 486 году его войска подступают под стены Парижа. Собственно, Парижем его как раз франки и назвали. Жили там в основном паризии – кельтское племя, по их имени и прозвали франки это место: Город паризиев, или, для краткости, Париж.

В своё время отец Хлодвига, король Хильдерик, несколько лет осаждал Париж, но сумел только взять и разграбить западную окраину этого уже сильно разросшегося со времён Атиллы города.

Хлодвиг решил овладеть Парижем во что бы то ни стало. Осада длилась четыре года. И снова – Женевьева!

Однажды, в период особо тяжкого положения с продовольствием в осаждённом городе, она каким-то образом умудрилась лично провести по реке в Париж караван судов с продовольствием.

Нечто похожее совершит позднее Жанна в Орлеане.

Так Женевьева второй раз спасла Париж.

В третий раз она его спасла на четвёртом году осады. Силы парижан были на исходе. Падение города ожидалось со дня на день, с неизбежной резнёй. Женевьева отправилась на переговоры к Хлодвигу и сумела убедить его не разрушать Париж, а принять капитуляцию на максимально почётных и безболезненных для горожан условиях. Хлодвиг не просто пощадил город, он сделал его своей столицей, что, разумеется, самым благотворным образом сказалось на развитии Парижа.

Поселившись в Париже, Хлодвиг быстро попал под влияние Женевьевы и по её настоянию, а также под воздействием своей жены-христианки крестился сам и крестил всю свою дружину. То есть Хлодвиг сыграл для Франции ту же самую роль, что и для Руси Владимир Святой.

Франция стала первой христианской страной в Западной Европе. И вклад в это Женевьевы

переоценить невозможно. До самой своей смерти Женевьева была духовным советником власть имущих и воспитателем народа. Примерно так же, как на Руси Сергий Радонежский.

После смерти Женевьева была причислена к лику святых. Причём она святая не только католической, но и православной церкви. И поныне она считается покровительницей Парижа.

Как видим, Дева на белом коне, посланница Божия, уже спасала Францию. В мифологической форме знали об этом все французы. И народное сознание перенесло прошлые события в ожидаемое будущее. Так и пошли, всё ширясь, в народной толще слухи, скоро переросшие в страстное ожидание явления Девы-спасительницы. Вера в её скорый приход становилась всё истовей и истовей. К моменту появления Жанны подробный образ грандиозного спектакля под названием «Дева спасает Францию» уже сложился в умах и французов, и, что не менее важно, англичан. Оставалось ждать исполнительницу главной роли. И вот она, гениальная исполнительница, предстала перед народом!

ГЛАВА 3. АПОСТОЛЫ СВЯТОЙ ВЕДЬМЫ

Пока Франция полнится слухами о явившейся Деве, сама Дева обживается в Шиноне. Она хоть и досадует на задержку в исполнении своих планов, но время зря не теряет. Обзаводится полезными знакомствами и… молится. Молится много и долго. Публично и у себя, в закрытой комнате.

И как молится! Она впадает в странное оцепенение, полностью отключается от внешнего мира, бледнеет, как покойница, непрерывно еле слышно шепчет молитвенные слова, а из глаз катятся слёзы.

Однажды паж по имени Луи де Конт, приставленный Карлом для услуг к Жанне, принёс ужин к ней в комнату. Он увидел, что Дева стоит на коленях перед распятием. Белая, как мраморная статуя, и такая же неподвижная, только губы слегка шевелились. Испуганный паж несколько раз окликнул Жанну. Та не реагировала. Тогда Луи подошёл к ней и сильно ущипнул несколько раз. Только после этого паж с облегчением увидел, что щёки Жанны порозовели, она очнулась и стала осматриваться, как после глубокого сна. Ужин показался ей слишком роскошным. Жанна съела только одну сушёную сливу, варёный рыбий хвост, кусок хлеба и выпила кружку простой воды.

Остальную еду она велела вынести на улицу и раздать бедным.

И так Жанна поступает постоянно. Она вообще ест очень мало и пьёт только воду, иногда чуть-чуть заправленную вином. То есть – виноградный сок.

Слухи о необычном благочестии и молитвенном прилежании укрепляют веру в то, что Жанна и есть так долго ожидаемая Дева-спасительница. В Шинон начинают толпами стекаться паломники, желая хоть краем глаза увидеть эту чудесную девушку.

Но при всём при этом в Шиноне нашлись люди, которые не верили Жанне и относились к ней с плохо скрываемой неприязнью. Это видный член Королевского совета уже знакомый нам коннетабль Франции де Ла Тремуйль. Фактический правитель «Буржского королевства». Против Жанны он борется потому, что… боится её.

Боится всё более и более возрастающего влияния этой девушки на дофина. Ревнует, видя, как всё больше и больше придворных, почувствовав в Жанне восходящую звезду двора, ищут с ней встречи, заискивают перед ней, выпрашивая милостивой улыбки или хотя бы благосклонного взгляда. И Ла Треймуль постоянно выступает на Королевском совете против того, чтобы доверить Жанне войско.

Он поставил под сомнение даже пол Жанны. Все женщины болтливы, а Жанна говорит очень мало и лаконично. Значит, она не женщина, уверяет этот знаток женской психологии.

Столкнувшись с таким заявлением, члены Совета решают: уж что-что, а вопросы пола и девственности они могут выяснить и своими силами. С этой целью назначен осмотр Жанны благочестивыми женщинами. 9 марта Жанну осматривают акушерка мадам де Гокур и герцогиня де Левансон. Как сказано в протоколе осмотра, оные дамы *«видели всё, что в таких случаях нужно видеть, и установили, что ни пол, ни девственность Жанны Девы сомнению не подлежат»*.

А Жанна тем временем продолжает изумлять окружающих. Она демонстрирует немалую осведомлённость в науках. Современник вспоминает: *«У всех создалось впечатление, что эта девушка воспитывалась не в полях, а в тесной связи с науками»*.

Жанна демонстрирует и прекрасное владение конём и оружием. Она уверенно побеждает в рыцарском состязании «Кольцо». Суть состя-

зания в том, чтобы на полном скаку тяжёлым копьём поддеть и сорвать со столба небольшое кольцо. Не у всех это получалось – Жанна справляется с первого раза!

Тогда же она обзаводится и высокородными сподвижниками. Первым из них был герцог Жан Алансонский. Ему всего двадцать лет. Но пережил и повидал он уже немало. Его отец пал в битве при Азенкуре, когда Жану было всего шесть лет. Тогда он унаследовал отцовский титул и отцовскую ненависть к Англии.

В 1424 году, когда Жану было всего пятнадцать лет, он уже бился с англичанами в сражении при Вернёе. Там он попал в плен и содержался заточённым в башню одного из замков целых пять лет, вплоть до 1429 года, когда за него, наконец, заплатили огромный выкуп. Этот выкуп принёс герцогу свободу, но совершенно его разорил. Придворные шутники, состязаясь в остроумии, даже спорили, кто во Франции самый бедный: герцог Алансонский или дофин Карл?

Позднее Алансон оставит воспоминание о Жанне. Их знакомство описано так. Алансон как раз вернулся из плена и приехал ко двору дофина, где был представлен Жанне. Та улыбнулась, слегка поклонилась, величественным жестом протянула герцогу руку для поцелуя и сказала: *«Добро пожаловать, господин герцог. Чем больше рыцарей королевской крови соберётся, тем лучше».*

«Как будто королева принимает своего подданного, которому она оказывает благоволение…»

С этого мгновения Алансон целиком и полностью попал под чары Жанны и находился в их плену до самой своей смерти.

Алансон целые дни проводит рядом с Девой. Она относится к нему благосклонно и называет всегда «мой прекрасный герцог». Он везёт Жанну в родовой замок Сен-Флоран, где представляет её своей матери и жене.

Увидев, что мать очень переживает за судьбу сына, только-только вернувшегося из долгого плена и тут же собравшегося в новый поход, Жанна говорит герцогине: *«Не бойтесь, мадам, я привезу его к Вам в том же виде, как он сейчас стоит перед Вами, а может быть, и ещё здоровее»*.

После этих слов герцогиня Алансонская, особа королевской крови, опускается перед Жанной на колени и осыпает её руки поцелуями. Алансон вспоминает, что Жанна приняла это *«просто и величественно. Как должное и привычное»*.

После смерти Жанны Алансон оставил королевскую армию и начал свою частную войну с англичанами в Нормандии.

В 1439 году во Франции вспыхивает восстание протестантов против короля, получившее название «Прагерия». Его так назвали в честь чешской столицы Праги, где тогда как раз бушевали гуситские войны. Среди восставших мы видим и Алансона. Каким-то образом он стал протестантом.

Восстание было быстро разгромлено, а его участники прощены.

Но злобу на них король Карл VII всё же затаил. И ждал шестнадцать лет, чтобы отомстить. В 1456 году начались аресты бывших участников Прагерии. Так Алансон оказался в тюрьме. Его приговорили к смерти, но заменили казнь тюремным заточением. В тюрьме Алансон провёл двадцать лет и скончался в 1476 году.

Ну а мы давайте-ка вернёмся в Шинон 1429 года. Там у Жанны появляется ещё один апостол. Это Жиль де Ре. Наверное, самая яркая фигура в окружении Девы. Дело в том, что, как, по крайней мере, считалось долгое время, Жиль де Ре – самый страшный маньяк-убийца в истории человечества. Именно он – знаменитая Синяя Борода.

Жилю де Ре – двадцать пять лет. Он один из богатейших людей при дворе дофина. Лучший фехтовальщик и наездник Франции. И самый красивый её рыцарь. С такими-то данными Жиль мог вести жизнь, полную разнообразных удовольствий. Но он чурается их. Не участвует в пирах, охотах и оргиях. Сторонится женщин и вполне верен своей молодой супруге Катрин де Туар. Кстати – его двоюродной сестре.

Внешне жизнь чиста и непорочна. Но недаром у криминалистов есть присловье, что людей, ведущих непорочный образ жизни, надо опасаться. И держаться от них подальше.

Вместо участия в оргиях Жиль целые дни проводил за чтением древних манускриптов, исследуя их со страстью учёного-монаха. Сам писал трактаты и очень неплохо рисовал миниатюры.

Он регулярно исповедовался, но почему-то каждый раз выбирал разные города и разных священников. Не было ни одного священника, который мог бы сказать, что исповедовал Жиля дважды.

Он посещал мессы, но только в том случае, если ожидалось красивое пение хора. Кажется, он рассматривал церковное богослужение как вид оперы и не желал принимать в нём участие, если «труппа» его не устраивала.

При первой же встрече с Жанной он почувствовал, как и многие другие, что «в этой девушке что-то есть». И это «что-то» околдовало и пленило его.

Однажды он бросился перед ней на колени и страстно сказал: *«Дева Жанна, я верю, что ты разговариваешь с духами и слышишь их голоса, к которым глухи мои уши. Пролей же на меня, недостойного, сияние своей благодати, ибо я готов отдать всё моё богатство, чтобы получить то, что даётся тебе без труда»*.

Жанна строго приказала ему встать и отныне преклонять колени только на молитве. И сказала: *«Ах, если бы больше было таких же уверовавших, как ты, сколь быстрее пошли бы наши дела»*.

И Жиль уверовал! Уверовал в Жанну так, как, наверное, никогда не верил в Бога. Трудно во всей истории человечества найти такую преданность кому-то, какова была преданность Жиля де Ре Жанне. Он единственный, кто по-настоящему пытался спасти её из плена. И не успел лишь чуть-чуть. После смерти Жанны Жиль де Ре значительную часть своего состояния потратил на увековечивание и возвеличивание её имени. Он заказал множество портретов Жанны и развешал их в своём замке. На деньги Жиля де Ре была написана и поставлена знаменитая «Орлеанская мистерия», повествующая о жизни Жанны. И в течение десяти лет, до самого своего ареста, он оплачивал постановки «Орлеанской мистерии» в различных театрах Франции и остальной Европы.

После гибели Жанны Жиль де Ре покидает и королевский двор, и королевскую армию. В войне он больше не участвует. Скорее всего, не мог простить Карлу предательства Жанны.

Он поселился в своём родовом замке Тиффож и жил как самодержавный король. У него своя армия из двухсот тяжеловооружённых всадников. Своя церковь, при которой служат несколько десятков священников. Он даже ведёт свои частные войны. То, что Франция продолжает воевать с англичанами, маршала Франции Жиля де Ре не смущает, и он устраивает внутреннюю войну с соседом, неким де Буэлем. Стоит ли говорить, что таким поведением Жиль де Ре никак не снискал себе любви народной и уважения при дворе. Впрочем, это его не интересует. Он со всей страстью углубляется в своё любимое занятие, поиски путей в мир сверхъестественного. Жиль всё ещё мечтает общаться с духами.

В его замке всё чаще появляются различные маги, алхимики, гадатели. Получая от хозяина щедрое финансирование, эти мистики ищут для него то философский камень, то эликсир вечной молодости.

Всё это, разумеется, безрезультатно, но, в общем-то, безобидно.

Ужас в замке Тиффож поселяется, когда в 1439 году в нём появляется монах-францисканец Франческо Прелати. Некромант. Если прежние маги и экстрасенсы, работавшие на Жиля де Ре, были всё-таки католиками, то Прелати в открытую заявляет, что он колдун и имеет в услужении некого демона по имени Баррон. Через этого демона, уверяет Прелати, он общается с миром мёртвых и повелевает ими.

Жиль де Ре просит монаха познакомить его с демоном. Не знаю, как это выглядело, но Прелати устраивает сеанс вызова демона. И Жиль радостно убеждается – это то, что он искал многие годы.

Вот только демон хочет крови. Человеческой крови. И не любой, а детской.

29 июля 1440 года супруги Эйсе подают в канцелярию епископа Нантского Жана де Малеструа заявление о пропаже своего десятилетнего сына. С этого дня и начинает распутываться кровавый клубок преступлений, творившихся целый год в замке Жиля де Ре.

Епископ, приступив к следствию, сразу же выясняет, что последний раз мальчика видели входящим в замок Жиля де Ре. Разумеется, епископ был давно осведомлён о том, что маршал Франции занимается чёрной магией, но как-то закрывал на это глаза. Странная пропажа мальчика заставила его насторожиться. Он повелел узнать, не происходили ли в этой местности ещё исчезновения детей. Оказалось, что происходили. Причём всё лежало на поверхности. Менее чем за сутки служащие канцелярии добыли епископу сведения о ещё как минимум девяти случаях исчезновения детей в районе замка Тиффож. Крайне встревоженный полученной информацией епископ обращается к местному главе инквизиции Жану Блуэну. Начинается тайный сыск. Люди инквизиции вербуют слуг Жиля де Ре. Информа-

ция, полученная от осведомителей, ошеломила даже привыкших ко многому инквизиторов.

Вот что сообщили тайные агенты: *«Жиль де Ре и его сообщники брали невинных мальчиков и девочек и бесчеловечно забивали их, убивали, расчленяли, сжигали и подвергали всяким пыткам, а вышеупомянутый Жиль, обвиняемый, приносил тела упомянутых невинных детей дьяволам, призывал и заклинал злых духов и предавался гнусному содомскому греху с маленькими мальчиками и противоестественно удовлетворял свою похоть с молоденькими девочками, отвергая естественный способ копуляции, когда невинные мальчики и девочки были живы, а иногда и мертвы или даже во время их смертных судорог»*.

13 сентября 1440 года Жиль де Ре был арестован. Чуть позже арестованы и его сообщники. Ими были несколько главных колдунов, два телохранителя, молодые парни Гриар и Кориньо и женщина, некая бабка Меффрэ, ответственная за поставку Жилю де Ре детей для чёрных месс. Всего было собрано более ста свидетелей преступлений Жиля де Ре. Сам барон долго запирался, отказываясь признавать преступления, но под угрозой пытки наконец заговорил.

Его показания не вполне устроили судей, и 22 октября маршал Франции и его колдуны были всё-таки подвержены пытке. После чего Жиль де Ре окончательно раскаялся и признал себя виновным в убийстве восьмисот детей. Он извинялся перед родственниками убитых детей и просил молиться за него.

Однако в средневековой Франции признание совсем не считалось достаточным доказательством для вынесения приговора. Поэтому, несмотря на признание Жиля де Ре, суд не счёл возможным вменить ему убийство восьмисот детей и назвал доказанным только убийство ста пятидесяти детей.

За это преступление, а также за занятия чёрной магией, договоры с дьяволом и нечистыми духами Жиль де Ре был приговорён к сожжению на костре. Вместе с ним к такой же казни были приговорены и его ближайшие слуги.

Суд призывал всех честных католиков молиться за обвиняемых.

Жиля де Ре и его сообщников казнили 26 октября 1440 года в городе Нант. Так как Жиль раскаялся в своих грехах, перед сожжением его задушили на глазах огромной толпы зрителей. Тело тоже не сожгли дотла. Ему дали немного обгореть, затем палач сдёрнул мёртвого маршала с костра.

Родственники Жиля де Ре наотрез отказались осквернять его прахом фамильный склеп. Христианское милосердие проявил Нантский монастырь кармелиток, дав последний покой останкам маршала Франции и преданнейшего соратника Орлеанской девы.

Жуткая подробность: головы самых красивых своих жертв Жиль де Ре приказывал сохранять и мумифицировать. Таков был второй соратник нашей героини.

Знакомьтесь с третьим: предводитель гасконских наёмников дофина Карла, отчаянный головорез, виртуоз матерщины и богохульства Ла Гир по прозвищу Сатана. Это прозвище он получил за то, что утверждал, дескать, ад ему не страшен, так как он, Ла Гир, уже побывал там и остался доволен тамошним обществом.

Собственно, Ла Гир – это тоже прозвище, на самом деле этого человека звали Этьен де Виньоль. Но этим именем никто его не называл. «Ла Гир» – звали все.

Вообще гасконцев тогдашние французы ненавидели. Эти горцы, буйные как в бою, так и в мирной жизни, вызывали отторжение у окружающих своими грубыми манерами, постоянными поисками ссор и драк, а также своим языком, непонятным для французов и больше похожим на испанский, чем на французский. Банду таких гасконцев и возглавлял Ла Гир. Для своего девиза он придумал такую фразу: *«Королём быть не могу, принцем не хочу – я Ла Гир»*.

Он иногда молился богу, конечно, но молитва у него была только одна, лично им придуманная. Тоже очень оригинальная. *«Господи,* – просил гасконец, – *соверши для Ла Гира то, что Ты хотел бы, чтобы Ла Гир совершил для Тебя, если бы Ты был Ла Гиром, а Ла Гир Господом»*.

Характер у Ла Гира был настолько бешеный, что к нему не решались без крайней надобности даже свои приближаться. Жанна решилась.

После короткой беседы Ла Гир, к величайшему изумлению свидетелей, предусмотрительно державшихся в отдалении, вдруг опустился перед девушкой на одно колено и приложил её руку к своей голове. По-гасконски это означало, что он приносит Жанне вассальную присягу. Жанна приняла его клятву верности, но с условием, что Ла Гир отныне прекратит ругаться и богохульничать.

И свершилось чудо – никто и никогда больше не услышал от Ла Гира ни одного ругательства!

Ла Гир и его гасконцы были авангардом армии Жанны. Они прославились во время битвы под Орлеаном, Луарской компании и битвы при Пате.

К сожалению, незадолго до пленения Жанны Ла Гир сам попал в плен к бургундцам. Иначе он бы наверняка приложил все усилия для высвобождения своего божества из английских лап.

В отличие от де Ре и Алансона Ла Гир не бросил королевскую службу и после гибели Жанны. Он продолжал участвовать в войне, наводя ужас на англичан, от которых получил прозвище Гнев Божий.

Умирал Ла Гир страшно. В 1442 году он был отравлен неизвестным ядом, от которого и скончался в невыносимых муках, разложившись заживо.

Кстати, интересная деталь: в Средние века каждая игральная карта – картинка: король, валет и дама – имела исторических прототипов. Так вот, Ла Гир считался валетом червей. Чтобы было вполне понятно, как высоко оценили Ла Гира создатели игральных карт, назову других валетов, в компании которых оказался сей гасконец. Валет пик – рыцарь Роланд. Валет бубен – Гектор, вождь троянцев, персонаж «Илиады». Валет треф – рыцарь Круглого стола сэр Ланселот.

Вот такие были самые близкие и преданные соратники Жанны. Очень разные, абсолютно не похожие друг на друга, они были объединены той странной силой влияния на людей, которой обладала Жанна.

ИНТЕРЛЮДИЯ 2. ПАСТУШКА ИЗ ДОМРЕМИ?

В старой исторической традиции было принято считать Жанну уроженкой деревеньки Домреми. Особенно нравился этот факт советским историкам. По понятным причинам. Дескать, вышли мы все из народа. Полюбуйтесь, какие огромные силы таятся в простом народе.

Историк Разин в своём труде «История военного искусства» так и пишет: *«…народные массы из своей среды выдвинули народную героиню, девушку из простонародья Жанну д'Арк…».*

Один из виднейших исследователей жизни Жанны д'Арк историк Левандовский пишет о победе под Орлеаном так: *«…эта победа была одержана вопреки воле господ и попов, силами простых людей, мужеством и сметливостью бесстрашной крестьянки…».*

Всё бы ничего, но буквально через страницу в том же труде Левандовский цитирует воспоминания современника о «бесстрашной крестьянке»: *«…по военной части Жанна была очень искусна во всём: верхом ли и в обращении с пикою; в том ли, чтобы собрать армию, распорядиться боем или расположить артиллерию. И всем даже было удивительно видеть в ней искусство и предусмотрительность военачальника, воспитанного двадцати-тридцатилетнею практикою. Но особенно удивлялись необыкновенному её искусству употреблять артиллерию»*.

Как можно написать на соседних страницах две взаимоисключающие вещи, я не знаю. Ведь понятно же, что либо *«мужество и сметливость бесстрашной крестьянки», либо «по военной части Жанна была очень искусна во всём»*. И надо выбирать что-то одно из двух.

Военному делу в Средневековье учили долго. Носить доспехи, управлять боевым конём, владеть мечом и копьём – это сложная наука. Никакая крестьянка, даже очень мужественная, и близко не могла уметь ничего подобного. Именно ввиду своей высокой сложности военное дело в Средневековье было привилегией феодалов, имеющих возможность обучаться с самого детства.

И если Жанна ведёт себя как опытный воин и военачальник, то вывод можно сделать только один – она пришла под Орлеан уже будучи опытным воином и военачальником. А не научилась всему этому по дороге.

Мы не знаем, где и у кого она этому научилась. Наверное, и не узнаем никогда. Зато знаем, что никаких военных школ, в современном смысле этого слова, в те времена не было. Воевать учились в основном на поле боя. А значит, неизбежен и следующий вывод: для Жанны Орлеанская кампания – не первая в жизни. Поэтому не надо искать корни Жанны в деревне Домреми. Там такому не учат.

Жанна выдавала себя за крестьянку – это верно. Но как Жаннетта не могла знать и уметь того, что знала и умела Жанна, так и Жанна не знала того, что должна была знать крестьянка Жаннетта Роме. Например: Жанна упорно называет себя пастушкой. Говорит, что пасла скот в родной деревне.

А вот что показывают на допросе односельчане Жаннетты: *«…живя в отцовском доме, занималась делами по хозяйству, умела ткать и прясть холсты, ходила за плугом, жала, но не пасла ни овец, ни других животных…»*.

Не пасла Жаннетта никакие стада! И это неудивительно. У Домреми очень мало пахотной земли. Поэтому растениеводство там было промыслом вспомогательным, а животноводство – основным. Там, где скот – основной источник дохода, уходом за ним занимаются мужчины, не доверяя это дело ни женщинам, ни детям.

У Домреми росло некое магическое дерево – Дерево фей, как называли его жители деревни. Они исполняли у этого дерева языческие ритуалы: кружились в танцах, вешали на ветви венки из трав и цветов. Такое двоеверие было обычнейшим делом в Средневековье. Разумеется, исполняла языческие ритуалы у Дерева фей и Жаннетта. Более того, она однажды спасла это дерево. Когда местный кюре (священник) решил срубить его, именно Жаннетта пошла к нему и убедила не делать этого.

Когда Жанну на суде спросили, известно ли ей о Дереве фей, или Майском дереве, она ответила: *«Рядом с Домреми много деревьев»*.

Очевидно, что наша Жанна знать не знает ни о каком Дереве фей. Зато явно знает саму Жаннетту Роме. Сверстник Жаннетты и её односельчанин Мишель Лебуен однажды накануне Иванова дня (28 июля) встретил её. И она поведала, что когда ходила в лес, завела очень странное знакомство: *«…встретила в лесу некую деву, которая говорит, что скоро коронует короля Франции»*.

Это была не единственная встреча. Через пару месяцев Жаннетта рассказала Мишелю, что дева постоянно уговаривает её оставить отчий дом и пойти с ней спасать короля.

Но Жаннетта пока колеблется, потому что: *«…как я это смогу, я всего лишь бедная девушка, которая не умеет ездить верхом и не знает, как вести войну…»*.

Однако, похоже, дева из леса не оставляет Жаннетту в покое. Односельчане вспоминают, что в конце 1428 года Жаннетта всё чаще и чаще заговаривала о какой-то тайне, которую она знает. И о том, что, может быть, ей скоро придётся уйти. В январе 1429 года Жаннетта тайком от всех уходит из дома.

Что же это за существо стало в конце 1428 года кружить по лотарингской чаще вокруг забытой богом и людьми деревеньки? Что за дева? Уж не та ли самая, что через несколько дней после исчезновения Жаннетты появилась под её именем в городе Вокулёр?

Один из ведущих советских медиевистов В. И. Райцес пишет: *«Если сравнить рассказы о Жанне её односельчан и рассказы тех, кто видел её в Вокулёре, то может сложиться впечатление, что речь идёт о двух разных людях»*.

Ну, стало быть, это два разных человека и были.

ГЛАВА 4. ЭКЗАМЕНАТОРЫ СВЯТОЙ ВЕДЬМЫ

Между тем примерно через неделю после прибытия Жанны ко двору в Шиноне Королевский совет решил подвергнуть её допросу и испытанию комиссией опытных богословов.

Слово королевскому секретарю, историку и очевидцу событий Алену Шартье: *«Король поступил, как следует мудрому государю. Он решил ни отринуть Деву, ни привлечь прежде, чем не будет выяснено, кто она такая, несёт ли добро или зло, притворство или истину, красоту или уродство. На этом экзамене Дева должна была вступить в поединок с учёнейшими мужами…»*.

Королевским советом было предписано, чтобы эта комиссия тщательно и неторопливо исследовала два вопроса касательно Жанны.

Первое: каково нравственное и физическое здоровье Жанны. Здесь речь шла не только и не столько о новой проверке её девственности, сколько о полном состоянии здоровья Девы. В те времена официально считалось, что болезни и телесные недостатки происходят исключительно из-за человеческих грехов. Следовательно, чем человек здоровей физически, тем он безгрешнее.

Второй вопрос, поставленный перед комиссией, обязывал её достоверно установить, действительно ли у Жанны были пророческие видения и, если они таки были, от Бога или от сатаны они исходят.

Вопрос, конечно, нетривиальный и в наше время мог бы поставить в тупик кого угодно, но в те времена подобные загадки умелые люди щёлкали как орешки. Правда с Жанной выяснить этот вопрос оказалось очень непросто. Если судить совсем строго, то на его выяснение у церкви ушло почти пять веков, в течение которых статус Жанны менялся от посланницы Божией до *«неведомой твари в женском облике»*, ведьмы и еретички, и обратно, до посланницы

Божией и далее – вплоть до канонизированной святой. На чём пока и остановились.

Разумеется, для проведения такого расследования требовались если не самые лучшие, то одни из лучших умов тогдашнего времени.

На территории «Буржского королевства» таковых было в достатке. Они находились в основном в столичном городе Пуатье, который пользовался заслуженной славой второго после Парижа города Франции по уровню развития тогдашней науки.

К тому времени Пуатье уже тысячу лет был резиденцией епископа Реймсского. Там же находились несколько древних аббатств, которые в средневековой Европе выполняли функцию хранителей знаний, и университет. Университет Пуатье и ранее числился в знаменитых, а в то время его репутация ещё упрочилась за счёт нескольких профессоров парижской Сорбонны, бежавших туда от англичан. Таким образом, не составляло труда собрать комиссию из лучших богословов, юристов и медиков.

И такая комиссия была собрана. Правда, некоторые её члены выразили недоумение, что цвет науки собирают ради исследования какой-то крестьянки. Но председатель комиссии, уже известный нам епископ Реймсский, и канцлер Франции Реньо де Шартр, единственный из комиссии видевший эту пастушку в Шиноне и общавшийся с ней, к тому времени уже прекрасно понимал, что Жанна не вполне обычная крестьянка, и успокоил коллег, пообещав, что ни скучно, ни легко им не будет.

А стоит знать, что в любой комиссии, даже когда её члены формально равны, всегда есть члены, которые «равней других». Разумеется, такие были и в комиссии Пуатье.

Ну с её председателем, как уже сказано, мы немного знакомы. Теперь давайте познакомимся с другими наиболее влиятельными лицами. Их было трое. И все личности яркие и интересные. Особенно тот, которого я представлю вам последним. А начнём мы с семидесятилетнего доминиканца, профессора теологии Сегена де Сегена. Сей мэтр был известен далеко за пределами Пуатье строгостью нравов и въедливостью при различных допросах и исповедях. Этот суровый доминиканец часто прогуливался по Пуатье, охотно беседуя с желающими поделиться с ним своими проблемами и испросить жизненного совета. Таковых находилось немало, но Сеген никогда никому из своей паствы в беседе не отказывал. И для каждого находил нужные слова.

Стариков, беседуя, он призывал радоваться, что их пора молодости уже далеко позади и теперь, в почтенной старости, они уже не могут так много грешить, как раньше, а наоборот, теперь им легче вести высокоморальный образ жизни, что, конечно, сильно уменьшит им наказание в потустороннем мире.

Жаловавшимся на жизненные невзгоды и телесные болезни Сеген тоже предлагал радоваться, утверждая, что если в жизни человека вдруг исчезают беды и заботы, значит, Бог забыл о нём. А это плохо. Если же жизнь продолжает трепать человека, значит, Господь помнит о нём и до сих пор любит его.

С юными христианами как с потенциальными греховодниками Сеген вёл более суровые беседы, чем с теми, которые уже своё отгрешили. Он строго допрашивал молодых об их образе жизни и любил среди беседы ошарашить вопросом: «На людей своего или противоположного пола вы предпочитаете смотреть?». И если юная овечка его стада вдруг колебалась, прежде чем дать ответ, то Сеген строго внушал ей, что в её душе заронено зерно зла и пока оно не проросло, следует вытравить его постом, молитвами и слезами.

Но особенно силён он был в проповедях, собиравших огромные толпы верующих. Сеген так яростно и живописно рассказывал о Страшном суде, что верующие были искренне счастливы, что за дверями храма бушует всего-то-навсего жестокая и кровавая война, а не Суд Божий.

Исходя из всего изложенного делаем вывод, что Сеген де Сеген был, выражаясь современным языком, главным психологом всего «Буржского королевства», и, как видим, очень и очень хорошим психологом.

Вторым из троицы был знаменитый на всю Европу доктор богословия, профессор Сорбонны Гильом Эмери. В Сорбонне он считался живым воплощением теологии. Не было, наверное, ни одной священной книги, которую он бы не знал наизусть, и ни одного богословского труда, который бы он не изучил.

Несмотря на лестные предложения оккупантов, Гильом Эмери наотрез отказался от продолжения работы в Сорбонне и бежал из Парижа в Пуатье. Похвальная твёрдость духа для тихого интеллигента-книжника, которую от таких людей не часто ожидаешь, но именно среди них часто

встречаешь. Странно, что встреча с патриоткой Жанной явилась для него опасностью, не меньшей чем отказ от работы под англичанами. Ибо Жанна по непонятной причине (а что нам в этой девушке вообще понятно?) именно Гильома Эмери выбрала основной мишенью для своих насмешек. Потрясённый профессор позднее сказал, что даже англичане разговаривали с ним куда как почтительней этой девчонки. Впрочем, как и свойственно интеллигентам-книжникам, человек он был не злой и ничем Жанне не повредил.

Ну и, наконец, настоятель собора Святой Радегунды Гийом Ален. По правде сказать, он был не очень-то исправным священником. Проповеди его были кратки, исповеди ещё короче и неизменно заканчивались прощением любого греха без всякой епитимьи. Объяснял он своё лёгкое прощение любых грешников тем, что до совершенства Христа всем людям так далеко, что разница между великим святым и великим грешником практически не видна.

Постился он не больше, чем было необходимо, и дополнительным воздержанием себя не утруждал. Но, несмотря на всё это, Ален пользовался невероятной любовью и почитанием у простонародья. Это потому, что большую часть времени он проводил не в храме, а среди простых людей. Прекрасно знал все их радости и беды, тяготы и скорби. Всегда был готов им помочь и словом и делом. Крестил, венчал, отпевал бедняков бесплатно.

Благодарный народ почитал отца Алена за святого. Но это в его дневной жизни. А свою ночную жизнь Гийом Ален проводил тоже среди выходцев из простого народа, правда, они были несколько специфического сорта. По ночам святой отец посещал разбойничьи шайки, притоны воров, мошенников и убийц. Там он был тоже весьма и весьма уважаем. Уважение преступного мира Пуатье к отцу Алену простиралось столь далеко, что если он просил вернуть награбленное потерпевшему (правда, делал он это только тогда, когда потерпевший был из простолюдинов), то преступники слушались его беспрекословно и возвращали всё до нитки.

Почему? Потому что уважали его за святость? Или потому что отец Ален… был главой преступного мира Пуатье? Верным может быть в равной степени и первое, и второе предположение, как и оба одновременно. Такое было время. Такие были люди.

Как бы то ни было, а отец Ален является самым неоднозначным членом комиссии. И вот онто и стал самым ярым сторонником Жанны. И вновь мы видим – Жанна просто как магнитом притягивает к себе подобного рода людей.

Жанна уже прибыла в Пуатье. С ней немалая свита. Тут и её старые спутники, и целый штат дарованных дофином пажей и секретарей. Ну и, конечно, трое преданных высокородных друзей: Алансон, Жиль де Ре и Ла Гир.

А следом за Жанной, как верёвкой привязанный, как зачарованный, в Пуатье переехал ВЕСЬ ДВОР из Шинона, во главе с дофином Карлом.

И начались трёхнедельные испытания Девы самыми высокими умами королевства.

ГЛАВА 5. ЭКЗАМЕН

« – Веруешь ли ты в Бога?

– Разумеется, и уж моя вера точно сильнее твоей.

– На каком языке говорили с тобой твои голоса?

– Конечно, это был французский язык. И он был куда лучше, чем твой».

Это Жанна отвечает на вопросы почтенного Гильома Эмери. Похоже, что к моменту этого диалога Жанне уже изрядно надоело то следствие, в котором она была вынуждена участвовать, вместо того чтобы начать уже бить англичан.

Впрочем, такой стиль общения: грубоватый, смелый, насмешливый вообще характерен для Жанны. Позднее, на суде в Руане, который и отправит её на костёр, Жанна будет разговаривать с судьями ещё более заносчиво.

В Пуатье Жанна жила в доме генерал-адвоката Жана Работо. Столь звучное название должности, что он носил, можно на наш язык перевести как «главный юрисконсульт короля». Как видим, человек он был не из последних в королевстве, значит, дом его был тоже не из последних домов в Пуатье.

Впрочем, для Жанны это не имеет значения. Она крайне неприхотлива в материальном отношении. Что её раздражает и выводит из себя, так это длительная задержка в самом начале исполнения своей миссии. Смирением эта девушка отнюдь не отличалась, можно предположить, что окружающим доставалось от раздосадованной Жанны гораздо больше, чем донесли до нас строки исторических хроник.

А комиссия не торопилась. Правильным считалось делать всё не спеша, медленно и основа-

тельно. Жанна со своей совсем не средневековой стремительностью в мыслях и делах и тут выглядит крайне необычно, чем ещё больше привлекает к себе внимание и ещё больше убеждает окружающих в своей несомненной связи со сверхъестественным.

Но что это за сверхъестественное? Послана ли она Богом, или кем иным, тоже сверхъестественным? Для людей Средневековья этот вопрос был крайне важным, спешить с его решением тем паче не полагалось. Свою работу комиссия начала с нового исследования физического состояния Жанны. На этот раз «экспертная группа» была куда многочисленней и представительней, чем тогда, в Шиноне.

Теперь её возглавляет сама Иоланна Арагонская – тёща дофина Карла. Кроме неё, в комиссию входят опытнейшие акушерки и дамы из всех классов общества, известные своим благочестием. Впрочем, результат был такой же, как и в Шиноне. Исследовав всё со всей возможной тщательностью, женщины заявили, что Жанна абсолютно девственна и абсолютно здорова.

Тогда к делу приступили богословы. Стиль работы был такой: вся комиссия никогда целиком на свои заседания не собиралась. Просто каждый день несколько её членов приходили в дом генерала-адвоката и вели долгие беседы с Жанной. Неоднократно они пытались поставить её в тупик своими замысловатыми вопросами, но ни разу им это не удалось. Только ещё больше разозлили девушку.

Однажды Гильом Эмери имел неосторожность указать Жанне, что то, что она говорит, хоть и верно, но этого нет ни в Священном Писании, ни в богословских трудах.

Он нарвался на ответ:

«В Книге Господа написано побольше, чем ***в ваших*** (выделено мной. – *И. Н.*) *писаниях»*.

«В ваших писаниях!» О как! А для Жанны, выходит, они не свои? У неё есть некая «Книга Господа», которую она ставит выше Писания? Что же это за книга?

«– Что это за Книга Господа, о которой ты говоришь?

– Она есть, но такие люди, как ты, никогда её не прочтут.

– Почему?

– Потому что задаёшь много вопросов», – отрезала Жанна и закончила разговор.

Комиссия оказалась в тупике. В самом деле, люди на улицах чуть ли не молятся на Жанну, за неё непрерывно ходатайствует двоюродной брат дофина герцог Алансонский, сводный брат дофина Дюнуа из осаждённого Орлеана шлёт комиссии одно послание за другим, требуя, чтобы ему немедленно прислали Деву, иначе пропади всё пропадом… А эта Дева тем временем уже успела наговорить вполне достаточно, чтобы её не в Орлеан, а на костёр послать как ведьму и еретичку. Отвергнуть Святое Писание, хотя бы и косвенно, это вам не шуточки! Сжигали за куда меньшие провинности.

Так что же делать? Тут задумаешься. Однако нет преград, какие бы не одолели изощрённые в догматике умы богословов. Они подумали и решили, что лучше всего будет не обращать никакого внимания на эту Книгу Господа, что Жанна ляпнула это в простоте душевной (ну крестьянка же, пастушка, что с неё взять). Поэтому больше никогда вопрос о Книге Господа не поднимался. Он и по сей день не ясен, что ещё за Книга Господа и почему Жанне можно было её видеть, а столь просвещённым и уважаемым людям, как мэтр Эмери, – нет?

В другой раз Жанну допросил Сеген де Сеген. Вопрос задал очень хитрый: *«Ты утверждаешь, что Бог избрал тебя для того, чтобы избавить французский народ от бедствий. Но если этого хочет Бог, для чего же нужны солдаты?»*.

В этом вопросе – тончайшая и сложнейшая богословская проблема: соотношение божественного провидения и человеческой деятельности.

Жанна ответила: *«Солдаты должны сражаться, тогда Бог пошлёт победу»*.

Одним кратким и безукоризненным с догматической точки зрения ответом семнадцатилетняя девушка делает, кажется, ненужными все толстенные тома Августина и Фомы, написанные по этому поводу! Ну как Жанной можно не восхищаться?! Ею и восхищаются. Большинство явно, но есть и такие, что тайно. Например – епископ Реймсский, канцлер Франции и председатель вот этой самой комиссии Реньо де Шартр.

Как председатель комиссии, он должен, разумеется, соблюдать наружное беспристрастие, но на самом деле уже полностью перешёл на сторону Жанны. Тому есть несколько причин. Во-первых, как опытный придворный, он видит, что Жанна популярна при дворе и любима дофином. Не пойдёт же де Шартр против всего двора?

Во-вторых, земли Реймсского епископства, обширные и богатые, практически полностью под властью англичан. И бедняга де Шартр ни гроша дохода со своих земель не получает. Потому он очень заинтересован в войне. А Жанна, понимает де Шартр, может принести победу.

«В этой девушке что-то есть» – и это третья причина, по которой епископ Реймсский начинает Жанне симпатизировать. А так как речь идёт о возвращении очень больших доходов, епископа, наверное, уже и не особо интересует, от кого именно послана Жанна.

«А хоть бы и от самого сатаны, – небось думает епископ, – главное, чтобы помогла освободить мои земли».

Жанна тоже не сидит сложа руки. Она пытается обработать видных членов комиссии отдельно друг от друга. В неформальной, так сказать, обстановке. С этой целью она налаживает контакт с отцом Аленом. И ей в который раз помогают доминиканцы. Секретарь отца Алена – молодой монах брат Том. Благодаря ему Жанна однажды под покровом ночи тайно покидает дом генерала-адвоката и встречается с отцом Аленом. Подробности встречи нам неизвестны. Знаем только, что отец Ален поинтересовался у Жанны: часто ли она постится? На что та дала ответ: она, дескать, вообще ест мало.

Похоже, и этот ответ, и все последующие полностью устроили отца Алена. С этой ночи он «лоббист» Жанны в комиссии.

На одном из последних заседаний Сеген де Сеген задаёт такой вопрос: *«Богу не будет угодно, чтобы мы поверили тебе, если ты не явишь нам некое знамение, показывающее, что тебе следует верить. Не можем же мы советовать королю доверить тебе армию только на основании твоих же голословных утверждений»*.

Ответ доносит нам всю ярость, накопившуюся в Жанне за эти три недели бесконечных расспросов.

«Бог мой! – кричит она. – *Я приехала в Пуатье не фокусы вам показывать. Дайте мне войско. Пошлите в Орлеан. Там я явлю знамение того, кто послал меня»*.

Это был последний допрос. Дальше комиссии было уже невозможно тянуть с выводами. Алансон вспоминает, что после завершения последнего заседания комиссии они ужинали в комнате Жанны. Кроме самого Алансона и Жанны, присутствовали Жиль де Ре и королевский конюший Гобер Тибо. Жанна выглядела очень усталой и задумчивой. Она ела даже меньше, чем обычно.

На вопрос Алансона о причине её печали Жанна сказала: *«Мне задавали так много вопросов, и я должна была так много отвечать. Но, знайте, я могу сделать гораздо больше, чем рассказала им»*.

Королевский конюший тут же с воодушевлением воскликнул: *«Я верю тебе, Жанна!»*.

В ответ Жанна положила ему руку на плечо, улыбнулась и сказала: *«Мне хотелось бы, чтобы у меня было больше людей, разделяющих твою веру»*.

После этого Гобер Тибо оставил свою выгодную придворную должность и примкнул к Жанне. А комиссия, наконец, дала заключение. В нём, в частности, говорилось: *«…тщательное расследование образа жизни, нравов и намерений Девы не выявило в ней никакого зла, но лишь добро, смирение, целомудрие, честность и простоту... Так как она обещала явить знамение божественной помощи в Орлеане, король не должен мешать пойти ей в этот город с солдатами. Напротив, ему следует проводить её с почётом. Ибо сомневаться в ней означало бы грешить против Духа Святого…»*.

Не доверять Жанне, значит грешить против Святого Духа!!! Более благоприятного заключения для неё и представить-то невозможно.

ИНТЕРЛЮДИЯ 3. НЕСКОЛЬКО ЗАГАДОК И ПОПЫТКИ ОТГАДОК

Пока ликующая от победы над богословами, но всё же очень расстроенная длительной задержкой, Жанна едет обратно в Шинон, куда дофин со всем двором недавно вернулись, у нас с вами есть время, чтобы поговорить о нескольких интересных вещах.

Сначала я хочу рассказать об одном крайне загадочном обстоятельстве, связанном с комиссией. Дело в том, что те цитаты, которые приведены в тексте, взяты историками не из протоколов заседаний этой комиссии. Они дошли до нас в «Хронике Девы», а туда попали по рассказам Сегена де Сегена. А где же подлинники или хотя бы копии материалов комиссии? Их нет. Вообще нет. Ни подлинников, ни копий. Ни латинских «чистовиков», ни французских «черновиков». Все они, все до последнего листика, были уничтожены. И это уникальный факт в истории Жанны!

Огромный массив документов про Жанну благополучно дожил до наших времён, а эти

протоколы… они ведь даже Жанну не пережили. Документы комиссии Пуатье – единственные из документов, касающихся этой девушки, которые были умышленно и очень тщательно уничтожены ещё её современниками.

Когда в 1450 году начался реабилитационный процесс Жанны, судьи крайне заинтересовались протоколами комиссии Пуатье, Книгой Пуатье, как называли их все. Ещё бы, такое название этим протоколам дала не кто иная, как сама Жанна Дева!

Именно тогда и было установлено следующее. В январе 1431 года при дворе короля Франции Карла стало известно, что на Руанском процессе Жанна несколько раз отказалась отвечать на вопросы, говоря, что про это она уже рассказывала и её ответы записаны в Книге Пуатье. Это почему-то вызвало тревогу при дворе. И епископ Реймсский, бывший председатель этой комиссии де Шартр, мчится в Пуатье и лично уничтожает все до единого листика материалы комиссии.

Зачем? Ясно, что де Шартр испугался, что Книга Пуатье попадёт в руки англичан и их французских сторонников. Раньше-то враги не знали вообще о существовании столь ценных для них документов. Теперь знают. Как же сохранить документы? Запереть на сто замков? Закопать? Спрятать в хитрых тайниках? Нет, все эти варианты не дают стопроцентной гарантии того, что враг не дотянется до них. Пока документы вообще физически существуют – всегда существует и возможность попадания их не в те руки. И только огонь может спрятать их навсегда. Его и выбрал де Шартр.

Но почему он не хотел допустить даже ничтожной возможности попадания Книги Пуатье в руки англичан? Что там было такого, что, будучи обнародованно, стало бы большой опасностью как для самого епископа, так и для короля Франции Карла? Этого мы уже не узнаем никогда.

Ещё одна тайна Жанны – её привязанность к мужской одежде. Надо сказать, что комиссию Пуатье, перед которой Жанна представала в мужском наряде, этот факт изрядно смутил.

В Библии есть однозначный запрет одеваться в одежду противоположного пола: *«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий, делающий сие»*.

Ну и как тут быть почтеннейшим богословам? Нарушение библейских правил здесь настолько показное и явное, что глаза на это закрыть никак невозможно. Отцы-богословы не сочли возможным в данном случае как-то иначе перетолковывать Библию. Вместо этого они двинули в бой свой «второй эшелон», гражданских юристов – членов комиссии.

Один из них, мэтр Жан Жерсон, легко расколол этот орешек: *«Ни королевское право, ни мораль не запрещают нашей Деве носить одежду мужчины и воина, поскольку она делает мужскую работу и сама является воином»*.

Насчёт того, что Жанна носит мужскую одежду потому, что это диктует род её деятельности – война, согласимся не полностью. Слов нет – воевать удобней в мужской одежде. Но Жанна-то носит мужскую одежду не только в походе, но всегда и везде. И при дворе, и, вот, на комиссии.

Как Жанна в Меце в мужской костюм переоделась, так никогда уже в женское и не одевалась. Исключением стал очень краткий период её плена, когда она после своего покаяния переоделась в женское, но уже через день вновь надела мужскую одежду и уже не снимала её до самого костра.

Ясно видно, что мужской костюм для Жанны гораздо большее, чем просто удобная одежда. Насколько огромное значение имело для неё носить мужское, хорошо показывает такой факт.

В 1431 году пленённой Жанне на судебном процессе в Руане было сказано, что если она переменит мужской костюм на женский, то её допустят до мессы и причастия. Жанна – ревностная христианка! Причастие – это самая центральная часть веры. Лишение причастия – тягчайшее наказание для христианина. И Жанна очень страдает. Она постоянно просит, чтобы её допустили до причастия. Ей предоставляют такой шанс. Надо лишь всего-навсего переодеться в одежду своего пола. Она отказывается…

Такое пристрастие к мужской одежде не могло не заинтересовать окружающих. Например, суд 1431 года в Руане с первых же дней своей работы уделил этому пристальнейшее внимание. Но не особо многого от Жанны добился. Сначала она сказала, что мужскую одежду ей повелел надеть Бог и его ангелы.

В протоколе сказано: *«Названная женщина утверждает, что она надела, носила и продолжает носить мужской костюм по приказу и по воле Бога. Она заявила, что Господу Богу было*

угодно, чтобы она надела короткий плащ, шапку, куртку и штаны со множеством шнурков, а её волосы были коротко подстрижены над ушами, и чтобы она не имела на своём теле ничего, что говорило бы о её женском поле, кроме того, что дано ей природой».

А потом Жанна вообще продемонстрировала полное нежелание разговаривать на эту тему. Вот отрывок из протокола от 3 марта 1431 года:

«– Когда ты явилась к королю, он не спрашивал тебя, было ли тебе откровение, которое заставило тебя переменить женскую одежду на мужскую?

– Я уже вам на это отвечала. Я не помню, спрашивал ли он меня об этом.

– А те магистры, что в течение трёх недель или целого месяца экзаменовали тебя в Пуатье, они не расспрашивали о перемене одежды?

– Не помню.

– А они не спросили тебя, надела ли ты его по приказу твоих голосов?

– Не помню.

– А когда ты в первый раз явилась к королеве, расспрашивала ли она тебя о перемене одежды?

– Не помню.

– А твой король, королева, твои сторонники никогда не просили тебя переодеться в женское платье?

– Это не относится к вашему процессу.

– Если ты переменила своё платье на мужской костюм по божественному откровению, то чей голос передал тебе его: святого Михаила, святой Екатерины или святой Маргариты?

– Это не ваше дело. Больше вы от меня ничего не услышите».

Мужской костюм был для Жанны не просто удобной одеждой. Он был частью кем-то тщательно продуманного «имиджа» Жанны. Он был особым и неповторимым одеянием Девы, её отличительным признаком. Дева, посланница Божия, должна же чем-то отличаться от остальных людей? Вот она и отличилась. Причём очень ярко и дерзко.

В Средние века по одежке не только встречали, но и общались и провожали. Костюм средневекового человека был неотъемлемой принадлежностью его социального статуса и характеристикой, содержащей о человеке достаточно полную информацию.

Дворянин никогда бы не оделся как простолюдин, а простолюдин не имел права да и возможности одеться в платье дворянского покроя.

Абсолютно безразличное к национальным различиям Средневековье огромное значение придавало личному статусу человека и крайне придирчиво относилось к внешним признакам этого статуса.

Мужской костюм на женщине не был признаком никакого статуса. Надев его, Жанна решительно и полностью выводила себя далеко за пределы системы социальных координат Средневекового общества. Она подчёркнуто ставила себя вне общества.

В мужском костюме она не крестьянка и не дворянка, не воин и не монах. Она – Дева, посланница Божия! То есть существо уникальное с уникальной общественной функцией. И поэтому она не связана ни с одним классом, ни с одной группой общества. Посланница Божия вне общества и не связана ни его законами, ни его моралью. Мужской костюм как раз и выражал эту уникальность, подчёркивал единственность и неповторимость Жанны. Вот что значил мужской костюм для Жанны, а не просто удобную для похода одежду. И снять его означало для неё перестать быть посланницей Бога, перестать быть Девой.

А это для Жанны было невозможно. Однажды побывав в роли Божией посланницы (а может, и, как дальше увидим, кем-то большим себя возомнив), Жанна уже не могла быть больше никем. Это было бы для неё невыносимо.

Есть ещё один вопрос, к которому нас подводит мужской наряд Жанны. А именно: с кого она брала пример, надевая мужское? Кто послужил ей образцом? Дело в том, что средневековый человек в своём поведении всегда стремился ориентироваться на уже существующие образцы. Даже когда он творил что-то новое, он всегда старался отыскать нечто похожее «в старине».

Значит, и Жанна, надевая мужской костюм, имела какой-то авторитетный для неё образец. Разумеется, притянутый за уши, ибо так высоко ценить мужской костюм, как Жанна, никто до неё не ценил.

И вот тут возникал тупик. Ну кто мог служить образцом для Жанны? Только какая-то святая. Какая?

Жанна числила среди своих небесных покровителей три святые сущности: архангела Михаила, но, согласитесь, он в данном случае за

образец не подходит, и двух святых женского пола: Екатерину и Маргариту. Значит, образец для Жанны где-то среди них?

Но дело всё в том, что ни святая Екатерина, ни святая Маргарита Антиохийская никогда мужских платьев не надевали. Вот так и возник тупик. И вопрос этот оставался открытым очень долго, пока не обратили внимание на женский состав небесных покровителей Девы. Какой-то он странный. Ну святая Екатерина – это ещё понятно, она считалась покровительницей пленных и раненых. Для воина подходящая покровительница. А вот святая Маргарита… Она вообще-то покровительница рожениц. С какой же стати Жанна её своей покровительницей числила? Конечно, святая Маргарита была очень чтима среди женщин, но вот Жанне, согласимся, она была абсолютно бесполезна.

Так, может, это совсем не та Маргарита? Может, Жанна числила своей святой совсем не Маргариту Антиохийскую – покровительницу рожениц, а какую-то другую? Её надо было разыскать, тем более что у этой святой Маргариты должна была быть особая примета – она носила мужской наряд.

И отыскали! Правда, называется она святая Пелагея. Под этим именем её и чтит Православная церковь. А Маргарита – вовсе не имя, а… Но лучше я по порядку.

Оная Пелагея проживала в Сирии в V веке. Она была очень красивой танцовщицей и вела крайне распутный образ жизни – дорогая куртизанка. Маргарита – её прозвище среди клиентов, означающее «жемчужина».

В общем, жизнь у Пелагеи протекала очень весело, пока не вмешался епископ Нон. Своими проповедями о греховной жизни он так запутал и запугал бедняжку, что она решила стать монахиней. Всё своё немалое богатство Пелагея перед постригом отдала епископу Нону. Вы будете удивлены, но епископ не присвоил его и даже церкви не дал. Со словами: *«Пусть будет умно потрачено худо собранное»* он всё до нитки раздал нищим.

А Пелагея устроила себе келью где-то в Иерусалиме и в мужской одежде, под именем инок Пелагий провела остаток жизни в строгом монашестве, посте и покаянии. Жители окрестных мест очень чтили её за святой образ жизни. Правда, думали, что инок Пелагий – евнух. И только после смерти выяснилось, что инок Пелагий – это женщина.

В православии, как уже говорилось, Пелагея (под своим именем) числится Преподобной.

А вот в католичестве… Средневековая ортодоксальность католиков такую святую и знать не желала. Но культ Маргариты (не под именем, а под прозвищем) возник и разросся среди рыцарских и монашеских орденов во время Крестовых походов. Считалось, что она покровительствует воинам, ведущим «Святую войну».

Она была, так скажем, «корпоративная» святая крестоносцев.

Такая-то святая покровительница действительно Жанне подходит! Ещё как подходит! Вот только… в каком же ордене Жанна этот сугубо корпоративный культ-то усвоила, а?

ГЛАВА 6. СНОВА В ШИНОНЕ

Возвращение Жанны в Шинон можно смело назвать триумфальным шествием. И по дороге, и в самом Шиноне за ней следовали огромные толпы народа, стекающегося отовсюду, чтобы хоть краем глаза взглянуть на долгожданную Деву-спасительницу.

Люди издавали громкие радостные крики при виде Жанны, плакали и смеялись одновременно, старались коснуться хоть краешка её одежды.

А в самом замке дофина Жанну ждала торжественная встреча в тронном зале. Именно тогда, а не при первом её появлении. Ибо теперь в замок прибыла не невесть откуда взявшаяся то ли пастушка, то ли бродяжка, а, по однозначному свеженькому заключению виднейших теологов, посланница Божия. Такие не то что в Шиноне, а и на Земле-то появляются нечасто, поэтому можно представить, какой ажиотаж творился в тот день при дворе.

Огромный зал сиял огнями свечей, бесчисленными драгоценными камнями и золотыми украшениями, надетыми на не менее блистательных и сиятельных родовитых и благородных дворян. Тут и произошла сцена, похожая на ту, которую легенды помещают в самый первый приезд Жанны в Шинон.

При входе в зал Жанна повела себя крайне невежливо. Не утруждая себя разглядыванием высокосановитой толпы и не утруждаясь ответом на приветствия, она быстро и уверенно направилась к дофину. Тогда то и состоялся тот знаменитый разговор Жанны с дофином, с глазу на глаз. Хотя и его относят к их первой встрече, но заслуживающий всякого уважения источник «Хроники царствования Карла Седьмого», напи-

санный очевидцем событий, секретарём Карла – Жаном Шартье, указывает именно на второй приезд Жанны в Шинон.

Жанна уединилась с дофином. Они долго не появлялись. А когда появились, то все присутствующие были поражены видом дофина. Он выглядел таким восторженным, таким счастливым и даже несколько очумелым, каким его никто и никогда не видел. Некоторым даже показалось, что дофин окружён густым сиянием.

«Король был полон радости, как будто на него снизошёл святой дух», – вспоминает Шартье.

Что же сказала Жанна дофину? Об этом написано много. Очень много. В некоторых источниках указывается, что Жанна представила дофину неопровержимые доказательства, что он законный королевский сын, а не нагулян своей распутной матерью где-то на стороне.

Другие источники утверждают, что Жанна поведала дофину тайную молитву самого дофина. Он, дескать, произносил эту молитву всегда молча, поэтому слышать её никто, кроме Бога, не мог. А Жанна эту самую молитву дофину и пересказала! Тут уверуешь.

Молитва эта была вот какая: дофин просил Бога, если он и правда сын короля, то ниспослать ему помощь, а если всё же Карл незаконнорождённый и прав на престол не имеет, то даровать ему надёжное убежище и защиту от гибели или плена.

В некоторых источниках говорится, что Жанна передала дофину какие-то два кольца, крайне важные для него.

В источниках мы слышим некоторое разноголосие. И всё бы ничего, но чем дальше по времени от этой таинственной встречи источник, тем больше и больше подробностей он указывает. А чем ближе – тем меньше.

Ну а как же современные Деве источники? А они вообще молчат. Про сам факт встречи рассказывают, а про то, что там Жанна дофину рассказала, чем его так сильно осчастливила, – ни звука.

Тот же Шартье пишет: *«Никто не знает, что она ему сказала»*.

Сам король Карл на склоне лет как-то обмолвился: *«Она рассказала мне то, что не мог знать ни один смертный»*.

Всё. Больше он никому и ничего про тот разговор не рассказывал.

Теперь слово Жанне. Про разговор с дофином её тщательно расспрашивали на Руанском процессе. И вот чего добились.

Ответы Жанны своим судьям на многочисленные вопросы о разговоре с Карлом:

«Голоса мне велели сказать о неких вещах королю, а не вам…

…Откровения, которые мне были, касаются короля Франции, а не вас…

…Что же до откровений, которые относятся к королю, я ничего не скажу вам…

…Я вам всё время повторяю, что этого вы не вырвете из моих уст. И, если честно, то вы мне изрядно надоели. Спросите у короля сами…

…Я обещала крепко хранить этот секрет и поэтому не скажу ничего. Я обещала это тому и в таком месте, что не могу ничего рассказывать без клятвопреступления…»

Как бы то ни было, а услышанное от Жанны явно перевернуло сознание дофина. Если у него ещё и были сомнения, то теперь они отпали. Он решает дать Жанне армию и направить её в Орлеан. Правда, армию ещё надо собрать. Наскрести по сусекам, так сказать. В этом большую помощь оказывают двое: Ла Гир и тёща дофина Иоланта Арагонская. Первый отвечал за найм гасконцев, вторая договорилась об арагонских наёмниках. В том войске, что Жанна повела спасать Францию, первоначально самих французов почти не было.

Пока собирают эту гасконско-арагонскую армию, Жанна вооружается сама. Кстати, она вообще уехала из Шинона и с какой-то целью обосновалась в городе Тур. Может быть, потому, что Тур ближе к Блуа, в котором был назначен сбор армии.

В Туре ей изготавливают доспехи. И какие! Их заказали у лучшего французского мастера – мэтра Бернара. Обошлось это казне в сто ливров золотом. Один ливр – примерно девять граммов, так что за доспех было заплачено почти килограмм золота.

Кроме того, сам доспех был полностью покрыт слоем серебра. На это понадобилось десять фунтов – почти пять килограммов (!) серебра.

Говорят, что серебро дал Жиль де Ре.

Жанне изготавливают два знамени. Одно представляло собой большое полотнище с золотыми лилиями на белом фоне. На нём было вытканно изображение Иисуса Христа с двумя ангелами и надпись: «Иисус – Мария». Вторым знаменем был небольшой личный штандарт, как и положено главнокомандующему. Он тоже белого цвета, с вытканной радугой.

Тут будет уместно сделать небольшое, но забавное отступление. Дело в том, что знамя Жанны и её штандарт как-то всё не желают помещаться в российскую историографию о ней. В советское время не устраивала надпись: «Иисус – Мария», и мне доводилось читать работу, где автор пишет, что под изображением Христа на знамени Жанны была надпись: «Мир». Спасибо, что не «Миру – мир».

А в наше время «Иисус – Мария» – самое то, но уже не всех устраивает личный штандарт Жанны с изображением радуги. Некоторые публицисты помещают на штандарт вместо радуги голубей и ангелов. А была там радуга. На белом фоне. Что в те времена означало завет между Богом и людьми.

Оба полотнища изготовил знаменитый шотландский мастер Джеймс Пауер. Он получил за работу двадцать пять ливров (двести пятьдесят граммов золота).

Теперь нужно и оружие. И тут Жанна говорит, что меч, предназначенный ей, выкован уже давно. И сейчас он находится в городе Фьербуа, в аббатстве Святой Екатерины, закопан в церкви под алтарём. Словам Жанны тогда уже все верят, как Святому Писанию, поэтому без тени сомнения убирают алтарь, раскапывают землю и… находят, хоть и покрытый ржавчиной, но ещё очень крепкий меч. И видно, что он очень древний. На лезвии – пять крестов.

Жанна утверждала, что про меч рассказали её голоса. Но вспомним, что именно в этом аббатстве Жанна зачем-то останавливалась месяц назад на несколько дней, когда в первый раз ехала в Шинон.

Получив вооружение, Жанна выезжает в Блуа, куда к концу апреля уже стягиваются подчинённые ей отряды.

Получилось ли это случайно, или так Жанна и запланировала, но вот этими вроде необязательными переездами из Шинона в Тур, из Тура в Фьербуа, из в Фьербуа в Блуа она уже прошла половину пути до Орлеана. Если бы она прямо из Шинона выступила с войском, то это наверняка привлекло бы внимание англичан. А так… вроде туда поехала, туда переехала, потом – раз и она уже с армией в двух переходах от Орлеана.

Сколько же было бойцов тогда у Жанны? Сама она называет цифру в десять-двенадцать тысяч. Историки, исследовав документы, указывают, что непосредственно воинов было не более четырёх тысяч, в основном гасконские и арагонские наёмники. Но с Жанной шёл ещё очень большой обоз с продовольствием. В нём – четыреста коров и быков, а также более пяти тысяч телег с провизией. Если с обозниками, то тогда десять-двенадцать тысяч и получается.

У Жанны уже свой походный то ли штаб, то ли двор. В нём несколько пажей для услуг, четыре секретаря для переписки, два герольда, чтобы объявлять волю Девы, старые соратники Жанны по переходу из Лотарингии в Шинон, духовник Жанны монах-доминиканец Жан Паскерель.

Ещё в Труа Жиль де Ре, понимая, что в грядущих боях ни он, ни Алансон, ни Ла Гир не смогут постоянно быть прямо рядом с Жанной, подобрал ей телохранителя. Им стал опытнейший воин, прошедший много стычек и битв, Жан де Олон. Этот головорез очень привязался к Жанне и отныне не оставлял её никогда. Он был рядом с нею во всех битвах, штурмах и вылазках.

Они даже вместе в плен к бургундцам попали. Только Жанну предали и продали англичанам, а де Олон сумел бежать, вместе с де Ре пытался освободить Жанну.

Уже в старости, занимая должность наместника одной из южнофранцузских провинций, Жан де Олон написал очень интересные мемуары про Жанну.

27 апреля 1429 года армия Жанны выступила из Блуа. Впереди их ждал осаждённый Орлеан.

ИНТЕРЛЮДИЯ 4. А КАК ЕЁ ЗВАЛИ?

Вопрос на первый взгляд кажется странным. Конечно же: Жанна д'Арк! Э-э-э, друзья, так, да не так. Дело в том, что это имя, известное всем и ставшее сейчас уже неотъемлемой частью мировой истории и культуры, имя, под которым эту девушку чтит католическая церковь, это самое имя было абсолютно неизвестно самой Жанне и всем, кто её окружал. Эпоха Жанны д'Арк никакой Жанны д'Арк не знала!

А кого же она, эпоха эта, знала? А знала она просто Жанну, или Деву, – так всегда называла сама себя наша героиня. Известна она также была под двойным именем Дева-Жанна. Так называли те, кто любили её. А которые не любили, называли Французской ведьмой или Тварью в образе женщины.

Простонародье и Жанной-то её не называло. А только Девой или… Анжеликой. То есть – ангелом.

После коронации в Реймсе король Карл жалует Жанне дворянство. Теперь она официально

Жанна де Лю (иногда переводят как де Лис). То есть Жанна Лилия. Почётней и быть ничего не может, лилии – герб королевского дома! Сама Жанна никогда этим именем и дарованным ей гербом не пользовалась. И имя Жанна де Лю так и исчезло в истории.

Но позвольте, при даровании дворянства составляется документ под названием грамота аноблирования. В нём подробно описывается родословная новоиспечённого дворянина. Составлялась ли она в случае с Жанной? Конечно. Сохранилась ли она? Да. И что там? А никаких д'Арк. Там указаны её мать – Изабелла Роме, отец – Жак Тарч и братья – Жан Дай и Пьер Перрель.

Откуда такое разнообразие фамилий в одной семье? Да очень просто. Это и не фамилии вовсе. Фамилии – это у дворян. Да и то не у всех. А у простонародья никаких фамилий в те времена не было. Только прозвища, кликухи, «погоняла».

Ну а саму Жанну в грамоте аноблирования как зовут? Жаннетта Роме. Она ведь изначально именно так всем представлялась. Правда очень короткий срок. Несколько дней всего. В Вокулёр вошла Жаннеттой Роме, вышла оттуда в путь к Шинону уже Жанной.

В Руане же, во время суда, её никогда не называли ни Жанна де Лю, ни тем более Жанна д'Арк. А только *«некая женщина по имени Жанна»*.

Так с именем Жанны обстояло дело при жизни. А что же после смерти? А вот тут-то и вспыхивает ярким огоньком впервые это имя – Жанна д'Арк. Сверкнуло искоркой… и пропало почти на четыре века!

Дело было так. В 1450 году король Карл VII затеял (по инициативе инквизиции, между прочим) реабилитационный процесс Жанны. А то как-то неудобно получалось. Он ведь наихристианнейший король Франции – любимой дочери церкви, а коронован официально признанной ведьмой. Надо было срочно исправлять столь двусмысленное положение. Однако для начала такого процесса требовалось заявление от родственников осуждённой.

Проблем нет – мать Жанны, Изабелла Роме, ещё жива, пусть она и подаст такую бумагу. Она, правда, неграмотна, так это не беда. Есть во Франции и грамотные люди. Они пусть и напишут. Они и написали. Сделал это некий легист Гильом Превото. В этой жалобе впервые и появляется имя: Жанна д'Арк.

В дальнейшем ни один из свидетелей, само собой разумеется, это имя не употребляет. Они его и не знают. Они, свидетели эти, собственно, вообще ничего толком не знают. Их рассказы о детстве Жанны пестрят словами *«мне рассказывали»*, *«как мне кажется»*, *«как люди говорили»*, *«как мне доводилось как-то слышать»*…

Какое уж тут имя! Некоторые из свидетелей вообще впервые на этом самом процессе от добрых отцов-инквизиторов услышали, что Жанна, оказывается, их односельчанка.

– Да вы забыли с годами небось, – ласково улыбались им отцы-инквизиторы. – Вы пошарьтесь в памяти-то и вспомните. Лучше сами вспомните. – И смотрят прям в душу глазами добрыми, чуть усталыми.

Как тут не вспомнить? Ну вспомнили, конечно. В приговоре, полностью оправдывающем Жанну, она вновь именуется Жанна д'Арк. Вообще-то странно, да? Во-первых, почему не Жанна де Лю? Дворянства-то её никто не лишал. Во-вторых, откуда взялось это д'Арк?

Ну насчёт исчезновения де Лю, это я вам ничего пояснить не могу. Но вот насчёт д'Арк… А что, если пошарить в тех временах? Не отыщется ли вдруг какой-нибудь влиятельный д'Арк, возжелавший к славе Жанны примазать свою благородную фамилию? Давайте посмотрим.

Ба-а-а, да их тут, д'Арков, как комаров! И все какие высокосановитые! Все какие знатные! Был, оказывается, в те времена старинный рыцарский род д'Арк. Родословную они свою вели от участника Первого крестового похода – некоего д'Арк, в Крестовом походе и посвящённом за доблесть при штурме Иерусалима в рыцари.

А дальше кто?

Гийом д'Арк – гувернёр короля Людовика, отца Карла VII.

Ивон д'Арк – советник Карла VII.

Рауль д'Арк – камергер Карла VII.

Жан д'Арк – главный землемер Франции.

Симон д'Арк – капеллан королевского дворца.

И наконец… Жанна д'Арк – фрейлина Изабеллы Баварской, матери Карла VII.

Вон их сколько, знатной саранчи! И все, как вы уже поняли, современники Жанны.

Правда, на поле битвы, рядом с Жанной, никто из них замечен не был.

Но может быть, попозже решил Жанну к своей фамилии пристегнуть? При таких должностях влияние у клана д'Арк, наверное, было о-го-го какое. Но как бы то ни было, а тогда ничего не

вышло. Как уже было сказано, имя Жанна д'Арк исчезает аж на четыре века.

Неужели вообще забыли? Ну уж нет! Никто и не думал её забывать! Ни на минуту. Помимо бесчисленных картин и памятников про неё писали в книгах: «Корабль добродетельных женщин» (1502), «Собрание историй о славных, добродетельных и знаменитых женщинах» (1523), «Зерцало добродетельных женщин» (1546), «Неодолимые твердыни женской чести» (1550), поэма «Защитник женщин» (1540). Во всех этих произведениях Жанна – чуть ли не главная героиня. И как же её называют? Да почти что одинаково везде: Жанна, Дева-Жанна, Жанна Орлеанская, Жанна из Вокулёра, Жанна из Лотарингии. Однако самыми распространёнными были два имени: Дева Франции и Орлеанская дева.

В Орлеане Жанна стала местночтимой святой ещё до того, как её реабилитировали. То есть ещё в официальном статусе ведьмы она одновременно была и святой. Это уже интересно, но ещё интересней, почему орлеанцы её Девой назвали? Полагаете, потому, что Жанна сама себя Девой называла? А вот и нет! Дело в том, что на латыни есть два слова, означающие «Дева». Это «Puella» и «Virgina».

Сама Жанна называла себя именно Puella. А вот орлеанцы, устанавливая культ Жанны, применили в имени Орлеанская дева слово «Virgina». И разница тут космических масштабов! Потому что «Puella» означает именно деву, девственницу, девушку. А вот «Virgina» – исключительно… Богородицу.

«Орлеанская дева» и «Дева Франции» – это просто неправильный перевод имени Жанны на русский язык (всё равно, что Нотр-Дам-де-Пари перевести как «наша дама из Парижа»). А правильный перевод – «Орлеанская богородица» и «Богородица Франции». Именно так читали и так понимали эти имена Жанны средневековые люди.

Равной самой Богородице – так видели её французы. И только в XIX веке её перестают официально так называть! В XIX веке, когда изучением истории занялись на строгой научной основе, имя Жанна д'Арк всплыло из архивов и уже навечно приросло к Деве.

Правда, в конце XIX века была сделана попытка имя изменить. Да не чуть-чуть, а порядком. Не Жанна д'Арк, а Жанна Дарк.

Разница огромная! «Арк» – лучник. «Дарк» – тёмный, мрачный. Жанна Тёмная! Ничего себе! Это кто же осмелился? А сделал это молодой французский историк Вале де Виривиль. Пришёл он к такому выводу после более тщательного, чем это было проделано до него, изучения архивов. И вот на какую сенсацию он там нарвался.

Но сначала небольшое пояснение.

Дело в том, что официальным языком западноевропейского Средневековья была латынь. Все бумаги, все книги писались на латыни. Очень удобно, кстати. Вся элита Европы могла общаться между собой без переводчиков, а научные открытия распространялись среди европейских учёных кругов моментально.

И поэтому все официальные бумаги во Франции писались в двух экземплярах. Сначала черновик (почему-то называемый «минутка») на французском, а потом чистовик – на латыни. Чистовик шёл в дело, а «минутка» хранилась в отдельном месте. Вот Вале де Виривиль и нашёл «минутку» того самого заявления матери Жанны – Изабеллы Роме!

И там девушка именуется Жанной Дарк. И только при переводе на латынь чудесным образом преобразуется в благородную д'Арк!

Вале де Виривиль пишет на эту тему статью. И предлагает впредь называть национальную героиню Жанной Дарк. И тут же на него обрушивается благородное негодование научных и общественных кругов Франции, обвинение в отсутствии патриотизма.

Видный историк Анри Валлон, большой друг тогдашнего Римского Папы Пия IX, в гневе писал: *«И как можно было до такого додуматься! «Дочь сумерек»! Даже англичане не выдумали бы лучше. Вот какой им отличный подарок! Нет! Давайте же отвергнем эту варварскую форму «Дарк» и сохраним за Жанной её французское имя»*.

Однако Вале де Виривиль не сдался, а продолжал с документами в руках отстаивать свою точку зрения. Ему удалось перетянуть на свою сторону историка и, что немаловажно, издателя Большого энциклопедического словаря Пьера Ларусса. И в обширной статье, вышедшей в этом словаре в 1870 году, посвящённой Жанне, она именуется Жанна Дарк.

Но уже к 1880 году имя Жанна Дарк исчезает со страниц научных трудов. Сторонники более патриотичного направления восторжествовали. С того времени и теперь, наверное, навсегда она – Жанна д'Арк!

Уф. Запутались мы совсем с именами этой девушки. И так и не узнали, как же её подлинное

имя. Остаётся только одно – спросить у неё самой. Жанна, чёрт возьми, восстань на секунду из праха и ответь нам: как тебя зовут?!

«…Там, где я родилась, меня звали Жаннетта, во Франции – Жанна, а своё прозвание я не знаю и никогда о нём не слышала» – это всё, что ответила Жанна со страниц протоколов судебного процесса относительно своего имени.

ГЛАВА 7. НА ОРЛЕАН

Снимать осаду с Орлеана Жанна начала ещё… в Блуа. Перед выходом французской армии в поход Жанна направляет англичанам под Орлеан следующее послание:

«Иисус, Мария. Король Англии и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Королевства Франции <…> будьте благоразумны перед Царём Небесным. Отдайте Деве, которая послана Богом, Царём Небесным, ключи от всех добрых городов, которые вы захватили и осквернили во Франции. Она пришла сюда от имени Бога <…>

И вы, лучники, солдаты, благородные и прочие, которые стоят у города Орлеана, уходите в свою страну именем Бога; и не поступайте иначе, а если не послушаете, то ждите новостей от Девы, которая скоро придёт к вам и нанесёт большой ущерб. Я же, встав во главе армии, в тех местах, где настигну ваших людей во Франции, прогоню их, хотят они того или не хотят. А если не захотят покориться, я всех их убью. Я послана Богом, Царём Небесным, которого представляю в этом мире телесно <…>

Если вы не захотите поверить словам Божиим и Девы, в тех местах, где мы вас найдём, там и покараем, и устроим вам такую рубку, которой не было во Франции вот уже тысячу лет. И знайте точно, что Царь Неба пошлёт Деве и её добрым воинам силу такую, какую вы не сможете привести со всех своих полей сражений».

Вчитаемся в письмо: *«если не покоритесь, я вас всех убью»*, *«устроим такую рубку, которой не было уже тысячу лет»* – как-то не дышат эти слова девственной кротостью, не правда ли?

«Я представляю Бога в этом мире телесно» – Жанна, по её самоощущению, Христос, что ли, новый? Бог-Дочь?

Как видим, общий смысл послания: «Отдайте всё и уходите домой, иначе вас всех убьют». «Домой? – должно быть, подумали англичане. – А куда это, домой? Разве сейчас мы не дома?»

Давайте-ка посмотрим на эту ситуацию так, как ещё, пожалуй, никто не смотрел – глазами тех англичан, что воюют под Орлеаном.

Обычно ситуация нам видится так – англичане вторглись во Францию, оккупировали её северную и центральную части, но потом французы их прогнали. То есть привычная картина – народ борется с захватчиками, побеждает и изгоняет их восвояси.

А вот так, да не так! Англичане действительно вторглись во Францию, действительно захватили часть её территории. Но к 1429 году это уже была очень и очень давняя история. Давайте вспомним, что к моменту появления Жанны под Орлеаном Северная Франция была частью Англии уже восемьдесят лет! Три поколения! Как-то эти восемьдесят лет стираются из памяти, когда мы говорим об англичанах-оккупантах.

Три поколения их рождается и умирает здесь! (Чтобы масштаб был ещё более понятен, скажем, что это дольше, чем существовал СССР.)

Посмотрим на то войско, что осаждает Орлеан. Из почти пяти тысяч бойцов только полторы тысячи приплыли с Британских островов именно для участия в Орлеанской кампании. А остальные англичане на Британских островах и не были ни разу в жизни! Они родились и выросли здесь. Во Франции! Здесь могилы их отцов, которые тоже родились, жили и умерли во Франции. И только их деды действительно приплыли сюда с островов.

Жанна требует, чтобы они убрались к себе домой. Но куда? Они и так дома! Это и есть их дом, это и есть их земля, политая потом и кровью их самих и их предков. Некуда им отсюда уходить. Это их дом. Это их родина.

А вторая часть английской армии – это вообще этнические французы, нанятые в Париже и окрестностях для осады Орлеана. И, полагаю, вот как должна была представляться сложившаяся ситуация англичанам: здесь, под Орлеаном, собрались уроженцы французской земли. Пусть одни из них этнически англичане, а другие этнически французы – но они земляки. И могилы их предков рядышком, на этой земле.

То, что они осаждают Орлеан, так это их внутренняя, никого других не касающаяся война. А на них движется армия, во главе которой стоит ни разу не француженка. Жанна ведь сама утверждает, что родом из Лотарингии, а Лотарин-

гия в те времена – это вовсе не Франция. Германия это. И французов там нет. И языка-то французского в Лотарингии никто не знает – это только Жанна из них из всех почему-то одна такая образованная.

И в войске, которое она ведёт, французов раз-два и обчёлся. Только высшие командиры. А остальные – конница гасконская, пехота арагонская, арбалетчики итальянские.

«Ну и кто это здесь не дома?» – должно быть, дружно подумали англичане с французами в осаждающей армии.

Соответственно и ответили Жанне: *«Лучше ты убирайся в свой свинарник, ведьма»*.

До Жанны Столетняя война была войной не национальной, а схваткой нескольких феодальных домов между собой. Единокровных, кстати, феодальных домов. И, между прочим, у английского короля прав на французский трон было куда больше, чем у дофина Карла.

Это была обычная для Средневековья феодальная разборка, только неожиданно для всех участвующих разросшаяся до огромных масштабов.

Война велась так чинно, по-благородному, по-дворянски. С вызовами на бой через геральдов. С заранее оговорённым местом и временем сражений. На поля боя даже зрители являлись. Так было принято воевать тогда.

Но только не для Жанны! Именно она своей огромной и неукротимой энергией превратит эту феодальную свару в национальную войну. Именно Жанна возбудит во французах национальные чувства и покажет им врагов не в феодальном доме Ланкастеров, а во всей английской нации. Именно Жанна превратит затянувшуюся склоку Валуа с Ланкастерами в войну французской нации против английской нации. Именно Жанна будет настойчиво утверждать в речах, что французы – нация, избранная Богом, а англичане – исчадия ада и должны быть уничтожены. Такие речи, в которых целую нацию объявляют какими-то недочеловеками, впервые зазвучат тогда в Европе и до наших дней умолкнуть никак не могут.

«Я мечтаю только об одном, – заявила Жанна как-то Жилю де Ре и герцогу Алансонскому, – *отправить всех англичан в ад к их отцу – дьяволу»*.

Именно со времён Жанны среди французов на полном серьёзе начинают ходить слухи, что англичане – это вообще не люди, что у них хвосты растут, которые англичане тщательно прячут под одеждой. То есть произойдёт то, что сейчас называется «дегуманизация образа врага», – расчеловечивание его. А это – страшная, очень страшная штука. Она легко и быстро превращает любую малокровную и вялую войнушку в тотальное кровавое месиво.

Именно под влиянием Жанны французы начинают осознавать себя не просто провансальцами, орлеанцами, наваррцами или парижанами, а единой нацией. И что они воюют не за дофина Карла, пропади он пропадом, а за свою нацию против нации чужой.

Кто научил Жанну этому? Что за гениальная голова привила этой семнадцатилетней девочке XV века пропагандистские методы века XX? И что за сила сидела в Жанне, коли она сумела за кратчайший срок сплотить французов в единую нацию?

Сильно ли мы ошибёмся, если скажем, что французская нация не этнически, а как единая общность появилась только при Жанне и во многом благодаря ей? И будем ли правы, если скажем, что сама Жанна – первый нацист Европы?

Между прочим, в 1940 году у Жанны возникло ещё два поклонника. Рейхсминистр Геббельс и рейхсфюрер СС Гиммлер.

Сразу после разгрома Франции Геббельс начинает активно распространять во Франции антианглийские речи Жанны. Как бы намекая – вот какой умный человек жил среди вас, французы. Слушайте свою национальную героиню и поступайте, как она советовала – убивайте англичан.

А Гиммлер вообще не верит, что такие верные, с его точки зрения, взгляды и такие способности могла проявлять француженка. По нацистским понятиям, галльская кровь нечиста. Испорчена-де семитскими примесями. Он подозревает, что Жанна – «истинная арийка». Она же из Лотарингии. А Лотарингию и Эльзас немцы считают исконно германскими землями.

И Гиммлер зимой 1943 года даёт подчинённому СС Институту крови (или как там называлось учреждение по измерению черепов) задание – выяснить, арийка ли Жанна (как раз немцев под Сталинградом разгромили, но Гиммлер занятие себе важней почему-то не находит). Письмом в это «научное» учреждение он призывает обратить особое внимание на выяснение истинного места рождения Жанны и приводит пару строк из стенограммы её допроса:

«Вопрос: Как твоё имя?

Ответ: Там, где я родилась, меня называли Жаннетт, а во Франции называют Жанной».

Оказывается, для этой французской националистки «там, где я родилась» и «Франция» – это разные места!

Ответ Гиммлеру из Института не сохранился, но, похоже, он удовлетворил рейхсфюрера. Потому что в том же 1943 году Жанна появляется на вербовочных плакатах, призывающих французов вступать в ваффен-СС.

Кстати, своей англофобии Жанна не изменила до самой смерти.

Допрос на обвинительном процессе 1431 года в Руане:

«Вопрос: А на каком языке к тебе обращалась святая Екатерина: на французском или на английском?

Жанна: Конечно же, на французском.

Вопрос: Почему же не на английском?

Жанна: Потому что святая Екатерина любит то, что любит Бог, и ненавидит то, что ненавидит Бог.

Вопрос: Так ты считаешь, что Бог ненавидит англичан?

Жанна: Господня воля мне, конечно, неведома, но я догадываюсь, какую судьбу Господь приготовил англичанам после смерти».

А в зале между тем полным-полно англичан. Смелая девушка, ничего не скажешь.

ГЛАВА 8. ОСАДА ОРЛЕАНА

Орлеан являлся довольно сильной крепостью. Город, находившийся на правом, то есть северном берегу Луары, окружала каменная стена длиной две тысячи пятьсот сорок метров, усиленная тридцатью семью башнями высотой до десяти метров.

В начале XV века, незадолго до появления англичан под городом, все башни были переоборудованы для размещения в них артиллерии. И артиллерии было очень много для того времени. Сто пять орудий. Из них особо выделялась огромная пушка под названием «Длинная». Имея калибр 33 сантиметра, она была способна бросать каменные ядра на полтора километра.

Кроме новейших систем огня, были широко представлены и старые метательные машины: куйары, требушёты, гигантские арбалеты и т. п.

Широкий мост в девятнадцать пролётов связывал город с левым, то есть южным берегом. Первый и последний его пролёты были подъёмными. На предпоследнем перед южным берегом пролёте возвышалось ещё одно укрепление – Турель. Это были две башни высотой тридцать метров (девятиэтажный дом – такой же высоты), соединённые арочным сводом. Основание Турели уходило под воду.

Ещё один форт располагался на шестом пролёте моста.

Кроме того, город окружала система внешних деревянно-земляных фортов – «бульваров». Их задачей было удерживать противника с его артиллерией на расстоянии, с какого пушки не могли бы добивать до городских стен.

Такое мощное оборонительное устройство объясняется ключевым стратегическим значением Орлеана. Город этот являлся перекрёстком всех дорог, что шли по бассейну Луары как с запада на восток, так и с севера на юг. Самая широкая и удобная переправа через Луару тоже находилась под контролем Орлеана. Это тот самый мост, что охраняла Турель.

Тот, кто владел Орлеаном, владел всей Южной Францией. В 1429 году Орлеаном всё ещё владел дофин Карл.

Орлеану довольно долго удавалось оставаться в стороне от войны. Город просто-напросто платил англичанам примерно по шесть тысяч золотых в год, чтобы его не трогали. Но всё когда-нибудь кончается. К 1428 году Орлеан остался единственным крупным городом под властью французов, и пришёл, наконец, и его час изведать войну.

Английское командование решает захватить Орлеан и тем самым поставить победную точку в войне. Настоятельная необходимость звала их к тому. Дело в том, что, несмотря на общий победоносный ход действий для англичан, война затянулась уже до неприличия. Это вело к подорожанию товаров и росту налогов в Англии. И англичане всё более и более выражали своё недовольство.

Всё шло к тому, что, одерживая победу за победой на поле боя, Англия в конце концов рухнет под тяжестью экономических проблем.

Регенту английского престола герцогу Бедфорду всё труднее и труднее становилось утверждать военные расходы в парламенте. И в конце 1428 года настал момент, когда парламент отказался вотировать новые расходы на войну. Парламентарии потребовали от военных объяснить, как они намерены, чёрт возьми, заканчивать эту войну, если вообще намерены.

Закончить же войну можно было только одним способом – взять Орлеан. После чего у до-

фина Карла не осталось бы ни одной крепости, пригодной для хоть какого-то сопротивления. Война была бы закончена. И Франция исчезла бы с карты мира.

Правда, одно обстоятельство морально мешало англичанам атаковать Орлеан. Дело в том, что этот город входил во владения герцога Орлеанского. А сей герцог находился во владении англичан, то есть в плену. Для рыцарского же менталитета нападать на владения пленника было делом бесчестным.

Однако политическая и экономическая ситуация в Англии сложилась такая, что вопросы чести волей-неволей отошли на второй план. Лучшим выходом представлялось атаковать Орлеан…

План кампании герцог Бедфордский доложил парламенту, и депутаты скрепя сердце утвердили его финансирование. При этом парламент настоял, чтобы армию возглавил не граф Уорик – знатный человек, но малодаровитый командир, а молодой, талантливый и решительный Томас Солсбери.

Герцога Бетфордского больше бы устроил граф Уорик. Поручать армию Солсбери он считал опасным… для себя в первую очередь. Герцог не очень ладил с восходящей звездой Томасом Солсбери. Дать своему политическому противнику возможность снискать славу человека, поставившего победную точку в войне, не входило в планы герцога. А в том, что Солсбери без труда овладеет Орлеаном, Бедфорд ничуть не сомневался, как, впрочем, и никто из англичан.

Однако свою нелюбовь к Солсбери регенту пришлось отложить. Англия не та страна, где можно перечить парламенту.

24 марта 1428 года между парламентом, регентом и Томасом Солсбери был подписан контракт командующего, по которому Солсбери получил право нанять на Британских островах шесть рыцарей, пятьсот пятьдесят четыре пеших тяжёлых латника и полторы тысячи лучников. Этот корпус поступал под начало сэра Солсбери на год, считая от 30 июня 1428 года. Фактически набрать получилось несколько меньшее количество людей. Так что Солсбери отбыл на материк, имея всего около полутора тысяч воинов.

Несмотря на то, что парламент утвердил смету расходов, деньги поступали скудно. Пришлось обратиться к ростовщикам. Причём сам регент был вынужден заложить им свою золотую и серебряную посуду и драгоценности.

Высадившись в начале июля в Нормандии, Томас Солсбери с присущей ему энергией принялся решать кадровую и финансовую проблемы за счёт французских владений Англии. Из местного парламента – Генеральных штатов было выбито разрешение на сбор дополнительного налога в общем размере шестьдесят тысяч ливров. Однако сэру Солсбери показалось этого мало, и он снова обратился к Генеральным штатам. Те оказались значительно сговорчивей английского парламента и ввели новый сбор, давший ещё сто восемьдесят тысяч ливров. Этими двумя сборами города севера Франции были буквально ограблены.

В Нормандии Солсбери нанял дополнительно пятьсот пеших латников и две тысячи лучников. Затем он выступает в Париж и производит ещё один набор войск, уже среди этнических французов.

Доведя к августу личный состав примерно до десяти тысяч бойцов, сэр Солсбери объявляет всем, что выступает на… Анжу. Это совсем не Орлеан. Это гораздо западней.

Так Солсбери пытался ввести противника в заблуждение. Дело в том, что и на Орлеан, и на Анжу из Парижа сначала надо было двигаться на юг по одной и той же дороге. Английский командующий решил оставлять орлеанцев как можно дольше в блаженном неведении.

Но это ему не удалось. То ли разведка сработала, то ли в Орлеане такие прозорливцы сидели, но англичане ещё от Парижа не отошли, как в Орлеане всем уже было точно известно: не на Анжу, а на них пойдёт Солсбери. Город начал изо всех сил готовиться к битве.

Отметим с симпатией: для начала активной работы Орлеан совсем не ждал указов от дофина-батюшки. Благодаря широкому местному самоуправлению жители города обладали достаточной гражданской сознательностью, чтобы действовать самостоятельно.

Закупаются зерно, свиньи, скот, рыба, продукция складируется, коптится, засаливается, вялится, сушится.

Горожане обновляют укрепления, углубляют рвы, усиливают бойницы и навесы над городскими стенами. Организовано производство зарядов для артиллерии. За пятьсот ливров золотом было закуплено двадцать пять тысяч стрел с наконечниками для арбалетов и пятьдесят тысяч стрел с наконечниками для луков (позднее, уже в разгар осады, докупили ещё примерно столько

же). Формируется ополчение в пять тысяч человек. Командовать ими поручается Раулю де Гокуру – городскому бальи. Сей пост означал королевского наместника в городе.

Гокур разделил стены на шесть участков обороны. Кроме того, из мужчин, не попавших в ополчение, де Гокур сформировал пять ремонтных команд, обязанных чинить укрепления, тушить пожары, бороться с подкопами и самим вести подкопы. Женщинам и подросткам было вменено в обязанность доставлять на стены всё необходимое воинам и заботиться о раненых.

Гонцы с просьбой о помощи направлены в соседние города, оттуда приходят отряды добровольцев.

Защищать стены – это полдела. Нужно ещё делать вылазки, биться на подходах к городу, контратаковать. То есть драться вне стен. А для битвы в поле ополчение малопригодно. Но других бойцов нет: Орлеан, как и многие другие города Франции, в качестве муниципальной привилегии выбил себе у королевской власти право не содержать армию. Право это Орлеан получил ещё до начала Столетней войны и с большим удовольствием им пользовался, не давая ни гроша денег и ни булки хлеба французской армии. Теперь вдруг выяснилось, что армия всё же нужна.

Орлеан шлёт гонцов к дофину с просьбой прислать профессиональных воинов, а город, так и быть, будет их содержать.

Орлеанский муниципалитет и сам приступил к поиску, выражаясь современным языком, «полевых командиров» с их отрядами, что в изобилии расплодились тогда во Франции. По условиям найма бойцов кормили и платили: четыре ливра в месяц латнику и девять ливров в месяц стрелку. Желающие нашлись быстро, в город потянулись отряды опытных головорезов всех наций и мастей. Уже к лету их насчитывалось около трёх тысяч человек.

Прибыли и королевские войска. Отряд тяжёлых всадников с пешим войском из шотландских стрелков и итальянских арбалетчиков возглавлял незаконнорождённый брат дофина Жан де Дюнуа.

Понимая всю значимость Орлеана, Карл и позже не скупился на подкрепления.

Жан де Дюнуа считался командующим обороной Орлеана, но был таковым лишь формально. Гарнизон города состоял из пятнадцати отрядов, подчиняющихся своим командирам. Чтобы организовать, например, вылазку, Дюнуа приходилось отдельно уговаривать каждого.

Очевидно, поэтому, имея численный перевес над противником, французы терпели поражение за поражением. У англичан ведь командующий был отнюдь не формальный, а единственный и полновластный.

Действовал он так. Выступив из Парижа в конце августа, англичане к началу сентября достигли бассейна Луары западней Орлеана. Там они повернули на восток и начали захватывать один город за другим, обеспечивая себе тыл и фланг. Последней преградой на пути к Орлеану вдоль Луары оставался город Менг. Однако его жители меньше всего на свете были склонны служить кому-либо преградой. Они сдались на милость победителю. Вместе с городом в руки ликующего Солсбери попал и удобный мост. Теперь англичане получили возможность наступать по обоим берегам реки.

1 октября они овладели городом Клери. Он стратегической роли не играл вовсе. Зато был знаменитым на весь юг Франции религиозным центром. В соборе Нотр-Дам-де-Клери находилось множество священных реликвий и останков местночтимых святых. Паломники стекались сюда со всей Южной Франции, оставляя в казне собора немалые деньги. Сэр Солсбери не замедлил убедиться в этом лично, прибыв в Клери. Осмотрев убранство собора и его казну, английский командующий тут же ощутил острую нехватку средств на войну и, не моргнув глазом, разграбил собор до нитки. Надо сказать, это происшествие потрясло всю Францию.

Когда англичане двинулись по Луаре на восток, исчезли последние сомнения: час Орлеана пробил! Немедленно приступили к беспощадному уничтожению всех строений в окрестностях города, чтобы англичане не нашли стройматериалов для осадных работ и жилья на зимний период. Были уничтожены все селения, а также церковь и монастырь францисканцев.

12 октября 1429 года жителей Орлеана разбудил набат. Дозорные заметили на левом берегу передовые отряды врага. Вообще-то орлеанцы не ждали приступа с юга. Но отреагировали быстро, вышли из города и полностью разрушили южное предместье – Портеро.

Разведка сообщила, что основные силы англичан по-прежнему надвигаются по берегу и уже в полупереходе от Орлеана. Решено было встретить противника на дальних подступах.

Холмистый гребень высотой полтора километра, минутах в пятнадцати ходьбы от города,

назывался Гора Сен-Лоран. Он господствал над всем правобережьем Орлеана. На нём французы заняли оборону.

К вечеру 12 октября англичане, подойдя к городу, сходу атаковали Сен-Лоран и после ожесточённого боя сбили с высоты французов, которые отошли под защиту стен. В первый же день осады возвышенность оказалась в руках англичан. Они установили на горе пушки и приступили к обстрелу. В город полетели шестидесятикилограммовые каменные ядра.

Так 12 октября 1428 года первые выстрелы английских бомбард возвестили о начале осады. «Хроники Орлеана», педантично записывающие его историю по дням, сохранили имя и первой гражданской жертвы осады. Это была женщина по имени Бель, жившая в районе под названием Шенно. Её убило ядром.

Но Солсбери вовсе не собирался брать город измором. Надвигающаяся зима обещала быстрей выморить англичан, чем французов. В планах был штурм.

Неделю Солсбери потратил на осмотр городских укреплений, после чего пришёл к выводу, что Турель есть ключ к Орлеану. Забегая вперёд, скажем, что Жанне, чтобы прийти к тому же самому выводу, понадобился всего один день.

17 октября, устроив мост из обозных телег, англичане переправляют значительные силы с правого на левый берег Луары и вступают в разорённый Портеро. Теперь Турель прямо перед ними.

С этой же даты обстрелы становятся ежедневными. Очевидно, к городу подтянулись все английские тяжёлые бомбарды.

Каменные стены Турели прикрыты от ядер высоким валом. Следовательно, прежде чем брать саму Турель, необходимо овладеть валом. Солсбери командует: «В атаку!». 21 октября англичане, изготовив много штурмовых лестниц, бросаются на вал. Но тщетно. После яростной схватки они были отброшены, потеряв двести сорок человек. Тогда англичане отказываются от лобового штурма и начинают минные работы.

Потратив два дня на подведение подземных ходов к валу, 23 октября они закладывают под него взрывчатку и разносят это укрепление на камешки.

Французы отступают в саму цитадель. Англичане подтягивают артиллерию и ведут массированный обстрел Турели. В ночь с 23 на 24 октября, не выдержав непрерывного обстрела и понеся тяжёлые потери, французы оставили Турель и ушли в город. Таким образом, всего лишь за десять дней боев англичане овладели всеми опорными пунктами французов вне города, загнав их за городские стены. Блестящий результат! Сэр Солсбери имел все основания гордиться собой и своей армией. Да и широкий каменный мост через Луару теперь, после взятия Турели, считай что в английских руках. Что же ещё надо для успешного штурма?

24 октября было воскресенье. Воевать в такой день грешно, да и небольшую передышку перед решающим приступом устроить надо. В этот день сэр Солсбэри решил осмотреть захваченную Турель, а заодно и полюбоваться с её стен прекрасными видами Орлеана. Он там – как на ладони.

В сопровождении командира нормандской конницы Вильяма Гласдейла сэр Солсбери проследовал на Турель. Там благодать. Солнышко осеннее светит. Птички поют. Тишина вокруг. Из Орлеана слышен колокольный звон, призывающий горожан к воскресной мессе.

И вдруг на стене города – одинокая вспышка, звук грома, свист ядра – и сэр Солсбэри падает. Половина его головы начисто снесена одним-единственным ядром, выпущенным в тот день орлеанцами. Ну бывает же такое!

Кто был этот снайпер, спасший Орлеан? «Хроники Орлеана» рассказывают следующее. В тот день люди собрались в церквях, молясь о спасении города. На стенах остались часовые. Если то, что произошло дальше, и есть ответ на молитвы, то стоит заметить, что Господь обладает изрядным чувством юмора.

Внезапно один из часовых остро захотел сходить в туалет. Он плюнул на караульный устав и помчался в ближайшую башню, в отхожее место. Достигнув сей земли обетованной и приступив к делу, караульщик вдруг услышал прямо из-за стенки грохот пушечного выстрела. Подскочив и даже не надев штаны, часовой вылетел из башни и увидел в клубах порохового дыма, как от ближайшей пушки опрометью убегает какой-то мальчишка.

Вот так внезапная диарея и какой-то орлеанский сорванец на паях ухлопали сэра Солсбери, лишили английскую армию командующего, герцога Бедфорда, – опасного политического противника и избавили Орлеан от штурма.

На следующий день в Орлеан прибыло сильное подкрепление, посланное из Шинона дофином Карлом. Это были гасконцы во главе с Ла Гиром и шотландские стрелки. Общая обстановка для французов резко улучшилась.

После гибели Солсбэри англичане забыли и думать об Орлеане. Два самых знатных командира в их армии, сэр Гласдейл и сэр Толбот, тут же начали выяснять, кто из них больший сэр? То есть кому заступать на место Солсбери?

Вдобавок начались сплошные осенние дожди. Зима была на пороге. Сэры выясняли «а ты кто такой?», солдаты же сначала помаленьку, а потом всё больше и больше начали дезертировать.

Когда в пелене дождя растворилась половина армии, Толбот и Гласдейл немного очухались и решили временно прекратить споры и отвести войска на зимние квартиры. У Орлеана остался только гарнизон Турели в пятьсот человек под командованием Гласдэйла.

Однако вскоре ситуация изменилась. К городу прибыл новый английский командующий герцог Уильям де Ла Поль. Он выводит остатки армии с зимних квартир опять под стены города.

Де Ла Поль счёл, что наличных сил не хватит для штурма. Он решает замкнуть город в кольцо, и пусть обстрелы и голод сделают своё дело. Начинается война кирками и лопатами. Англичане один за другим возводят форты, перекрывавшие дороги в Орлеан и отрезавшие его от внешнего мира.

Французы делали вылазки, атаковали английские укрепления, жгли и уничтожали окрестные строения, чтобы лишить врага стройматериалов. Весь декабрь французы штурмуют укрепления Сен-Лоран и Турель. Безуспешно.

Англичане упорно продолжают сжимать кольцо. В январе воздвигнуты укрепления Руан и Париж, отрезавшие дороги на север от Орлеана. Затем англичане соединяют все укрепления на северном берегу между собой системой окопов. Но неустанная борьба французов, их постоянные контратаки всё-таки дали свои плоды. Англичане так и не смогли перекрыть восточные пути в Орлеан, и он снабжался через Бургундские ворота.

Но ядра летели постоянно, город мало-помалу разрушался, и люди на его улицах гибли каждый день. В то же время осаждающие и осаждённые любезно обменивались друг с другом праздничными подарками и прочими знаками внимания. Так, под Новый год де ла Поль послал Дюнуа корзину слив, фиг и винограда. Бастард любезно отдарился, направил тому штуку дорогого сукна.

Дважды военные действия прерывались для проведения… рыцарских турниров. На них англичане бились с французами. Как будто без турнира им подраться негде было! А жители города с удовольствием наблюдали за этим зрелищем.

На Рождество по просьбе англичан военные действия были вообще приостановлены. Более того, у стен города в честь Рождества был дан совместный концерт. Орлеанский оркестр вышел из стен и присоединился к английскому оркестру. Так они весь день и играли, к удовольствию обеих сторон.

Война идёт без взаимного озлобления. Осада, похоже, воспринимается участниками как нечто обыденное, чем можно заниматься вполне бесстрастно.

2 января в город заходит ещё один отряд шотландских стрелков. Они принесли с собой радостную новость. Дофин Карл тщательно поскрёб по всем сусекам и послал к Орлеану уже не отдельный отряд, а сильное четырёхтысячное войско. Во главе его стоит молодой Шарль де Бурбон, граф Клермонский.

Эти новости заметно подняли настроение у осаждённых. С прибытием Клермона у французов должно было возникнуть численное превосходство. Теперь можно было думать и над полным снятием осады. Но в дальнейшем дела пошли так, что ситуация для Орлеана не улучшилась, а ухудшилась. И значительно.

11 февраля 1429 года, когда войско Клермона было ещё на подходе, в Орлеан поступило известие: с севера к англичанам движется крупный обоз с продовольствием. Его сопровождают не более тысячи воинов.

Дюнуа тут же загорелся идеей разбить этот обоз. Это бы очень осложнило жизнь англичанам. И, возможно, заставило бы их задуматься о том, чтобы убраться из-под Орлеана подобру-поздорову.

Англичане тоже знали о скором прибытии крупного французского подкрепления. Это их крайне тревожило. Дюнуа поделился мыслями со своими командирами и нашёл у них полное понимание.

В ночь на 12 февраля из Бургундских ворот вышла двухтысячная колонна и тайно двинулась

на север. Командовал ею сам Дюнуа. Кроме его отряда, в этот сводный корпус входили шотландцы под командованием Вильяма Стюарта и гасконцы под командованием, разумеется, Ла Гира.

В полдень авангард, состоявший из гасконцев, наткнулся у деревни Руврэ на английский обоз, двигавшийся на юг неторопливой длинной кишкой. Гасконцы извещают об обозе основные силы. Французы быстро стягиваются и готовы атаковать. Разгром англичан кажется неминуемым. Мало того, что численный перевес за французами, так они ещё и застали противника на марше. Растянутым, не организованным для отпора.

Но, к великому удивлению англичан, противник не атакует, а встал и чего-то ждёт. Ну а сами они ждать не собирались. Они быстро устроили из телег ограду, за которой укрылась их немногочисленная конница. Затем лучники споро соорудили частокол из кольев, что специально для подобных случаев везли с собой, и построились за ними.

Собственно, теперь французам можно уже было и не атаковать. В похожем случае, при Азенкуре, атака конницы на укрепления и лучников обернулась для французов полнейшим разгромом.

В чём же дело? Чего ждали французы? А они ждали графа Клермона. Конечно, и без него бы не побоялись атаковать. Но дело в том, что одновременно с обнаружением обоза к Дюнуа прискакал гонец от Клермона с требованием ни в коем случае не начинать бой до его подхода. Молодой граф, очевидно, перепутал войну с охотой и решил тоже во что бы то ни стало принять в этой приятной забаве участие.

С чем перепутал войну давно воевавший Дюнуа, неясно, но он просьбу Клермона выполнил. Поэтому французы застыли как вкопанные, дав возможность противнику прийти в себя и изготовиться к обороне.

Итак, два войска застыли друг против друга. И стоят. Англичане ждут атаки, французы ждут Клермона. Это безумие продолжалось два часа.

Наконец, у командира шотландцев Стюарта терпение лопается, и он командует: «В атаку!». Шотландцы устремляются вперёд, но стрелы обозников выкашивают их целыми рядами. Шотландцы бегут.

Слово берёт гасконская конница. Результат тот же. Гасконцы рассеяны стрелами и обращены в бегство.

Теперь в бой, уже совсем непонятно зачем, ринулась рота тяжёлых всадников Дюнуа. Той удалось прорваться сквозь ливень стрел к частоколу. Но здесь они были атакованы во фланг и тыл вышедшей из укрытия английской конницей. Французы окружены. Дюнуа ранен. Он попал бы в плен, если бы не Ла Гир.

Гасконец сумел собрать часть своих разбегающихся подчинённых и поспешил на помощь Дюнуа. Удар гасконцев опрокинул англичан и позволил французам выйти из кольца. Гасконцы продолжили бой, прикрывая отступление остатков французского войска. И почти все погибли при этом…

Всего за этот бой французы потеряли только убитыми более пятисот человек. Так во французскую военную историю была вписана её самая позорная страница. Английский продовольственный обоз наголову разгромил численно превосходящего противника. Битва селёдок – так прозвали это сражение современники: основным грузом обоза была солёная и копчёная сельдь.

А что же граф Клермон? Он так и не появился на поле битвы. На подходе ему попались разбегавшиеся шотландцы и гасконцы. С их слов Клермон понял, что там творится, и струсил. Он немедленно повернул к Орлеану и укрылся за его стенами.

Когда Дюнуа со своими вернулся в город и застал там воинов Клермона, уже как ни в чём не бывало приступивших к еде, гневу его не было предела. Состоялся крупный разговор с графом, в результате которого всего через пару дней Клермон покинул Орлеан и увёл с собой всю свою армию…

Теперь ситуация стала крайне критической. Битва селёдок не только принесла французам большие потери, но ещё и подорвала моральный дух.

Скоро город покинули ещё несколько командиров со своими отрядами. Ушёл и отважный Ла Гир. Его гасконцы были почти все перебиты в этом злосчастном сражении, и он объявил, что уходит набирать новый отряд, но обязательно вернётся. Не очень-то ему и поверили, но, как увидим, обещание своё он сдержал.

Французские вылазки за стены прекратились. Некому стало выходить. Пользуясь этим, англичане возобновили работы по окружению города. Они построили укрепление Сен-Лу на холме на-

против Бургундских ворот. Теперь кольцо замкнулось окончательно. Орлеан был отрезан от мира и с востока. Началась блокада. И к смертям от артогня прибавились смерти от голода.

Всем стало ясно – Орлеан накануне падения. Городской магистрат попробовал вступить в переговоры с герцогом Бургундским и отдаться под его власть. Тому идея понравилась, но он наткнулся на непонимание у своих союзников англичан. Бургундцу было заявлено, что англичане не для того лили под Орлеаном пот и кровь, чтобы взять и подарить ему город.

Правда, совсем рук орлеанцы не опустили. 27 февраля 1429 года они добились даже некоторых успехов. В тот день Луара, и без того широкая, сильно разлилась. Под угрозой затопления оказались английские осадные укрепления. Англичане схватились за лопаты и работали как проклятые, чтобы их спасти. Французы же весь день обстреливали их из всего, что в городе стреляло. В итоге им удалось разрушить одну из стен Турели. Полегчало не очень, но всё равно приятно.

А в городе зрела измена. 9 марта, по словам «Орлеанской хроники», *«в среду несколько французов открыли, что у Орлеанской Богадельни, что рядом с воротами Паризи, стена была пробита почти насквозь и устроена дыра, достаточная, чтобы пропустить вооружённого солдата. Но затем на месте этой дыры была устроена новая стена, в каковой были сделаны две бойницы…»*

Как только это открылось, управитель богадельни тут же бежал из города, опасаясь вполне заслуженной им петли.

Этот бежал, а сколько подобных ему осталось и ждало момента? А если даже таких и не было, то орлеанцы вполне могли полагать, что предатели в их стане имеются. Это, конечно, сильно угнетало и без того падающий не по дням, а по часам дух осаждённых.

Именно в этот тяжелейший момент, когда на город опустилась полная безнадёга, вдруг молнией блеснула весть: Дева из Лотарингии, о которой Франция грезила последние четыре десятка лет, наконец-то появилась и идёт к ним на помощь!

Жанна в тот момент ещё только миновала город Жьен. Она ещё до дофина не добралась, а по Орлеану уже, как пожар, неслись слухи. И в бедных кварталах, и в богатых особняках только и разговоров: Дева уже здесь. Дева грядет!

ГЛАВА 10. «Я ВАС ПОВЕШУ, МИЛЫЙ БАСТАРД»

Из Блуа, где Жанна собрала свою армию, к Орлеану можно двигаться двумя дорогами. Одна идёт по северному берегу Луары, другая – по южному. По любой из дорог два дня пути, но та, что шла по северному берегу, выводила прямо к городу. Однако если выбрать её, придётся миновать сначала занятые англичанами города Божанси и Менг, потом, на подступах к Орлеану, – три английских форта и в завершение прорываться сквозь английские позиции у стен города.

Дорога по южному берегу безопасна, но требует два раза переправить армию и обоз через реку. Один раз в Блуа с северного берега на южный, второй раз у Орлеана – обратно.

Допустим, переправиться в Блуа проблем нету, потому что есть мост. А как быть при подходе к Орлеану? Единственный мост там под контролем англичан, захвативших Турель. Значит, надо переправляться подручными средствами. И сколько же их потребуется для четырёх тысяч бойцов, тысячи коней, нескольких сотен голов скота, пяти тысяч обозных телег и обозных слуг?

Не знаю, как и чего считал Бастард Дюнуа, но в своих посланиях он настойчиво советовал армии двигаться по южному берегу.

Утром 27 апреля армия Жанны перешла на южный берег Луары и двинулась к Орлеану. Вечером 28 апреля, в четверг, она была у города.

Дюнуа, разумеется, заранее был извещён о подходе армии. И с досадой понимал, что допущена ошибка. Армию невозможно будет переправить через Луару. Во-первых, он явно переоценил количество средств переправы, имеющихся в распоряжении Орлеана. Несмотря на все усилия, удалось собрать в городе только сотню лодок и три парома. Потребовалась бы неделя, а может, и больше, чтобы переправить всех таким скудным составом плавсредств. Во-вторых, резко ухудшилась погода. Шёл непрерывный дождь и дул восточный ветер. А для того чтобы на лодках переправлять войско, требовалось грузиться к западу от города и плыть под парусом и на вёслах к востоку и уже там выгружаться, чтобы войти в Орлеан через восточные ворота. Это значило идти против течения, что вполне возможно. Но плыть против ветра делало бы всю затею невозможной.

Ну а почему нельзя грузиться с востока, чтобы просто пересечь реку – и дело с концом? Увы, это исключалось, потому что как раз у мест, удобных для погрузки в лодки, англичане не так

давно возвели ещё один форт – Сен-Жан-ле-Блан. Дюнуа понял, что идея с переправой провалилась, и отплыл навстречу подошедшему войску в весьма дурном настроении.

Зато у горожан, вышедших проводить Бастарда, настроение было прямо противоположное. Они знали, что Дева подошла к городу, и ликовали как при известии о Втором пришествии.

По словам орлеанского купца Жана Люилье: *«Все жители города с нетерпеньем ожидали прихода Девы, по причине её славы и известия о том, что она послана Богом. А мы все к тому времени были уже доведены до такого отчаянья, что не ждали помощи ни от кого, кроме как от Бога»*.

Дюнуа переплыл реку без приключений. Ему как раз ветер был попутным, а англичане не могли видеть его лодку благодаря нескольким крупным покрытым густым лесом островам. Умело маневрируя между ними, можно было плавать сколь угодно, оставаясь для противника невидимым.

Ну а что же Жанна? Она была в ярости! Как только она поняла, что переправы нет, а поняла она это сразу, сошла с коня и, замкнувшись в мрачном молчании, стала ожидать орлеанскую делегацию.

Дюнуа со свитой высадился на берег, отыскал глазами маленькую фигурку в серебряных доспехах, понял, что это и есть та, на которую молится Орлеан, подошёл к ней и учтиво преклонил колено. А поднимаясь, наткнулся на взгляд, устремлённый из-под поднятого забрала. Его словно молнией пронзило от вида чёрных пылающих гневом глаз.

– Вы Орлеанский Бастард? – осведомилась Жанна далеко не нежным голосом.

Дюнуа подтвердил, что, да, он.

– Это вы советовали мне идти левым берегом? – снова недружелюбно уточнила Жанна

Дюнуа только развёл руками.

– Вы обманули меня! – чуть ли не прошипела Дева. – И если ещё раз осмелитесь это сделать, я вас повешу, милый Бастард. Высоко и быстро.

Дюнуа тогда это позабавило. Насмешило и других высокородных рыцарей, на тот момент так же плохо, как Дюнуа, знавших Жанну. А среди той свиты, что проделала путь в шестьсот километров вместе с Жанной из Вокулёра в Шинон, не засмеялся и не улыбнулся никто. Они уже отлично Деву знали.

Остальным только предстояло узнать её с этой стороны поближе. И мы, зная её, можем подтвердить – вешать, и не поодиночке, а гроздьями, её никогда не смущало.

Формула повешения, случайно рождённая гневом Жанны на берегу Луары, – «высоко и быстро» – очень скоро вошла во французские законы. С тех самых пор вплоть до изобретения гильотины при вынесении приговоров о смертной казни через повешение судьи писали: «Повесить высоко и быстро».

Когда в дальнейшем Жанна начнёт вешать «высоко и быстро», все вокруг будут умиляться её милосердием и считать это ещё одним доказательством того, что она истинно Дева, посланная Богом. Вы удивлены? Не понимаете, в чём тут милосердие? А посмотрите на это глазами средневекового человека. Ведь в то время «быстро» было казнить не принято. Казнили медленно. Со вкусом, наслаждаясь муками жертвы. Повесят, потом полузадохшегося из петли вынут, дадут отдышаться, снова повесят и снова не дадут умереть – вынут из петли и вспорют живот, вытянут кишки и снова повесят. Так что нарисованный древними хрониками и преданиями образ милосердной Девы правдив.

Однако надо было срочно что-то решать. Дюнуа предложил: Жанна и он отплывают на лодке в Орлеан, часть обоза с охраной следует дальше на восток и там, у местечка под названием Застава Буше, переправляется на северный берег. Правда, они оказываются неподалёку от самого восточного английского форта Сен-Лу, но можно провести отвлекающую атаку и дать возможность телегам проскочить в город.

А остальной обоз? А войско? Им придётся возвращаться обратно в Блуа, переправляться там на северный берег и по нему идти на Орлеан. Это ещё минимум пять дней.

Жанна скрепя сердце принимает этот план, но с одной поправкой – она не бросит войско в таком трудном переходе. Ведь после переправы им придётся возвращаться мимо врага, проходить рядом с захваченными городами. Мало ли что может случиться! Нет, она пройдёт этот путь вместе со всеми и вместе со всеми вступит в Орлеан или вместе со всеми погибнет, если так суждено.

Дюнуа вспомнил орлеанцев, провожавших его на встречу с Девой. Представил, как они ждут, чтобы он возвратился с ней, потом представил, что сделают добрые горожане с тем, кто

Деву им не привезёт, а наоборот, отправит её обратно в Блуа. Ужаснулся. И снова кинулся на колени, умоляя Жанну переправляться с ним в Орлеан сегодня. Очевидно, он был очень красноречив и убедителен, описывая с каким нетерпеньем Деву ждут в Орлеане. Жанна согласилась.

– Хорошо. Давайте переправляться. – И направилась к лодке.

Окружающие опешили. Переправляться прямо сейчас? При встречном ветре? Это невозможно. Теперь Дюнуа пришлось уговаривать Жанну потерпеть до вечера. Глядишь, к ночи ветер переменится, и вот тогда… Но Жанна больше не намерена ждать.

Глядя в глаза Дюнуа, она отчеканила:

– Ветер переменится прямо сейчас, милый Бастард.

И действительно, только Жанна ступила на борт лодки, как стихли и ветер, и дождь. Рёв восторга прокатился по французскому лагерю – вот ещё одно доказательство, что она истинно Дева, посланная Богом!

Эпизод со внезапным изменением погоды зафиксирован минимум в трёх источниках. Все записи сделаны очевидцами этого события. Значит, это не позднейшая выдумка, не одна из многочисленных легенд о Жанне, а в какой-то степени подлинный факт. Как же его объяснить?

Объяснение может быть только одно: во время разговоров Жанна внимательно следила за небом и по каким-то приметам определила скорую перемену погоды.

Если же отойти от материализма… Впрочем, возникающие тогда объяснения могут подойти только для Жития святой Жанны, а таковые я писать не намерен. Хотя, несомненно, именно такие объяснения и были даны всеми очевидцами. Как с французской, так и… с английской стороны. И последнее было даже важнее, чем первое.

Как бы то ни было, они поплыли. На двух лодках. В одной – Дюнуа и Жанна. Во второй – её телохранители. По дороге Жанна подробно расспрашивала Дюнуа о положении в Орлеане. Как обстоят дела с продовольствием? Что собой представляют английские укрепления? Сколько примерно сил у противника? Не слышно ли чего о подкреплениях для англичан?

На последний вопрос Дюнуа ответил, что ему ничего не известно. Жанна возразила: ей известно о том, что целая армия во главе с прославленным полководцем Фальстолфом движется к Орлеану. Откуда ей это известно?

Жанна ответила так, как всегда отвечала и всегда будет отвечать в подобных случаях:

– *Мои голоса сказали мне об этом*. – И добавила: – *Пошлите людей и следите, тщательно следите за передвижениями Фальстолфа*.

К вечеру лодки причалили к северному берегу примерно в шести милях восточнее Орлеана. Там было небольшое местечко под названием Шеси. Здесь должна была переправиться часть обоза с южного берега. Сюда и приказала плыть Жанна, заявив, что хотя бы без части своего обоза она в город не зайдёт. Пришлось в Шеси заночевать, ибо обоз всё ещё копался на том берегу, налаживая переправу, и раньше следующего дня, 29 апреля, оказаться в Шеси никак не мог.

Дюнуа беспокоил английский форт Сен-Лу, что громоздился милях в трёх восточнее. Не вызвать ли сюда отряд арбалетчиков из Орлеана? Вдруг англичане из Сен-Лу попробуют помешать переправе или, чего доброго, прослышав, что Дева рядом с ними в беззащитной деревушке, нападут на Шеси? Жанна запретила Дюнуа дёргать солдат из Орлеана. Её голоса, заявила она, сказали, что всё будет в порядке, и нечего попусту тревожить людей среди ночи.

Заночевали в домике зажиточного горожанина Гюи де Кайи. Вернее, его звали просто Гюи Кайи. Без всяких там «де». Ибо дворянином он не был, а был богатый рыбак, который досель поплёвывал на всю эту военную кутерьму, исправно снабжая свежей рыбкой обе воюющие стороны, и жил себе припеваючи. Но после ночи, что провела Жанна под его крышей, человека как подменили.

Утром он пал перед Жанной на колени и сказал, что просит разрешения у Девы следовать за ней.

– Куда? В Орлеан? – не поняла Жанна.

– Повсюду, куда бы Вы ни приказали! – воскликнул Гюи.

И с этого времени он действительно неотрывно сопровождал Жанну во всех её военных кампаниях.

Причины, побудившие его так резко изменить свой образ жизни, славный Гюи Кайи описал через три месяца после этих событий. Он направил письмо королю Карлу VII с рассказом о том, что видел своими глазами той ночью.

А видел он *«трёх сверкающих архангелов с огненными мечами, что стояли в изголовье спящей Девы»*.

Письмо это было написано на пике славы Жанны. Славы уже не французской, а общеевропейской. И все, а уж коронованный Жанной Карл в особенности, готовы были поверить чему угодно про эту девушку. Король поверил Гюи Кайи сразу и безоговорочно. И даровал ему дворянство. Этот Акт Карла сохранился до наших дней. В нём он дарует Гюи де Кайи дворянский герб с изображением *«трёх архангелов в пламенном сиянии, как в тот момент, когда означенный Гюи де Кайи видел их»*.

Как относиться к сему факту – решайте сами. Может, в ту ночь экзальтированное религиозное сознание Гюи действительно показало ему нечто, а может, он в тот день просто перебрал доброго французского вина.

Но, как бы то ни было, Жанна получила за здорово живёшь ещё одного преданного человека и бойца, а преданный человек и боец получил дворянство для себя и потомков. И так хорошо, и так хорошо.

…Разумеется, нечего было и думать, чтобы удержать в тайне факт переправы Жанны на правый берег и место её ночёвки. Поэтому прямо с утра пятницы 29 апреля дом Гюи Кайи стал настоящим местом паломничества.

Сотни орлеанцев, покидая город через восточные ворота, стекались в Шеси, чтобы хоть краем глаза взглянуть на Посланницу Божию и, если повезёт, коснуться её рукой. Пока что они, а не англичане стали основной проблемой для телохранителей Жанны. Англичане же сидели тихо и угрюмо в своём форте Сен-Лу. Они не сделали ни малейшей попытки напасть на Шеси или хотя бы пострелять по нему.

Арбалетчиков из Орлеана Бастарду всё же пришлось вызвать. Огромная и всё возрастающая толпа паломников начала создавать реальную угрозу если не самой Жанне, то её пути к Орлеану. Жанна как раз собралась в дорогу, так как обоз уже практически полностью переправился. А дорога от Шеси до Бургундских ворот наглухо забита толпами людей! Как тут проедешь? Сотня арбалетчиков и расчистила путь Деве.

Одновременно Дюнуа послал в Орлеан приказ Раулю де Гокуру (это капитан городского ополчения, если вы помните), чтобы он поднял на ноги всех своих бойцов и обеспечил безопасный и беспрепятственный проезд Девы через город. Ехать ей предстояло через весь Орлеан. От восточных, Бургундских ворот к западным, Ренарским. Там располагался дом Жака Буше – одного из самых богатых купцов Орлеана. Можно сказать, местного олигарха. Кстати, может быть, стать самым богатым горожанином Буше помогла не только успешная торговля, но и тот факт, что он был ещё и казначеем Орлеана. Ему и была дарована честь принять под свой кров Посланницу Божию.

Глядя на беснующуюся толпу на дороге от Шеси к Орлеану, Дюнуа начал понимать, каких трудов ему будет стоить провезти Жанну через весь город.

Во второй половине дня Жанна с сопровождающими и обозом выступили в дорогу. Несмотря на все усилия арбалетчиков, продвигались крайне медленно, и в Орлеан Жанна вошла только в восемь вечера.

Стало смеркаться; у стражников, перекрывших всю центральную улицу, у свиты Жанны и у толпы в руках были горящие факелы. Впереди пажи Жанны везли её знамя и боевой штандарт. Затем ехала сама Жанна в доспехах, на белом коне, по правую руку от неё, чуть приотстав, двигался Орлеанский Бастард Дюнуа.

Дальше ехали телохранители Жанны. И замыкал столь пышную кавалькаду обоз.

Восторг, охвативший орлеанцев при виде Жанны, неописуем – безумная экзальтация огромной толпы. Оцепление городской стражи было смято, и люди окружили кавалькаду.

«Орлеанская хроника» сообщает:

«Они ликовали так, словно с неба к ним спустился сам Господь. И не без причины – им пришлось вынести ранее множество тягот, забот и лишений, и что много раз хуже, постоянный страх быть брошенными на произвол судьбы. Потому они уже почти потеряли надежду на помощь и спасение.

Теперь же они чувствовали себя так, будто осада уже снята. Вот почему все они: и мужчины, и женщины, и дети – смотрели с такой любовью на эту девушку, в которой, как они были уверены, была заключена вся благодать Божия».

Разумеется, без происшествий тут обойтись никак не могло.

«Каждый хотел дотронуться до неё или хотя бы до её коня. Поэтому возникла чудовищная давка, и один из факельщиков случайно поджёг её штандарт. Тогда она пришпорила коня и так ловко погасила пламя, словно была опытным воином. Все, и солдаты, и горожане, сочли это великим чудом».

Шествие сквозь беснующуюся, вопящую и визжащую от исступлённого восторга толпу продолжалось. Оно длилось почти два часа. Только в одиннадцатом часу вечера Жанна вступила в дом Жака Буше. Там она, наконец-то, сняла доспехи. Впервые за четыре дня!

Как видим, для Жанны рыцарский доспех – словно вторая кожа. Она ездит в нём на коне, спит в нём, плавает в лодке. И только в роскошном жилье Буше она позволяет себе расслабиться. Жанна приняла горячую ванну, немного поела и легла спать.

А надо сказать, что Жак Буше был настолько богат, что у него в доме стояли аж две кровати! Да-да, целых две! Почти как у короля. Если вас удивило такое богатство, то скажу: в те времена кровати действительно были столь редки и дороги, что имелись только у самых богатых и знатных людей. Остальные спали на лавках, на полатях или на полу, подстелив под себя матрас. Ну а совсем бедные обходились и без матраса.

А у Жака Буше, стало быть, имелись две кровати. Наверное, когда орлеанские начальники выбирали место жительства для Девы, то это обстоятельство и склонило выбор в пользу местного олигарха.

На одной кровати спали Жак с супругой. Другой, к лютой зависти орлеанских девушек, владела дочь хозяев – Шарлотта. Разумеется, в честь прибытия Девы супруги Буше тут же вознамерились вышвырнуть доченьку куда-нибудь на лавку. Но Жанна их успокоила и сказала, что такой суеты ради неё не надо. Всё своё недолгое пребывание в Орлеане она делила постель с дочкой хозяев. У дверей спальни на матрасах, набитых свежей соломой, расположились паж Жанны Луи де Конт и её телохранитель де Олон. Так закончился первый день пребывания Жанны в Орлеане. Впереди их было ещё восемь.

ГЛАВА 11. ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

Кажется, в эту безумную ночь, с 29 на 30 апреля, кроме Жанны, в Орлеане больше никто и не спал. Возбуждённые толпы горожан шатались туда-сюда. Распевали псалмы, жгли факелы, размахивали оружием. Они готовы были прямо сейчас кинуться в бой на ненавистных годонов, доставивших столько горя и страданий Орлеану. Ведь победа обеспечена, не так ли? Если посланница Божия явилась в город и готова сражаться на их стороне, то кого же орлеанцам бояться? Когда Бог за нас – то кто на нас?

Наверное, телохранителям Жанны пришлось в ту ночь изрядно понервничать. Кто их знает, этих рехнувшихся от счастья гончаров да пекарей, шильников да портных и прочий плебейский сброд, рядом с которым благородному воину и стоять-то зазорно? Вдруг попробуют среди ночи ворваться в дом Жанны и потребовать, чтобы та вела их в бой прямо сейчас?

К утру, наконец-то, горожане немного утихомирились. Но ненадолго. С первыми лучами солнца Жанна проснулась и с небольшой свитой отправилась в церковь к заутрени. Это вызвало новый взрыв экзальтированного восторга горожан.

В церкви толпа затихла, благоговейно взирая на такую особенную молитву Жанны. Орлеанцы видели подобное погружение в общение с Богом впервые.

Пока Жанна молилась, гасконцы, под командованием Ла Гира, которому не сиделось на месте, сделали короткую вылазку и в лесу, примыкавшему к северной стене Орлеана, перерезали небольшой отряд англичан, рискнувших выйти за дровами.

Жанна после молитвы приступила к делам. Она направляет второе послание английскому главнокомандующему. В нём она сообщает, что она, Жанна, уже здесь, а значит, конец англичан близок, и снова просит убраться по-хорошему. Она требует вернуть гонца, что отвёз первое послание и был арестован, – иначе она завтра же развешает на зубцах городских стен всех английских пленников, которых она здесь обнаружила, в том числе пару знатных рыцарей. И приложила именной список этих потенциальных висельников.

Это ещё одна новинка от Жанны в военном деле. Позднее такой образ действий под названием «репрессалии» будет включён в Женевскую конвенцию о правилах войны. Репрессалии – это те меры, которые можно применять, если противник нарушает правила. В частности, можно взять и напоказ нарушить правила самому. Но это будет в XX веке, а Жанна додумалось до репрессалий в XV. И подействовало. Англичане отпустили гонца.

Вместе с ним они послали ответ Жанне. Ей ещё раз настоятельно советовали убираться домой и заняться своим прямым делом – пасти коров. А если она не послушается, то *«поймают грязную девку, сделают потаскухой и изжарят на костре»*.

Жанна, прочитав послание, пришла в ярость, побледнела от гнева и процедила: *«Пусть попробуют поймать»*.

Так закончился день 30 апреля.

На следующее утро Жанна решила показаться и отрядным командирам. Во главе с Дюнуа они собрались в доме мэра на улице Розы – обычное место для военных советов в дни осады Орлеана.

Собственно, никто туда Жанну не приглашал. Местные командиры Жанну ещё не знали в нужной степени и не считали необходимым её присутствие.

Жанна считала по-другому и предстала перед ними. Как обычно, в мужском костюме, но не в том, который носила раньше, а в новеньком, красно-зелёной расцветки – цвета Орлеана. Ещё одна маленькая загадка этой девушки. Где она его взяла? Как бы ни были талантливы портные города, вряд ли бы они сумели его сшить за одну ночь.

Жанна сразу же берёт заседание в свои руки и требует немедленно выплатить наёмникам задолженность по жалованью. Оказывается, вчера она не только молилась и вела переговоры с англичанами, но и собирала сведения о гарнизоне Орлеана. Солдатам не плачено уже три месяца! Разумеется, это никак не улучшало их боевой дух. Дюнуа попробовал возразить: в казне нет денег.

Жанна парировала: *«Есть деньги, милый Бастард. Я привезла с собой шестьсот туринских золотых фунтов. Этого вполне достаточно. Где они? Возьмите их и заплатите»*.

Кажется, эти шестьсот фунтов были уже распределены по достойным карманам, минуя дырявые карманы рядовых бойцов. Поэтому требование Жанны вызвало возмущение собравшихся. Командир по имени де Гамаш подскочил и заорал, что он благородный рыцарь и не намерен подчиняться *«девке, которая раньше невесть кем была»*.

Ла Гир выхватил меч. И быть бы рыцарю без головы, не вмешайся в дело Орлеанский Бастард. Он потребовал, чтобы де Гамаш просил у Девы прощения. Тот встал перед Жанной на колени и пробормотал что-то. Когда угроза кровопролития исчезла, совет продолжился в деловом ключе.

Ночью Дюнуа получил странное и тревожное известие. В Блуа, к которому уже подходила армия Жанны, чтобы переправиться на северный берег, зачем-то приехал дофин вместе с малым двором.

Что же тут тревожного? Дюнуа объяснил: армию могут задержать в Блуа, а то и вовсе не отпустить дальше. Жанна искренне удивилась. И Дюнуа пришлось объяснить Деве то, что в этом зале, кроме неё, было известно всем. При дворе есть влиятельные, очень влиятельные люди, которые вовсе не хотят победы Франции. Впрочем, победы Англии они тоже не хотят. А хотят они, чтобы эта война так и тянулась бесконечно. Без всяких побед и поражений. Им просто выгодна ситуация вечной войны. Уж больно жирные рыбы плавают в мутной воде.

Во главе этой партии стоял не кто иной, как коннетабль Франции де Ла Треймуль. Сия титулованная гадина, захватив фактическую власть при дворе Карла, без всякого смущения торговала с англичанами, снабжая войска, осаждающие Орлеан, различными припасами.

Появление Жанны слегка встревожило де Ла Треймуля, а когда он понаблюдал за этой девушкой с её сверхъестественными способностями, изрядно напугало.

А если эта таинственная посланница и впрямь разобьёт англичан? А вдруг и правда ей удастся короновать Карла в Реймсе короной французских королей? Что же тогда? А вот что – де Ла Треймуль лишится доходов от военных поставок англичанам. Соперник де Ла Треймуля – епископ Реймсский де Шартр обретёт солидные доходы от своих пока что занятых англичанами земель и не менее солидный вес при дворе…

Ввиду таких тревожных перспектив де Ла Треймуль, очевидно, и решил вредить миссии Жанны чем только возможно. Заминка с движением армии к Орлеану, вынужденное возвращение войска давали ему шанс покончить с Жанной раз и навсегда. Надо было убедить дофина, что армию он доверил совсем не тому командующему. Девчонка даже провести её к месту боя толком не сумела. Необходимо задержать армию в Блуа, что равносильно поражению, ведь Орлеан вот-вот падёт, это всем известно. Надо только выиграть чуть-чуть времени.

С этой целью, похоже, де Ла Треймуль и убедил дофина ехать в Блуа встречать свою незадачливую армию. Скажем сразу, ничего у него не вышло. Ибо вслед за двором в Блуа немедленно выехал и епископ Реймсский, который был хоть и несравненно беднее де Ла Треймуля, но не глупее. Он спешил в Блуа как раз с целью как можно быстрее выпихнуть армию обратно в Орлеан.

Армия вернулась в Блуа, вопреки надеждам де Ла Треймуля, не в удручённом неудачным походом состоянии, а в блестящем боевом виде. Возглавлявшие её командиры, особенно Аланcон и Жиль де Ре, по-прежнему пылали энтузиазмом и рвались в бой. Да тут ещё и епископ примчался, начал благословлять направо и налево святое воинство.

В этой обстановке коннетабль интриговать не стал.

Но всего этого, конечно, не мог предвидеть Дюнуа. Его тревоги полностью разделяли остальные орлеанские командиры. До прихода Жанны на совет было уже решено, что Дюнуа немедленно выезжает в Блуа, чтобы воспрепятствовать надвигающемуся вредительству. Жанна беспокойство окружающих не разделила ничуть.

«Мои голоса сказали, что армия прибудет вовремя», – хладнокровно заявила она.

Однако окружающие ещё не имели возможности убедиться, что эти таинственные «голоса» не ошибаются никогда. И настаивали на поездке Дюнуа. Жанна не стала возражать, и в ночь с 1 на 2 мая он спешно отбыл в Блуа.

Пока Дюнуа готовился к трудной поездке, Жанна продолжила осмотр местности и вновь сделала попытку договориться с англичанами миром. На этот раз она направилась к южным воротам, выводившим прямо на мост. Южное окончание моста занимала громада Турели, которая, как мы помним, уже давно была в руках англичан.

Северный конец моста разобран французами, а берег укреплён фортом.

В Турели находился сильный гарнизон из пятисот мечников и лучников под командованием опытного командира сэра Гласдейла. В день 1 мая оный сэр был взбешён и смущён одновременно. Нынче ночью чья-то таинственная рука прикрепила к стене его комнаты пророчество Мерлина о Деве, призванной спасти Францию. Нет сомнений, что о происшествии очень скоро стало известно всему гарнизону Турели.

И само пророчество, и способ его появления на стене воинского духа англичанам не прибавили. И к вечеру английские дозорные видят с турельских стен, как на том берегу на укреплениях французского форта появляется небольшая фигурка в сияющих серебряных доспехах. Звонкий девичий голос вызывает Гласдейла на разговор.

Вот она – Французская Ведьма! Наконец-то англичане видят её своими глазами. Гласдейл поднимается на стену. Ему самому не терпится взглянуть на ту, о которой вот уже какую неделю только и говорят и осаждённые, и осаждающие.

– *Гласдейл!* – слышит он. – *Время англичан кончилось. Уходите с миром, откуда пришли. Если не уйдёте – вы все погибнете.*

– *Шлюха!* – орёт Гласдейл. – *Дрянь! Попадись нам на часок, и ты перестанешь быть девой!*

Сопровождающие Жанну смотрят, как она отреагирует на эти слова. Жанна спокойна, видимых признаков волнения или гнева у неё нет.

– *Мне жалко вас!* – кричит она Турели. – *Жалко ваши души! Всё равно англичане уйдут от Орлеана. Но вы этого не увидите. И ты, богохульник Гласдейл, тоже!*

В ответ:

– *Убирайся пасти своих коров! Пока тебя не поймали и не сожгли.*

– *Вы лжёте*, – спокойно отвечает Жанна.

Поворачивается и уходит в город. Тяжёлые орлеанские ворота захлопываются за ней. И вздох облегчения – у орлеанцев. Наверное, Бог помутил разум и сковал волю англичан. Ведь Дева стояла прямо на валу, лёгкая мишень для лучника. В Турели их сотни. Опытных, метких, со страшными английскими луками в руках. И ни один не осмелился выстрелить! Это видели своими глазами тысячи орлеанцев и поспешили рассказать о новом чуде остальным жителям города.

А Жанна, понурив голову, возвращается домой. Рядом с ней – её верный паж, молоденький де Конт. Он счастлив. Мальчику очень хочется повоевать, и он тревожился, а ну как англичане послушаются Божию посланницу и уйдут без боя!

Не в силах сдержаться, он радостно спрашивает свою повелительницу: *«Жанна, ну теперь-то битва неизбежна?»*.

И получает звонкую пощёчину.

«Гадкий мальчишка! – со слезами на глазах кричит Жанна. – *Да знаешь ли ты, что такое война?!* (А сама-то откуда знает? – *И. Н.*) *Это значит, святая французская кровь прольётся!»*

Так закончился второй день Жанны в Орлеане.

На следующий день, 2 мая, Жанна продолжила укреплять моральный дух французов и трепать волю англичан. Она решила осмотреть укрепления Орлеана снаружи и заодно познакомиться ближе с английскими фортами на северном берегу.

И… можно ли представить более безумную идею? Просто выехать из ворот и проехаться

вдоль всего Орлеана на глазах тысяч врагов? Где тут хоть один шанс уцелеть? Но накануне, поднимаясь живой мишенью на вал в сотне метров от Турели, она рисковала не меньше.

К утру горожане, и без того в экстазе уже третий день пребывающие, после вчерашней сцены у Турели вообще как с цепи сорвались. Они желали, чтобы Дева немедленно повела их в бой. Чего там ждать армию? И на что она нам, храбрым орлеанцам, если с нами Дева?! В бой!

Но какой может быть бой? Под Орлеаном около трёх с половиной тысяч англичан, опытных рубак и стрелков. Городское ополчение многочисленней, более пяти тысяч. Все вооружены не хуже англичан. И на стенах вполне могут биться. Но в поле, в поле! Там один матёрый пехотинец без труда расправится с десятком храбрых портняжек, а рыцарь перебьёт, разгонит, потопчет конём и сотню. И спасти разгорячённых паче меры горожан будет некому, ведь профессиональных воинов на тот момент в Орлеане всего-то около шести сотен человек. Необходимо ждать армию. Но надо и занять чем-то расходившихся муниципальных вояк. Вот Жанна и ведёт их на этакую рекогносцировку.

За ней не только городское ополчение повалило, но и прочие горожане. Огромная толпа утром 2 мая выползает длинной змеёй из западных, Ренарских ворот и, не торопясь, обходит весь северный Орлеан до Бургундских ворот. Всё это время «демонстранты» и многочисленная публика на стенах то веселятся, то поют псалмы, то дружно скандируют оскорбления англичанам.

А что же англичане? Англичане сидели в своих укреплениях, не решаясь атаковать даже безоружную толпу, если её возглавляет Французская Ведьма. И высунуться из фортов не решились. Хоть раз выстрелить. Камень бросить. Похоже, они всерьёз напуганы. Только под вечер толпа втягивается через Бургундские ворота обратно за стены. Всё. Ещё один день закончен. Ещё один удар по англичанам нанесён. Удар моральный, но он пошатнул англичан сильнее физического.

Однако где же армия? Она движется по северному берегу. Вопреки всем опасениям, французам не пришлось прорываться с боями мимо захваченных англичанами луарских городов. Гарнизоны захватчиков сидели за стенами и не пытались высунуться.

Бастард Дюнуа был радостно удивлён, наткнувшись на армию уже на подходе к Орлеану. Это было в полдень 2 мая. Бастард тут же посылает радостное известие в город: «Завтра утром встречайте». Если бы он знал, какой способ встречи изберёт Жанна, возможно, поостерёгся бы извещать.

Утром 3 мая армия уже видит стены Орлеана. И тут Бастард замечает, что навстречу ей, прямо рядом с английскими фортами, мчится на своём белом коне Жанна, сверкая в лучах восходящего солнца серебром доспехов. И с ней только пять телохранителей! Дюнуа вспоминал, что у него при этом зрелище волосы под шлемом зашевелились от ужаса: «Что она делает?! Её же сейчас убьют!».

Какое там! Англичане бездействуют. На них будто паралич напал. Без малейших препятствий армия с Жанной во главе втягивается в Орлеан. Всё. Французским командирам можно облегчённо выдохнуть. Безумный поход паче всех чаяний завершён удачно.

Они ещё не знают, что уже победили. Ибо за эти пять дней, пока они блуждали от Орлеана к Блуа и обратно, Жанна в одиночку разбила английскую армию. Разбила тем, что скомкала, порвала и бросила под копыта своего белого коня английский моральный дух, сковала суеверным страхом их волю.

Теперь англичане – просто мишени. Надо только направить на них удар. В нужное время, в нужном месте. Тогда они сами посыплются.

ИНТЕРЛЮДИЯ 5. ЛУЧНИКИ И АРБАЛЕТЧИКИ

Какими же силами располагала Жанна и какие силы ей противостояли? Историки оценивают размер английской армии в семь-десять тысяч. Не все из них были под Орлеаном. Более половины стояли гарнизонами в прилуарских городах. Мы не очень ошибёмся, если определим численность осаждающих под Орлеаном в три с половиной – четыре тысячи бойцов. В основном это лучники. Соотношение между лучниками и остальными бойцами было примерно три к одному.

А что у Жанны? Формально – перевес, и перевес солидный. У неё около девяти тысяч бойцов. Но большинство этой армии не было приспособлено для полевого, атакующего боя. Обороняться на стенах – да, а вот кого же Дева могла вывести в поле?

Мы уже видели, что половина или больше её солдат – это муниципальная милиция. Гужбаньё городское, проще говоря. Храбрые, самоотверженные, но малообученные воины. При штурме вражеских укреплений они могли послужить не-

плохой смазкой для английских мечей и копий, но мало на что больше. Однако несколько сотен профессиональных солдат плюс четыре тысячи в подошедшей армии вроде давали равенство и некоторый перевес Жанне.

Так, да не так. Соотношение между стрелками и другими бойцами было, как и у англичан, три к одному. Это были арбалетчики. Лучшие в тогдашней Европе итальянские арбалетчики. Но от этого они не становились более пригодными для боёв в поле и атак укреплений. Оборона – вот их хлеб.

Чтобы было понятней, давайте сравним лучника и арбалетчика. Лук скорострельней. Английский лучник мог выстрелить дважды за минуту. Арбалетчик – хорошо, если раз в пару минут.

Лук гораздо дальнобойней арбалета и ничуть не уступает ему в убойной силе. По дальности и точности стрельбы английский длинный лук не то что арбалет, но и современные пистолеты превосходит. Лук менее громоздок, чем арбалет. Лучник куда как более маневренней арбалетчика. Места в строю лучник занимает меньше, чем арбалетчик. Стало быть, строй лучников более плотный, а значит, и залп будет более плотный.

Вот и выведи арбалетчиков в поле. Лучники перестреляют их быстрее, чем те первый залп успеют сделать. Правда, не будем забывать, что итальянские арбалетчики имели в своём снаряжении здоровенные прямоугольные шиты, похожие на современные омоновские. Наверное, поэтому именно арбалетчиков частенько привлекали к поддержанию порядка в городах. Теснить и огораживать толпу щитами не вчера придумали.

Однако щиты им были нужны вовсе не для полицейских функций. Они прикрывали арбалетчиков на поле боя. Это, конечно, повышало их защищённость, но никак не увеличивало скорострельность.

У арбалета было только одно преимущество перед луком. Оно и послужило тому, что арбалеты распространены были к XV веку гораздо шире луков. Это чудесное свойство арбалета – простота в применении, которая влекла за собой быстроту в обучении стрелка.

Лук скорострельней, но стрельба из него требует большой физической силы. А тетива арбалета натягивается специальным устройством и никаких сверхусилий не требует. Старик натянет, и женщина, и ребёнок, даже инвалид однорукий.

Лук точнее, но чтоб целиться из него, нужен быстрый, острый глаз. Ведь прицелка идёт с натянутой тетивой. Даже очень сильный человек не сможет долго удержать её натянутой. Значит, лучник должен в доли секунды найти цель, сделать все необходимые упреждения и выстрелить.

Лучника готовят долго. Очень долго. Как правило, с детства. А хорошего арбалетчика можно и за месяц обучить. Поэтому и потери среди арбалетчиков быстрее восполняются.

О, как же ненавидели арбалет феодалы! А коли так, то и церковь, сама крупнейший феодал, арбалет проклинала. Объявляла его оружием сатаны. А он был вовсе не оружием сатаны, а оружием простонародья. Благодаря своей простоте он стал таковым. Арбалет выбивал из рук феодалов их главную привилегию – военное дело. Он делал силой простонародье, горожан.

ГЛАВА 12. НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Силы противника разбросаны по всему периметру Орлеана. На юге, в Турели и фортах – семьсот-восемьсот человек. На северо-востоке, в форте Сен-Лу – двести-триста человек. И на северо-западе и западе, в шести бастилиях и фортах – остальная английская армия. Те укрепления связаны между собой окопами, так что можно считать, основные английские силы тоже в кулаке.

От Турели англичан отрезает Луара. А от крайнего восточного Сен-Лу – густой лес, подходящий к городу с севера и разрезающий весь северный театр военных действий на две малосвязанные между собой части. Бить противника французам надо по частям и очень быстро. Что Жанна и будет делать. Ей всё же придётся вывести городское ополчение в поле. Она не смогла бы удержать городское ополчениие за стенами, даже если бы захотела. Всеобщий восторг был так силён, боевой дух горожан так велик, что удержать их в городе не могло ничто.

Сказано было – ждать армию, горожане, мобилизовав остатки терпения, ждали. Армия пришла – теперь они больше не хотят отсиживаться ни часа. Впрочем, Жанна тоже не собирается больше ждать. Надо только решить, с чего начать. Какое из осадных укреплений громить первым.

Жанна собирает военный совет. Она излагает свой план, крайне удививший командиров. Она нашла ключ – Турель. Если взять её, вся остальная блокадная структура рушится сама собой. Турель и подчинённые ей южнобережные форты Сен-Жан-ле-Блан и цитадель Святого

Августина – единственные укрепления, отрезающие Орлеан от юга Франции. То есть – от владений дофина Карла. Ведь к северу от Луары – всё английское. Поэтому Жанна настаивает: атакуем Турель.

Позднее именно так станет воевать Наполеон – он всегда искал во вражеской позиции свой «Тулон», то есть ключевое звено, мощным ударом по которому и сокрушал врага. (Кстати, Наполеон тщательно изучал походы Жанны. И против рассказа о штурме Турели стоит его пометка: *«Жанна – гениальный полководец»*.)

Жалко, что на том военном совете, вечером 3 мая, Наполеонов не нашлось. Поэтому командиры бурно протестуют против плана Жанны. Они настаивают, чтобы деблокада города началась с северного берега.

– *Если мы переправимся на южный берег и приступим к штурму Турели, кто помешает англичанам ударом с севера захватить город?* – доказывает Жанне Дюнуа под одобрительные голоса остальных. И, согласимся, логика в его словах есть. Действительно, кто? Кто удержит англичан от атаки опустевшего Орлеана?

– *Бог*, – отвечает Жанна.

Ответом ей были выпученные глаза и отвисшие челюсти. Даже для средневекового сознания ТАКАЯ вера была чем-то запредельным.

Стоит ли удивляться, что эта абсолютная вера в себя передавалась окружающим?

Пока орлеанские командиры приходили в себя от заявления Жанны, в защиту её планов выступили её верные апостолы – Алансон и Жиль де Ре. Они прекрасно понимали всю логичность возражений Дюнуа. Но там, где есть ВЕРА, логике делать нечего. И они в один голос требуют принять план Жанны.

Тут взрывается проклятиями уже знакомый нам де Гамаш. Понять его можно – если лепечет всякий бред семнадцатилетняя крестьянка (Жанна же именно так ему виделась), то это ещё куда ни шло. Но когда вместе с ней сходят с ума столь знатные персоны, как герцог Алансонский и Жиль де Ре, то непереносимо.

Де Гамаш, густо перемежая свою речь изощрёнными ругательствами, орёт, что ни дня, ни часа не останется больше в этом сумасшедшем доме и уйдёт со своими бойцами. Жанна кричит, чтобы де Гамаш перестал материться и богохульствовать.

Не выдерживают нервы у городского бальи Рауля де Гокура. Он подскакивает с места и, стуча по столу кулаком, вопит, что велит не выпускать из города никого, если безумный план Жанны будет принят. Поднимается общий крик, шум, ругань, и руки ложатся на рукояти мечей.

Дюнуа пытается найти компромисс. Он предлагает для начала атаковать форт Сен-Лу. Это несколько успокаивает собравшихся. Что ж, Сен-Лу – это хороший выбор. Форт стоит на отшибе от остальных англичан. Гарнизон там небольшой. И помощь ему англичанам подать будет затруднительно. Ведь от южного берега Сен-Лу отрезает Луара, а от северобережных фортов – густой лес. Давайте штурмовать Сен-Лу! Все – за.

Кроме Жанны. Ей нужна Турель и ничего больше. Дюнуа снова пытается объяснить Жанне основы стратегии. Если наносить удар по Турели, то всё равно предварительно надо убрать Сен-Лу. Ведь для атаки на Турель надо переправиться на южный берег. А Сен-Лу держит под контролем все удобные переправы на востоке.

И опять всё правильно и логично у Дюнуа выходит. Вот только… что же они, такие опытные и логичные командиры, уже двести дней осаду снять не могут? Что же они, такие тактически грамотные, от селёдочного обоза недавно удирали? Очевидно, нечто подобное проносится в голове у Жанны. Ей надоел этот совет.

Она встаёт: *«Советуйтесь со своими советчиками, милый Бастард, а я буду советоваться со своими. Завтра мы атакуем Турель и прогоним англичан»*.

С этими словами Жанна покидает военный совет и отправляется отдыхать. Эта очередная дерзкая выходка простолюдинки вызывает новый взрыв негодования среди благородных рыцарей. Да как она смеет! Рауль де Гокур заявляет, что не собирается подчиняться ни женщинам, ни детям, а Жанна – и то и другое. Эти слова встречают одобрение у большинства.

Алансон, Жиль де Ре и ещё несколько командиров, знающих Жанну с Шинона, продолжают поддерживать её план. Вновь вспыхивает скандал: «Атаковать Турель? Да чёрта с два! Тут нет самоубийц! Завтра с утра берём Сен-Лу!»

Разгневанные Жиль де Ре и Алансон отказываются от участия в завтрашней атаке. И это большая потеря для французского войска. Во-первых, они оба рыцари. А рыцарь в Средние века – основная ударная сила на поле боя. А тут сразу два! А во-вторых, за каждым рыцарем стоит ещё и его личный отряд. Так что не двух,

а гораздо большего числа бойцов лишилась французская армия по итогам того злосчастного военного совета.

Впрочем, и без Алансона с де Ре французов раз в пять больше, чем защитников Сен-Лу. И ранним утром 4 мая через Бургундские ворота армия выходит в поле, разворачивается в боевой порядок и движется на противника.

Форт представлял собой четырёхугольное земляное укрепление со рвом и валом. По углам его стояли деревянные башни. Защищали форт, как уже говорилось, двести-триста бойцов. Их атаковали в рассветном полумраке французы. Но… атаковали очень вяло. Рядовых бойцов смущало и пугало то, что Девы не было в их рядах. Да и наверняка многие из них уже знали о происшествии на военном совете. Оказывается, Дева была против этой атаки! Так она не с нами?! Значит, и Бог сегодня не с нами?!

Несмотря на бодрые призывы своих командиров, солдаты двигались неохотно и встали как вкопанные, как только в воздухе засвистели английские стрелы. Застонали первые раненые. Французы дрогнули и попятились. А когда ворота форта распахнулись и англичане пошли на вылазку, то и вовсе обратились в бегство. И ведь к этому моменту они не потеряли убитыми ещё ни одного человека.

Назревало нечто более позорное, чем Битва селёдок. И тут на поле боя полыхнуло радугой знамя Жанны!

Откуда же она взялась? Эту ночь Жанна спокойна спала. Рано утром, когда французская армия вышла в поле, паж Луи де Конт решил сообщить своей госпоже об этом и пошёл к ней. Оказалось, что он опоздал. Жанна уже откуда-то знала.

Она залепила пажу затрещину: *«Как ты посмел не разбудить меня, дерзкий мальчишка! Там кровь французская льётся!»*

И в одном камзоле (одеваться в доспехи времени не было) выбежала из дома, вскочила на коня. Де Конт сверху, через окно, подал ей боевой стяг, и Жанна галопом понеслась к восточным воротам. Через весь город, по центральной улице!

Орлеанцы встрепенулись: Дева идёт в бой! Так чего же мы ждём?! Гудит набат во всех церквях. Горожане спешно вооружаются и устремляются вслед за Жанной.

Весёлое пробуждение в это утро было и у Алансона с Жилем де Ре. Сначала они не придали значения шуму и гаму. Но им принесли весть: Жанна пошла в бой! Жанна в бою?! И они спешат.

Англичане из западных фортов поняли, в чём дело. Командующий сэр Тальбот поднимает войска по тревоге и ведёт на помощь Сен-Лу. Лес гораздо менее удобен для манёвра, чем городские улицы, – Тальбот опоздал. Впрочем, Алансон и Жиль де Ре тоже прибыли к шапочному разбору.

Как только Жанна появилась на поле боя, англичане форта остановились и… бросились наутёк. Воодушевлённые французы во главе с Жанной преследовали врага и на его плечах ворвались в Сен-Лу. После короткой схватки форт пал. Около тридцати англичан спаслись бегством. Они забежали в находившийся неподалёку монастырь.

Им пришла в голову остроумная идея – перебить монахов, надеть их рясы и так спастись. Не успели. Преследователи их настигли и вознамерились было перерезать этих монахобойцев. Англичан спасла Жанна. Из уважения к святому месту она приказала сохранить им жизнь и отвести в Орлеан. А сама решила немного помолиться.

Но битва ещё не окончена! Гонец сообщает – из леса выходит английский отряд и строится на его окраине. Жанна прерывает молитву и спешит обратно в форт. Там к ней бросаются оплошавшие телохранители. Они прозевали, упустили Жанну в бой одну. И теперь спешат хоть чем-то загладить свою вину. Притащили из Орлеана доспехи, суетятся вокруг Девы.

Но влезть в доспехи – процедура долгая, а время не терпит. Англичане массами выходят из леса. Кажется, здесь их основные силы. И Жанна принимает на первый взгляд странное решение. Она приказывает выдвинуть против англичан не профессиональных солдат, а городскую милицию. Благо она здесь, у форта, уже собралась.

Что же значит такой приказ? Жанна что, кинула горожан на убой, чтобы сохранить армию? Или намеревалась сковать англичан битвой с ополченцами, а тем временем провести армию через Орлеан и, выйдя через западные ворота, атаковать и уничтожить беззащитные теперь английские форты с запада и северо-запада?

Возможно, верно второе предположение. Именно оно и пришло в голову сэру Тальботу. Он видит дымящиеся развалины форта. Видит городскую милицию, надвигающуюся на его войска с пением псалмов. Но он не видит собственно французскую армию! Это его тревожит,

и, понимая, что помочь форту он всё равно опоздал, Тальбот отступает через лес, обратно к западным укреплениям.

Теперь точно всё! Битва окончена. И это победа! Первая победа за все двести с лишним дней осады Орлеана! Вражеский форт уничтожен. Гарнизон его тоже. Двести англичан убиты, сорок в плену.

А потери французов? Десять человек убитыми и пара десятков ранеными. Нетрудно представить себе восторг и безумное ликование французов. И каждый знает – всё это благодаря Деве.

А, кстати, где же она? Среди ликующих воинов её не видно. Встревоженные соратники бросаются обшаривать закоулки форта. Они сразу же наткнулись на Жанну. Она стояла, уткнувшись лицом в гриву своего коня, и плакала.

На вопрос, в чём причина слёз, ответила, показывая на груды порубленных, обожжённых трупов: *«Посмотрите, сколько людей умерло сегодня без покаяния»*.

Попытки соратников успокоить Жанну успеха не возымели. И только подоспевший её духовник доминиканец Паскерель сумел утешить, наскоро исповедав и отпустив грехи.

Успокоившись, Жанна приказала войску возвращаться в город, а сама с небольшим отрядом направилась осматривать берег Луары. Очень может быть, там она убедилась – взятие Сен-Лу было действительно полезным делом. Уж очень удобные места для переправы прикрывал этот форт.

Близко к берегу лежал просторный остров, тоже носивший имя Сен-Лу, он был отделён узкой протокой от острова Туаль, а тот, в свою очередь, уже подходил к южному берегу. То есть достаточно было сделать три коротких моста, чтобы быстро переправить всю армию. Но, разумеется, такая удобная переправа была прикрыта англичанами не только фортом с севера. На южном берегу, прямо напротив острова Туаль, возвышалось их укрепление Сен-Жан-ле-Блан.

Во второй половине дня Жанна возвращается в Орлеан. В это время Дюнуа вновь собрал военный совет. Он хочет всё обсудить и решить без присутствия Жанны. Несмотря на сегодняшний громкий успех, Орлеанский Бастард всё ещё остаётся противником перехода в решительное наступление. А Жанна будет требовать именно этого. Но ведь рано. Но ведь опасно. Сожжённый Сен-Лу – это, конечно, хорошо. И Дева тут помогла, спору нет. Но у англичан по-прежнему превосходство в силах. И Турель по-прежнему неприступна. И где-то на подходе сэр Фальстольф с новой армией. Так не разумней ли вновь перейти к обороне? Теперь, когда цепь блокады прорвана, город снова будет получать с востока провизию и подкрепления. А значит, сможет держаться сколь угодно долго. Англичанам в поле, в их деревянно-земляных фортах, жить куда как тяжелее, чем французам в городе. Эта осада гораздо больше изматывает осаждающих, чем осаждённых. И он, Дюнуа, вполне уверен, что если протянуть до осени, а сейчас это легко, то англичане уйдут сами.

И некоторые командиры вполне согласны с Бастардом. Но далеко не все. Ла Гир и Алансон требуют активных действий. И даже де Гамаш, знакомый нам противник Жанны, теперь тоже за наступление. Ну, что ж, значит, наступление. Начинают совещаться: как его провести. Цель понятна – Турель. Тут Дева права, именно эта каменная громада – ключ ко всему. Но возможно ли взять её? Турель сильна. Высокие башни, глубокий ров, вал. Сильное каменное укрепление Огюстен прикрывает Турель с юга. Не взяв Огюстен, к Турели и не подойти, а как его взять под потоком английских стрел с башен Турели?

А вот как: «Решено, основной удар наносим по Турели, но сначала нанесём удар вспомогательный, отвлекающий. Пусть Дева со всем городским ополчением завтра с утра атакует на северном берегу бастилию Сен-Лоран, где находится сэр Тальбот с основными силами англичан. Если Жанна будет атаковать достаточно энергично (а она будет атаковать очень энергично, в этом сегодня все убедились под Сен-Лу), то англичане просто обязаны будут снять часть сил с укреплений Турели и переправить их на северный берег на помощь своей главной ставке.

В момент, когда городская милиция во главе с Девой своей кровью и мясом будет сковывать английские силы, французские «полевые командиры» со своими отрядами профессионалов рывком переправляются на южный берег и захватывают ослабленную Турель».

План утвердили. А заодно и решили в подробности Жанну не посвящать. Не говорить ей, что удар, который ей предложено возглавить, будет всего лишь демонстрацией, отвлечением англичан.

Эта часть решения понравилась далеко не всем. Но Дюнуа настоял на нём. Женщины болтливы, пояснил он, опасно посвящать их в тайны.

Скрепя сердце согласились даже Алансон с Ла Гиром. Вот только Жиль де Ре…

Он засмеялся и сказал: *«Дева распознает вашу ложь»*.

А где же в это время сама Дева? Вернувшись в город, она, с трудом вырвавшись из ликующих толп горожан и воинов, заперлась у себя в доме, решив ещё раз написать англичанам.

Скоро англичане в Турели слышат с южных ворот Орлеана призывный рёв трубы и крик: «Послание!». Стрела со стуком вонзается в деревянный щит на стене Турели. Вокруг её древка обмотано письмо.

Послание несут Гласдейлу, и он читает: *«В третий и последний раз пишу тебе, Гласдейл. У тебя осталось всего два дня для того, чтобы покориться Деве Посланнице Божией и мирно уйти от города. Если вы не сделаете это, вас всех похоронят в этих полях. Молю тебя, подчинись, подчинись Королю Небес. Хоть ты и назвал меня шлюхой, но я имею большую жалость к твоей душе и к твоим людям.*

Хочу также сказать, что мой герольд по имени Гийенн всё ещё задерживается вами. Соблаговолите вернуть его мне, а я пришлю несколько ваших людей, взятых нами в плен при Сен-Лу. Не все они погибли».

Гласдейл в ярости рвёт письмо на мелкие кусочки (его содержание, приведённое мною, дошло до нас в пересказе духовника Жанны Паскареля, да и вся эта сцена взята из его воспоминаний), бежит на стену и опять орёт что-то про французских потаскух-лягушатниц.

Жанна, ожидавшая ответа на орлеанской стене, вздыхает: *«Господь свидетель, я сделала всё, что могла»*.

Паскарель успокаивает её: *«Не огорчайтесь, Дева Жанна»*.

В ответ он слышит нечто странное: *«Господь меня только что утешил»*.

У Паскареля мороз по коже. Неужели только что рядом с ним раздавался Глас Божий? Пусть и неслышимый для него, но всё же, всё же…

Позднее, в своих показаниях реабилитационному процессу Жанны, Паскарель скажет: *«Мне было понятно, что когда душа Жанны бывала печальна, она черпала утешения из иного мира, о котором я ничего не знал»*.

Когда Жанна спускается со стены, к ней подходит рыцарь Лоре. Это посланник военного совета. С надлежащими почестями и по всей форме он передаёт Жанне приглашение явиться на совет. Жанна немедленно отправляется туда. Конечно же, не одна. Следом за ней валят горожане и солдаты. Она всеобщий кумир, как же им не быть рядом? Не смотреть на неё, не дышать одним с ней воздухом?

Жанна заходит в дом совета, а воины располагаются вокруг здания, столпившись и время от времени разражаясь восторженными воплями.

А что же в доме? Жанна, войдя, даже не поприветствовала никого должным образом. Остановившись на середине комнаты, она заявила: *«Завтра мы все переправляемся на тот берег и штурмуем Турель»*.

В зале – недоумённая тишина: «Это как же? Она уже всё решила? Без военного совета? Хочет теперь вообще одна командовать?» Назревающий взрыв предотвратил всегда склонный к компромиссам между своими Дюнуа. Он чуть иронично заметил, что совет решил несколько иное, и если Деве будет угодно выслушать…

Хорошо, Деве угодно выслушать. Чудесно! Дюнуа очень благодарен Деве. И он начал рассказывать.

Пока Дюнуа излагал план в том виде, в каком его было решено рассказать Жанне, она непрестанно расхаживала по комнате.

Когда Дюнуа закончил, Жанна остановилась, пристально посмотрела на него и сказала: *«Хорошо. Ну а теперь расскажи мне, что вы* ***на самом деле*** *задумали»*.

И Дюнуа сдался. Он изложил Жанне всё.

«Вам надо было сразу рассказать мне об этом, – говорит Жанна. – *Поверьте, я умею хранить и более важные секреты, чем ваш»*.

Дюнуа начинает убеждать Жанну в том, что план военного совета самый приемлемый.

– Он составлен по всем правилам военной науки и должен привести к успеху. Да и вполне соответствует планам самой Жанны. Она ведь всегда настаивала на штурме Турели. Вот и будем её штурмовать. Только грамотно, по всем правилам. *Поверь, Жанна, это очень хороший план*, – завершает своё выступление Дюнуа.

– *Хороший*, – соглашается та. – *Но у меня есть лучший*.

– *И какой же?*

Жанна, глядя Дюнуа в глаза, повторяет:

– *Завтра мы все переправляемся на тот берег и штурмуем Турель.*

И тут Дюнуа не выдерживает. Да ведь эта девчонка издевается над всеми! Она даже не слушает, что ей говорят. И не собирается

слушать. Хватит! Что бы там ни решил король Карл, а здесь, в Орлеане, главный он – Дюнуа!

Дюнуа объявляет, что отстраняет Жанну от всякого командования и лишает её права даже присутствовать на военном совете. Жанна спокойна.

Она показывает на окно:

– *Подойди к нему, милый Бастард*.

Дюнуа смущён, что ещё за новые фокусы? Но подходит. Он видит площадь, битком набитую воинами. Жанна встаёт рядом с ним и открывает окно. Рёв восторга!

Жанна поднимает руку и говорит:

– *Сегодня из-за нас многие христиане погибли без покаяния. Мы согрешили. Сейчас же идите исповедуйтесь и получите отпущение*.

Кому она это говорит? Профессиональным воинам. Людям, с самого своего детства видевшими войну и только войну, со всей её грязью и мерзостью. Всю свою жизнь дерущимся под теми или иными знамёнами. Головорезам, замаранным в крови по самую макушку. Им идти в церковь исповедоваться и каяться? Да ведь среди них и крест-то на шее есть не у каждого, зато языческие амулёты и обереги в изобилии у всех.

Ну солдаты и приняли её слова невсерьёз. Громкий хохот покатился по площади. Отличная шутка, чёрт подери!

Жанна рукой призывает их к молчанию и тихо говорит:

– *Если вы этого не сделаете, я покину вас навсегда.*

И вся солдатня, как подкошенная, падает на колени. Они простирают к Жанне руки:

– Нет, Дева! Нет! Не покидай нас!

Затем бросаются по орлеанским церквям. Исповедоваться, каяться, причащаться.

Жанна победно смотрит на Дюнуа, на других командиров:

– *Неужели ты, милый Бастард, думаешь, что воины подчинятся каким-либо ещё приказам, кроме моих?*

Дюнуа понимает, что теперь никто на всём свете не сможет отстранить Жанну от командования, что армия действительно никому, кроме Жанны, не подчиняется. И это понимание, пожалуй, было первой ступенькой на тот костёр, где сожгут Жанну.

Вдосталь налюбовавшись на вытянувшуюся физиономию всё понявшего Дюнуа, Жанна говорит:

– *Утром мы атакуем*.

И уходит, оставив дворянство в лице своих командиров размышлять над тем, а кто, собственно, сейчас управляет Францией?

А Жанну ждал ещё один военный совет. На сей раз собранный ею самой. В башне Святого Самсона собрались капитаны городского ополчения, главы городских улиц и ремесленных цехов, мастера-артиллеристы.

В те времена, когда артиллерия только зарождалась, пушкари не считались отдельным родом войск. Да и вообще военными не считались. Управлялись с пушками те же мастера, что изготавливали их. Вот и в Орлеане всей городской артиллерией заведовали три мастера-пушкаря: Жан Монтеклер, Ноден Бушар и Жан Дуизи. С них Жанна и начала. Ей требуется сконцентрировать весь огонь тяжёлых бомбард по Турели. Пока только три тяжёлые бомбарды держат эту цитадель под обстрелом. Зовут эти бомбарды (у каждой тяжёлой пушки в те времена было своё личное имя) «Пастушка», «Монтаржи» и «Жифар».

Жанна требует, чтобы и две самые большие бомбарды – «Длинная», калибром 33 см и весом 600 кг, и «Пёс», калибром 30 см и весом 250 кг, – были переведены с северной части Орлеана к южным воротам и тоже участвовали в штурме Турели. Это не так-то просто. Для перевозки, например, бомбарды «Длинная» в своё время понадобилось двадцать две лошади.

Теперь за ночь обе бомбарды надо демонтировать и снять со специально для них изготовленных лафетов, перевезти через весь город, подготовить для них новую позицию и установить их там. Потребуется очень много лошадей и рабочих рук. Но все кипят воодушевлением и готовы не есть и не спать, но выполнить приказ Девы к утру. Это хорошо. Дева довольна.

Теперь она обращается к остальным и излагает свой план штурма. Когда она с частью городского ополчения и армией будет штурмовать Турель с юга, бойцы, оставшиеся в городе, пусть ждут сигнала у южных ворот.

Сигналом будет раскачивающееся знамя Жанны на валу Турели. Как только они увидят сигнал, пусть сразу же открывают огонь по Турели из всех бомбард, выходят из города и атакуют её всеми силами с севера. И тогда живым из Турели не уйдёт ни один из врагов.

Но мост со стороны города разобран. Сами французы и разобрали его в ожидании штурма англичан. Не страшно. За ночь пусть изготовят деревянные мостки. Их перебросят через пролом. Так и решили.

В эту суматошную ночь на 6 мая в Орлеане не спал никто. При свете множества факелов

люди работали как проклятые. Город шумел, стучал сталью и камнем, многоголосо кричал. Иногда вдруг начинали звонить что было сил колокола церквей.

А что же англичане? Неужели ночной шум и суета в Орлеане не навели их ни на какие мысли? Неужели не поняли, что это означает? Поняли. Всё они поняли. Но странный паралич воли напал на английское командование. Впрочем, не на всё. Командир Турели сэр Гласдейл кипит от гнева: «Почему сидим и ничего не предпринимаем? Почему отдали инициативу этой девке? О чём там думают де Ла Поль и Талбот?»

Этой ночью Гласдейл переправляется на северный берег и является в главную ставку, размещённую в форте Сен-Лоран. Там он находит де Ла Поля и Талбота. Но они оба в каком-то странном состоянии. Смотрят потерянно, говорят еле слышно и неуверенно. Да, они, конечно, обратили внимание на необычный шум в городе. Но считают, что пока беспокоиться не о чем. Вряд ли французы решатся на что-либо серьёзное. Может быть, только на вылазку.

И сэру Гласдейлу уж совсем не о чем волноваться. Ведь ясно же, что его Турель французы не будет штурмовать, пока не покончат с фортами на этом берегу. А это не так-то просто сделать. И скоро уже подойдёт Фалстольф с подмогой. В общем, всё опять наладится. Так что пусть сэр Гласдейл успокоится.

Сэр Гласдейл не желает успокаиваться. Сэру Гласдейлу вообще не нравится, как рассуждают де Ла Поль и Талбот. И как они себя ведут, тоже не нравится. Сэру Гласдейлу вообще ничего тут не нравится. И он требует подкреплений. В этом ему отказано. Гласдейлу говорят, что у него на южном берегу и так семь сотен бойцов. И каких! Самых отборных. Весь цвет осаждающей армии у него под командованием. А здесь завтра возможны вылазки противника. Ослаблять северный фас осады никак нельзя.

Получив отказ, Гласдейл в сильных английских выражениях изложил свою точку зрения на ситуацию и отбыл к себе в Турель. Там он не сидит спокойно. Гонит людей на работу – укреплять валы. Мечется по укреплениям, орёт на всех. И это очень сильно пугает его бойцов. Они никогда не видели, чтобы Гласдейл нервничал. Он обычно всегда абсолютно спокоен, как и положено истинному англичанину. У него даже прозвище – Глыба Льда. И вот эта ледяная глыба тает на глазах своих солдат. «Это Французская Ведьма заколдовала его», – шепчутся бойцы между собой.

А Гласдейл уже под утро принимает более чем странное решение. Желая усилить свой гарнизон, он приказывает отряду из форта Сен-Жан-ле-Блан покинуть обжитые позиции и отойти в Турель.

Но Сен-Жан-ле-Блан прикрывает переправу. И теперь отрядам Жанны ничто не может помешать спокойно перейти на южный берег.

Отличный, хотя и неожиданный подарок для французов.

Над Орлеаном занималась ранняя майская заря. Наступало утро 6 мая. День начала одного из самых кровопролитных сражений Столетней войны – битвы за Турель.

ГЛАВА 13. БИТВА ЗА ТУРЕЛЬ: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Выдвигаться было решено в следующем порядке. Сначала Жанна с авангардом из гасконцев Ла Гира. Затем несколько наиболее боеспособных отрядов городской милиции. Потом полевая артиллерия и, наконец, отряды «полевых командиров».

В раннем утреннем сумраке передовые отряды потянулись к Бургундским воротам. Там Жанну ожидал сюрприз. Городской бальи, тот самый де Гокур, один из ярых противников наступательных планов, решил противиться до конца. Он приказал запереть ворота, а сам с мечом в руках встал перед ними и заявил, что никого из города не выпустит. Что на него нашло? Рыцарем Роландом, в одиночку сдерживающим целое войско, себя возомнил, что ли?

Жанна посмотрела на этого героя, вздохнула и сказала: *«Вы очень злой человек, де Гокур»*.

Ответить де Гокур не успел. Несколько гасконцев просто отшвырнули его в сторону и открыли ворота.

Войско вышло за стены, повернуло к Луаре, и переправа началась. По скреплённым между собой лодкам французы перебрались на остров Сен-Лу. Приказав основным силам ждать там, Жанна с гасконцами переправилась на остров Туаль. Не зная ещё о любезности сэра Гласдейла, оголившего оборону, она собралась внезапной атакой захватить форт Сен-Жен-ле-Блан и обеспечить тем самым плацдарм для высадки основных сил.

В этом месте остров Туаль почти вплотную примыкает к берегу. Даже лодок не понадобилось, чтоб перебраться и сходу атаковать форт.

Он был пуст, что оказалось неожиданностью. Жанна просто растерялась. Она и предположить не могла, что столь удобную и важную позицию англичане бросят без боя.

Заподозрили засаду. Гасконцы тщательно обшарили и форт, и окрестности, ища засаду и трофеи. Не найдя ни первого, ни, к сожалению, второго, отряд собрался в центре форта.

Жанна пришла в себя от британского сюрприза и начала раздавать энергичные приказы. Гасконцы немедленно выдвигаются к Турели, остальная армия снимается с острова Сен-Лу и спешно переправляется сюда, чтобы двигаться вслед за гасконцами. А форт сжечь. Затем Жанна с несколькими переправившимися отрядами выступает вслед своему авангарду.

Солнце взошло достаточно высоко, чтобы оценить место предстоящей битвы. С юга Турель прикрывал форт Огюстен. Не просто деревянно-земляное укрепление, как прочие форты, а очень массивная крепость. Этот форт англичане построили на развалинах францисканского монастыря Святого Огюстена, разрушенного самими же французами в первый день осады. Но время, чтоб развалить монастырь до основания, британцы не дали. Поэтому в известной степени монастырские укрепления уцелели. Сейчас форт Огюстен был обнесён остатками каменных стен, усиленных деревом, и окружён рвом. Внутри из остатков храма и келий англичане соорудили ещё одно укрепление. Подходы к форту – это ровное, гладкое поле. Без холмика, без овражка. Только небольшой виноградник справа примыкал к самым стенам. Местность насквозь простреливается как со стен самого форта, так и с высоченных, тридцатиметровых башен Турели, что громоздятся чуть северней Огюстена.

Сразу за Огюстеном, метрах в ста, англичане соорудили мощный барбакан. Так называлась вынесенная вперёд башня, или предмостное укрепление. Барбакан у Турели англичане строили и укрепляли непрерывно всё время осады, а это двести с лишним дней.

Поэтому получилось такое чудовище – пятнадцатиметровый ров, над ним десятиметровый вал. Сверху на валу деревянные укрепления, обсыпанные землёй.

За барбаканом уже сама госпожа Турель. Правда, опять не сразу. Она размещается на предпоследнем пролёте моста, а последний пролёт – это подъёмный мост. Сейчас, утром 6 мая, он, конечно, опущен. Но если его поднять, то Турель окажется отрезанной от берега почти пятиметровым естественным рвом.

Примерно в километре от Турели у англичан был ещё один небольшой форт – Сен-Приве. Он прикрывал переправу западнее Турели, точно так же, как брошенный форт Сен-Жан-ле-Блан делал это восточнее. Но в отличие от своего восточного собрата Сен-Приве отнюдь не был брошен. Гласдейл оставил в нём около двухсот бойцов. Он надеялся (и это, конечно, разумная надежда), что войска с северного берега всё-таки будут подходить на помощь Турели. А как же им удобней и быстрее подходить, как не через переправу, которую держит форт Сен-Приве?

Пока оный Сен-Приве не взят, можно было утверждать, что над левым флангом медленно разворачивающейся армии Жанны нависает не двести человек форта Сен-Приве, а вся английская армия. И какие широчайшие возможности в случае штурма Турели открываются перед главными английскими силами, что под командованием Ла Поля и Талбота сидят в фортах на северном берегу! Во-первых, можно прямым ударом захватить оставленный без войск Орлеан. А можно и лучше! Во время штурма Турели быстро переправиться на южный берег и ударом в левый фланг и тыл французской армии окружить её, прижать к укреплениям Турели и водам Луары и там уничтожить. А город тогда и без боя взять можно.

Рассмотрев всё это, нам с вами остаётся только согласиться с Дюнуа: «Чёрт возьми, Турель и впрямь неприступна!». Кто же мог тогда знать или предположить, что английская армия не воспользуется ни одной из возможностей и, как парализованная, просидит всё двухдневное сражение за Турель в своих фортах?

Конечно, никто не в силах был такое представить! Кроме Жанны. Кстати, нам пора к ней вернуться, потому что она уже закончила осматривать поле боя.

Жанне и раньше было понятно, как сильно укреплена Турель, а теперь, когда она осмотрела укрепления, ей стало окончательно ясно, что без совместных усилий рыцарей, тяжёлых латников, городского ополчения, стрелков и артиллерии нечего и мечтать о штурме. Но эти совместные силы как-то досадно медленно переправляются через Луару и стягиваются к лагерю, что разбила Жанна на двести метров южнее форта Огюстен.

Полевой артиллерии пока нет, но отряды городской милиции подходят вполне споро.

Те солдаты, что привела Жанна в Орлеан, тоже подтягиваются отряд за отрядом. Но вот господ «полевых командиров» с их бойцами чего-то пока не видно ни одного. А господа «полевые командиры» – все рыцари, то есть короли средневекового поля боя. Без них тут, под Турелью, и начинать ничего нельзя. И сколько же ещё ждать?

А в воздухе уже начинают петь стрелы. Это итальянские арбалетчики выдвинулись линией вперёд и под защитой своих огромных щитов начали перестрелку с английскими лучниками.

Жанна губы в кровь искусала от нетерпения. Да где они там все? До вечера, что ли, намерены переправляться? С одним из отрядов прибыл к месту сбора и де Гокур. Он хоть и постоянно мешал Жанне, но трусом отнюдь не был. Даже был излишне храбрым. Мы уже видели, как нынче утром он в одиночку хотел остановить всю армию Жанны, и сейчас увидим очередное его геройство.

А пока он докладывает Жанне обстановку в тылах. Артиллерия вот-вот должна быть здесь. А вот господ рыцарей так скоро ждать не стоит. Они всё ещё в Орлеане и не очень-то торопятся из него выходить. У них опять совещание.

Опять?! Ну всё, терпение Жанны лопается. С неё хватит! Оставив де Гокура за старшего, она отправляется в Орлеан.

По дороге подбодрила пушкарей и попросила удвоить усилия. Просьба была встречена криками восторга. Теперь быстрей в Орлеан!

А там и впрямь военный совет. Скорее, не совет, а ссора, грозящая вот-вот перерасти в драку. Мнения командиров разделились. Часть из них во главе с Алансоном и де Ре требуют немедленно выступать следом за Жанной. Остальные по-прежнему против видевшегося им массового самоубийства. И ведь чуть выше мы с вами уже сами могли убедиться, что понять их вполне можно. Всё это безумие просто обязано было кончиться полным разгромом и уничтожением французов!

И тут на сцене появляется разъярённая Жанна. Парижская «Чёрная книга», очень неприязненно деяния Жанны описывающая, говорит, что *«в гневе ведьма могла избивать окружающих палкой»*. Я не знаю, врезала ли Жанна дрыном промеж чьих-нибудь благородных ушей. Хотя нет. Конечно же, нет. Во Франции бить дворян никогда и никому нельзя было. Но, согласимся, в такой ситуации кой-кого из этих дворян стоило бы «приласкать».

Жанна их словами обласкала. У неё это получалось сильнее, чем палкой. А в этот момент она была красноречива как никогда. Хотя бы уже потому, что из-за стен раздались звуки боя. Там, под Турелью, явно, что-то началось. Да тут же и секунды медлить нельзя!

И рыцари подчиняются. Их отряды строятся и во главе с Жанной направляются к переправе.

Что же в это время под Турелью? Что там за шум, гам и дикие крики? А это вот что. Пылкий и поперёк разума отважный де Гокур решил не ждать ни Деву, ни рыцарей, ни артиллерии, а атаковать форт Огюстен самостоятельно.

Находящийся здесь же «Сатана» Ла Гир был совсем не из тех, кто мог бы охладить горячую голову городского бальи. Эту гасконскую голову саму бы кто охладил. И французы пошли на штурм!

Турель радостно рявкнула им навстречу всеми пушками и звонко щёлкнула всеми луками. Часть французов рухнула убитыми и ранеными. Остальные смешали ряды и попятились.

Ну самое время для вылазки. Англичане устремляются через ворота и валы на врага. Короткая схватка – и французы бегут. Какое привычное зрелище в той войне! И какое же оно сладкое для тех, кто бегущих преследует! Руби и руби, пока рука не устанет. А она у опытных воинов долго не устаёт. Вот и рубят англичане бегущих.

Гнали и рубили до самого форта Сен-Жанле-Блан. То есть почти до самой переправы.

Там бы и перебили, там бы и утопили всех. И здесь снова Жанна! Переправившись быстрее остальных, она врезается на коне в толпу удирающих французов. Те остановились: «Дева здесь!». Встали и англичане: «Ведьма здесь!».

А Жанна, взмахнув своим стягом, кричит: *«Те, кто меня любит, за мной!»*.

И скачет на врага.

Так впервые родился этот знаменитый Жаннин боевой клич: «Те, кто меня любит, за мной!». Отныне почти всегда она будет с ним на устах бросаться в бой. Его потом поставят Жанне в вину как дьяволову гордыню. Дескать, не с именем Божиим, как положено, в бой шла, а со своим.

Да боевой-то ведь клич должен своих на подвиг вдохновлять, а врагов страшить. Имя Божие давным-давно французов ни на что в бою не вдохновляло. А этот новый клич вдохно-

вил, да ещё как! И врагов устрашил! Пожалуй, их устрашил даже больше, чем французов вдохновил.

И англичане спешно отступают, почти бегут назад, под защиту своих укреплений. От одной единственной девушки! Французы опомнились, собрались с духом и бросились вслед за Жанной позже, чем англичане побежали!

А тут, наконец, и все рыцари переправились. Ну и тоже в атаку.

На плечах отступающих ворвались на стены форта Огюстен. Началась рубка! Французов больше. Но барбакан и Турель не молчат. Лучники и пушки бьют и бьют оттуда, поддерживая отчаянно обороняющийся форт Огюстен.

В разгар этого кровавого безумия Жанна налетает ногой на железный шип, что в изобилии разбросали англичане, готовясь к обороне. Её раненую телохранители вытаскивают из боя. Да, впрочем, ей и действительно пора во вторую линию. Ведь наконец-то подошла французская полевая артиллерия.

Жанна лично расставляет пушки и указывает пушкарям сектора обстрелов. И как точно указывает! Стало быть, она и артиллерийским искусством владеет! То есть тем, что пока неведомо ни одному из французских командиров вообще – ведь, как уже говорилось, артиллерия в те годы ещё частью армии не считалась, потому военные ею и не занимались.

А Жанна, пожалте, умеет. Учитывая, насколько новым устройством была тогда артиллерия, можно смело провести такую аналогию: представьте себе в наше время семнадцатилетнюю девушку, успешно руководящую запуском и полётом космических кораблей. Представили? Ну вот точно так же выглядит Жанна, руководящая артиллерией под Орлеаном. Под командованием Жанны пушки очень скоро заставляют английскую артиллерию и стрелков резко сбавить активность. Это придаёт силы тем французам, что рубятся на стенах Огюстена. Ещё напор – и они вбивают противника внутрь форта.

Но это ещё не победа. Совсем не победа. Форт Огюстен и не думает сдаваться. Англичане укрываются во внутренних укреплениях, и после краткой передышки сражение возобновляется с ещё большей силой.

Жанна использовала паузу, чтобы вызвать из боя Дюнуа с его отрядом. Её беспокоит нависающий над левым флангом форт Сен-Приве. О серьёзности этой угрозы мы уже рассказывали. И Жанна, придав отряду Дюнуа отряд арбалетчиков, приказывает Бастарду атаковать и занять этот форт. Тот идёт в бой беспрекословно.

Перевес французов под Сен-Приве очень велик, а помощи форту нет ниоткуда. Поэтому очень скоро он пал. Часть англичан бежит из него в Турель, а часть переправляется на северный берег и спешит в лагерь с крайне тревожными известиями.

И что же Ла Поль? И что же Тальбот? Что делают эти опытнейшие командиры? Может, узнав, что с этого часа южный берег окончательно отрезан французами от северного, они немедленно атакуют, стремясь вернуть Сен-Приве и восстановить связность своих позиций? Нет.

А может, дружно атакуют сам Орлеан? Город-то почти без защиты. Или он падёт, или французы будут вынуждены отступить в Орлеан. Ведь и так хорошо, и так хорошо! Опять нет.

Они просто сидят на месте и ничего не предпринимают. У них полный паралич воли. Причём далеко не первый день. А там, на южном берегу, французы наконец смяли сопротивление форта Огюстен. Форт пал. Защитники или перебиты, или пленены. Лишь малая часть из них сумела прорваться в барбакан Турели. После тринадцатичасового яростного боя день 6 мая заканчивается для французов полной победой!

Ну, разумеется, начинается грабёж форта победителями. А как же иначе? Однако Жанна пресекает это дело. Угроза ещё слишком велика, чтобы предаваться законному трофейничанью и празднеству. Она приказывает немедленно разрушать и сжигать форт.

Вечереет. Пришедшие из Орлеана рабочие команды начинают разрушение форта. А войску пора отдохнуть. Это всем сейчас очень надо. Очень надо самой Жанне. Она ранена в ногу, и рана может загноиться. И, хотя Жанна вознамерилась ложиться спать здесь же, в военном лагере, её уговаривают вернуться в Орлеан. Пусть там лучшие врачи осмотрят рану. Жанна соглашается.

Завтрашний день обещал быть стократ тяжелее и кровавее. Он таким и стал!

ГЛАВА 14. БИТВА ЗА ТУРЕЛЬ: ДЕНЬ ВТОРОЙ

Раннее утро 7 мая 1429 года. Армия Жанны выстроилась около развалин форта Огюстен. Впереди строй тяжёлых конников и рыцарей.

За ними – пехота со штурмовыми лестницами и огромными деревянными щитами, прикрывающими сразу несколько человек.

По флангам – арбалетчики. На своих огневых позициях застыли артиллеристы. Впереди, всего лишь в сотне метров, громоздятся валы барбакана, а за ним взметнулись в самое небо стены и башни Турели.

Там ждут.

Священники только-только закончили полевую мессу и обошли строй, благословляя бойцов. Тишина. Тяжёлая, давящая тишина.

Жанна выезжает вперёд строя, поворачивается к своей армии и звонко кричит: *«Друзья мои, мужайтесь. Вчера Создатель одарил нас победой. Но она ничто по сравнению с той, которая ждёт нас сегодня. И я вам клянусь, что даже если бы англичане были ростом до облаков, мы бы всё равно разбили их»*.

Потом взмахивает знаменем: *«Те, кто меня любит, за мной!»*.

Земля затряслась от топота копыт, тишина сменилась воплем тысяч глоток. Стальная, окольчуженная лавина французов хлынула на Турель. Рявкнули пушки и с той и с другой стороны, и грохот их уже не умолкал всю битву. Тысячи стрел понеслись к Турели и с Турели. И десятки, а то и сотни человек с обеих сторон были убиты в первые же секунды штурма.

Французская конница благодаря скорости понесла наименьшие потери. Конники останавливаются у рва. Слезают с седёл. Слуги торопливо отводят коней далеко в тыл. А тяжеловооружённые спешенные всадники форсируют ров. За ними тут же поспевает пехота. Прикрывшись щитами от стрел, устанавливают штурмовые лестницы, и вот уже французы сплошным массивом лезут по ним наверх. А лучники с вала и с башен всё бьют и бьют. К стрелам и ядрам добавляются потоки раскалённой смолы, кипящее масло и груды камней обрушиваются на французов сверху.

Дно рва уже застелено покровом из убитых, раненых и обожжённых бойцов...

Трудно дышать. В воздухе висит пороховой дым, отвратительно воняет. Уши давно заложило от диких криков, мата-перемата, грохота пушек и лязга стали.

В такой обстановке за краткий миг перестаёт человек быть человеком и превращается в вопящую, ревущую от злобы и дикого страха омерзительную и очень опасную тварь.

Стены вала и ступени лестниц уже склизкие. На валу вовсю кипит рукопашная. И существа, ещё недавно бывшие обычными людьми, венцами создания, рубят, режут, давят, душат друг друга. Французы отброшены. Они отступают. Жанна останавливает их. Кричит, размахивает знаменем и ведёт на новый приступ.

И так двадцать раз! Двадцать раз в тот день отбивали англичане французов и двадцать раз Жанна поворачивала бегущих и вновь вела в рукопашную. И они шли вновь и вновь! Шли с такой яростью и бесстрашием, что очевидец вспоминает: *«…как будто они были бессмертными»*.

А ведь страшен. Ой как невыносимо страшен этот средневековый рукопашный бой. Когда глаза в глаза! Поэтому даже в те времена очень редко вот так сходились и долго, упорно рубились. Предпочитали перестрелки и короткие яростные стычки. После которых расходились, отдыхали и вновь ненадолго схватывались. А в тот день – двадцать рукопашных!

Во время очередного приступа Жанна опять делает попытку забраться на вал и помахать оттуда знаменем. Это условный сигнал для отрядов в Орлеане атаковать Турель с тыла. Она уже вскарабкалась почти на самый верх, но тут длинная английская стрела вонзается девушке под правую ключицу. Жанна летит с лестницы вниз. Англичане вопят от восторга: «Ведьма умерла!» Некоторые из них сваливаются с вала, чтобы утащить ценную добычу себе. Но над Жанной встают Ла Гир и де Олон. Они так быстро и страшно начинают работать секирами, что англичане, потеряв с десяток человек, отказываются от своего намерения. А Жанну, прикрыв со всех сторон щитами, быстро относят в тыл. Вместе с ней отступает и всё французское войско. И ликование англичан – победа!

Да, почти победа. Ибо Дюнуа, кажется, в полном отчаянии.

Он видит толпы своих усталых закопчённых до черноты и окровавленных воинов. Они едва могут двигаться. Дикими глазами смотрит Дюнуа на холмы и холмики трупов, заваливших поле боя и укрепления. Столько порубленных, изуродованных тел разом он ещё не видел! Да и не только он – никто не видел! За всю осаду Орлеана, за двести дней, французы потеряли около тысячи человек. А здесь за полдня уже полторы тысячи! Никаких сил, ни физических,

ни моральных, у Дюнуа уже не осталось для продолжения этого кровавого кошмара. И Дева ничем не поможет. Дюнуа видит, как она лежит на попоне в винограднике и стонет.

«Отбой! – вкладывает последние силы в крик Дюнуа. – Отбой трубите!»

И плывут над полем боя печальные звуки отбоя атаки. И всем ясно, что новой уже не будет ни сегодня, ни завтра и вообще никогда. Нет сил. Турель вновь доказала: «Я – неприступна!». Ведь и англичане в своё время не смогли её взять прямым штурмом.

Так бы всё и кончилось для французов – бессмысленной, безуспешной, глупейшей бойней. Если бы не стальная воля Жанны. Немыслимо, но она сумела встать на ноги. Лёжа, она сама выдернула стрелу из раны (собственно, одного этого достаточно, чтоб умереть тут же, ведь обратным ходом наконечник может порвать артерию), велела полить рану оливковым маслом, приложить кусок свиного сала и туго забинтовать. Потом встала и пошла к армии.

Она отменяет приказ об отходе.

– *Друзья мои!* – отчаянно кричит она. – *Ещё раз в атаку!*

– *Люди больше не могут!* – в ярости орёт на неё Дюнуа.

Он в сотый раз клянёт себя – как, ну как он мог допустить такую дурь, как лобовой штурм Турели?!

– *У нас ещё хватит сил!* – кричит в ответ Жанна. – *А англичане уже выдохлись. Слышите? Они не стреляют больше! У них всё кончилось!*

Все вдруг с удивлением замечают: а и вправду Турель молчит! Впервые за день молчит. И как же это мы сами не обратили внимание?!

У англичан действительно закончились и заряды к пушкам, и стрелы. А у французов остались, им подвозили из города.

В пятом часу дня армия французов возобновила обстрел Турели из пушек и арбалетов, а Жанна повела своих бойцов на последний, двадцать первый (!) штурм. Но даже под огнём англичане оказали беспримерно яростное сопротивление. Вновь кровавый бой закипел на укреплениях.

В Орлеане резерв Жанны истомился у южных ворот, с самого утра ожидая команды: «В атаку!». Такое ожидание выматывает немногим меньше, чем сам бой. В тот день это истомляющее, сдавливающее внутренности ожидание длилось почти восемь часов.

И вдруг – знамя Девы на валу! Оно раскачивается? Да, раскачивается! Наконец-то!

Оглушительно рявкают супертяжёлые бомбарды «Длинная» и «Пёс». Да как удачно! Попадание первым же выстрелом. И одна из гигантских башен Турели с грохотом обрушивается.

Городские ворота распахиваются, и резерв с боевыми воплями устремляется к мосту. Впереди воины с заранее приготовленными деревянными мостками, чтобы закрыть разрушенный пролёт моста. И тут – о, чёрт подери! – мостки-то коротки! Все до одного. Не рассчитали! Как же теперь через провал? Быстро нашлась идея. Желоба из придорожных канав!

В Орлеане, как и во всяком крупном французском городе, вдоль улиц шли канавы для стока нечистот. На центральных улицах они выкладывались металлическими желобами.

Сотнями рук орлеанцы выдирают эти желоба и тащат к мосту. Теперь подошло. Провал перекрыт, и цепочки бойцов потянулись на мост. Осторожно потянулись – желоба-то тонкие.

Но как же знамя Жанны всё-таки оказалось на валу? О том существует аж четыре рассказа участников страшной битвы. Первым расскажет телохранитель Жанны – де Олон.

Он увидел, как Жанна пытается залезть по лестнице на вал. У неё ничего не получалось – одна рука ранена, а в другой знамя. Он спросил у Жанны, зачем ей на вал? Дева объяснила ему про сигнал резерву. Тогда де Олон принял у неё знамя, взобрался на вал, раскидал там нескольких англичан и принялся размахивать знаменем.

Версию вторую поведает нам Ги де Кайи. Тот самый рыбак, в доме которого ночевала Жанна в первую ночь у Орлеана. Он тоже был в этом бою. До определённого момента его рассказ во всём сходится с рассказом де Олона. Жанна пробует залезть на вал, у неё не получается, она объясняет окружающим, что знамя необходимо во что бы то ни стало доставить наверх. Но, по словам де Кайи, не де Олон, а именно он, де Кайи, выхватил у Жанны знамя и отважно полез с ним по лестнице...

Расхождения продолжаются и дальше. Со слов де Олона, на валу ему мешали только англичане. Со слов де Кайи – ещё и Жанна. Она, рассказывает де Кайи, наверное, решила, что

он вознамерился с её знаменем перебежать к англичанам. Поэтому, забыв про рану, Жанна птицей взлетает по лестнице и, кипя возмущением, пытается вырвать знамя у Ги. Ничего не понимающий де Кайи тянет знамя к себе. Жанна – к себе. Знамя начинает раскачиваться, а орлеанские дурни принимают это за сигнал к атаке.

Остроумный рассказ. Явно де Кайи не одну сотню раз потешал им сотрапезников за кружкой доброго вина. Балабол он, судя по всему, был тот ещё.

Теперь высокородный свидетель Дюнуа. Он по-военному краток: *«Когда Дева возвратилась из виноградника, она схватила своё знамя и вместе со мной установила его на валу»*.

Ну и последнюю версию поведает нам «Орлеанская хроника». Обиженная тем, что в столь славном деле, как водружение знамени, никто не отмечает участие граждан Орлеана, «Хроника…» заявляет, что установил знамя на валу орлеанец Баск. И добавляет, что оного Баска, как всем известно, Дева назначила своим знаменосцем ещё при въезде в Орлеан. Кому же ещё знамя и водружать было на валу?

К тому же, говорит «Хроника…», есть ещё доказательство – Баску от Орлеана пожизненный пенсион был назначен, а допустим, тому же де Кайи – шиш с маслом. Кто тут прав, разобраться решительно невозможно. Может, все врут. Может, частицу правды каждый говорит.

Да и неважно. Важно, что в шестом часу на Турель началась атака с тыла. А под Турелью тем временем французы теснят и теснят противника. Уже и вал барбакана в их руках. Они уже внутри барбакана. Англичане отбиваются, огрызаются, отходят и отходят к мосту в Турель.

К ним пробивается небольшое подкрепление. Не все англичане сидели в этот кровавый день как замороженные. Гарнизон форта Карла Великого, что располагался на одном из островов, поспешил, как вообще-то положено было всем англичанам, на помощь боевым товарищам. Переправившись на южный берег, они по мелководью у кромки берега пробежали в Турель и вступили в бой, приостановив наступление французов.

Тут-то и загрохотали бомбарды из города, и одна из башен Турели распалась. Огромные каменные обломки обрушились в воды Луары и на головы дерущимся. И англичане сломались! Они кинулись бежать по мосту в Турель.

Чтобы дать уцелевшим отойти и укрепиться внутри башен, сэр Гласдейл и ещё трое английских рыцарей (*«Цвет и гордость английского рыцарства»*, – печально рассказывает об этом эпизоде английский очевидец.) встали с мечами и секирами в руках на мосту и отразили одну за другой несколько атак рвущегося в Турель французского войска.

В это время в мост врезаются три пылающих корабля, что французы специально подожгли и направили на Турель. Мост вспыхивает и разрушается от удара. С пылающими обломками в воду падают и отважные рыцари вместе с сэром Гласдейлом, и те, кто бежал по мосту в Турель. Все они утонули.

Немногие англичане, что успели проскочить в форт, сдаются.

Всё! В шесть часов вечера 7 мая, после непрерывного десятичасового боя неприступная доселе Турель пала! Около семисот англичан, лучшая часть их войска, погибли, двести попали в плен. Французы потеряли почти две тысячи человек. Правда, освободили около сотни своих, что томились в плену.

Через три часа после падения Турели по быстро восстановленному мосту Жанна въезжает в Орлеан через южные ворота.

ГЛАВА 15. ПОБЕДА

Праздник всенародный начался в Орлеане сразу же. Победно звонят колокола, на площадях звучит весёлая музыка, выносятся из домов и кабаков прямо на улицы столы и лавки, катятся бочки с вином, тащатся закуски.

Но вдруг едва начавшееся веселье начинает как-то спадать и гаснуть. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Гасит его разносящийся по городу слух, тревожный, страшный: «Дева умирает!».

Она и правда умирала. Без сознания, в жару и бреду металась на своей постели в богатом доме Буше. Раны, одна в ноге и другая, самая тяжёлая, в правом плече, дали о себе знать лихорадкой. Лучшие врачи Орлеана осмотрели Жанну и развели руками.

Описание её состояния, дошедшее до нас, не вызывает сомнения – это явно заражение крови: сильный жар, потеря сознания, бред, плечо распухло, опухоль уже захватила правую часть груди и наползает на горло. По тем временам это было неизлечимо.

Какой уж теперь праздник? С плачем горожане бросаются в церкви. И всю ночь страстно молится Орлеан. Просит у Бога не забирать свою Посланницу. Ведь английское войско всё ещё у ворот города.

В штабе обороны на улице Розы в мрачном молчании сидят «полевые командиры». Вести от врачей придавили и повергли в уныние этих сильных людей. Наверняка они знают, что точно от такой же раны, полученной точно при таких же обстоятельствах, причём здесь же, во Франции, триста лет назад скончался Ричард Львиное Сердце. За девять дней сгорел в лихорадке от стрелы в правое плечо этот английский король.

Здоровенный мужчина! Лихорадке с ним пришлось провозиться целых девять дней. Насколько хватит хрупкой девушки? Врачи говорят, в лучшем случае до следующего вечера.

Теперь здесь, на улице Розы, нет ни одного противника Жанны. За прошедшие два кровавых дня Жанна сделала своими сторонниками и этих людей. И как же им сейчас? Без Девы? Мрачные мысли давят. Пока Дева не появилась, англичане били их как хотели. Жанна принесла им победу, вернула веру в себя. И что же теперь? Опять поражение за поражением? Тут задумаешься. Тут впадёшь в уныние. Тут, пожалуй, и забогохульствуешь.

Они мрачно пьют, грязно ругаются, проклинают всё и вся. Когда за окнами стало светлеть, в зал совета вошёл паж Жанны де Конт. У всех комок к горлу: «Ну вот, свершилось. Нет больше с нами Девы. Сейчас этот юноша о сём и объявит».

И юноша объявляет: *«Жанна-Дева просит направить герольда к англичанам. Она вызывает годонов на бой перед стенами города»*.

Как Жанна избежала смерти? Нам неизвестно, чтоб кто-то давал ей какое-нибудь волшебное снадобье или «живую воду». Наоборот, известно, что её вообще не лечили. Развели руками – дескать, медицина тут бессильна.

Под утро жар вдруг спал, лихорадка стихла. И Жанна заснула. Обычным сном. Поспала несколько часов. Проснулась. И попросила поесть. На глазах у боявшихся дышать от радости окружающих съела несколько штук печенья, макая его в вино (кстати, это единственный известный случай, когда Жанна употребила спиртное).

Потом отдала пажу приказание о герольде, встала и велела своим телохранителям снаряжать её к битве. Убеждённые, что прямо сейчас на их грешных и недостойных глазах совершается самое что ни на есть настоящее чудо, такое, о каких в Святом Писании писано, телохранители пролепетали что-то вроде: «Может, сегодня отдохнёшь? Мы уж как-нибудь сами этих годонов того…».

Жанна ответила: *«Не бойтесь. Мои голоса сказали мне, что битвы не будет»*.

На всей планете нашей в тот день нельзя было найти людей, более уверовавших в Бога, чем горожане Орлеана, когда они узнали, что Дева не просто выздоровела, а встала на ноги и вновь идёт в бой.

Тут уж каждому стыдно за стенами отсиживаться. Поэтому в то утро в поле вышли даже раненые.

Англичане приняли вызов. Их войска выдвинулись из северных укреплений и построились для боя напротив французской армии. У британцев нет численного перевеса, но попрежнему перевес качественный. А после страшных потерь французов под Турелью он возрос.

Битва предстоит жестокая. Это ясно всем. Но с лёгким сердцем идут на поле боя французы – Посланница Божия в их рядах! И неохотно выползают в поле англичане – проклятая ведьма всё-таки не сдохла!

Перед обеими армиями служат молебны.

Жанна тяжело слезает с коня, раны всё же мучают её, и встаёт на колени перед полевым алтарём. Спиной к англичанам. Бросает де Олону: *«Следи за врагом и дай мне знать, если что-нибудь случится»*.

Молитвенно складывает руки и замирает. Проходит пять минут. Десять. И вдруг она слышит, как взрывается радостными воплями французский строй. Ей даже не надо оборачиваться, чтобы понять, что случилось. Догадаться нетрудно.

Английская армия, так и не решившись атаковать, поворачивается и уходит. Не возвращается в свои укрепления, а вообще уходит прочь от Орлеана!

Свершилось! Это полная победа! Победа невозможная, небывалая, победа, о которой через месяц будет шуметь вся Европа.

Осада Орлеана длилась более полугода. Снять её казалось решительно невозможным всем мало-мальски разбирающимся в военном деле. Жанна сняла осаду на девятый день пребывания в Орлеане. Правда, за три дня боев

она уложила в землю почти половину армии, вручённой ей дофином.

Стоило ли оно того? Пожалуй, да. Победа под Орлеаном – это не просто крупный стратегический успех французов. Она из тех побед, что меняют лицо человечества. Падение Орлеана означало бы конец войны с исчезновением Франции с карты Европы.

Как выглядела бы мировая история без Франции? И если бы Англия стала не островным, а континентальным государством? Не будем гадать. Но Франция была спасена! Орлеанская победа явилась переломной точкой в войне. Отныне инициатива перешла в руки французов.

Орлеанский разгром подорвал силы Англии и буквально уничтожил её финансы. Всего Англия затратила на Орлеанскую операцию фантастическую сумму – четыреста сорок тысяч ливров. Это три тысячи девятьсот шестьдесят килограммов золота. Почти четыре тонны! И больше половины этой суммы – займы под грабительские проценты.

Англичане очень старались. Под Орлеан были отправлены лучшие бойцы во главе с лучшими командирами. Они сделали всё. Они были в полушаге от желанной победы. Сколько оставалось Орлеану до падения? Две недели? Месяц? А может, считанные дни?

Ставки так высоки, что в марте 1429 года сам британский регент, герцог Бедфорд, прибывает из-за пролива в Париж, чтобы лично контролировать ситуацию.

Вечером 9 мая забрызганный грязью до самой макушки гонец из армии приносит ему весть, от которой герцог лишился сознания. Придя в себя, он пишет королю Эдуарду.

Даже через шесть веков доносятся со строк этого письма ярость и горькое отчаяние: *«Всё шло хорошо в этой стране. Пока Ваши люди не пострадали от тяжкого удара, нанесённого, как некоторые говорят, при участии небесных сил. Но, по-моему, этот удар нанесла ученица и прислужница дьявола, так называемая Дева, владеющая искусством колдовства и чародейства, с помощью которых она внушила Вашим людям нелепые мысли и необъяснимый страх…»*

При мало-мальски правильных действиях англичан разгром Жанны и падение Орлеана были бы неизбежными. Но англичане не делают этих правильных действий. Они, собственно, вообще ничего не делают. Как мишени, стоят и ждут удара. Да, чтобы провести такую рискованную операцию, нужна была запредельная дерзость и смелость Жанны. Но нужен же был и такой парализованный противник.

И ведь не скажешь, что английское командование было трусливо или неопытно. Чтобы в этом убедиться, давайте хоть вкратце взглянем на биографии командующих.

Гласдейл – выходец из простонародья. На этой войне с младых ногтей. Не происхождением, а храбростью и талантом достиг командных высот. Он единственный из британских военачальников, кто не сидит в параличе, а действует. Но как он действует? Ни с того ни с сего обнажает переправу, делая высадку Жанны на южный берег Луары предельно комфортной. Дрался, правда, как лев, и погиб геройски.

А вот перед нами главнокомандующий сэр Вильям де Ла Поль. Ему тридцать пять лет, из них двадцать он воюет во Франции. Воюет дольше, чем Жанна на свете живёт! В двадцатилетнем возрасте он прославился мужеством при осаде Арфлёра и в битве при Азенкуре. Что с ним случилось под Орлеаном? Он сам, очевидно, не очень это понимал. Отступив от города, де ла Поль ещё долго будет шататься со своей армией вдоль Луары, всё пытаясь напасть на Жанну, проводившую в то время Луарскую кампанию. Но так и не решится! Сдаст и всю Луару без боя, как сдал Орлеан. А потом и сам в плен попадёт.

И, наконец, перед нами сэр Джон Тальбот. На этой войне с 1412 года. Уж точно не юнец желторотый и не трус. Британский Ахиллес – так величали его и британцы, и французы. Уважение к нему было столь велико, что, когда Жанна поймает быстро удирающего от неё «Ахиллеса», дофин Карл отпустит того без всякого выкупа. Тальбот будет воевать до самого конца войны. Он погибнет в последней битве Столетней войны, 17 июля 1453 года. Будучи командующим английскими войсками, сэр Тальбот одержит сорок восемь побед в сражениях.

Английская писательница Вита Сэквилл-Уэст, подробно изучившая историю осады Орлеана, подводит такой итог: *«Весь образ действия наших земляков, участвовавших в тех событиях, кажется мне до такой степени странным и медлительным, что это можно объяснить только сверхъестественными причинами. Причинами, о которых мы в свете*

нашей науки двадцатого столетия – или, может быть, во тьме нашей науки двадцатого столетия? – ничего не знаем».

Ну а если попробовать объяснить поражение англичан без вмешательства сверхъестественного? Материалистически?

Нам надо попробовать отказаться от мироощущения современного человека, рационального, хотя тоже немного потрёпанного религиозностью, и попробовать почувствовать мироощущение человека средневекового. А мироощущение это полностью религиозное. Оно пока ещё не затронуто научной картиной мира.

Веру средневекового человека в Бога даже трудно верой-то назвать. Это не вера, а абсолютная убеждённость в его существовании. Как и в существовании дьявола. Ибо вера в дьявола неотъемлемая часть веры в Бога.

Зная это, что же мы должны понять о мыслях и ощущениях англичан (впрочем, и французов тоже), когда Жанна появилась в Орлеане? Они все уже знали пророчества о явлении Девы. А теперь им очень быстро внушили, что Дева явилась. Вот она! Перед вами!

Тем, кто это внушал, трудиться много не пришлось. Религиозное сознание, то есть сознание, не ведающее, что такое критическое мышление, очень легко внушаемо. Верит во всё что угодно быстро и сразу. Причём порой в прямо противоположное, даже не замечая эту противоположность. Религиозное сознание, абсолютная вера дала силы одним и забрала у других.

Ну, что ж, нам с вами осталось совсем немного до конца Орлеанской мистерии. 8 мая по инициативе епископа Орлеана был устроен грандиозный крестный ход вокруг города. Разумеется, Жанна приняла в нём участие. Правда, из-за ран не шла, а ехала на своём белом коне. Во главе крестного хода. Священники с иконами занимали второй эшелон этого шествия. Вслед за Жанной. Ну а уж дальше – воины и горожане.

После шествия Жанна с небольшим эскортом из телохранителей и своих верных апостолов-головорезов, не дав себе отдохнуть и невзирая на две раны, поскакала в Блуа. К дофину Карлу. Она намеревалась сразу же вести его в Реймс на коронацию.

Мы с вами за ней не последуем. И прежде чем опустить занавес над сценой у Орлеана, полезно, я думаю, будет посмотреть и эпилог её.

ИНТЕРЛЮДИЯ 6. ЖАННА И ВОЛЬТЕР

Орлеанцы доказали свою глубокую признательность Жанне. Ей была назначена щедрая пожизненная пенсия от города, которая исправно выплачивалась (даже слишком исправно, как мы в дальнейшем увидим).

День 8 мая с 1429 года – самый главный праздник в Орлеане. Называется День Освобождения Города (именно так – все три слова с большой буквы). Сначала он был только религиозным, а потом стал и светским.

Даже сейчас орлеанцы наиболее пышно празднуют 8 мая как День Освобождения Города, а не окончания Второй мировой. Шествие, впервые состоявшееся вот уже скоро шесть веков назад, – непременный и самый главный атрибут праздника.

В 1435 году праздник ознаменовался первой постановкой «Орлеанской мистерии». Выше уже говорилось, что организовал её на свои деньги Жиль де Ре. Она довольно точно воспроизводила сцены битвы у Орлеана. Это было нечто вроде современных исторических реконструкций, только в более грандиозном исполнении.

В год, когда Жанну реабилитировали, все участники шествия, читай: все орлеанцы, получили в качестве подарка индульгенции на сто дней. Полагаю, успели ими широко воспользоваться. Срок достаточный, чтоб всласть нагрешиться. Что творилось в эти сто дней в Орлеане и окрестностях, предлагаю читателям вообразить самим. Насколько фантазии хватит.

Интересная деталь. Аж целых пять веков роль Жанны на Празднике Освобождения Города играли мальчики. Отцы города выбирали наиболее миловидного юношу и обряжали его в ту одежду, которую Жанна носила в Орлеане. Красно-зелёная короткая мужская курточка, красные чулки и круглая красная шапочка с двумя зелёными перьями.

Этот юноша и считался весь праздник Орлеанской девой. И называли его… ох, даже не знаю, как это по-русски-то сказать. Дело в том, что во французском языке у слова «дева» есть ещё и мужской род. Вот этим-то мужским родом слова «дева» тех мальчиков и называли. А по-русски как? «Дев», что ли? Или девочкомальчик?

Конечно, нам это может показаться странным. С какой стати девушку играет мальчик? Почему нельзя было подобрать девушку? Да

потому, что её пришлось бы в мужской костюм облачать! Это же грех! В Библии, как мы уже знаем, есть прямой и однозначный запрет на ношение женщиной мужского костюма.

Во всём Средневековье, пожалуй, только Жанна открыто в мужском щеголяла. Но она-то – Посланница Божия, для неё ничего не грех.

И только в 1912 году впервые Жанну изображала девушка. В начале XX века женщина наконец-то могла появиться на публике в мужском одеянии, не боясь церковного наказания и людских пересудов. Звали эту девушку Жанна Боро. Разумеется, ей было семнадцать лет. С тех пор и по наши дни Жанну на Празднике Освобождения Города изображают семнадцатилетние девушки.

В веке осьмнадцатом, веке просвещённом, решили, что как-то неудобно, когда Жанну изображает только юноша. Надо бы как-то и женский пол ввести. И ввели. Рядом с Девой мужского рода появляется девушка, называемая Скромница. Её выбирали из самых целомудренных девушек Орлеана. Она символизировала скромность и чистоту Орлеанской девы.

И с тех же времён было постановлено, что каждое 8 мая город даёт приданое аж в тысячу двести золотых ливров одной девушке. Она непременно должна была отвечать следующим условиям: быть скромна и целомудренна, из бедной семьи и рождена в стенах Орлеана.

Теперь мы подошли к чёрным страницам в праздновании Дня Освобождения Города. Это годы Великой французской революции.

Революция воистину великая, и те блага, что она принесла цивилизации, переоценить невозможно.

Но ведь большое видится на расстоянии. На расстоянии Французская революция – Великая, а вблизи, в подробностях, – такая мерзость.

Чтобы отречься от старого мира и отряхнуть его прах с ног, надо разрушить и испоганить знаковые черты старого мира. А что может быть для Франции знаковей, чем образ Жанны? Поэтому Жанна и вызывала наибольшее раздражение революционно настроенных французов. И глумиться над ней начали ещё за несколько лет до самой революции.

Занялся этим делом не кто иной, как сам Вольтер. Оглядывая окрестности, великий Вольтер не сумел разглядеть ни в современной ему Франции, ни в её истории ничего хорошего, а только одну сплошную пакость. Оказывается, наряду с великим Вольтером во Франции существует монархия какая-то, церковь зачем-то. И всё из-за Жанны. Да как же осмелилась эта бесстыжая девка спасать Францию, не спросясь его, великого Вольтера?

«Чего там было Францию спасать? Нехорошо это» – так решил великий Вольтер, и не закрался в его великую голову простой вопрос: а если бы не Жанна, то где бы тогда он, великий Вольтер, вольтерьянством занимался-то?

В общем, великий Вольтер берётся за перо и пишет комедию (!) «Орлеанская девственница». В ней Жанна выведена алкоголичкой и развратницей. Она пьянствует и кувыркается с солдатами и полководцами. Но только с французскими. Дело в том, что у неё хранится «Честь Франции», и Жанна отбивает все попытки англичан туда забраться.

Если вы полагаете, что французы за такое произведение порвали на клочки автора, или хотя бы заставили его публично сожрать свою пьесу, ну или, на самый худой конец, общественной обструкции подвергли и перестали руки подавать, то сильно заблуждаетесь. Франция приняла пьесу с восторгом! Даже при дворе её читали и чуть ли не поставить на сцене Версаля собирались (вот там уж точно скоты неблагодарные сидели, сами себе гильотину усердно зарабатывали, в том числе и этим).

А возмутились этой пьесой (надо отдать им должное) англичане. Сама мысль о том, что их армию могла разбить алкоголичка и развратница, показалась джентльменам в высшей степени неостроумной. О чём они и не замедлили уведомить великого Вольтера в частности и Францию вообще, сказав, что они думают и о французской драматургии на современном этапе её развития, и о французской благодарности.

Хочу сказать: Вольтер действительно великий человек. Его вклад в европейскую историю переоценить невозможно. Что же на него нашло, когда он набросился на Жанну, на один из самых светлых образов во всём европейском Средневековье? Полагаю, что так повлияла на Вольтера общественная атмосфера предреволюционной ситуации, сложившейся тогда во Франции. Ведь в преддверии революции общество немного, а порой и сильно сходит с ума (кто застал перестройку в СССР, должен хорошо помнить эти странные психологические явления).

Справедливости ради скажем, что во всей Франции нашёлся-таки один достойный человек, решившийся вступиться за честь страны. Это был королевский прокурор Сегье. Он приговорил к публичному сожжению… нет, не Вольтера, а его «Орлеанскую девственницу» и ещё несколько произведений.

Странно, но данная акция потребовала от королевского прокурора изрядного мужества. Вот какое не вполне понятное письмо он написал по этому поводу своей жене: *«Я не скрываю от тебя, какой ненависти подвергаюсь, осмеливаясь привлечь к ответственности клику столь же предприимчивую, сколь и многочисленную. Но каким бы ни был риск, связанный с моим решением, я с бесстрашием доведу дело до конца»*.

И довёл. Труды Вольтера были-таки публично сожжены. И королевскому прокурору ничего за это не было. Ну, почти ничего. Просто король Людовик XVI Гильотинированный выгнал его с должности королевского прокурора. Чтоб не смел, мракобес этакий, стоять на пути прогресса.

Ну а дальше грянула революция. И началось. Из гробниц были вышвырнуты тела французских королей, разорваны на части и сброшены в нечистоты. Мумифицированное тело кардинала Ришелье также исторгли из гробницы, оторвали голову и ногами гоняли её по площади (вот, наверное, кто футбол изобрёл, а совсем не англичане). А какой-то революционно настроенный лавочник взял голову Ришелье в руки и зачем-то искусал её.

Тело Жанны не досталось прогрессивной французской общественности. Над ним поглумились задолго до того. И что же теперь делать прогрессивной общественности? Как ей продемонстрировать всё своё презрение к негодяйке, посмевшей спасти французскую монархию? Ведь именно это, на полном серьёзе, ставили Жанне в вину французские революционеры.

В Орлеане стояла много веков статуя Девы. Раздолбать её! И раздолбали.

В Орлеане трепетно хранилась в соборе прядь волос Жанны, которую она по обычаю того времени втиснула в свою печать на одном из писем. Прогрессивная общественность Орлеана сожгла эту прядь волос! Будет знать, как наш город спасать!

Что же ещё сделать? Ага, идея! В соборе находится гроб с телом орлеанского епископа Гийома. Того самого, что был в Орлеане всю осаду, деля со своей паствой её тягости. Этот епископ и провёл описанный нами крестный ход, положив тем самым начало традиции празднования Дня Освобождения Города. Вот же каналья! Да его за это четвертовать мало! И плевать, что он мёртв!

Гроб выволакивают из собора, останки епископа четвертуют и сбрасывают в Луару. А гроб? Ну не пропадать же добру! Гроб стали использовать как поилку для скота на рыночной площади.

Ну а затем, так как крушить и осквернять больше стало нечего, отменили празднование Дня Освобождения Города.

Но сколько пьянке не длиться, а трезветь придётся. Роль вытрезвителя для французов сыграл Наполеон. В 1803 году, ещё будучи не императором, а первым консулом, он распорядился глумление над историей прекратить, всё, что осталось от королей и прочих исторических персон, заново и с почётом захоронить. А в Орлеане восстановить празднование Дня Освобождения Города. И орлеанцы восприняли это с восторгом, так как к тому времени они и прогресса, и революции нахлебались досыта и больше.

С тех пор ничего подобного в Орлеане не повторялось и, смею надеяться, не повторится.

10 мая 1920 года день рождения Жанны д'Арк был объявлен во Франции национальным праздником. Памятники этой загадочной девушке стоят практически во всех французских городах.

На этом мы опускаем занавес над Орлеанской мистерией.

ЭПИЛОГ

В 1430 году Жанна была предана испугавшимся её влияния на общество и армию королём Карлом VII.

30 мая 1431 года Жанну сожгли заживо как ведьму и еретичку в городе Руане. Перед казнью её лишили права исповедоваться. Она умерла без покаяния и отпущения грехов.

7 июля 1456 года обвинительный приговор Жанне был аннулирован. Она признана полностью невиновной во всех предъявленных ей обвинениях.

22 июля 1461 года умирает возведённый Жанной на трон король Карл VII. Как и все, кто тесно сталкивался с Жанной, он умер жуткой смертью. Сам себя заморил голодом. Заморил из дикой боязни быть отравленным. Представьте

себе силу этого страха. И представьте его предсмертные муки. Правда, страшно?

6 июня 1904 года Римский Папа Пий X провозгласил Жанну преподобной. 13 декабря 1908 года Жанна была провозглашена блаженной. 9 мая 1920 года в понтификат Римского Папы Бенедикта XV Жанна была канонизирована и причислена к лику святых. Тогда же была составлена молитва святой Жанне д'Арк.

Если кто из вас пожелает помолиться Жанне, вот текст молитвы:

«Дорогая святая Жанна, смиренно прошу тебя помочь мне жить так, как хочет Бог. Я очень хочу иметь хоть частицу той любви и доброты, что ты питала к своим врагам, как и к друзьям. Но больше всего я прошу тебя помочь мне получить у Бога искру твоей великой и бесконечной любви и веры, чтобы мне по-настоящему любить Его, служить Ему и слушаться Его всем сердцем, как ты любила, служила и слушалась до самого конца своей святой жизни. Защищай меня всегда и помоги мне сохранить чистоту разума, тела и духа во веки веков. Аминь».

25 июня 1992 года Римский Папа Иоанн-Павел II утвердил Катехизис Католической церкви. Из всего многочисленного сонма святых для подтверждения положений Катехизиса были выбраны цитаты из высказываний примерно сотни. В том числе и Жанны.

Так Жанна, казнённая в середине XV века как ведьма и еретичка, без покаяния и отпущения грехов, в конце XX века стала одним из столпов христианской веры.

В завершение признаюсь в том, в чём не успел признаться в прологе. Всё время, пока я изучал жизнь Жанны, постоянно удивляясь её невероятным делам и способностям, всё время, пока я писал эту книгу, пытаясь понять и объяснить невероятные события в её деяниях, меня не оставляла одна мысль: «А что, если Жанна д'Арк и впрямь Посланница Божия? В самом прямом смысле этого слова»…

Ведь эта версия объясняет ВСЁ.

Юлия ШКУРАТОВА

ГРОЗЫ, УМЕРЕННО ОБЛАЧНО

* * *

за забором тропинка
в некошеный сад
надевает калина
пурпурный закат

среди веток тоскуя
молчит соловей
не поёт аллилуйи
берёзам свечей

в тёплых лужах налита
цветная вода
в небо тянется нитка
отсюда – туда

эту нитку натянет
шершавой рукой
мама в небо заглянет
и скажет: домой

* * *

грозы, умеренно облачно
спят на полях рисунки
спит медвежонок войлочный
в берестяной шкатулке
спят нераскрытые ножницы
крылья сложили книжки
пуговке чёрной в игольнице
глазиком стать для мишки

* * *

я хочу тебя любить
и ромашки собирать
жить так долго, славно жить
всё увидеть, всё обнять

я хочу смотреть на звёзд
и планет великий ход
лишь с тобой, не видеть грёз
потому что лучше грёз
наш с тобой круговорот

потому что лучше нас
только звёзды помнят дни
потому что жизнь сейчас
оттого, что по любви

от того, что было там
до того, что есть теперь
был замок – и нет замка
и открыта к звёздам дверь

эта дверца на чердак
паутинки тишина
видишь небу ещё как
нужен ты и я нужна

ШКУРАТОВА Юлия Сергеевна *родилась в городе Кемерово, окончила философский факультет Томского государственного университета. Автор книги стихов «Следы». Публиковалась в литературных журналах: «Арион», «Ликбез», «Новая юность», «После 12», «Огни Кузбасса». Стипендиат Минкульта РФ. Живёт в Кемерове.*

ОБЫКНОВЕННОЕ

на плечи ложится снег
липнут друг к дружке ресницы
мне обещал присниться
самый родной человек

нужно спешить домой
сквозь эту белую кашу
там засыпать одной
будет уже не страшно

* * *

безнадёжный белеющий свет
коридор, процедурный, палата
старики доедают обед
посетителям – только в халатах

за окошком фонтан и цветы
и скульптурно раскинулись ели
подрезает садовник кусты
эти крылья ему надоели

шелестят, не дают слышать птиц
а ты знаешь, какие тут птицы?
у них звёзды заместо глазниц
и счастливые юные лица

* * *

а начать бы всё сызнова, заново
заучить бы её наизусть
я живу как-то не многоразово
на ошибках чужих не лечусь

и мне в качестве болтиков-гаечек
поддаются одни лишь слова
может, девочка в тоненькой маечке
шестилетняя больше права

чем сейчас – закоулки подсвечены
и не спрячешься в недрах души
так проходит суббота – как женщина
и никто догонять не спешит

ЖЕНЩИНЫ

одни красили губы
и были счастливы

другие – жарили картошку
и были счастливы

первые, устав красить губы
начали жарить картошку
но устали ещё больше

а те, что жарили картошку
устав
накрасили губы
и были счастливы

* * *

повсюду огоньки да фантики
да пальмы пролетают мимо
а я обратно из атлантики
в страну угля, берёз и дыма

скучают трезвые попутчики
в глазах их облака пылают
и стюардесса вся на стульчике
себя, как кошка, умещает

цветная пыль в иллюминаторе
пустой стаканчик из-под чая
я вышла где-то на экваторе
и на звонки не отвечаю

* * *

заплетай косичку
выходи на речку
там за перемычкой
бродят волк с овечкой

призрак у калитки
открывает святки
отдаёт по скидке
патефоны с грядки

зазвенит в париже
а малыш в капусте
улыбнётся трижды
за калитку пустят

невесомый мостик
через реку крестик
вымытые кости
снова лягут вместе

* * *

будет ночь и тишина
растворённая стократ
будет млечная жена
звать: ну где же ты, сократ

разгулялось вороньё
всё живое им в новьё
тише, тише, будь смелей
утро – нежный воробей
тут берёзка – там сирень
будит ночь, и будет день

* * *

таня, таня, не грусти
мне нести, тебе нести
алый крестик меж плечей
мячик с неба – он ничей
не играйте, дети, в мяч
мячик с неба – он горяч
обожжённую ладонь
не берёт земной огонь
белый крестик, белый лист
мячик с неба, значит чист

* * *

у бабушки на лбу была иконка
простой и неприметный образок
как будто не то в вечное глазок
не то на третьем глазе перепонка

и я поцеловала этот лик
и всё осталось так же, как и было
но те, кого когда-то я любила
как будто попрощались напрямик

и я поцеловала темноту
за бабушку, за всех, кого любила
и темнота как будто отступила
остался привкус ладана во рту...

у маленьких детей бывает ночью
по комнате гуляет тусклый свет
и страшно и спокойно знать, что нет
того, во что и сам не веришь очень

* * *

в даль уходят корабли
в глушь уходят города
волны скроют, что в дали
оборвутся провода

человек пойдёт вперёд
следом снегом заметёт
круг случается за год
города пройдут и всё

всё когда-нибудь пройдёт

* * *

ничего не бывает случайно
ничего не даётся за так
тополя облетают прощально
упакован последний рюкзак

впереди белокаменный город
а мне дальше, на том берегу
в клюве веточку скорбную голубь
переносит в иную страну

темнота подступает отвсюду
не оглядываться, не сходить
я и это однажды забуду
не распутать, потянешь за нить

оборвётся вечернее солнце
несмолкаемый шелест газет
тополя облетают, и льётся
громко, громко, и близится свет

Мария
БЕРЕСТОВА

ИДИ КО МНЕ, МОЙ СТИХ

* * *

Прости мне этот первобытный страх –
бегу туда, где сухо и тепло.
О детство – бьётся бабочка в руках,
я молча отрываю ей крыло,

и что-то есть звериное во мне
в соседстве с беззащитной чистотой.
Я принимаю это, ведь вполне
осознаю, что остаюсь такой

и до сих пор. Опять средь бела дня
внутри меня не хочет спать ребёнок,
смеётся смерти бабочки – и я
бегу домой, где вечер тих и долог.

* * *

Касаться пальцами – не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,

а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.

Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.

* * *

День, слишком громкий, наконец затих.
Слова лежат, ночь ворошит их залежь –
слов много, ты надеешься на них,
пока не зачерпнёшь, не исчерпаешь,
не вычерпаешь всё от сих до сих
и знаешь, что сказать, а как – не знаешь.
Иди ко мне, приди ко мне, мой стих.

Тень от ветвей царапает окно,
как будто даже звук какой-то слышен,
и зрелость ждёт во мне уже давно –

всю жизнь растёт внутри. Вздыхает. Дышит.
В ушедшем дне не разглядеть того,
о чём она пока ещё не пишет.

* * *

Окно моё, ты видело меня
уже во всех, пожалуй, проявленьях,
но всё ещё глядишь день ото дня,
впуская свет и стёклами звеня,
как я, влюбляясь, становлюсь слабее,

как плачу о земном, о неземном,
как плачу, что устала столько плакать,
как я пишу ночами за столом
и прячу письма, чтоб отдать потом,
а может, не отдав, продолжить прятать.

БЕРЕСТОВА Мария Сергеевна *родилась в городе Мыски Кемеровской области. Окончила музыкальную школу по классу скрипки. Победитель и лауреат многих всероссийских литературных конкурсов. Публиковалась в журналах «Союз писателей» и «ЛитОгранка», сборнике мысковских авторов «Город, где прописано сердце», сборнике работ победителей Всероссийского конкурса сочинений (2015 г). Живёт в Мысках.*

И ты глядишь, как я к тебе иду,
глядишь в меня, как озеро в Нарцисса,
и ловишь взгляд, чтоб только убедиться,
что отразит тебя, а не беду.

Но скоро ночь. Я вижу сквозь стекло
листву деревьев, летний вечер. Странно
болит в груди. Письмо молчит о главном.
И знаешь только ты, моё окно.

*** * ***

Живи, живи. Живи, как сейчас живёшь;
как вот сейчас сидишь, сиди так вечно...

В. Набоков

Вот так молчи, как сейчас молчишь,
всегда, всегда – пусть и жизнь пройдёт –
из всех колодцев, оврагов, ниш
твоё молчанье, как ночь, встаёт,

сияет в небе, блестит на дне,
дрожит повсюду, и я дышу,
но всё безудержней слышно мне,
как ты молчишь сквозь великий шум

по всей земле, и звенит в ушах,
живи, живи, как сейчас, – и всё.
И вздрогнет где-то внутри душа,
как будто что-то произнесёт.

*** * ***

Вечер, март. Что-то есть на душе – только
вряд ли смогу
это выразить прямо. Захочешь попробовать –
пробуй
молодое бродящее чувство. Весна на снегу.
Всё прошло – так легко – и не стоило грусти
особой.

И теперь я стремлюсь – а на деле не знаю
к чему,
но иду, чтоб идти – хоть куда-то, зачем-то,
но всё же.
Как не верилось мне, что когда-то так
просто пойму:
всё не то и не так и совсем на любовь
не похоже.

Снег, весна. Что-то есть на душе. Подожди,
я приду.
Это всё перебродит и станет мудрее
и старше,
как вишнёвые ягоды в банке, забытой в саду,
как вино в погребке у какой-то особы монаршей.

*** * ***

В. Ш.

Будет дождь – посильней, чем на прошлой
неделе прошли, –
о, чудесная новость. А день отчего же так
душен?
Я живу на земле и ногами касаюсь земли,
но мой собственный мир невозможен на ней
и не нужен.

Только эта привычная грусть стала как-то
нежней,
говорит о другом: о причинах любить это
лето.
Даже жаркий июль – хоть сухой, хоть совсем
без дождей –
остаётся желанным. И ждёт меня, кажется,
где-то.

*** * ***

На крышах – снег, декабрьский и нежный.
И кажется, что всё вокруг – другое,
что этот год пройдёт не так, как прежний.
Автобус переполнен. Едешь стоя

и сам себе счастливо обещаешь
любить весь мир, и этот сумрак белый,
и суету, которую прощаешь.
Идти вперёд и чувствовать, что целый.

Начать иначе жить, сновать основу
для новых дней – неповреждённой ткани.
И так наивно сам поверишь слову,
что даже боль на время перестанет.

И не заметишь, как подъедешь к дому.

Виталий ЛОЗОВИЧ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ОЛЕНЬ

Рассказ

Зрение у оленей слабое, лодку они замечают поздно, когда до встречи остаются секунды.

Эдгар Дубровский,
сценарий кинофильма
«Запасной аэродром»

С малого детства Ромка Шустов страдал плохим зрением. Заметили это в первом классе. Ромка сидел на последней парте и через месяц обучения пожаловался родителям, что не видит, что там на доске пишет мелом учительница. Ромку отвели к офтальмологу, тот глянул и как приговор прочитал: «Минус три. Плохо дело в таком возрасте».

Родители в ужасе стали кормить Ромку витаминами, морковкой, черникой и всем прочим, что должно было в их понимании срочно восстановить зрение, но всё шло в обратную сторону. К пятому классу зрение опустилось до минус пять, к девятому – до минус семь, а к выпускному – до минус восемь...

Минус восемь – это такое зрение, когда человек снимает очки, а в глазах фактически один большой мутный туман, сквозь который проглядываются очертания близлежащих предметов. Без очков быстро начинает кружиться голова. Предметы какие-то границы имеют, но всё, что дальше метра, похоже на размытые пятна. Причём пятна эти могут теряться и размываться полностью, если контрастность их небольшая и от общей картины местности плохо отличаются.

В восемнадцать лет, когда всех друзей забрали в армию, а Ромку не забрали никуда, когда все друзья завистливо хлопали его по плечу и напутствовали: «Ну ты давай тут... за всех нас...», Ромка впервые в жизни почувствовал, что его слабое зрение как-то влияет на его жизнь. Во-первых, в армию не годен, во-вторых, работать тоже может не везде, есть медицинские ограничения, в-третьих, что делать дальше, если зрение начнёт «садиться» ещё ниже?

В институт Ромка экзамены сдал, но пройти не смог по конкурсу, мало было баллов. Если бы он выбрал себе институт нормальный, а не факультет кинодраматургии московского ВГИКа, то вполне бы мог устроиться студентом лет на пять. Он вернулся в родной Северск, в своё Заполярье, в тундру, посидел до осени дома на родительских харчах, после чего пошёл искать работу. Работы он не нашёл. Грузчиком идти было нельзя по зрению, главным инженером никто не взял.

Когда пришёл конец августа, Ромка, перечитавший за последние годы всего Джека Лондона, вступил в местный охотсоюз, получил сразу два

ЛОЗОВИЧ Виталий Васильевич *родился 13 мая 1957 года в Воркуте. Более тридцати лет проработал кино- и телеоператором в Воркуте, Салехарде, ГТРК «Ямал». Облетел Арктику, от Карских Ворот на острове Вайгач до мыса Челюскин на Таймыре. Печатался в журналах «Север» (Петрозаводск), «Автограф» (Донецк, Украина), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Аврора» (Санкт-Петербург). Опубликовал два романа: «Тёща для всех», «Опрокинутый мир» и сборник повестей «Убойный снег». Лауреат журнала «Дальний Восток».*

охотбилета (как от Министерства природных ресурсов, так и от местного охотобщества), весь август исправно посещал занятия в местной полиции по правилам обращения с охотничьим оружием, после чего в начале сентября получил разрешение и на родительские деньги приобрёл себе прекрасный бокфлинт (вертикально спаренные стволы) ТОЗ-34. Всю осень Ромка проохотился на уток и куропаток. Охотился плохо, больше просто бродил по тундре. Зато впечатлений набралось масса, сюжетов для конкурсного рассказа во ВГИК было теперь предостаточно.

Подошла зима. Как всегда в Заполярье – внезапно, быстро и неотвратимо. День уменьшился к декабрю до полутора часов, остальные двадцать два с половиной часа в тундре стояла ночь.

Работы Ромка себе так и не нашёл. Бездельничал под присмотром родителей. На охоту ходил чуть ли не каждый день, с охоты приходил усталый, на вопрос родителей: «Что убил?» – отвечал коротко и уверенно: «Ноги». Правда, куропатки тоже встречались и нередко были на столе семьи.

Однажды Ромка в магазине охотсоюза увидел небольшие капканы, поинтересовался у продавщицы:

– На кого?

– На песца, – ответила та безразлично.

У Ромки загорелись глаза. Песца он видел в тундре однажды, совсем недавно, так близко, что даже опешил. Присел отдохнуть в ложбине, где была вереница высоких кустов, в которых обычно кормились куропатки, и краем глаза заметил какую-то движущуюся фигурку... Вначале подумал: «Собака?». Песец просто пробежал мимо, по Ромкиной лыжне, только один раз глянув на человека безразличными глазами. Ромка уже слишком поздно стал палить из обоих стволов по зверю – песец ушёл. Ушёл ровно, спокойно, лишь чуть-чуть скорости прибавив.

Ромка приобрёл капкан, на следующий день поставил его там, где песца увидел, и, даже не поискав в этот раз куропаток по кустам, ушёл домой. Теперь оставалось ждать. Что он будет делать с песцом, когда поймает его в капкан, Ромка пока не знал. Может, прихватит за задние ноги и треснет башкой о... обо что? О снег? Тогда просто пристрелит зверя в капкане. Метров с десяти, чтобы наверняка. Потом он снимет шкуру так, как много раз уже читал в книгах и справочниках. Шкуру с песца снимают «чулком», надрезая для этого вначале кожу убитому животному в районе челюстей, потом выворачивают шкуру наизнанку... потом откусывают аккуратно коготочки на лапах – и так до самого хвоста. Куда он денет эту шкуру? Матери отдаст. Пусть сошьёт себе шапку. Правда, у матери этих шапок... Ждал Ромка своего зверя всего один день, точнее ночь. Следующим утром, ещё затемно, вышел в тундру.

К двадцатым числам декабря по «московскому» светает за полярным кругом в десять, темнеет в двенадцать тридцать, сам день, собственно, занимает сорок минут. День стоял тихий, облачный, небо и заснеженная тундра сливались у горизонта в один белый туман.

Ромка вышел за город, прошёл с пару часов в открытую тундру и, мельком просмотрев, не кормятся ли здесь куропатки, вышел туда, где поставил капкан. Место было довольно ровное, немного в низине. Такие среди охотников назывались «балки». Ромка оглянулся – пусто. Снег, снег, снег. Уже рассвело, был одиннадцатый час, солнце шло где-то за непроницаемыми тучами – очевидно, находилось в зените. Это где-то внизу, «под землёй», за линией горизонта. Солнце за полярным кругом зимой не выходит на небо, лучи его лишь отражаются от небесного свода. Это и есть день.

Капкан стоял на месте, вокруг было чисто. Ни один зверь даже не подошёл близко. Ромка аккуратно проверил мелкую цепочку, за которую капкан был привязан к метровому штырю, вбитому в снег, убрал зачем-то кусочки сырой оленины, что положил сюда вчера для приманки, достал нового мяса, разбросал вокруг... Хотел уйти, но внезапно в голову пришло: «А если капкан под снегом захлопнулся и сейчас находится в неактивном состоянии, тогда что?..» Ромка понимал, что сам капкан вряд ли может сработать, но вдруг?.. Чего, спрашивается, ждать зверя, когда орудие лова не работает?

Осторожно разворошив снег сбоку, он вытащил капкан наружу: кусочек мяса лежал на железном «пятачке» и примёрз к нему намертво. За три с лишним часа ходьбы Ромка изрядно пропотел в своей тёплой брезентовой куртке, очки сегодня он в спешке не сменил и вышел в тундру в домашних, а они были лёгкие, держались на носу плохо, скользили постоянно вниз.

Осмотрев капкан, он вытащил нож, решив проверить – не подмёрзло ли устройство? Мало ли? Ромка ножом ткнул в приманку, капкан мгно-

венно хлопнул челюстями и зажал нож мёртвой хваткой. Ромка расправил его обратно, положил ещё один кусочек мяса на «пятачок», бережно поставил капкан в углубление в снегу, легко рукой стал присыпать свою ловушку снегом. В голове промелькнуло: «А устройство-то зверское, мучиться зверь будет... метаться...» Едва эта мысль посетила впервые его голову, как оправа очков вновь скользнула вниз по носу, Ромка не успел её поправить... Очки слетели с лица, перевернулись заушниками вниз и упали ровно на «пятачок» капкана... Ловушка сработала быстро, хватко и чётко – челюсти с металлическим лязком щёлкнули, во все стороны полетели брызги стекла...

Первое мгновение, когда вместо окружающего пространства появился белый туман, когда вместо капкана на снегу мутно затемнело какое-то пятно, Ромка ничего не понимал. После поднял голову, глянул по сторонам и ничего, кроме тумана, не увидел. Даже кустов, что находились вот здесь, рядом, метрах в трёхстах... «Нет, не здесь – там... Или здесь? Так их нет – ни здесь, ни там... Так. Кусты находились по левую руку – там. Или?.. Или здесь? Может, сходить, глянуть?» – он зажмурил глаза, открыл, вновь зажмурил, опять открыл – картинка не изменилась, вокруг была белая мгла. Ни горизонта, ни кустов, ни даже антенны городской телевышки, что находилась километрах в десяти отсюда и здесь, в низине, была видна даже в пасмурный день из-за тундрового подъёма, – ничего видно не было. Молоко. В один миг Ромка остался слепым. Привычно полез рукой на пояс к сотовому телефону – а нет на поясе сотового телефона, дома оставил, потому как батарейка села ночью, заряжать времени не было. Решил, что и так обойдётся. Да и потом, он никогда ещё не проверял – берёт ли здесь сотовый. Здесь очень глубокая низина, вполне возможно, что и нет.

Ромка разжал почти механически створки капкана, вытащил треснутую в двух местах пластмассовую оправу. Поднёс к глазам почти вплотную – стёкол не было, лишь в одном месте торчал осколок треугольной формы. Ромка повертел оправу в руках, не понимая, что делать. После сунул её в карман куртки, пошарил пальцами по снегу, нашёл ещё один осколок стекла покрупнее, приложил к глазу... Осколок крутанулся в пальцах и уколол его, Ромка рукой тряхнул, на подушечке большого пальца показалась кровь, сам же осколок выпал в снег и тут же исчез. Ромка наклонился вплотную, со стороны было похоже, что он снег нюхал. Руками он осторожно водил по снегу, пытаясь всё же нащупать какой-нибудь кусочек спасительного стекла покрупнее, но осколков покрупнее не было. Челюсти самого хищного и безжалостного орудия лова зверей очень точно поймали Ромкины очки в свою пасть и раздробили стёкла в порошок. Капкан поймал парня сам и безжалостно оставил беспомощного посреди тундры... Город был рядом, километров пятнадцать отсюда. Куда вот идти? Молоко. Солнца нет, ориентиров нет, даже ветра нет, чтобы запомнить хоть примерное направление.

Ромка сел на колени. Тупо, бессмысленно, невидяще смотрел в снег. Мысли вообще отсутствовали. Он впервые за свою короткую жизнь не знал, что сейчас делать. Дома этих очков у него... оправ пять или шесть в запасе валяются... «Дома. Дома. Дома. Здесь-то что делать?» Ромка поднялся на ноги, достал из рюкзака за спиной термос с чаем, выпил пару глотков, спрятал обратно, поправил ружьё на плече, оглянулся вокруг – молоко. Туман. Белая взвесь. Он зажмурил глаза, открыл – ничего. «Зачем жмурился? Глупость какая. Что делать?» И тишина в тундре вдруг стала какая-то неземная, словно вымерло всё рядом. Ни ветерка, ни куропачьего треска, ни клёкота канюка тебе сверху... Ничего нет.

– Домой идём, – сказал он себе так, словно приказал кому-то другому, который уже так испугался, что и двинуться с места сил нет.

Снег заскрипел под лыжами уверенно, как всегда. Снег будто ободрял: не всё так плохо, идти можешь, значит, дойдёшь. Ромка глянул вперёд: «А куда дойдёшь? Так. Стоп! Капкан стоял здесь, за спиной, я пришёл оттуда...» Он перед этим местом пересёк длинную вереницу кустов в распадке, там летом течёт бурный ручей, тальник высокий растёт, до самой весны его не заметает. Он дойдёт до этого тальника и тогда надо будет идти ровно вверх по тундровому подъёму, а когда Ромка выйдет на него, то, вполне возможно, увидит впереди тёмную дымку от городских труб. Но это же с нормальным зрением, это же когда видно всё...

Он шёл словно в пустоте, словно и не шёл вовсе – двигал ногами на одном месте, а тундра под ним крутилась во все стороны – и конца и края ей не было и быть не могло. «Север крайний – он бескрайний...»

Через час Ромка понял, что идёт не в ту сторону. Вереницы кустов не появилось, тундрового подъёма не было, он шёл по ровной местности. Куда ещё можно было выйти здесь? Если на восток – то на дорогу, ведущую в дальний посёлок... На дорогу – это уже к людям. Там хоть раз в сутки, но пройдёт машина, там... А куда это здесь – на восток?..

Прошло ещё с полчаса, и Ромка заметил, что вокруг начинает очень уверенно смеркаться. День уходил. Снег темнел, вначале стал отдавать лёгкой синевой, потом начал сереть... Ромка инстинктивно ускорил ход. Ноги его суетливо побежали вперёд, словно хотели догнать день... А куда побежали? Ромка остановился. Вокруг уже полная мгла. Пройдёт ещё с полчаса, и снег да небо полностью исчезнут. Останется только тёмный туман вокруг.

На тундру опустилась ночь. Где-то за тяжёлыми тучами явно шла полная яркая луна. Это Ромка понял сразу, потому как даже при самой сильной облачности зимой в тундре полной темноты не бывает. Снег – он как глаза кошки, от него даже свет далёких звёзд отражается.

Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам – четырнадцать часов. Ночь. Тихо. Ни ветра, ни свиста, ни крика, ни голоса, ничего. «Что ж делать? Идти ночью? Точнее, в ночи... в темноте полной? Куда?..»

Ромка остановился, сел на снег, снял рюкзак, открыл его и стал смотреть, что там есть и что может сейчас хоть как-то пригодиться. Спички, зажигалка, сухой спирт, тормозок с салом, термос, фляжка с коньяком (брал больше для форса, нежели для дела, никогда на охоте не пил), аптечка... Кстати, есть таблетки с кофеином – говорят, могут выручить, если совсем усталость одолеет. Ромка снял ружьё, переломил стволы, достал патроны с мелкой дробью на куропатку, зарядил картечью... Зачем? Он же не видит перед собой дальше полуметра? Стрелять в кого? В волков? Но здесь волки не ходят, здесь место пустынное, а им же есть надо... «Здесь им зимой есть нечего, здесь нет волков... А кто есть? – липкий страх сковал сознание, Ромка поднялся на ноги, – надо идти. Если так сидеть и ждать неизвестно кого, можно с ума тронуться... Надо идти». Он всё же снял ружьё с предохранителя, повесил его на плечо, стволами вниз, поправил за спиной рюкзак, вытащил фляжку с коньяком, открыл твёрдой рукой, отпил несколько глотков, граммов сто... поморщился, сказал громко:

– Вкусно. Вперёд!

И пошёл вперёд. А может, и назад. Он не знал. Если начнётся тундровый подъём, значит, идёт правильно. А перед подъёмом кусты, длинная вереница, метров на пятьсот. Но ни кустов, ни подъёма не было. Когда он в следующий раз глянул на часы, было уже пятнадцать часов дня в ночи. Темнота сгустилась полностью. Сколько бы он сейчас отдал хоть за какой ориентир! В голове впервые зашевелилась мысль: «Где-то надо ночевать». А где ночевать, если вокруг никакого тебе дерева, куста, бугорка, даже просто кочки, возле которой приткнуться можно да засидку в снегу выкопать?

Ромка снял лыжи, пробил ногами ямку, сел на лыжи, достал из рюкзака сухой спирт. Как обычно, он взял его много, полсотни таблеток. Спирт – груз лёгкий, а в случае чего греет неплохо. Не раз Ромка уже мог убедиться, что одна таблетка вполне может спасти обмороженные руки. Причём греть их получалось на ходу. Поджигаешь таблетку спирта, кладёшь её на поддон небольшой алюминиевой печки в виде крошечной «буржуйки» с алюминиевым стаканом внутри для кипячения пол-литра чая и прямо так, с печкой, и идёшь, в руках её держа.

Сейчас Ромка поставил эту печку на снег, в стакан снега засыпал, пару таблеток поджёг и стал смотреть на огонёк за дырочками в лотке печки. Смотреть больше было не на что. Всё остальное меркло в темноте и тумане при отсутствии зрения. Тишина вокруг была мёртвая. Темнота мёртвая, тишина мёртвая... Каждое движение Ромки отдавалось какими-то посторонними звуками извне. Ромка оборачивался, щурился изо всех сил, но ничего не видел. Чай согрелся быстро, он заварил покрепче, решив, что лучше ему не спать, а просто сидеть и ждать рассвета... Сколько ждать? Сейчас уже было шестнадцать часов, светать начнёт в восемь утра... шестнадцать часов ожидания. В полной темноте, в полной слепоте.

«Глупо, конечно, было не взять с собой сотовый телефон. Хоть зарядить полчаса да выключить, а включить, когда уже и в самом деле понадобится. Впрочем, – Ромка здесь серьёзно задумался, – а стал бы я сейчас, к примеру, звонить в службу спасения? Ни за что бы не стал. На смех бы подняли. Пошёл парень снимать капкан, да угодил в него сам! Да как!.. Очки с носа слетели – и ровно вдребезги! Положение и глупое, и нелёгкое, но звонить, просить помощи – ещё глупее. Ночь пересидим,

а там посмотрим. Выйдем куда-нибудь». В конце концов, он не в открытой тундре, в трёх сторонах из четырёх – или город, или дорога, или посёлок дальний. Самое ближнее – километров десять-пятнадцать будет, это всего-то три часа ходьбы. Хорошо бы ещё знать, в какую сторону?..

В своё время Ромка очень многое прочёл из того же Джека Лондона, о «белом безмолвии». Читалось всегда хорошо, под торшером, в уютном кресле, со стаканом горячего чая рядом, переживалось за героев, представлялось – как бы он?.. А как бы он? Вот он сейчас и-и как бы... Есть у Джека Лондона такой рассказ, когда человек выходит один в маршрут. Минус шестьдесят по Фаренгейту, по Цельсию это где-то пятьдесят два... холодно. И человек этот промочил ноги в ловушке ручья. Хотел костёр разжечь, да не смог, так и замёрз... Мораль такая – не ходи в маршрут в одиночку. Друг бы разжёг ему костёр, и человек остался жив. Конечно, с Ромкиным положением такой случай сравнивать глупо, но всё же – был бы рядом друг, он бы просто вывел его из тундры, из темноты, из слепоты. Но друга не было, все друзья сейчас отдавали свой долг Родине.

Вода закипела быстро. Прямо в колбу Ромка бросил два пакета чая, сахара несколько ложек, достал колбу и, держа её в перчатках, обжигаясь, стал пить. Холодно не было, но Ромка знал по опыту своему небольшому, что человек после ходьбы остывает очень быстро, оглянуться не успеешь. Полчаса посидишь на снегу – и замёрз. Поэтому лишнее тепло лишним не будет.

Через час его пробрал первый озноб. Ромка поднялся на ноги, беспомощно в который раз оглянулся в темноте, надел лыжи и пошёл куда-то вперёд. Правда, он сейчас не знал, где этот перёд, но на всякий случай повернул совершенно в другую сторону. Может, так выйдет на подъём перед городом. Ему лишь бы оказаться наверху, лишь бы выйти из балки. Освещённый огнями город он всё равно увидит, увидит облако туманного света на горизонте... О, боже мой! Сейчас бы свет! А если он даже этот туман не сможет увидеть?.. Страх ударил ещё раз, ударил больно, и Ромка опять ускорил шаг. Он бодро двинулся в обратном направлении, совершенно не предполагая, что два часа назад ушёл от города на несколько километров, а теперь идёт параллельно подъёму и городу за ним, куда-то вглубь тундры, в то самое белое безмолвие, где человеку в одиночку очень часто с природой не справиться.

Сколько шёл, Ромка не считал. Просто переставлял лыжи, вначале считал шаги, потом перестал. Потом стал смотреть перед собой в надежде хоть что-то увидеть обнадёживающее.

– Черноты ночи в тундре не бывает, – шептал он себе, – снег отражает всё. Ночи нет как таковой... Если город рядом, то видно всё, что впереди тебя делается, всё на ярком фоне городских огней. Я должен увидеть огни, как только поднимусь на этот подъём. Как только выйду на подъём, я увижу мириады огней, расплывшихся в одно облако, мириады огней... а не эту серую мглу.

Часам к семи вечера Ромка стал уставать. Ноги слегка подрагивали, дыхание хоть и было ровным, но клубы пара вырывались наружу из-под куртки, оседали инеем на ресницах, бровях. Мороз небольшой, градусов до двадцати, ветра почти не было... Ах, если бы был ветер! Ромка тогда, по крайней мере, мог ровно идти в одну и ту же сторону. А так... так он постоянно сбивался и не понимал уже совсем, куда идёт. Он читал, что в джунглях человек может выйти по прямой, только если будет ставить на расстоянии шесты и, выравнивая их в линию, так идти... И вообще: надо ли в такой ситуации куда-то идти?

В девять вечера он упал на снег и лежал минут десять не двигаясь, стараясь контролировать себя, чтобы не подмёрзнуть на снегу. Потом вновь сел на лыжи, достал из рюкзака тормозок, съел его за один укус, выпил ровно глоток коньяка и, отломив от шоколадной плитки половину, закусил. Шоколад Ромке всегда давала с собой мать, говоря, что лучших калорий в тундре не найти. Это всегда казалось ему смешным – сладкое на охоту! Но после шоколада он и в самом деле почувствовал себя лучше, бодрее и пошёл веселее... Куда?

Если бы Ромка мог взлететь вверх, как мохноногий канюк, и осмотреться вокруг, то увидел бы, что он благополучно прошёл между далёким уже городом и одинокой шахтой на восточной стороне Северска и вышел в открытую тундру, где впереди нет ничего, кроме заснеженного пространства.

В одиннадцать часов вечера он свалился на снег и лежал так долго, недвижимо, пока тело не стал пробирать озноб. Тогда встал, посмотрел невидящим взором перед собой... внезапно резко повернулся вправо и пошёл совсем в другом

направлении. Хотелось пить, очень сильно хотелось, но пить было нельзя, горячего не было, а от коньяка начиналось лёгкое похмелье. Похмелье сейчас совсем ни к чему.

К полуночи стало казаться, что кто-то идёт рядом с Ромкой и постоянно что-то советует, словно шепчет: «Не туда идёшь... иди обратно… там город, вон там…». Ромка пару раз оборачивался, но никого не видел, от неизвестности у него запульсировало в голове. Голос стал настойчивее, парню даже показалось, что он кого-то увидел рядом... здесь, справа...

Ромка резко повернулся, но никого там не было, тогда он громко сказал в пустоту ночи:

– Хорошо! Я пойду туда!!!

Постоял, посмотрел «туда». Потом резко сбросил рюкзак, достал фляжку с коньяком, потряс перед ухом – там плескалось хорошо. Значит, ещё много, больше половины. Ромка отпил хорошую порцию. Голова сразу просветлела, сам себе сказал:

– Глюки. Держись, ты сильнее.

Голос пропал, рядом шедший невидимый пропал, осталась только ночь, темнота, слепота и снег. «В девять утра начнёт светать, надо продержаться до девяти. Когда рассветёт, легче будет идти, не так страшно. Надо коньяк растянуть на девять часов. Как? По пятьдесят граммов каждые два часа? Может быть.

Где же подъём? Где этот тундровый подъём? Ничего не видно. Темень». Темень даже в сознание пробирается и держит его сознание в страхе.

Отчего-то вспомнился старый фильм о войне с фашизмом, фильм назывался «Операция Хольцауге»? Или нет? Там главный герой на время заболел куриной слепотой, потерял зрение и должен был ещё и вести с собой пленного фашиста... «Ему, наверно, было ещё тяжелее? Что уж тут жаловаться? Иди себе и иди, ты же не ведёшь с собой пленного фашиста. Сколько времени? – Ромка поднёс руку с часами вплотную к глазам, на расстоянии сантиметров десяти (дальше не читалось), глянул, – Ого!.. Час ночи! Час прошёл – не заметил. Куда прошёл? Боже мо-ой.... куда же он прошёл?» Нет подъёма тундрового, нет жизни ему, нет ему спасения без этого подъёма. В другой стороне, где стоит далёкая шахта, он и не знает ничего... Впрочем, зачем ему знать? «Выйти бы ровно на шахту... На любую территорию. Сколько раз здесь… или не здесь? Сколько раз ходил, видел всегда вдали вездеходы... даже с охотниками встречался несколько раз... Вот сейчас бы?.. Хоть бы один человек! Одно слово, один жест, рукой махни!..»

В два часа ночи Ромка упал. Даже рюкзак стащить с себя и достать фляжку сил не было. Так он пролежал неизвестно сколько. Замёрз. Глаза закрывались, он смотрел перед собой на рукав куртки и видел, что снег стал припорашивать обшлаг... Ромка дёрнулся с силой вверх, сел на колени – пусто вокруг, темно, слепо. Встряхнулся, глянул на часы, достал фляжку, сделал глоток. В таких ситуациях пить нельзя, он знал, он читал, ему говорили, но он же не пьёт, он только поддерживает себя? Ромка не заметил, как уснул сидя на коленях и повалился лицом в снег. Он ничего не увидел во сне. Кто-то рявкнул рядом: «Ты в тундре!» Ромка очнулся, поднялся, постоял, пошатался, глянул на часы – он спал восемь минут... это много. Пошатываясь, он опять повернул в сторону, уже не соображая, в какую, и пошёл наугад дальше. В этот раз путь его лёг ровно на восток... Если бы Ромка сделал небольшое движение ещё дальше в сторону, то вышел бы ровно на шахту через несколько часов... Но Ромка не сделал этого лишнего движения и пошёл обратно в открытую тундру.

Зачем он поставил этот капкан? Он что – траппер? Добытчик пушнины? Он же на охоту ходит не для пропитания, а для удовольствия... Удовольствие убивать птиц и зверей... сомнительное какое-то. Тогда он ходит на охоту, чтобы воспитать себя, знать, что такое оружие. Раз его не берут в армию, он должен сам постичь эту часть мужской жизни... Но зачем? Хорошо хоть никакого зверя ещё не убил, только куропаток стрелял да уток осенью. А как убьёт, так и жалко сразу. Ну да – птичку жалко. Сказать кому – засмеют!

Зачем он поставил этот капкан? Получается, себе поставил. Не рой яму другому, даже зверю – всё отыграется. Сколько бы мучился тот же песец, пока сидел в этом капкане? Изворачивался, кусал бы железо, но уйти не смог бы... Ромка сейчас тоже изворачивается, а уйти из тундры не может... тундра держит... собака! А если бы зверь попался?.. Подошёл бы к капкану и пристрелил беднягу? Вот так – расстрелял бы несчастного, привязанного этими челюстями зверя?.. Нет? Тогда зачем он ставил этот капкан?.. Зачем?

– Себе ты ставил капкан! – сказал кто-то рядом громко и отчётливо.

Ромка вздрогнул, остановился, озирнулся вокруг слепо и глупо, ружьё стащил в момент,

стволы заходили по сторонам так же слепо и глупо. Вокруг было пусто. Темно. Холодно.

Ромка, дрожа, достал фляжку, отпил приличный глоток... «Кажется, раньше положенного? Ну ничего, раньше. Пусть будет раньше. Кто сказал-то? Кто? – Ромка оборачивался, всматривался в темень. – Никого. Самое страшное – когда никого, а кто-то, кажется, есть! Коньяка? Не много ли? Вперёд! Идём! Не сдаваться! Это такая проверка! Просто проверка, как в армии. Если будешь сопротивляться – не сдохнешь!»

«Когда же утро? Где рассвет? Если бы вдруг тучи стянуло в сторону и показались звёзды?..» Ромка бы не увидел их, это уже проверено. «Может, луну? Луну бы увидел... Но как по ней выйти в город? Она ведь, как и солнце, идёт южной стороной... Интересно, а если глаза закрыть? Что-то меняется? Может, ещё коньяку?» Ромка ещё никогда не пил так много за одну ночь, он никогда вообще не пил много. Боже мой, у него же дома родители. «Вот интересно, там что? Объявили поиски? Где, в каком направлении?» Он никогда не говорил, в какую сторону ходит охотиться. Он никогда вообще не говорил на эту тему, как-то всё было чисто и гладко всегда.

К трём часам ночи Ромка впервые почувствовал, что ноги устали и передвигаются не так, как обычно. Чтобы шагнуть, надо было сделать усилие. «Наверное, это и есть – еле-еле ноги волочить. Кто это сказал? Джек Лондон? Нет. Это никто не сказал, это так... поговорка», – Ромка вспомнил, как нарочито небрежно после охоты отвечал матери или отцу на вопрос: «Что убил?..» – «Ноги». Вот сейчас он действительно убил ноги. Как же идти тяжело. Может, сесть и отдохнуть? А как станет засыпать? А как заснёт? А как... Когда человек замерзает, то перед гибелью ему становится на самом лютом морозе ужасно жарко. Человек начинает стягивать с себя одежду, всю... Ужасный обман организма... Человек замерзает от холода и раздевается догола. Смешно и горько... Сколько таких историй Ромка уже слышал... Пришёл его черёд? «Что за слова – «пришёл черёд»? Что ж ты болтаешь? Или это не я?.. Тогда кто? Опять кто-то рядом идёт? Надо выпить коньку».

Ромка стянул с себя рюкзак, достал фляжку, отпил пару глотков, доел весь шоколад горький. Постоял, тупо смотря себе под ноги и не видя даже своих лыж, а лишь одно мутное серое пятно... А вообще – он ещё жив? Может, это уже то, что материалисты называют «последний всплеск работы головного мозга»? А он кто? Материалист? Нет, конечно, он же в церковь с отцом ходил. «А может, надо богу помолиться? А как? Как молиться богу?» Ромка встряхнулся, набрал в лёгкие воздуха и изо всех сил громко заорал... Просто заорал. Без слов. Тундра проглотила этот вопль. Снег не отразился эхом, воздух морозный не раскрошился отголосками, тяжёлые, чёрные, низкие тучи сожрали звук сверху, и тундра вновь впала в безмолвие. Крикнул – словно голову в аквариум опустил:

– Зачем? Я? Купил? Капкан?..

К утру мороз окреп. Иней на ресницах стал мохнатым. Ромка определил температуру – минус тридцать. Он ошибался – в воздухе уже было минус тридцать восемь. Очень простая климатическая арифметика: днём – двадцать, ночью – сорок.

– Я дойду до города, – сказал он вслух громко и отчётливо, даже удивившись, что сил для этого вполне достаточно, – я дойду до города в любом случае. Надо просто разобраться – куда идти. Стоп.

Ромка остановился. От неожиданности для себя чуть не упал лицом вниз. Но удержался, покачался немного и устоял.

– Стоп, – повторил он, чувствуя, что стоять ещё труднее, чем идти: ноги стали тут же предательски дрожать, в коленках как-то неуправляемо подгибалось. – Где бы я ни находился, – проговорил он громко, – в любом случае – в одной стороне у меня город... в другой стороне, на восток... у меня шахта... шахта – место небольшое, но...

Мозг как иглой пронзило – он совсем забыл, что на шахту идёт железная дорога! И дорога эта пересекает очень большую площадь тундры. Значит, он идёт до сих пор параллельно и городу, и шахте?.. Глупо как.

Ромка вновь повернулся... ровно на девяносто градусов. Лыжи переставил под прямым углом и, глянув вперёд, да ничего не углядев, пошёл... Теперь он точно выйдет, теперь он выйдет. «Если на город повернул – вначале будет подъём, потом будет россыпь света, россыпь света... А если на шахту? Тогда выйду на железную дорогу... Так. Но там ведь сегодня, в наше дурацкое демократическое время, когда всё закрывается, поезда ходят один раз в неделю!! А ничего. По дороге я выйду на шахту».

Очень бодро, словно сил прибавилось, Ромка пошёл вперёд. Уверенно, словно видел перед

собой ориентир. По дороге, не останавливаясь, вновь залез в рюкзак, вновь приложился к фляжке... приложился так, что допил весь коньяк до конца. Вначале здорово подогрело и дало силы, даже спать расхотелось, даже иней на ресницах не мешал моргать глазами... даже... даже... Он шёл и никого рядом с собой не видел, никого не слышал. Это Ромка расценил как некоторое выздоровление. От чего? От страха. Он и слова такого особенно в жизни своей не употреблял. Неужели состояние полной слепоты может так разрушать сознание, что человек начинает испытывать страх… Если бы не коньяк, так кто его знает... Алкоголь – штука плохая, но иногда держит неплохо.

Зачем он купил капкан?..

«Нет. Не так... Что ты заладил? Купил да купил! С чего ты решил, что можешь издеваться над животным, ловя его в капкан?.. Кто тебе право дал, кто разрешил, а? Ты – высокоорганизованная материя!.. Захотелось ощущений за счёт страданий животного? Вот и поделом. Господи...» Ромка даже шаг сбавил от неожиданности мысли: а что, если это всё – наказание? Он же сам говорил, что в церковь ходил, что не материалист, значит... Ромка задрал глупую мордашку кверху и громко крикнул в тучи:

– Я всё понял! Я всё понял!! Отпусти?! Отпусти домой?..

Неизвестно каким образом, но Ромка услышал каждое своё слово, крикнутое в небо. Потом криво усмехнулся, погрозил туда же пальцем и сказал:

– А-а... я понял... я не сдамся... нет.

Твердя эту мысль, повторяя каждое слово как заклинание, он побрёл дальше. Мысль эта – не сдаваться ни при каких обстоятельствах – вначале помогала идти, потом стала надоедать и сидеть в его голове гвоздём, это выматывало нервы, вместе с нервами выматывало силы. Иногда он поднимал голову и слепо всматривался вдаль... глупо так... как щенок слепой... больше на запах ориентируясь... Вдруг ему показалось, что стало вокруг как будто светлее. Ромка обрадованно подтянул руку к глазам – шесть утра, до рассвета ещё три часа. Он сплюнул, сказал матерно, потом вновь сказал матерно, потом ещё... так шёл и матерился себе под нос. Хорошо, если у него выходил километр в час, хорошо, если этот километр был в верном направлении, хорошо, если пролегал по более-менее ровной местности, где не приходилось поднимать ноги на барханах снега, где ещё не улёгся хороший наст.

Он вспоминал, что у него осталось в рюкзаке из съестного? Может, бутерброд ещё? А разве он его не съел? Может, посмотреть? Но посмотреть – это же остановиться, снять рюкзак, расшнуровать его, залезть в него рукой... «Что я говорю? Нет сил останавливаться, нет сил снимать рюкзак, вот и всё». Да и потом – есть он не хочет, это всё обман... действие алкоголя... калорий у него достаточно, просто мышцы сдохли... просто судорога начинает уже хватать за икры и бёдра... просто человек не машина, живёт тогда, когда есть возможность отдохнуть... просто жизнь закончилась. Вот именно так ему на роду написано закончить жизнь. Сдохнуть в тундре, куда он ходил, чтобы закалить себя, чтобы стать сильным, чтобы доказать себе да и всем окружающим, что может... А что он может? «На зверей капканы ставить? Стрелять в них? Урод». Здесь его вдруг охватил истерический смех. Ромка вспомнил, как уроды-генералы, выходя на охоту на кабана в лесу, берут с собой профессионального снайпера, чтобы тот, в случае чего, застрелил кабана, когда генерал промахнётся и зверь бросится на него. «Вот же уроды?! А ещё с вертолётов, да?.. А ещё... ещё эти... – сразу выбросила память телевизионную картинку... – которые в Африке охотятся на львов и буйволов... штопанные из нуворишей-миллионеров... тоже с прикрытием, а потом хвастают здесь, в России: «Я вот застрелил в Африке»... Ох, Господи!!!»

Ромка вскинул лицо в небо:

– Господи!! А их почему не учишь? Их – почему?!. Они же уроды ещё больше?..

Он шёл и шёл, уже не зная, зачем идёт дальше, не всё ли равно где, в какой точке этого бескрайнего снега сдохнуть? Но он шёл, шёл, потом вновь смотрел на небо, говорил тихо:

– Капканы ставить не буду, даже убивать не буду, даже куропаток, а в тундру ходить буду... буду, буду, буду! Просто буду ходить, смотреть... Не возьмёшь!

«Родителям-то за что всё это? – вновь сдавалось сознание. – Родителям за что? Им ещё хуже, чем мне. Мне-то что – ну сдох... сдох... Как сдох?.. Говорят, когда человек замерзает на снегу и его зимой не находят, то песцы обязательно обгрызут ему лицо. Это Олег Куваев описывал в романе... как роман называется? Не помню. Там был герой Васька? Нет? Не Васька? Его задавило стадо оленей, его нашли

и кто-то сказал: «Хорошо, что песцы не успели обгрызть лицо...»

Интересно, девушки, когда носят песцовые воротники, знают, что хозяин их жрёт падаль? Лица погибшим людям обгрызает?.. Так вот, когда человек замерзает зимой и его не находят сразу, а находят весной или летом... он лежит на высоком снежном грибе... потому что под человеком снег не тает почти. Вокруг тает, а под ним не тает, вот и получается – в открытой тундре летом стоит столб снега метра полтора-два высотой, а на нём человек... И ещё, если лица нет, песцы постарались... твари… тогда совсем». Зачем он купил капкан?..

В магазине охотсоюза продавались сигнальные патроны, подобие салюта, сигнальных ракет. Почему тогда не купил? Денег пожалел? Думал, что не пригодятся? А интересно – пригодились бы сейчас? К примеру, у него были бы сигнальные патроны? Ну выстрелил бы? Ну увидел бы кто? Откуда увидел? Он, похоже, в балке ходит, в низине. Ну выскочит из-за горизонта огонёк на секунду-другую, кто в городе заметит? А если и заметит, то... Ромка бы что подумал? «Какие-то ребята развлекаются, чудят». Людей ищут через три дня. Через три дня. «Тебя никто не ищет. Ох и дурачьё люди! Искать надо, пока жив, а не когда сдох! Или вы думаете: если человек ушёл в тундру и не вернулся в назначенное время, так он остался там с бабами погулять?»

Ромка упал. Упал и не поднялся, даже попытки не сделал. Лежал, дышал тяжело и только и пытался контролировать себя, свой воспалённый мозг, чтобы не уснуть. Дыхание било в снег, и снег этот стал сразу оседать вниз, кристаллизоваться и таять на глазах. Ромка хрипнул горлом, согнул руку в локте и упёрся ею в снег, только здесь почувствовал, что пальцы у него холодные: «Рукавицы не греют? Странно». Он, кряхтя, поднялся на колени, вытащил ладонь, посжимал её посильнее, потом засунул в рукавицу и стал что есть силы бить обеими ладошками о колени. Так разогревали руки все старатели на Аляске. Так он читал у Джека Лондона. А если тот сам не знал, что писал? Но руки скоро стали немного отходить. Ромка поднялся на ноги и, сжимая ладони с силой, что осталась, пошёл дальше. Потом быстро снял обе рукавицы, как следует дунул туда дважды, надел – чуть теплее. Кожаные рукавицы держали его дыхание, но недолго. Вновь стал сжимать и разжимать пальцы. Вновь показалось, что стало светлеть. Посмотрел на часы – стёклышко запотело, циферблат видно было плохо, Ромка заглянул сбоку – что-то около восьми утра... «Значит, скоро день! Скоро рассвет! Боже мой, неужели будет свет в этой тундре?» А что ему свет, если зрения нет? Свет – это жизнь. Когда будет светло, он обязательно найдёт выход. А он сможет идти тогда? Может, уже ноги откажут? Нет! Как только свет появится, он сможет идти даже быстрее. Ромка уже верил в это истово.

Когда небо обложено тучами, когда зимой солнце появляется лишь за горизонтом, когда лучи его попадают на землю только отражаясь от небесного свода, тогда и свет приходит так незаметно, что видишь его, лишь когда очертания предметов вокруг вырисовываются перед тобой или горизонт сам по себе выплывает далеко впереди бело-серой ниткой, границей между небом и землёй.

Ромка этого видеть не мог. Просто к девяти утра он едва заметил желтизну своих лыж... Глаза мигом устремились вперёд. Но там была серая мгла. Рано. Он посмотрел на часы, сбоку, так, словно мог заглянуть под запотевший циферблат... Что-то там около девяти?

Рассвет наступил. Ночь закончилась. Но свет пришёл ненадолго. На какие-то пару часов, не больше. Ну на три. Потом опять будет ночь с двенадцати дня до девяти утра.

Ромка стал вглядываться вперёд, давить на глаза, жмуриться изо всех сил. Иногда на какое-то мгновение было хоть что-то видно... Но сейчас ничего не получалось. Глаза слипались. Ромка хотел повернуться вновь в какую-нибудь сторону и попробовать счастья в другой стороне. Но повернуться сил не было. Перед ним была открытая тундра, в ней едва уловимой полоской темнело... темнели... а что там может темнеть? Вереница кустов? Ручей замёрзший? Тальник? Ручей может его вывести... куда? «К речке. Возле шахты течёт небольшая речка Юн-Яха. Тогда надо идти к ручью. А если это не ручей? Сил нет проверять. Спать хочется, так спать хочется, так в тепло хочется... Сейчас бы упасть на снег, хоть на десять минут, хоть на пять, хоть на минуту. Просто полежать минуту». Ромка читал, что йоги в позе трупа могут отдыхать десять минут и этот сон будет равен восьми часам обычного сна... Он так не сможет, в позе трупа он рискует заснуть навсегда. «Неужели умираю? Зачем я купил капкан?..»

Ромка стоял перед выбором: «Сесть и отдохнуть... как отдохнуть?.. Заснуть?.. Или идти?

Куда идти? Глаза слипаются... боже, я сплю на ходу. – Ромка зачерпнул рукавицей снега и протёр лицо... – Боже, боже, помоги, не забирай меня к себе или куда там мне определено? Куда?»

Снег таял на лице. Снег немного ободрил. Ромка вынул руку из рукавицы и протёр ладонью лицо.

– Боже, боже, не покидай меня. – прошептал он. – Боже...

Вдруг в мозг вошла стальная, холодная игла, вошла так, что в любой другой раз Ромка просто бы заорал от боли, но не сейчас. Сейчас он увидел то, что так сильно просил, так желал... Крошечная, незаметная капелька снежной воды, стаявшая на ресницах под его рукой, сыграла роль линзы... Это было мгновение… вспышка, взрыв в сознании... И Ромка увидел всё вокруг на этот миг! Он увидел перед собой огромное поле снега, бескрайнее поле снега, никакого города, никакой шахты, ничего, ничего... только серая полоса железнодорожной насыпи!.. Это были не кусты, это была железная дорога с шахты. Ромка взвыл на все окрестности и побежал на лыжах вперёд. Капелька воды давно исчезла, вновь была вокруг одна муть. Но сознание цепко держало картинку насыпи. Каких-то сто метров? Ромка пробежал их в двадцать секунд. Перед насыпью он упал. Упал, потому что насыпь была крутая, подняться на лыжах не смог, сбросил лыжи, стал карабкаться наверх, выбрасывая ещё не припорошенные куски щебня из-под себя...

А вот и они! Вот – две стальные полосы рельсов, уходящие вдаль в обе стороны. Куда? Никуда. Ромка упал на рельсы, пытаясь обхватить их руками, лицо его уткнулось в шпалы, пахнущие креозотом даже на лютом морозе, из глаз стали сами капать слёзы. Слёзы падали на шпалы, и там сразу темнело влагой, потом сразу леденело на холоде, потом опять темнело и опять... Ромка не понимал, что с ним происходит. Он даже забыл в этот миг, что поезда здесь ходят раз в неделю. «Конечно, поезда ходили чаще, но даже если один раз в день, то когда? Успеют? Даже если не успеют, никуда не уйду, никуда отсюда не уйду! Пойду по шпалам... пойду... сейчас пойду...»

Ромка лежал на шпалах между рельсами и ревел уже в голос, рыдания рвались наружу, и вся окрестная тундра внимала ему. Занимался день, просыпалась в тундре жизнь, которую Ромка хотел отнимать. Он даже не помнил, как уснул... Он не мог спать, он просто терял сознание и в бесконечном сне слышал только одно: рельсы начали часто, быстро стучать. «Так стучит только небольшая дрезина или мотовоз, что возит рабочих железнодорожников... Так стучит спасение, так стучит, так поёт сама жизнь. А вот и ангелы... Сколько их, двое?» Ромка не видел лиц, он видел лишь замерший перед ним оранжевый тупомордый мотовоз. Мутный, большой, потому что остановился мотовоз в двух метрах от него. «В двух метрах!.. Потому и вижу. Значит, люди, рядом...» Чей-то голос крикнул:

– Живой? Хватай его!.. Под ноги давай. Может, успеем...

«Это не видение, – мелькнуло у Ромки в смыкавшемся сознании, – это люди... люди... маслом пахнет машинным кто-то... запах какой приятный!.. Зачем я купил капкан?.. Чтоб ты сдох... капкан!»

2014 г., Салехард

Наталья АХПАШЕВА

ВЕЧНОМУ НЕБУ ПЛЕЧО ПОДСТАВЬ

* * *

Знаешь, что отдохновенья несть.
Мир безрассуден – вразброд и вскачь.
Больно и холодно слева, здесь.
Если заплакать, отпустит. Плачь!
Только ещё не одна беда
шумно восплещет крылами над
днями и далями. В никуда
спасшейся куклы распахнут взгляд.
Судеб грядущих горчит миндаль.
Друг против друга лелеют месть
и умирают – все, навсегда.
Надо любить их, какие есть.
Вызубрив заповеди на ять
и не постигнув, в чём правый прав,
перекури взатяг и опять
вечному небу плечо подставь.

* * *

Прошлое – неловкая ошибка.
Искупленье – ласковая сталь.
Стекленеет кроткая улыбка.
Было и не больно, и не жаль.
Никому на свете не простила –
ничего, теперь уж никогда...
Полночь миновала, и остыла
в белой ванне красная вода.
Кто-нибудь спохватится – давно ли...
Крадучись, войдёт незваным в дом,
навсегда лицо твоё запомнив
бледным и причудливым цветком.

* * *

Не ходи наверх – ты сгинешь там!
Нам уютно в нашей норке затхлой.
Наверху чумазая зима
выхлопными газами пропахла.
Наверху студёные ветра
обглодали каждый закоулок.
Там в свой час выходят вечера
на глухой пустырь не для прогулок.
Там чудовищ рыщет продотряд.
Там глазищи жуткие таращат.
Там тебя поймают и съедят,
сахарные косточки растащат.
И останусь тосковать в ночи,
без вины вздыхая виновато.
А у нас тут каплет и урчит,
покрываясь рыжим конденсатом.
Нам с тобой безмерно повезло,
что избегли участи ужасной.
Тут у нас так тихо и тепло.
Там у них так шумно и опасно.

АХПАШЕВА Наталья Марковна *родилась 31 января 1960 года в хакасском селе Аскиз. Окончила Красноярский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работает в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова. Выпустила несколько десятков стихотворных публикаций в коллективных сборниках и периодических изданиях Москвы, Новосибирска, Красноярска, Томска, Барнаула, Кызыла, Абакана. Автор шести поэтических книг. Удостоена почётного звания «Заслуженный работник культуры Республики Хакасия» (1999). Член Союза писателей России. Живёт в Абакане.*

Не ходи наверх – ты сгинешь там!
Пропадёшь один ни за здорово.
Я тебя, пожалуй, съем сама –
мяконького, милого такого…

*** * ***

Спи, младенец мой прекрасный...
Михаил Лермонтов
Спи, пострел, пока безвредный!
Николай Некрасов

Демиург – Спаситель – Вседержитель мудрый,
не дозволь наивным деткам забрести,
страждущим пред мониторами, под утро
на дремучие окраины Сети.
Пусть изводятся – вскипают от обиды –
не пусти резвиться в огород чужой!
Там везде такие сциллы и харибды,
а сирены там какие! Ой-ёй-ёй!
Не ровён недобрый час – блажные дяди
заведут шарманку, уведут во тьму,
задурят мозги пустой забавы ради
и чему-нибудь научат не тому.
Противопоказан детям шабаш оный,
где кадавры-монстры водят хоровод,
в подворотнях поджидают покемоны...
Нет, туда хороший мальчик не пойдёт!
Спят усталые игрушки. Спит ребёнок –
прямо на клавиатуре головой.
Баю-баюшки! Недавно из пелёнок,
а завзятый хакер – с виду и душой.

*** * ***

В город на базар Аника ехал.
Смотрит – за соседним за селом
разразилась ратная потеха,
разрезвилось мировое зло.
«Непорядок!» – думает Аника.
Вынимает меч свой кладенец.
Второпях сообрази поди-ка,
кто мерзавец там, а кто подлец.
Опустил забрало рыцарь бравый,
укрепился духом и подряд
стал крушить налево и направо.
Кто упал – уже не виноват.
Содрогался небосвод от крика –
обуял и тех и этих страх.
Кто-то на одной ноге запрыгал.
У кого-то голова в кустах.
Коротко ли, долго продолжалось –
воцарились в мире тишь да гладь.
Миротворцу только и осталось –
честный пот устало утирать.
Отчего же, отгадай-пойми-ка,
проливает слёзы мал и стар?
Шенкелей гнедку поддал Аника
и поехал в город на базар.

ЧЁРНЫЙ ГОСПОДИН

На высокой, на голой скале
заколдованный замок стоит.
И не ведомо нам, сколько лет
в чёрной башенке злое окно
нехорошим сияньем горит.
А в народе окрестном давно
говорят, будто в замке живёт
с незапамятных дней чародей,
будто чахнет века напролёт
над всевидящей чашей своей.

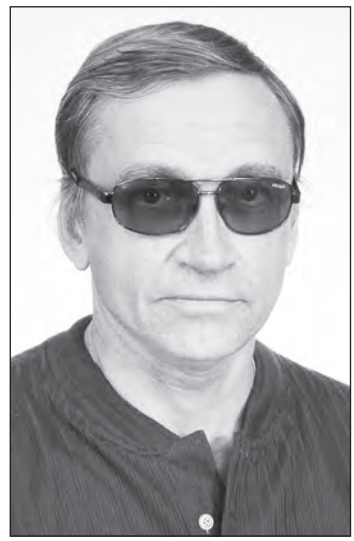
Там, где правит жестокость и злость,
где беды громыхает набат,
расстояния-дали насквозь
проницает внимательный взгляд,
ожидая с надеждой, когда
вдалеке, на сторонке чужой,
поселения и города
разразятся нещадной войной.

И тогда мановением рук
за моря-горы-долы-леса
он отправит безропотных слуг
дорогой урожай собирать –
молодые, лихие сердца
из разверзнутых ран вынимать.

Так, воруя у мёртвых людей,
сам не зная ни боли, ни бед,
всё-то ищет старик-чародей
подходящее сердце себе,
чтоб и долее не умирать.

…Посредине родимых полей
встали друг против друга опять
мы с тобой – каждый с правдой своей.
Мир застыл на последнем краю.
Назревает в пространстве гроза.
Отражённую ярость мою
мне твои возвращают глаза.

Значит, бой не на жизнь, а на смерть?
Осторожно предутренний час
разжигает небесную твердь.
И, как зверь, ощущаю спиной –
кто-то пристально смотрит на нас,
улыбаясь улыбкой кривой…

Сергей КРИВОРОТОВ

МОЛОДОСТЬ

Рассказ

Сентябрьский ветер неутомимо гонял сухие шары колючего перекати-поля, взметал пыль над пожухлой степной травой до самого горизонта. Ещё не холодный, но по-настоящему осенний, уже лишённый прежнего жара лета.

Двое долго брели по бескрайней равнине, а полевой стан всё не появлялся. Юрий предложил пойти пешком, не дожидаясь бортовой машины, вдвоём, отдельно от остальных ребят, закончивших на сегодня труды праведные. Раз она согласилась, предпочтя его общество другим, вероятно, не был он для неё полностью безразличен, как ему начинало порой казаться. И теперь они шли впервые рядом настолько близко, что иногда почти соприкасались, но взять её за руку он так и не решался. А ну как вырвется, хотя и без раздумий пошла с ним? Юрка боялся нарушить хрупкое очарование происходящего и хотел только, чтобы оно никогда не заканчивалось.

Низкие облака над степью выглядели декоративно: уже не по-летнему невесомые, но ещё без осенней скрытной тяжести, чреватой неминуемым дождём. Пробные наброски затянувшегося бабьего лета. Временами солнце затуманивалось сплошной белесой пеленой, сквозь которую проплывали рваные куски облачной ваты, трудно было даже представить, с какой скоростью их там несёт ветер, сумевший набрать силу только на такой высоте.

Юрок давно ощущал, что затянувшееся молчание всё сильнее тяготит обоих, но никак не мог мысленно подобрать подходящую тему. И тут неожиданно бедная природа выжженной за лето степной полупустыни пришла на помощь.

Далеко впереди, в прогале облаков, проклюнулось нечто тёмное, определённо угрожающего вида. Юрка ощутил неприятный холодок по спине и решил, что это просто мерещится. Чёрное, контрастно выделенное на блеклом фоне подобие тучи выскользнуло из-за ватного прикрытия, представ сильно вытянутым сплющенным эллипсом с нечёткими краями. Кажущаяся невесомой летающая рыбина сильно напомнила виденные Юркой в киножурналах аэростаты времён Великой Отечественной. Но откуда им здесь взяться?! Насколько он знал, их давно перестали строить, сделав ставку на другие средства полёта. Нет, видение смахивало на фантом, подобного не могло быть в действительности!

Оба одновременно остановились и зачарованно следили за скользящим в облаках чужеродным телом, пока оно полностью не скрылось из вида. Юрию показалось, что контур

КРИВОРОТОВ Сергей Евгеньевич *родился в 1951 году. Получил высшее образование. Работал врачом-кардиологом. С 2011 перешёл на литературную деятельность. Публиковался в журналах «Техника – молодёжи», «Чудеса и приключения», «Работница», «Поиск» (Москва), «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь) и многих других; в коллективном сборнике «Фантастика-86». Живёт в Астрахани.*

странно колебался, но в целом рыбообразная форма не изменилась до своего полного исчезновения. Через миг в разорванных облаках не осталось ни следа.

– Надо же! Летающая тарелка какая-то… – ошеломлённо произнесла юная спутница, словно читая его мысли.

Юрий удивился, как же такое могло одновременно прийти обоим в голову? И в то же время ощутил облегчение: его спутница видела то же самое. Он несколько лет перечитывал в библиотеках подшивки журналов «Техника – молодёжи» (с её «Антологией таинственных случаев»), «Знание – сила», «Вокруг света». Но девушка-то как пришла к такому же предположению? Он почувствовал к ней ещё большую нежность, чем прежде.

– Может, секретно построили какой-то новый дирижабль и теперь испытывают тут в глуши? – предположил он, понимая, как нелепо это звучит.

Юрка даже пожалел о сказанном, но девушка внезапно остановилась, схватив его за локоть, и указала туда, где недавно проплывала небесная рыбина. На этот раз из облаков вынырнуло такое же по размерам и плотности тёмное тело, но оно уже не имело определённой формы, а походило на колышущуюся чернильную кляксу с выброшенными в стороны отростками. Ничего общего с дирижаблем – и потому ещё более необъяснимое. Тело незамедлительно исчезло следом за первым в неподвижных рядом с ним белых облаках.

Дальше они снова шли в полной тишине. Только теперь, не сговариваясь, прибавили хода и направились туда, где возникали и пропадали странные облака или объекты. При этом вовсе не думали, что могут уклониться от полевого стана, уж очень хотелось найти на земле хоть какие-то следы недавно увиденного.

И вот, когда по Юркиным прикидкам добрались до нужного места, прямо из-под ног с пугающей стремительностью внезапно выпорхнула плотная стая мелких птичек. Парень с девушкой не успели рассмотреть этих шустрых крошек, хотя находились совсем рядом. Своим количеством и плотностью те напоминали густой рой мошкары, танцующей в начале лета под фонарями. Или косяк схожих с мальками рыбёшек, высвеченный в ночной воде мощным прожектором траулера. Эта мелкота слаженно двигалась в одном направлении. Поднимаясь выше, они сливались в единое целое, по мере удаления всё больше уподобляясь виденным недавно объектам. Без сомнения, они были теми же загадочными летунами, только не успевшими принять для своего скопления столь определённую форму, как предыдущие.

Резвые птички очень походили на мелких воробьёв, только темнее окрасом и с явно большей дальностью полёта. Ведь обычные городские воробьи умирают от разрыва сердца, если заставить их находиться в воздухе дольше скольких-то там секунд, это Юрка хорошо помнил из журналов. Документальные кадры поголовного уничтожения маленьких пернатых не дающими им сесть громыхающими и орущими китайцами обошли весь мир. Целыми грузовиками вывозили потом неподвижные воробьиные тушки…

Парень с девушкой получили скорую разгадку непонятного случая, и теперь оба испытывали явное облегчение: ничего мистического или необъяснимого не обнаружилось. Удивительные облака оказались всего лишь малыми птахами, не различимыми издали. Не обязательно было знать, перелётные ли то птицы, заглянувшие в их края по пути на юг, или гнездящиеся неподалёку и сбившиеся в огромные стаи только для прокорма на пустеющих колхозных полях. Оба сохраняли задумчивое молчание, осмысливая увиденное. Юрка вскоре не удержался и с исповедальной откровенностью заговорил о странных случаях с ним, которые потом тоже вполне прозаически объяснялись.

Сначала поведал о яркой звёздочке, пересекавшей небо поперёк путей виденных до того спутников, летавших обычно против движения солнца и планет. Она равномерно двигалась по небосклону от полюса к полюсу – вряд ли то был слишком высоко забравшийся самолёт, попавший в лучи давно скрывшегося за горизонтом дневного светила. Определённо – неопознанный летающий объект, но не корабль же пришельцев, в самом деле! Юрий не переставал ломать над этим голову, пока не прочитал в журнале об американском полярном спутнике. Его называли геофизической лабораторией с околоземной орбитой через полюса, некоторые подозревали в нём новый тип спутника-шпиона. Такое объяснение выглядело наиболее правдоподобно, впрочем, других не нашлось.

Несколько раз Юрий наблюдал в ночном небе нечто отдалённо напоминавшее северное сияние, только одноцветное, зеленовато-изумрудное. Будто расходящиеся размывы инверсионного следа стратосферного истребителя. Среди этих зигзагов чётко выделялась падающая вниз серебристо-блестящая деталь. Другая ярко светящаяся часть не перестала набирать высоту, пока вовсе не исчезла из вида. В темноте над головой продолжали расползаться зелёные зигзаги, будто непонятные письмена невидимого великана. Такое не могло не поразить, но сильного удивления у Юры не возникало. Даже для него не составляло секрета, что в сотнях километров в той стороне находился космодром Капьяр, с которого ещё до Байконура запускали в космос спутники и мощные баллистические ракеты. И всё же становилось не по себе.

К сожалению, не было тогда под рукой фотоаппарата, который запечатлел бы феерическое зрелище. А может, и к лучшему: иначе потом весь остаток жизни пришлось бы доказывать соответствующим органам, что ты не шпион, продающий вражеской разведке оборонные тайны страны.

Дважды Юрий видел засветло довольно крупные звёзды, очень медленно плывущие с юга в лучах заходящего солнца. Позже кто-то из осведомлённых старших подсказал, что правительство шахского Ирана использует специальные воздушные зонды для заброски на территорию СССР антисоветской литературы, поставляемой американцами. Их сбивали наши патрульные истребители, они падали в пустынных районах южного Прикаспия, и тогда подрывной груз неизбежно попадал в руки гэбистов.

Парень вспомнил ещё несколько случаев, в которых тоже не было ничего сверхъестественного. Ночные огни сверхзвуковых самолётов, бесшумно идущих на огромной высоте, шаровая молния, зависшая над будкой трансформатора, чтобы взорваться и рассыпаться фейерверком через минуту...

За всё время Юркиного словесного извержения спутница не сделала ни единой попытки остановить поток обрушенной информации – и потом со своей стороны не смогла сообщить ничего столь же любопытного.

Когда парень почти выдохся, ему вспомнилось, что женщины любят ушами. Видя непроходящий интерес в синих глазах девушки, Юрий воспрянул духом. Давешнее предположение, что и она к нему не равнодушна, перешло в уверенность. Похоже, теперь ему наконец-то удалось достучаться!

Впервые он увидел её в вестибюле института у списков принятых первокурсников. Как не заметить загорелую черноволосую стройняшку, да ещё с невозможно васильковыми глазами?! Сразу подойти, как бы невзначай заговорить не решился. А ну как отошьёт моментом? Но у Юрия возникла тогда уверенность, что они обязательно встретятся ещё не раз и не два, ведь им предстояло учиться на одном курсе!

И случилось это гораздо раньше, чем он предполагал. Вереница бортовых машин везла их по бесконечной асфальтной ленте, ныряющей с холма на холм. Начало учёбы отодвинули на месяц – без пяти минут студентов отправили спасать рекордный в этом году урожай в колхозы за сотню километров от областного центра. Они только недавно сдали вступительные экзамены, прошли жёсткий конкурс и теперь, хотя продолжали ещё называться непривычным корявым словом «абитуриенты», упрощённым ими до «абитуры», уже с полным основанием могли радоваться жизни! С таким настроем даже длинная дорога казалась всем в кайф.

Лохматый парень в клетчатой ковбойке с небрежно закатанными по локоть рукавами неутомимо тренькал на гитаре. Потёртую соломенную шляпу с загнутыми по-ковбойски полями он лихо натянул на свои лохмы до самых глаз так, чтобы встречным ветром не сдуло. Его умения хватало на несколько ходовых аккордов, под которые он прогонял для попутчиков одну за другой уличные песни, знакомые и впервые слышимые Юркой. Временами что-то находило отклик в его сознании, хотя сентиментальным он себя не считал. Например, поэзия Есенина совершенно его не трогала. Сначала исполнитель приятно удивил хорошо известной Юрке с детства (бывало, петой и самим) коронной дворовой: «Нет на свете краше маленькой Наташи…». Всё как надо, ничего не переврал, не пропустил – молодец, словом! Потом прозвучала оказавшаяся новой для Юрки «Ведь на то она и первая любовь, чтобы быть ей не особенно удачной». Эта показалась слишком грустной, даже слезливой, чуть ли не взятой напро-

кат из индийских фильмов. Ну никак не мог Юрка примерить на себя её содержание!

К счастью, репертуар гастролёра не оказался сплошь минорным. Попадалось и бодренькое:

Мир победит, победит войну!
Мир победит, победит войну!
Ну! Рваный рупь не берём!

Под этот бесконечно повторяемый пацифистский рефрен Юрий подолгу таращился на увиденную однажды черноволосую незнакомку. Девчонка как девчонка, его ровесница, загоревшая, в меру спортивная, судя по тому, как прямо держит корпус. Вот только такой глубокой синевы в глазах он никогда ещё не встречал.

Девушка сидела перед ним, спиной к движению, с лёгкой улыбкой слушая поющего. Встречный ветерок бесцеремонно теребил и путал её шелковистые вороные волосы до плеч, заставляя снова и снова поправлять падающую на глаза непослушную чёлку. Удивительного цвета глаза, сейчас не прикрытые солнечными очками, с немым вопросом встречали взгляд любующегося ею парня. Именно за этими глазами он и пробился сквозь толпу в эту машину. Над головой почти в такой же густой синеве, старательно вылизанной до чистоты ранней осенью, тут и там висели белые нарочито декоративные облачка, рельефно подчёркивая глубину и объёмность неба.

Пока хипповатый парень окончательно не спёкся и не отложил гитару, грузовик успел намотать на колёса не один десяток километров. Только тогда Юрка набрался смелости и на ходу рывком перебрался к милой незнакомке на противоположное сидение – одну из нескольких закреплённых поперёк кузова струганых досок. Она не удивилась, нисколько не пыталась возражать, наоборот, чуть подвинулась, уступая место. Но всё равно ему пришлось втискиваться между ней и соседкой, при этом их колени нечаянно соприкоснулись, и он ощутил удар тока от макушки до пяток, заставивший сладко ёкнуть сердце. Девушка поначалу показалась совершенно не разговорчивой, но после череды безответных вопросов снизошла сообщить своё имя. Юрка нисколько не удивился, потому что заранее так и подумал: имя Людмила точно подошло бы под такую внешность. Он и сам не мог объяснить почему.

Год назад Юрий случайно попал на выставку икебаны школы Согэцу из Японии. Оказался в Москве и захотел посетить музей изобразительных искусств имени Пушкина после не раз виденного по телевизору монолога Райкина «В греческом зале, в греческом зале». Так, чисто из любопытства Юра туда заглянул, а там… Несколько десятков композиций, в которых главное место занимали цветы, внизу сопроводительные таблички на русском. Парень решил поначалу не читать надписи, а найти в каждом случае собственное название по первому впечатлению. Удивительно, но его догадки всякий раз совпадали с авторскими задумками.

Так, натюрморт из большой жёлтой тыквы, яблок в золотых колосьях пшеницы, россыпи незнакомых овощей и нескольких пучков пожухлой травы с прятавшимися в них неуместными цветками Юра назвал «Щедрый урожай». И почувствовал себя довольным, увидев лаконичную подпись: «Изобилие». Другая композиция представляла склонённые внешней силой под одним углом островки блекло-синих, сиреневых, вишнёвых соцветий, связки жёлтой соломы и длинные камышинки с тяжёлыми коричневыми трубочками на концах. Словно по ним только что прошлись сильные порывы ветра. Юра подумал: «После урагана». А когда посмотрел на табличку, вновь ощутил радость. Правда, автор выразился более поэтично, с японской витиеватостью: «Сильный ветер пришёл вслед за цветами», но это уже детали.

Вот и сейчас он испытал похожее чувство узнавания. Словно девушка рядом с ним тоже представляла собой произведение искусства, созданное настоящим художником.

По дороге сделали большую остановку в райцентре. Начавшую уставать от долгой езды абитуру организованно накормили в столовой, жить снова стало веселее.

Солнце клонилось к западу, когда колонна прибыла на площадь большого посёлка. Всех построили и распределили по разным колхозам прямо в руки деловитых купцов-бригадиров. У Юры появилась возможность остаться со знакомыми ребятами, но он без колебаний последовал за синеглазой Людой. Не зря же судьба свела с этой девчонкой в открытом кузове тряского грузовика!

В длинном бараке при полевом стане, куда попала их бригада, раздали двухместные поло-

ги. Юрке достался в напарники сухой сутуловатый очкарик, как выяснилось, успевший окончить техникум и набрать нужный рабочий стаж для поступления в институт.

С ними вместе оказался ушлый чернявый парень с короткой стрижкой. Юрий узнал, что тот отслужил в армии и одинаково охотно отзывается и на имя Валера, и на кличку Леший. А его родной брат не самый последний авторитет в одном из районов города. Валера сразу взял на себя роль главного после бригадира. Все охотно признали его верховенство. Непонятно, как ему удалось, но в привилегированном теперь пологе Лешего, натянутом в конце барака у деревянной стены, тут же поселилась пухленькая пышногрудая блондинка с милой улыбкой на лице, а с ней – настенное зеркальце, полочка с тушью для глаз, губной помадой, духами, шампунем и прочими женскими прибамбасами. Озадаченному Юрию даже в голову не пришло бы пытаться предложить нечто подобное Людмиле. Та расположилась через несколько мест от него.

Уже на следующий день Юрка решил, что им повезло: половину отрядов отправили на уборку томатов, а их бригада угодила в царство бахчей. Правда, как выяснилось потом, заработки на помидорах оказались значительно выше, зато и работа труднее. Многие только теперь с удивлением узнали, что арбуз – это ягода, а не овощ или фрукт, как им представлялось. Каждое утро их отвозили на новый участок, где, двигаясь цепью, все собирали среди начавших увядать листьев полосатые семи-двенадцатикилограммовые «ягодки». Их требовалось срезать с арбузных плетей, переходивших в стелющиеся по земле пятиметровые стебли уже в палец толщиной, со скрытыми мощными корнями, а затем складывать горками.

По мере того как припекало, многие раздевались до плавок и купальников, осеннее солнце не обжигало, а только щедро дарило равномерный золотистый загар не успевшей получить его за лето коже или доводило до бронзы уже загорелые тела. Когда урожая собиралось достаточно, все вставали в линию и с рук на руки перебрасывали арбузы в большую кучу к самой дороге. Оттуда их потом загружали в «зилок» или «газон» – если в первый шло с верхом до пяти-шести тонн, во второй всего три-четыре от силы. Борта кузовов обеих машин предусмотрительно на весь сезон оплетались изнутри сухим чаканом, чтобы не отбить груз при тряске на просёлочных дорогах.

Водители жили с абитурой под одной крышей в бараке. «Зилком» распоряжался смурной малообщительный мужичок средних лет, который неохотно признался, что недавно «откинулся», это убедительно подтверждалось зоновскими синими наколками. Себя он разрешал всем называть запросто – Гриней.

Почти каждый вечер он готовил себе чифирь. Заваривал из своих запасов большую пачку дешёвого грузинского чая второго сорта... Конечный небольшой остаток в виде густой коричневой жижи с видимым наслаждением неспешно потягивал за общим столом, закусывая кусочками пилёного сахара.

Юрка как-то попробовал странное угощение с милостивого согласия чаёвника. Действительно, это пойло без сахара не шло в горло, а такой кайф, сопровождаемый бешеным сердцебиением, парню совершенно не понравился, как и мочегонное почти безостановочное действие на не один час. Одной попытки хватило навсегда. Гораздо позже Юрий узнал, что те, кто на зоне подсаживались на чифирь и не отказывались от такой привычки уже на свободе, никогда не жили дольше нескольких лет. Инсульт, инфаркт, нелады с желудком нередко дополняли приобретённые за колючкой болезни. Вряд ли Гриня смог избежать в дальнейшем такой участи.

После ритуального чаепития по-зековски речь водителя становилась нечленораздельной, за исключением часто проскакивающих матерных слов. Через какое-то время он поднимался и уверенно шагал к своей машине, чтобы тут же умчаться куда-то в степь. Кто-то предположил, что в посёлке неподалёку Григорий завёл себе зазнобу.

Несмотря ни на что, каждое утро на восходе солнца всех будило громкое урчание мощного зиловского мотора. Сам же водитель, свежий как огурчик, присаживался за стол перекусить со всеми перед новым рабочим днём. И хотя он никогда не отказывался, если ему предлагали выпить вина или чего покрепче, упорно хранил верность зоновскому напитку.

«Газоном» же управлял Сашок, весёлый разговорчивый парень, лет двадцати с хвостиком, с виду немногим старше Юрки. Этот вы-

пускник каких-то там механизаторских курсов, о чём не раз похвалялся, научил, как закачивать большим шприцем сквозь корку целого арбуза самогон или спирт, чтобы приготовить колхозный крюшон. Особенностью употребления получаемого продукта было не питьё, а дружное выскрёбывание столовыми ложками проспиртованной мякоти до самой цедры. Сомнительно, чтобы там могло происходить какое-то брожение, но результат всегда был налицо. Опытным путём механизатор-водитель постиг то, что положено знать любому пищевому технологу: мякоть и сок арбуза служили хорошими сорбентами для осаждения сивушных масел и прочей сопутствующей алкоголю отравы.

Именно Сашок показал, как местные расправляются с арбузами. Удар кулака по верхнему полюсу заставлял с одного раза раскрыться полосатый плод во все стороны диковинными алыми лепестками, усыпанными тёмными точками семян. В центре, где обычно у нормального цветка положено находиться пестику, оставался торчать кверху свободный от семечек красный конус. Местные называли эту серединку «афонькой» – самый вкусный кусок, сохраняющийся на бахче холодным даже до самого жаркого полдня, когда толстая корка с прилегающей внутри мякотью успевала прогреться насквозь. К тому же такой «афонька» казался сбывшейся наяву мечтой всех лентяев – даже семки не надо выплёвывать.

Никто из бригады вовсе не собирался целыми днями надрываться на колхозных полях, как американские рабы на плантациях, или ставить стахановские рекорды по сбору урожая. Как только общим трудом вырастала арбузная горка приличных размеров, всем скопом заваливались на неё, кому как удобно. Кто дремал, кто травил анекдоты, кто-то просто смотрел в небо, жмурясь на сентябрьское солнце, или беседовал о жизни. Но всегда кто-то чутко и зорко прислушивался и высматривал, не возникнет ли вдали на просёлочной дороге «бугор» – колхозный бригадир из посёлка на личном мотоцикле. Стоило только кому-то поднять тревогу, все тотчас выстраивались в цепь, в которой каждый знал своё место, и старательно делали вид, будто продолжают усиленный сбор бахчевой культуры. Не было случая, чтобы проглядели своего надзирателя или не услышали издалека знакомый треск «Урала» с коляской. А там подходил один из грузовиков, который немедленно загружали тем же проверенным способом, перекидывая друг другу с рук на руки арбузы. В конце цепочки уже в кузове двое едва поспевали аккуратно укладывать «ягодки», иногда за десять килограмм, одну к другой. Как только бригадир уезжал, всё возвращалось к исходному, начиная с возведения новой арбузной пирамиды.

Перед тем, как всех отвозили обедать на полевой стан, успевали искупаться в одном из глубоких водогонов с водой, обычно находившихся неподалёку. Без разветвлённой системы таких искусственных артерий бахчи остались бы без живительной влаги. Дождевальные машины представляли собой трактора с многометровыми плечами оросительных труб в обе стороны над кабиной. С помощью насосов забирали на ходу воду из водогонов, чтобы тут же разбрызгать в виде искусственного дождя над бахчевыми гектарами. Иногда водители дождевалок позволяли ребятам освежиться под их распылёнными струями, главное, чтобы под гусеницы не лезли.

На стане душа не было, экономно умывались и обливались из умывальника. Раз в три-четыре дня воду в мелкий бетонный колодец привозила автоцистерна. Причём неизвестно, из какого источника, потому что нередко в ней находили лягушек, раз-другой умудрившихся проскочить в готовые щи. Некоторые брезговали и отказывались от первого, только не Юрий, который не раз видел, как старшие дворовые пацаны варили в котелке лягушачьи ляжки, утверждая, что они не хуже курятины. Правда, сам он их так и не попробовал… Пили здесь только кипячёную воду, к тому же около печки всегда стояла огромная кастрюля остуженного чёрного калмыцкого чая.

После обеда работать хотелось ещё меньше, но тут уже появлялся некий стимул. Одна из нагруженных бортовых машин с четвёркой ребят в кузове отправлялась на полустанок в трёх десятках километров к югу. В определённый час там останавливался поезд из Минеральных Вод. За две минуты добровольцы во главе с Лешим и с кем-нибудь из двух водителей успевали распродать пассажирам часть своего груза. Смешные цены делали рисковую операцию всегда беспроигрышной. Огромные арбузы не проходили в приоткрытые окна ваго-

нов и передавались с подножек в тамбуры за полтинники и рубли. Причём большая часть барыша шла от проводников, иногда десятками закупавших знаменитые местные арбузы для перепродажи в пункте назначения.

Когда состав трогался с места и становилось ясно, что на сегодня торг завершён, Юрка продолжал смотреть вслед ускоряющемуся поезду из кузова грузовика, пока тот не исчезал из вида. Как ему хотелось очутиться в одном из купе вместе с Людой! Сидеть у окна напротив друг друга, не спеша потягивать холодное пиво из откупоренных бутылок или, на худой конец, помешивать ложечкой сладкий чай в стаканах, принесённых проводницей. Смотреть вдвоём на бесконечно разматывающуюся степь за окном и уноситься прочь, в противоположном от их областного центра направлении.

На первый взгляд могло показаться, что юные предприниматели всегда действуют себе в убыток. Но ими руководила вовсе не мещанская жажда наживы. Во-первых, они торговали не своим собственным добром, а колхозным. А во-вторых, вырученного всегда хватало на один, а то и на два ящика дешёвого креплёного вина из ближайшего сельпо. Это и составляло их главную и единственную цель, особенно если подходило воскресенье, день, когда от них не требовалось выходить на бахчу. Правда, по договорённости с бугром ради лишнего заработка нередко все дружно отказывались от положенного выходного, если не чувствовали себя слишком усталыми, чего практически не случалось.

Самыми активными пособниками водителей оказались Леший и пара других умудрённых жизнью ребят, каким-то образом и Юрка угодил в их компанию. Видимо, им приглянулся неглупый, слегка малохольный парень, знакомый с понятиями дворовой шпаны, среди которой рос. Когда Гриня и Сашок открыли перед ними столь заманчивый способ заработка, возражений ни у кого не возникло. После первой удачной продажи оговорённая часть навара ушла в шофёрский карман, а пару закупленных на остальное ящиков тайком доставили в барак и рассредоточили бутылки по пологам. За ужином сообща отметили сегодняшний успех и, предусмотрительно прихватив разумный запас на дорожку, с весёлым настроением в полном составе дружно и бодро зашагали в посёлок. Они уже знали, что в клубе их ожидает кино и танцы по субботам, воскресеньям и средам. Сегодня, как по заказу, подвернулась среда.

Орденоносный бугор с гордостью хвалился, что его колхоз-миллионер поднялся исключительно на доходы от овцеводства, сбора томатов и арбузов. Правда, умолчал, что на здешних землях нашли следы нефтеносных пород и новое газовое месторождение, почему и дали авансом название посёлку Промысловка, хотя добыча ещё не начиналась. Но это ребята уже знали без него. Местный клуб, он же кинотеатр, танцевальный зал, а в дневное время и библиотека, являлся убедительным свидетельством достижений колхозного строя. Юрка, однако, не понимал, чем же занимаются лишь изредка выходящие в поле всем скопом здешние жители-колхозники, если основной сбор урожая из года в год выполняет дешёвая рабсила в лице привозимых из города студентов. Может, и все здесь втихую приторговывали колхозным добром с общественных полей? Наверняка, кроме сообщённого водителями, имелись другие, более надёжные способы незаконной наживы. Но копаться в таких дебрях было сейчас выше Юркиного разумения.

На место прибыли уже затемно, сразу купили билеты на единственный сегодняшний вечерний показ уже всеми пересмотренного в городе итало-французского фильма, с большой вероятностью изрезанного здешним киномехаником.

Не стали испытывать судьбу и прочность контроля на входе в колхозный культурный центр, хотя каждому из ребят не составило бы труда пронести в брюках за поясом бутылку-другую. Благоразумно отошли подальше от одноэтажной модерновой постройки, где их заведомо не могли увидеть зоркие хранители местной морали, и прикончили принесённый резерв бормотухи, по-братски и по-сестрински поделив закуску в виде трёх плавленых сырков «Дружба» и нарезанной четвертушки серого хлеба из того же сельпо. Пару полулитровых пузырей решили оставить на случай непредвиденных обстоятельств и пронесли в клуб.

И тут на входе в обитель культуры возникла неожиданная преграда. Борьба за нравственность юного поколения шла повсюду полным фронтом. Под странный запрет подпали не только джинсы, пока ещё редкостная контра-

банда, распространяемая фарцовщиками, но и любые женские брюки, почему-то занесённые в одну категорию с идеологически недопустимыми мини-юбками. Юрка читал, что в Саудовской Аравии, к примеру, за ношение мужской одежды женщину могли и головы лишить, но у нас сходные требования, даже вовсе не сулящие нарушительницам столь суровой кары, выглядели не менее дико.

Только нашим героям и героиням после выпитого всё это было до лампочки. К тому же всего у двух девчонок обнаружилась непотребная в здешних краях одежда. И то: никаких иностранных джинсов или бесстыдно обтягивающих брючек – обычные треники. Не вступая в пререкания, вся женская половина солидарно отправилась за угол железобетонного барака культуры, строго-настрого наказав ребятам не ходить за ними. Гонимые предметы одежды в момент оказались сняты и тщательно завёрнуты в слегка помятую газету «Правда», совсем недавно скрывавшую прозрачный пакетик с закуской. Обе разоблачённые тут же обрели востребованную женственность, которая по нездоровому разумению захолустных чиновников скрывалась до того спортивным трико. Для восстановления необходимого приличия использовали то, что подвернулось под руку и чем смогли поделиться подруги: вытянутую майку и длинную мужскую рубашку с рукавами, на которые здешний запрет не распространялся. Для принятия цивильного вида всего-то потребовалось натянуть их пониже.

Если спустя несколько десятилетий для пропуска в места сборищ, названных тусовками, стали использовать фейсконтроль и дресс-код, как можно было бы назвать те обязательные осмотры на входе в сельские клубы советского прошлого? Бдительные тётки у входных дверей покосились с подозрением на изменивших имидж недавних нарушительниц, но вторично придраться к ним уже не смогли, формальные требования оказались соблюдены.

Новое здание клуба представляло собой довольно авангардистскую стеклобетонную постройку, несколько опередившую своё время и потому диковинную для богом забытого села. Но кто ещё, кроме принудительно привезённой спасать урожай абитуры, смог бы оценить такой изыск? Одну из внутренних стен занимало мозаичное панно, запечатлевшее во весь рост колхозницу с острым серпом, а совсем рядом с опасным инструментом – защищённого скафандром и потому имеющего довольно спокойный вид космонавта. Чтобы не оставлять их наедине, авторы мозаики добавили третьего неопределённых занятий мужика, предположительно городского пролетария, руки которого сжимали нечто среднее между разводным ключом и отмычкой, какими пользуются некоторые потерянные для общества члены.

Танцы под перегруженные басами динамики уже начались. Две-три наиболее смелые уроженки села не самого юного возраста пытались привлечь к себе внимание многочисленных угрюмых особей мужского пола, тоже выглядевших старше своих лет, которые напротив неловко подпирали стену с мозаикой. Могло показаться, что эти не то парни, не то мужики сильно опасаются, как бы изображённая над ними мощная женщина не задействовала свой серп в любой момент. Отойти от греха подальше в сторону им почему-то в голову не приходило.

Местные очень недружественно встретили шумную ватагу чужаков, на которую теперь и пялились, позабыв про самозабвенно танцующих селянок. Среди пришлых городских ими в первую очередь высматривались девчонки посмазливее. Вскоре в клуб заявилась ещё более многочисленная орда, оказавшаяся бригадой такой же абитуры, занимавшейся по соседству сбором томатов. С девчонками у них чувствовался напряг, зато имелись желающие почесать кулаки. Среди прибывших нашлось немало знакомых, что сразу изменило тревожную обстановку. Потому Леший с согласия своих не замедлил символически поделиться с ними последними каплями сохранённого остатка в далёком от культуры туалете.

Видя теперь полный перевес чужаков, местные не решились на намеченную разборку. Впрочем, внушительный вид более многочисленных горожан, среди которых усматривались отслужившие в армии, предотвратил в дальнейшем все стычки, когда в клуб ходили уже без опаски в значительно меньшем количестве. К тому же со временем все вполне мирно перезнакомились с местными заводилами, которые уже прекрасно знали, где и у кого из колхозных бригадиров кто трудится. Прав оказался тот лохматый менестрель в ковбойской шляпе: «Мир победит, победит войну!».

Так что танцы быстро приняли массовый характер и обошлись без очень вероятных эксцессов. Напрыгавшись до одури в пляшущей толпе, Юрка непродуманно упустил Людмилу из вида перед самым началом фильма. Уже в темноте кинозала неожиданно для себя оказался в окружении более общительных подруг. Выпитое вино склонило его голову на приятно гладкое плечо одной из них, нисколько этому не возражавшей, так что действие картины большей частью не затронуло его сознания.

На обратном пути он никак не мог выдернуть Люду из плотной группы поющих девчонок, на их потеху выписывая ногами кренделя по пыльной дороге.

Полная луна заливала серебристым сиянием степь и белеющую дорогу впереди. Её забавная круглая рожица в оспинах воспринималась сейчас пьяно-озорной и компанейской. С ней дорога до стана показалось короче и веселее, хотя и так никто не грустил. Юрка даже забыл на время, что хотел бы оказаться рядом с нравившейся ему, но выбравшей общество подружек синеглазкой.

Последующими безлунными вечерами высоко над степью открывались такие дали и глубины, которых никогда не увидеть в городе, отделённом от неба заревом электрических огней. А тут стоило только взглянуть в эту головокружительную чернильную бездну, полную мерцающих звёзд, – и уже глаз ни за что не оторвать. Пытливый взгляд с любопытством и благоговением скользит от звезды к звезде, и сами собой приходят мысли о вечности, о быстроте и ничтожестве человеческого существования на земле, о вероятном Творце такого великолепия. Молодость не хочет принимать очевидное, она считает только свою собственную жизнь самой главной ценностью, даже на фоне далёких бесчисленных звёзд, только настоящий миг и важен для неё. О будущем она почти не думает.

После того как в определённый час вырубали движок, все могли расходиться по своим пологам, но таких оказывалось немного. На смену многоваттной лампочке Ильича зажигались две-три керосиновые в закопчённых стёклах на струганном рубанком столе под навесом. Их тусклого света вполне доставало для желающих перекинуться в подкидного дурака на погоны. Если же ребята затевали буру или покер уже без девчонок, то либо на спички, либо на мизерные символические ставки в счёт будущего заработка, чтоб никому проиграть не показалось обидным. Находились и шахматисты, не дававшие пылиться доске с деревянными фигурками.

Но главное: под радио Монте-Карло на средних волнах транзисторного приёмника на батарейках либо на длинных уже под румынскую и польскую музыкальные станции (поскольку других тут не ловилось) начинались спонтанные танцы. Выхваченная из темени окружающей ночи площадка под соломенным навесом воспринималась уже вполне уютным, почти родным местом. Все забывали, что до дома более сотни километров. Чтобы окончательно сойти за декорацию салуна из гэдээровских вестернов с югославским индейцем Гойко Митичем, не хватало только деревянного пивного бочонка с краником в придачу к сиротливо пустовавшим на столах алюминиевым кружкам. Вот только печка для готовки из кирпичей, грубо обмазанных глиной без побелки, сильно портила вид почти киношно-ковбойской обстановки.

Редкие парочки, возникавшие в ходе этих танцев, иногда уходили прочь в темноту, чтобы вернуться через некоторое время почему-то уже нередко на расстоянии друг от друга. Если Люда попадалась Юре на глаза, он приглашал её потанцевать. Но в отличие от своих более раскованных подруг она ни разу не дала ему повода попытаться увести её подальше в тёмную степь, а он сам никак не мог на такое решиться.

Нередко на таких стихийных танцах появлялся Леший со своей блондинкой. Сохраняя на лице неизменную рассеянную улыбку, она держалась особняком ото всех, будто воображала себя реальной принцессой. Остальные девчонки с самого начала, не сговариваясь, сторонились подругу неофициального вожака их случайного коллектива. Правда, до полного бойкота дело не доходило. Но кто разберёт этих девчонок? Юрка в такие передряги влезать не собирался. Впрочем, если бы он внимательнее следил за происходящим вокруг, то давно убедился бы, что и у других доставало проблем и разборок.

Как-то вечером после условного отбоя у Лешего произошла громкая размолвка со своей подружкой, после чего она долго потихоньку всхлипывала, никому не видимая, в крайнем пологе у стенки.

Валера бродил по бараку в хилом умирающем свете ещё не погашенной керосиновой лампы, в сердцах бормоча одно и то же: «Да что же такое, ё-моё?!». Видно, искал кого-то поделиться или спросить совета и наверняка посчитал бы Юрку самым подходящим для этого. Потому Юрий постарался не попасться ему на глаза.

В конце концов Леший испил на кухне чифиря с посочувствовавшим ему Гриней. Они загасили лампу и ещё минут двадцать не давали уснуть притихшей публике, горланя снаружи на два хрипловатых голоса любимую песню Григория: «Он или дурак, или не знает, что такое женщина в кровати…». А когда позже Гриня по своему обыкновению укатил на ЗИЛе, Валера завалился спать на пустовавшее место в шофёрском пологе.

И всё-таки однажды поздним вечером Юрий решился взять быка за рога. Он чувствовал, что дальше так продолжаться не может. Ему казалось, остальные парни и девушки давно пересмеиваются над ним за спиной, хотя ничего не говорят открыто. О том, что кто-то со стороны мог даже позавидовать едва наметившемуся между ним и Людой, он и представить не мог. То, что Юрка выделял её среди всех девчонок, норовил лишний раз оказаться рядом, а то и наедине, давно не представляло секрета. Он и не думал ни от кого таиться. Даже её редкие, как бы сдерживаемые, ответные взгляды не могли оставаться не замеченными другими. Он не подозревал, что подружки корят Люду и советуют поскорее оставить свою подчёркнутую холодность.

В этот раз Юрий мягко, но настойчиво, приобняв за плечи, увёл девушку в темноту, прочь от танцующих и сидящих вокруг транзистора.

Ночь выдалась особо тёмной, без луны, закрытой сегодня пришедшими с севера плотными тучами. Поговаривали, где-то в степи появились волки, нападавшие на отары овец. И хотя Юра не расставался с перочинным ножом в кармане (не столь уж грозным, но всё же оружием), слишком удаляться с девушкой от полевого стана не осмелился. Она доверчиво шла рядом, не снимая его руки со своего плеча, но и не делая никаких попыток к сближению.

Когда он посчитал, что отошли достаточно, осторожно развернул спутницу к себе и попытался разглядеть в темноте её лицо с помощью далёкого слабого огонька на оставленном островке безопасности. Уже обе его руки легли на её плечи, пальцы несмело, но всё настойчивее поглаживали не прикрытую платьем нежную кожу. За то время, что они шли сюда, ни он, ни она не перекинулись словом. И опять ему пришло в голову, что надо немедленно что-то сделать, что кто-то со стороны следит за ним, как бы с укором покачивая головой. Он притянул её и, нагнувшись, попытался поцеловать в едва угадываемые в темноте губы. Получилось очень неудачно: мазнул своим ртом по её щеке прежде, чем нашёл то, что искал. Её сжатые холодные губы не ответили, он усилил натиск, опять подозревая, что делает всё неправильно. Поцеловал сам, ещё, затем сильнее прижался приоткрытым ртом и замер так, пока хватило воздуха.

Всё же, отстранившись после, ощутил некоторое облегчение. С трудом подавил внезапный порыв задать глупый вопрос: хорошо ли ей. Представилось, такое могло показаться Люде полным идиотизмом.

– Наверное, я глупая. Зачем я с тобой только пошла? – вдруг посетовала девушка, похоже, обращаясь к себе самой. – Знаешь… Сашок, он… целуется намного лучше тебя…

Юрку словно ударили под дых. Если бы у него имелось хоть немного опыта в таких делах и будь он чуть наблюдательнее, то сразу бы догадался, что Людмила столь же неискушённая и наивная, как и он сам. Любая более умудрённая в отношениях с парнями на её месте быстро бы раскусила Юрку и сочла за радость сделаться его наставницей, хотя бы в поцелуях. Он даже не подумал, что таким неуклюжим способом отчаявшаяся девчонка попыталась вызвать в нём ревность, понудить к более решительным действиям. Впрочем, кто знает, что ещё она могла думать? После таких слов Юрка обозвал её про себя глупёнышем и куклой, отступил ещё на один шаг, испытывая досаду и разочарование.

В их отряде было всего два Александра, но Сашком называли только молодого водителя грузового «газона». Уязвлённый, Юрка пытался найти подходящий ответ, но лишь бессильно сжимал и разжимал кулаки.

– Юра, пойдём же, ну? Чего стоять… – проявила она на этот раз инициативу первой.

Юрке показалось, что произнести его имя ей удалось только после некоторого усилия. И пока он обдумывал, как поступить дальше, Люда одна двинулась назад на манящий огонёк, собиравшийся вот-вот погаснуть.

Когда следующими вечерами она у него на глазах начинала танцевать в обнимку с другими, деланно не обращая на него ни малейшего внимания, улыбаясь и смеясь, Юрке становилось обидно и тяжело. Может, Людмила желала вызвать его на скандал, может, набивала себе цену, отчаянно пыталась обратить на себя его внимание? Никаких сцен ревности он устраивать не стал, посчитал это заведомой глупостью.

Не желая больше её видеть, он разбудил уже заснувшего приятеля, с которым делил полог. Отойдя подальше в степь, они из горлышка по очереди уговорили бутылку креплёного вина, которую Юрка заначил с последней продажи арбузов.

– Поссорились, что ли? – понимающе предположил ещё сонный сосед по пологу, доставая две сигареты и зажигалку.

Юрка благодарно кивнул – даже такая закуска сейчас показалась очень кстати.

– Помиритесь? – не отставал приятель между затяжками, чувствуя себя обязанным за внезапное угощение.

– Не знаю, вряд ли… – неприятную тему хотелось поскорее закрыть.

– Да брось ты, может, ещё наладится… В конце концов, свет клином на ней не сошёлся, сам знаешь. Женщины – те же трамваи: одна ушла, другая придёт! – попытался избитым сравнением подбодрить неугомонный сосед.

Но Юрка не нуждался в подобных утешениях: «Тоже нашёлся ещё один знаток сердечных дел, иди тогда работать в кардиологи!» Его не отпускала обида, он мысленно спрашивал неизвестно у кого: почему так несправедливо и глупо устроена жизнь? Какой смысл в этой суете, в не нужных никому и ни для кого не важных, кроме него самого, сопливых переживаниях? Может, он не такой, как все? Мысли о собственной исключительности приходили Юрию в голову не впервые. Но что могло бы их подтвердить? Его поступление в вуз? Таких тысячи, десятки тысяч, если не больше. Запойное чтение книг и научно-популярных журналов под партой, вместо того чтобы слушать учителей? Может, у него есть какое-то скрытое пока особое предназначение и ему суждено свершить что-то яркое и необычное в будущем? Далеко не факт. Как можно в такое поверить, если даже сейчас с Людой ничего не получилось, и он выставил себя полнейшим дураком?

Потом, устроившись в обнаруженной неподалёку соломенной скирде, они травили друг другу известные обоим анекдоты. Юрка делал это с отчаянием, выговаривая заведомо смешное, но навязчивые мысли о Люде не давали ему веселиться. Сосед чувствовал его настроение. Курить больше не решались – сухой соломе хватило бы искры. Так и не заметили, как заснули в сотне метров от притихшего полевого стана.

Правда, задремать Юре долго не удавалось: высушенные стебли щекотали шею, кололи руки, почти у самого уха шебуршились какие-то неизвестные насекомые. А ну как укусят? И когда уже заснул, то привиделось, будто из глубины скирды, с пугающим шорохом к нему выползла полуметровая гадина и укусила его прямо в грудь, в область сердца. В ужасе он действительно что-то отбросил с лица и дико заорал, до смерти напугав давно спящего приятеля. Разметав солому, выскочил из скирды и стремглав бросился к бараку. Только уже по дороге понял, что спросонья отшвыривал собственную затёкшую руку.

Кто-то попался навстречу, что-то встревоженно спросил у него. Видимо, остальные давно разошлись на ночлег. Он только отмахнулся от встречного, ничего не понимающий испуганный сосед следовал по пятам. На ощупь добрался в темноте до нужного полога, даже не стал раздеваться, жёсткие соломинки продолжали раздражать тело, вызывая неодолимое желание почесаться сразу во многих местах. Залезшему следом товарищу только шёпотом пояснил – змея почудилась. Вопросов не последовало. На этот раз удалось быстро заснуть. Снова привиделись знакомые глаза, против воли напоминавшие песню о Карелии, в которой никогда не был и вряд ли туда попадёт:

…Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.

Он до сих пор не разобрался в меняющихся от освещения и настроения оттенках Людмилиных глаз: то ли голубовато-синие, то ли сине-голубые… Но пляшущие в них наяву или только в его воображении искорки не давали Юрке покоя. Одно это он лишь и вспомнил утром, разбуженный привычно затарахтевшим на заре мотором «зилка».

Он ещё не знал, что единственное лекарство от наваждения васильковых глаз – другие женские глаза: зелёные, серые, чайные, чёрные, любые. Их почти так же много, как звёзд над степью, ну, может, чуть поменьше, но они ждут его впереди, обещая нечто головокружительное.

А если бы даже знал, то не мог ещё забыть синие озёрца Людиных глаз. Зато ощущение избытка собственных сил и благоговение перед огромностью загадочного мира уже сейчас было в нём, их никому не отнять. Неповторимый дар быстро проходящей юности…

С Людой они потом не то чтобы совсем не разговаривали, но и вернуть прежнее никто из них не пытался.

– Привет! – бодро говорил он ей, увидев по утрам. Тут же отводил глаза и пробовал убедить себя снова и снова, что вовсе она ему не нужна!

– Привет! – с видимым равнодушием соглашалась Люда как ни в чём не бывало, но при этом старательно не смотрела на него.

Исчезла какая-то скрытая значимость и приязнь между ними в словах, взглядах, даже в молчании. Это заметили все. Он малодушно не собирался раз и навсегда выяснить, как она к нему относится, ложно опасаясь дать повод для насмешек Люды и её подруг.

Через несколько дней зарядил монотонный дождь. Все сидели под добротной крышей полевого стана. Пришлось доставать прихваченные из дома тёплые вещи. От завтрака до обеда, затем до ужина с отбоем играли в карты, искали чего бы почитать или вообще ничего не делали. Даже водила Гриня после привычного чифиря не срывался больше в неизвестность на «зилке», а мирно храпел ночами в своём пологе.

Когда у хлябей небесных выдалась передышка, бугор отправил ребят в поле, где им пришлось только месить грязь – арбузов на бахчах почти уже не осталось.

Юрка вместе со всеми остро чувствовал то, что с лаконичной точностью выразил Валера Леший, давно помирившийся со своей блондинкой:

– Пора на фиг валить отсюда!

Впереди ждала новая студенческая жизнь, которой всем с нетерпением хотелось попробовать. Некоторых отчислят, кто-то отстанет, взяв академический отпуск, остальные, включая тех, кто попереженится за годы учёбы, дождутся вожделенных дипломов. Вскоре каждый получил расчёт за ударный труд от бригадира и громадный арбуз на дорогу. А потом постепенно и всё остальное.

Сергей ДОНБАЙ

ВО СНЕ СНЕГОВ

* * *

Чудо-сон и чудо-слово,
Звякнув льдинкою засова,
Дверь откроет в Новый год:
– Заходите, кто вперёд!..

В воздухе снежинки топчутся,
Каждую погладить хочется,
Даром, что рука горячая...
Нежность, ведь она незрячая.

Чудо-жизнь и чудо-чадо –
Каждого погладить надо.
Это времечко за полночь
Крепко-накрепко запомнить.

Отзвуком на чудный зов,
Кем ты был во сне снегов?
Ни с того и ни с сего –
«Ку-ка-ре-ку!», «И-го-го!»
2018

* * *

Долгие, тихие радости
Воцерковлённой старости.

Снова мы, словно дети,
Не догадываемся о смерти.
2014

* * *

Я тебя обидел чем-то...
Не подскажешь догадаться.
Самому, похоже, тщетно –
Зря стараться, зря стараться...

Я тебя обидел крепко.
Совесть впала в невесомость.
Было так у древних греков,
И не ведавших про совесть.

Боль чужая, униженье.
В невесомость впала память.
Как в земное притяженье
Снова память нашу вправить?

Я тебя обидел, кореш, –
Только совесть не прикормишь,
С притяженьем не поспоришь –
И прощенья не попросишь...

* * *

Он уходит дальше по реке
По тропинке с рыбаком над лункой.
Маленький, бесстрашный, налегке,
Не повязан никакой наукой.

ДОНБАЙ Сергей Лаврентьевич *родился 22 сентября 1942 года. Автор многих книг стихотворений, последняя из которых «Во сне снегов». Публиковался в литературных журналах «Наш современник», «Москва», (Москва), «Всерусскій соборъ» (Санкт-Петербург), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Алтай» (Барнаул), «Начало века» (Томск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Сибирь» (Иркутск), «Север» (Петрозаводск) и др. Лауреат литературной премии им. Фёдорова. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.*

Что ему сей ледяной простор
И мои поэтому тревоги
И небес на всё спокойный взор?
В рукавичках пальцы б не продрогли...

Мчит лыжня как смазанная салом!
А река застыла – почему?
Вот уже приглядываться стала,
Родина, ты к внуку моему.
2015

* * *

Мама стряпает вареники,
Лист присыпала мукой,
Я ещё совсем манененький,
Да почти что никакой.

А она так ловко лепит их –
Сами пальчики летят.
На листе, как гуси-лебеди,
Тихо крылышки лежат.

Призадумалась, болезная,
Кем я буду, Боже мой?
Перед ней, как будто тесто, я,
Перепачканный мукой.
2014

* * *

Голосов девичьих переплески
Раздавались в нашем перелеске.
Отвечал им сдержанно лесок –
Парeньков невидимый басок.

Почему смолкали перелески,
Притихал задумчиво лесок?
Потому что с нашим переплеском
Поцелуем занят был басок…

Переплески эти и басок
Обходил медведь наискосок.
Уходил он от греха подальше,
Мордой не оглядываясь даже.

Далее пошёл кусты ломать
Напрямки – медведицу искать.
2014

* * *

Первый снег. Который не растаял.
Самый чистый. Самый белый-белый.
Биография его простая.
Хоть топчи его. Хоть что с ним делай,
Землю он укутал, как подшёрсток.
На него навалятся сугробы.
И травы проснувшийся подросток
По весне в нём будет высшей пробы.
2016

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЁРЫШКЕ

Я перышко макал в чернильницу.
Боялся первую мою учительницу.

(Люблю теперь её безмерно.
Не слышит только вот, наверно,
Чернил ведь реки утекло...
Сквозь лупоглазое стекло.)

Нажимчик и волосяная линия –
Ах, прописи! Ау, идиллия!

Но, сдвинувши на бровь беретик,
Вползло в наш мир перо «шкилетик».
И записало, записало,
Как будто по мусалу сало.

Удобно, гладко и без чувства –
Хоть сбацай дробь, хоть окочурься
(Ну вот как шариковая ручка).

Чернил ведь убежало реки.
Всё поменялось в человеке.

Нажимчик и волосяная линия –
Ах, пёрышко! Ау, идиллия!
2016

* * *

Вот солнце на Пасху играет
У Бога в руке угольком.
И песня от счастья рыдает,
Ликует от счастья о Нём!

И крупные слёзы мелодий
У скрипки текут по щекам.
«Воскрес!» – веселится в народе.
«Вос-кре-се...» – восходит к векам.
2015

* * *

Привыкнув к обжорству,
К халатам семейным,
К болезням,
Как будто к соленьям,
Мы так свою жизнь
Безнадёжно жалеем
По бунинским «Тёмным аллеям».
1993

В ОТПУСКЕ

Целый день жую травинку,
К вечеру – зеваю.
Стала жизнь опять в новинку,
Просто прозябаю.

Утром нежиться в постели
Полюбил забаву.
Тороплюсь я еле-еле.
Просто прозябаю.

Соловей заводит соло,
Сев на ветку с краю.
Потрясён искусством,
Словно
Зяблик, прозябаю.

Если есть у вас сомнения
В слове «прозябаю»,
То звонить для выяснения
Далю и Донбаю.
2017

* * *

У лета в средине – высокие травы,
Натянуты к звёздам стволы.
Весёлые люди поют над кострами
Красивые песни свои.

А женщина бродит одна по квартире,
Крест-накрест укутавшись в шаль.
И знаете, как в этот час в этом мире
Себя этой женщине жаль.

Ей всё надоело – и книга, и кухня,
И гладить рукой телефон...
И женщина – словно забытая кукла
Из детских хороших времён.

Но ярко распишет осенние виды
Рябиновой кистью балкон.
И грустный этюдик наш станет забытым,
Из летних хороших времён.

А то, что приснится нам в зимней берлоге,
Медведь нам расскажет потом,
Как женщина плавно кружится в прологе
Из времени вальса-бостон.
2017

СЕСТРЕ

Золотые, Лариса,
Наступают года.
Одного коромысла
Не разлей мы вода.

Одного коромысла
Мы вода не разлей:
Вот смеётся Лариса,
Вот – братишка Сергей!

Радуга-коромысло –
Мамы с папой замес.
Видно, свыше замыслен
Интерес, от небес.

У Лаврентия с Мусей
Мы спасали тогда,
Словно римские гуси,
Золотые года!

Минск твой,
Новосибирск мой
Отошли навсегда,
Улетучились искрой –
В золотые года.

Вот уж дети и внуки
Нас с тобой навсегда
Взяли, как на поруки,
В золотые года.

Голоса их и лица
По-над Томью-рекой –
Не её ли водица
Не разлей мы с тобой?
2018

* * *

Когда ты празднуешь победу,
Надеешься на благодать,
Ан понимаешь, радость эту
Не рассказать, не передать,

Минуя собственное горе.
Под крестным гнётом, на износ,
В деяниях и в разговоре
Побед не праздновал Христос.
2018

ОДИНЧЕСТВО

Ты в одиночество уходишь,
Как в запой,
И пьёшь отчаяние
Горькими глотками,
Чтоб примириться как-нибудь с собой,
Уединяясь
За лесами, за горами.

Ты в одиночество впадаешь,
Как медведь
Для зимней спячки,
Словно долгой-долгой думы,
За кадром летний кадр переглядеть:
Объесть малинник,
Посчитать все дни и луны.

Ты в одиночество
Как в омут с головой
Бросаешься,
Где щуки, черти, тишина.
Как тяжкий груз, тебя немой конвой
Дотянет плавно
До естественного дна...

Мир в одиночестве
Мне представал всё шире.
И лиру выбирая по судьбе,
Я сам себе
Рассказывал о мире
И миру признавался
О себе.
2018

Писательский десант на разрез «Берёзовский»

Как далеко скрылся я от огней родимого Кузбасса... Не виднеются моим глазам светлые ночные точечки сигнальных вышек Кемеровского аэропорта, телевизионных и интернетовских мачт, шахтёрских копей, окошек сельских и городских домов, резкая слепота трамвайных и автобусных фар, бесконечные на дорогах лучи отправляющихся на запад паровозов с вагонами... Свет моих колыбельных Топок померк в просторах российских...

И только из журнала «Огни Кузбасса» прорывается ко мне синяя оздоровляющая полоса дружеского привета, теплоты, ласковости и деликатной укоризны: ты ж, мол, не считай, братец, что мы без тех кузбасских уроженцев, что волею и неволею покинули холодные пристанища, увядаем, теряемся, завидуем и мечтаем о каких-то московских или южных широтах, о солёных морских водах и о всяких развлекательных «кинотаврах» в Сочи и «киношоках» в Анапе – нет же, заблудший земляк, мы счастливы в своём детском дому и славим свой сибирский угол на чистых, как снег, страницах журнала.

И я, дорогие мои, рад, что журнал «Огни Кузбасса» каждый раз напоминает мне о Сибири талантливыми повестями и рассказами, стихами, размышлениями, воспоминаниями и поклонами кузнецкой истории. Кузбасский литературный уголёк согревает мою душу и в казачьей столице, и на берегу Азовского моря в Пересыпи (неподалёку от Тамани).

Ваша приветливость и веющее издалека родство душ подстёгивают меня тоже что-то написать о Сибири, и как раз в этот журнальный юбилейный срок я подправил главу о Топках, о родне своей и о том, что я нечаянно появился там на свет Божий в роддоме возле станции...

Да посветят семидесятилетние «Огни Кузбасса» идее сбережения сибирского духа ещё много-много лет!

Ваш **Виктор ЛИХОНОСОВ** (83 года),
лауреат Государственной премии России,
лауреат Патриаршей литературной премии
Май 2019 года, г. Краснодар

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Дорогой Сергей Лаврентьевич

Живём среди сплошных юбилеев, уже и юбилеи печатных изданий воспринимаются как юбилеи живых людей. В отношении «Огней Кузбасса» это очень точно – журнал живой, растущий, имеет славную биографию и на пенсию не просится. Всё утро листал, если можно так сказать об электронном варианте, журнальные тексты «кузбасских огней». Крепкий, надёжный журнал! И со времён «сталинских огней», и доселе журнал говорит о тех, кто есть подлинный двигатель истории, о людях труда, кормильцах и поильцах Отечества. Практически все авторы – люди труда, закалённые нелёгкими профессиями шахтёров, хлеборобов, путейщиков.

Кемеровская область как плавильный котёл коренных жителей и переселенцев, которые приехав сюда, обретают здесь родину. Я мало побыл у вас, но успел увидеть дивную красоту реки Томи и дальние заречья, и святой источник, и чистоту парка, площадей, улиц. И – главное – людей. Их красоту, деликатность и порядочность.

Под стать этому и содержание журнала: оно воспитывает уважение к Слову, говорит о родине спокойно, без высокопарностей, поэты не играют в выдрючивания формы, наследуют традиции русской классики, проза добротна, критика нелицеприятна.

Одним словом, Огни. И осветят путь жизни и обогреют в непогоду. Ангела вам хранителя в дальнейшем возрастании и заметном присутствии в мире русской литературы.

Ваш, к моей великой радости,
автор «Огней Кузбасса»
Владимир КРУПИН

Телеграмма

Уважаемый Сергей Лаврентьевич!

Коллектив прокопьевского драматического театра сердечно поздравляет редакцию авторов и читателей журнала «Огни Кузбасса» с 70-летним юбилеем! Несмотря на почтенный возраст, юбиляр отличается молодым и энергичным характером, пользуется авторитетом в обществе и нацелен на серьёзную перспективу развития. Главным достоинством сотрудников журнала было и остаётся высокое профессиональное

мастерство, пропаганда литературного наследия, объективное освещение общественно-политической и экономической жизни Кузбасса. Желаем не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, расширять круг новых интересных тем и талантливых авторов.

С уважением директор театра
заслуженный работник культуры РФ
Л. И. КУПЦОВА

Дорогие друзья!

Коллектив редакции журнала «Подъём» сердечно поздравляет редакцию журнала «Огни Кузбасса» с 70-летним юбилеем издания!

На страницах кемеровского толстого литературного журнала публикуются авторы со всей России. Стихи и проза, публицистика и литературная критика – все жанры чувствуют здесь себя органично и не теснят друг друга, но, расширяя художественное пространство, одновременно наполняют его высокими смыслами, ёмкими литературными образами, живыми свидетельствами. Позади не одна историческая эпоха, журнал по-прежнему бережно хранит творческие традиции и следит за новациями писателей молодого поколения.

В этот знаменательный юбилейный год желаем кемеровским коллегам новых художественных открытий, внимательных и любящих читателей, талантливых авторов из самых разных уголков России!

Директор – главный редактор
журнала «Подъём»
И. А. ЩЕЛОКОВ

ПОКЛОН ПИСАТЕЛЯМ КУЗБАССА

Слово о семидесятилетии журнала «Огни Кузбасса»

В позапрошлом веке избранные литературные журналы возвышались, украшались главными редакторами из плеяды талантливых писателей: «Трудолюбивая пчела» – Александр Сумароков, «Полезное увеселение» и «Свободные часы» – Михаил Херасков, «Современник» – Александр Пушкин и Николай Некрасов, «Отечественные записки» – Николай Некрасов, «Время» и «Эпоха» – Фёдор Достоевский. И в прошлом веке главными редакторами были писатели, коим Господь Бог тоже ссудил словотворческий дар: «Новый мир» – Александр Твардовский, «Молодая гвардия» – Анатолий Иванов, «Москва» – Михаил Алексеев и Леонид Бородин, «Наш современник» – Сергей Викулов и Станислав Куняев. И в нынешнем веке в главных редакторах ходят славные писатели; упомяну лишь тех, чьё творчество ведаю и чту: «Двина» – Михаил Попов, «Сибирские огни» – Михаил Щукин, «Енисей» – Михаил Тарковский, «Огни Кузбасса» – Сергей Донбай…

О журнале «Огни Кузбасса» и скажу поклонное, похвальное слово, ибо давно знаком с журналом и ныне удостоился чести побывать на семидесятилетии добротного и доброго сибирского издания.

Писатели – не умалишённые, что толкуют каменной стене; писатели, создавая художественные произведения, беседуют с родным народом, что невидимо замер вокруг письменного стола. Словом, пишут для книгочеев: мертводушные бульварные беллетристы – дабы полицедейски развлечь, пощекотать читательские нервы, а народные писатели – чтобы разбудить в народе любовь к ближнему, что есмь предтеча любви к Вышнему.

Коли за плечами моими полвека издательской и писательской пахоты, то могу верно сказать: писатели рождают романы, повести, рассказы и стихи с робкой надеждой либо уверенностью, что произведения увидят свет вначале в журнале, а потом, Бог даст, и в книге. Но прежде – в журнале, где пытливые книгочеи открывали и познавали писателя.

Согрешу, коли совру, что журналы охотно печатали мои сочинения; нет, бывало, захлопнется дверь перед носом: поцелуй пробой и вали домой; бывало, возвращали рукописи с бранью, обвиняя в избыточном этнографизме, фольклоризме и словесном орнаментализме; но пуще согрешу, коли совру, что все журналы отвергали мои сочинения; нет, иные, а средь них и «Огни Кузбасса», благосклонно привечали мою прозу. Года три назад увидел свет в «Огнях Кузбасса» рассказ «Озёрная купель», обычно зачинный в книгах моих.

Задолго до юбилейного торжества мы от случая к случаю виделись с главным редактором журнала Сергеем Донбаем: то на Алтае, где – Шукшинские чтения, то на литературных семинарах в Новосибирске, то в Иркутске, где каждую осень – Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Поэтические вечера,

братчинные застолья сдружили нас, тем паче и характеры наши оказались созвучны; но первонаперво скажу велеречиво, сблизила любовь к родному простолюдью русскому, любовь восхитительная и сострадательная, запечатлённая в прозе и стихах. А стихи Сергея Лаврентьича читаю, почитаю, недаром же повеличал поэта среди даровитых писателей, ныне возглавляющих литературные журналы России.

Празднование семидесятилетия журнала прошло высоко, торжественно и без фальшивого официозного холодка, а словно долгожданная встреча авторов журнала – писателей, творчески и братски любящих друг друга. А гостил в Кемерово цвет нынешней русской словесности – писатели, ведомые российским книгочеям от Москвы и до украин матушки России. Ведомые не по чину, а по творческому дару Николай Иванов, Михаил Щукин, Александр Казинцев, Юрий Перминов, Геннадий Скарлыгин умудрили и украсили литературные вечера в честь журнала, и вечера вышли не развлекательные, но творчески обогащающие, душеполезные для кемеровских читателей да и писателей.

Но, скажу не лукавя, не льстя Кузбассу, меня даже более гостевых речей впечатлила лирика кемеровских поэтов, что звучала в дружеских застольях; и запомнились стихи Виктора Коврижных, Александра Раевского, Дмитрия Мурзина. А мудрые, ласковые, порой иронические стихи Сергея Донбая я с умилением и отрадой слушал почти ежегод на писательских сборах; ведал я и поэзию Бориса Бурмистрова, но давно уж стихи его не являлись на глаза, а ныне послушал, почитал и подивился любомудрию, краснопевности его русской лирики. Дай, Боже, многая лета, многая здравия Борису Васильевичу, и поклон ему, председателю Союза писателей Кузбасса, за то, что его заботами и хлопотами столь торжественно и художественно прошли вечера в честь семидесятилетия журнала «Огни Кузбасса».

На своём писательскому веку изрядно повидал я губернских литературных фестивалей, и светлых, и смутных, а нынешний кузбасский вышел ярким, истинно творческим, чётко слаженным, за что мой байкальский поклон кемеровскому Дому литераторов, Союзу писателей Кузбасса и журналу «Огни Кузбасса».

Главный редактор Иркутского литературного журнала «Сибирь»
Анатолий БАЙБОРОДИН

МОГУЧАЯ ЭНЕРГЕТИКА КРАЯ

В Монголии в доисторическое время были джунгли. Динозавры, обитавшие в них, ныне представляют собой единственное на земле кладбище драгоценных останков, за которыми охотятся участники научных экспедиций. Позднее климат на планете резко изменился, и теперь верится с трудом в соседство с нашими территориями столь экстравагантных жителей, которых, кроме как среди экспонатов московского музея Дарвина, негде лицезреть.

Но есть, есть! Ещё очень убедительный факт достоверности нашего с динозаврами соседства. Залежи и пласты угля в Кузбассе, добыча которого позволила нашему государству превратить регион в мощный индустриальный центр России. Нам, строителям Запсиба, в 60-е годы посчастливилось в этом участвовать. Похоже, космическая энергетика в этих краях действует до сих пор. Не только шахтёрам, строителям и металлургам, но и писателям, художникам и музыкантам присуща чрезвычайная активность и – самое главное! – высокая результативность.

Словом, ничего удивительного, что литературный журнал «Огни Кузбасса» встречает 70-летие в полном расцвете. Его редколлегия во главе с главным редактором Сергеем Лаврентьевичем Донбаем и многочисленные авторы прекрасно сочетают остроту современных проблем с художественным совершенством в прозе и в поэзии.

И какое счастье быть причастной замечательному коллективу популярного сибирского издания!

Новых смелых замыслов вам, друзья, в «Огнях Кузбасса». Пусть журнал освещает народу дорогу в достойное для страны будущее.

Руслана ЛЯШЕВА,
прозаик, критик, г. Москва

ФАНТАЗИИ В КРАСКАХ

Конкурс изобразительного творчества «Театр – страна чудес», в котором приняли участие 196 юных художников-кемеровчан от 5 до 16 лет, посвящён Году театра.

Подготовили талантливых ребят 39 преподавателей школ искусств города Кемерово.

Интересно было увидеть, как дети художественных школ города представляют себе сценическую и закулисную жизнь. Как они фантазируют в красках на тему «Театр».

Весь мир – театр
Екатерина Крупейченко, 14 лет
Преподаватель Ж. Д. Крупейченко, МБОУДО «ДШИ № 45»

Портрет сценариста
Полина Бочкарева, 13 лет
Преподаватель Н. В. Асанова
МАОУДО «ДШИ № 46»

Лицедеи
Юлиана Кочергина, 17 лет
Преподаватель И. Д. Белокриницкая
МАОУДО «ДХШ № 19»

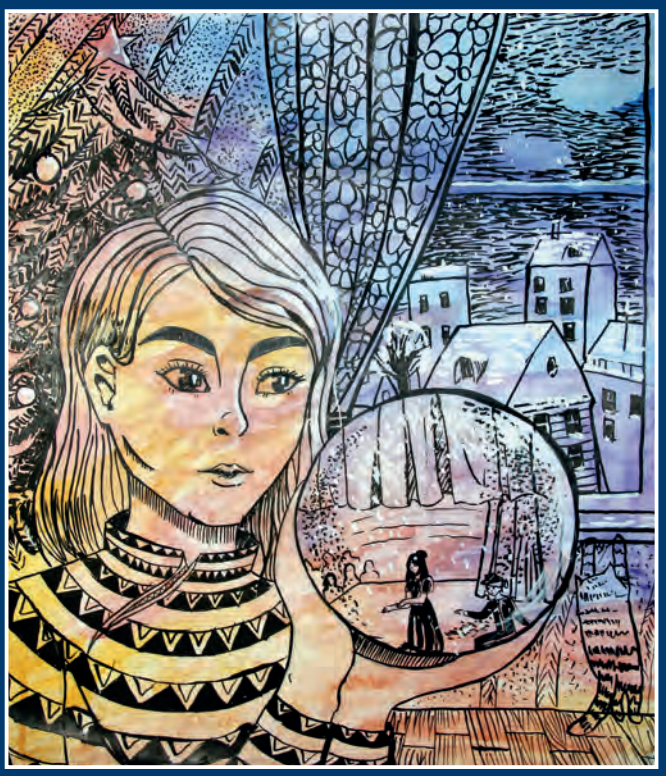
Деревенское представление
Анастасия Давыдович, 10 лет
Преподаватель М. Е. Никандрова
МАОУДО «ДХШ № 19»

Анри де Тулуз Лотрек пишет афишу
Егор Кореньков, 15 лет
Преподаватель Ж. В. Горюткина
МАОУДО «ЦДШИ»

Уильям Шекспир в театре «Глобус»
Виктория Мальцева, 14 лет
Преподаватель Ж. В. Горюткина
МАОУДО «ЦДШИ»

Театр на ладонях
Алиса Любимова, 11 лет
Преподаватель Н. Н. Горшкова
МБОУДО «ДШИ № 50»

Юная мастерица
Алина Чичина, 12 лет
Преподаватель Н. Н. Горшкова, МБОУДО «ДШИ № 50»

Актриса
Александра Злобина, 14 лет
Преподаватель А. Ю. Волкова, МАОУДО «ДХШ № 19»

Виктор ШАБАЛИН

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЯЗЫК ДАЛЯ

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все чрез Него начало быть,
и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Св. Евангелие от Иоанна

В жизни отдельного человека и в существовании общества в целом большую роль играют устойчивые мнения, так называемые стереотипы. Довольно часто сложившиеся стереотипы играют отрицательную роль, так как нередко посылки, на которых они основаны, ложны. Например, когда говорят о бесконечности Вселенной, человек непременно представляет далёкие звёзды, галактики, громадные расстояния, чёрные дыры. Всё это, конечно, верно, но тем не менее этот распространённый стереотип мешает нам повнимательней посмотреть внутрь себя и вокруг себя. Неточность здесь содержится в том, что каждый отдельный индивид есть тоже своеобразная вселенная, для изучения которой не надо никуда летать, зачарованно рассматривать звёзды – вселенная гораздо ближе. Она, по сути, сконцентрирована в человеческой голове, точнее – в коре головного мозга, этом удивительном продукте многомиллионнолетней эволюции.

Случайное это совпадение или нет, но миллиарды людей кормит тоненькая земная кора, точно так же как отдельному индивиду удаётся выжить, тоже благодаря его индивидуальной маленькой коре.

Да и любое дерево неминуемо гибнет, лишаясь коры. Вот так мы и пришли к одному из предметов нашего разговора: к слову вообще и к слову «кора» в частности.

Тайны человеческого сознания едва ли будут когда-нибудь раскрыты, как и многие другие тайны Вселенной, но оставим это психологам и обратимся к исследованию такого явления, как наш повседневный разговорный язык. Русский язык. Существует точка зрения, что точного количества слов-понятий (лексем) в русском языке подсчитать невозможно (как и число звёзд на небе). Есть предположения, что их около миллиона. В словаре языка Пушкина 24 тысячи слов – это очень высокий результат. Словарный запас среднестатистического россиянина колеблется в районе 3–5 тысяч слов. Этого вполне достаточно, чтобы жить и общаться. В лексиконе людей наподобие Эллочки Щукиной* (а таких людей становится всё больше) всего несколько сотен слов. Что же всё это означает? В принципе всё просто. Слова, сложенные в речь, суть не только и не столько звуковые волны, несущие определённую семантику (смысл), они суть материальное выражение невидимой, тайной работы мозга, в том числе и на подсознательном уровне. Другими словами, никаких иных показателей работы интеллекта, кроме речи, просто не существует, учитывая, что речь может быть записана разными способами. Сказка Киплинга о Маугли весьма опасна своей абсолютной недостоверностью: мальчик, выращенный волками, никогда не слышавший в раннем детстве слов, уже ни при каких обстоятельствах не сможет ни говорить, ни думать, это просто животное, а в силу отсутствия когтей и зубов оно обречено на гибель. Вывод: разделять речь человека и его интеллект и рассматривать их как нечто существующее одно без другого – абсурд. С таким же успехом можно попытаться работать на компьютере с выключенным монитором.

Эта мысль очень проста и лежит на поверхности, но есть множество людей, которые её оспорят, ведь мало кто умеет хорошо говорить. Получается, что мало кто умеет думать, а дураком себя считать не хочет никто. Отсюда спасительная, но насквозь лживая формулировка, которую мы часто слышим и от детей и от взрослых: «Мы понимаем, но сказать не можем». К несчастью, такого не бывает. Если человек не может сказать, значит, не понимает. Когда поймёт, сразу и скажет. Представьте строителя, который говорит: «У меня нет кирпичей, но я всё равно буду складывать стену». Беда последних поколений школьников как раз и заключается в том, что у них оказалось очень мало словкирпичей, здание их речи (а значит, и сознания)

* Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Словарный запас Эллочки Щукиной состоял из 30 слов и междометий.

строить, по сути, не из чего. Выяснить, почему и как это произошло, вот цель данной работы.

Какие процессы происходили на протяжении XX века в разговорном и литературном языке, что происходит с языком сегодня, как эти процессы влияют на развитие детского сознания, почему в информационный век всё меньше информации откладывается в коре головного мозга, как и из каких элементов складывается словарный запас – вот вопросы, над которыми хотелось бы поразмышлять.

Попробуем опровергнуть ещё один стереотип: «Иностранные языки нужно изучать, а русский – так как он родной – сам собой изучится». Весьма опасное заблуждение. Русскому языку, как утверждают некоторые исследователи, грозит опасность. Но она не только в том, что язык засоряется множеством неоправданных заимствований. Главная беда (используем здесь термин Л. Н. Гумилёва) – это «упрощение системы». Ибо чем сложней система, тем она устойчивей. И ещё: если сравнить язык с океаном, необъятным и бурным, живущим по своим собственным законам, то все мы, носители языка, – это родники, речушки, реки, озёрца, тающие ледники. Одним словом, вся та вода, которая течёт сверху вниз и неминуемо пополняет океан.

При определённых условиях реки могут пересохнуть, озёрца завалят хламом, родники исчезнут, и едва ли океан от этого выиграет – он начнёт усыхать.

Разговор о проблемах оскудения русского языка следует начать с эпохи социальных катаклизмов – революций 1917 года.

Одной из особенностей советской власти было широкое наступление на язык Даля. Так для краткости мы будем называть язык, сложившийся к XIX веку. Большевики начали создавать псевдоязык, с помощью которого намеревались привить народу свою весьма сомнительную идеологию. А ведь язык – это один из краеугольных камней этноса. Убей язык – и ты убьёшь народ. Излюбленные приёмы коверканья языка новой элитой – широкое распространение чудовищных аббревиатур и слов, составленных из частей основ. Так сказать, слова-обрубки. Медленная степенная речь русского пахаря-хозяина претила новым хозяевам России. Они все куда-то бешено спешили и рубили язык по живому, по сути, обособляясь от народа, который в массе своей язык верхов не принимал и презирал. Но молодёжь впитывала.

Не прошло и пяти лет после революции, как Сергей Есенин с болью писал:

С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

Интересно, что должен делать поэт, вокруг которого звучат слова-мутанты, слова-калеки: «наркомпрос», «пролеткульт», «нэпман», «совдеп», «РСДРП(б)», «ГОЭЛРО», «ВЧК», которые вторглись на его, поэта, территорию, то есть в язык. Собственно, то, что он и делал: пил, дебоширил и в итоге убил себя. Жизнь расставила точки над «и»: Есенина многие помнят и стихи его знают, имя же Демьяна Бедного навсегда кануло в лету вместе с советизмами.

С другой стороны, множество слов перешли в разряд анахронизмов: никто уже не называл женщину «сударыня»; у россиян-мужчин до сих пор нет слова, которым можно окликнуть незнакомую девушку или женщину. У всех народов есть, а у нас, как будто мы варвары, нет. Ушло множество понятий, связанных с религией: «радуница», «богоявление», «крестный ход»; только в книгах остались слова «земство», «губерния», уже никто никого не называл «ваше превосходительство», «ваше сиятельство». В обращении людей друг к другу остались лишь безликое «товарищ» и слово «гражданин», получившее при советской власти зловещую окраску: все уголовные и политические преступники были «гражданами» и только так они могли называть своих тюремщиков: «гражданин начальник». Невероятное перерождение смысла: слово, всегда несущее в себе патриотический пафос («гражданин Минин», к примеру), превратилось в свой антипод – в обозначение ЗК и их охранников. В России до сих пор не любят это слово.

Одной из важнейших целей советской власти было затуманивание сознания при помощи особой всеобъемлющей демагогии. В соответствии с ней большая часть населения России (то есть крестьянство) считалась тёмной, невежествен-

* Стихотворение С. А. Есенина «Русь советская».

ной массой, а Россия была безграмотной страной. Этот насквозь лживый миф до сих пор бытует в общественном сознании и даже в школьных учебниках. Ещё учась в 10-м классе, автор этих строк недоумевал над логической несостыковкой: как могло случиться, что в «отсталой» стране появились учёные, давшие импульс развитию всей мировой науки XX века? Очевидно, что Лобачевский и Менделеев подготовили почву Эйнштейну, Циолковский был предтечей Королёва и Брауна, а Попов (не важен приоритет, Попов был первым или Маркони – не в этом суть) и его итальянский коллега стояли у истоков современной грандиозной системы связи. Эту логическую проблему можно разрешить только одним способом: исключить ложную посылку. Так что ни «отсталой», ни «тёмной» Россия не могла быть, просто она всегда обладала невероятным перепадом уровней: от Пушкина до «ныне дикого» тунгуса. Впрочем, и «дикий» тунгус велик уже тем, что умеет выжить в таких климатических условиях, в которых любой европеец, кроме финна, не выдержит и дня. А если говорить серьёзно, то уровень церковноприходской школы для крестьян, пожалуй, был не намного ниже современной девятилетки. Один факт изучения Библии – сложнейшей философской книги – чего стоит. Преимущество церковной школы в том, что маленький человек сначала получает целостную картину бытия и постигает язык, впитывая мораль, а уже потом в этот более или менее сформированный свой маленький мир размещает все остальные знания. При этом суть дела не в истинности или ложности версии сотворения мира Богом, а именно в целостности картины и в формировании нравственного императива. В советской же школе читали: «Мама мыла раму» – и мерили скорость чтения. Типичный отрыв формы от содержания, так как читать быстро, не понимая, – это то же, что быстро скосить пшеницу и бросить её гнить на поле под осенние дожди, что, кстати, и делалось частенько в советских колхозах и совхозах. Думается, миф об отсталости и безграмотности России в начале XX века давно пора отбросить, точно так же, как и миф о ликбезе. Настоящая безграмотность пришла как раз при советской власти: во-первых, потому что ликвидировали не безграмотность, ликвидировали или изгоняли из страны людей – носителей этой самой грамотности, а во-вторых, борьба с религией отбросила общество на дохристианский уровень. Ситуация доходила до абсурда: подавляющее большинство советских людей, получивших высшее образование, ни разу не открывали самую читаемую на земном шаре книгу (то есть Библию), тиражи которой составляют сотни миллионов экземпляров. Мало того, люди, получившие дипломы о высшем образовании, не владели ни одним иностранным языком, не знали всерьёз ни латынь, ни греческий язык. А. И. Солженицын совершенно справедливо назвал советскую интеллигенцию «образованщиной» – и обижаться на это не нужно, это факт. На Западе наши дипломы не признают до сих пор, и их можно понять. Проблема заключается ещё и в том, что язык, «слово божие» от религии отделить трудно, весь язык пронизан библейскими оборотами, словно пласт дёрна корнями. Многие современные люди этого даже и не подозревают и не могут ответить на вопрос, откуда взялись фразы: «не хлебом единым жив человек», «глас вопиющего в пустыне», «око за око», «окаянный человек», «не судите, да не судимы будете». Но даже так, в некоей замаскированной форме, через оставшиеся в языке понятия и фразеологизмы религиозные нравственные нормы воздействовали на сознание советского человека, тем более что «кодекс строителя коммунизма» был списан с библейских заповедей. Получается, что, отринув внешние стороны христианства, разрушив храмы, расправившись со священнослужителями, новая власть оказалась не в состоянии справиться со внутренним духовным воздействием религии и начала приспосабливаться. Например, в ходе страшной войны в 1943 году Сталин вернул церкви некоторые утраченные ею позиции. Это можно объяснить ещё и тем, что, потеряв в первые два года войны солдат 1917–1924 года рождения, советское государство призвало в армию резервистов, рождённых в 1900–1917 годах, которые были по своему воспитанию религиозными людьми. Они и разгромили Германию.

Советскую школу отделили от церкви, преподнеся это как великое завоевание революции, и превратили в учреждение, в котором механистическим путём пытались вложить в ум детей некую информацию, в основном политического характера, не дав в начале пути целостную картину мира. Причём отщипнув верхушки у множества предметов и напичкав учебники идеологической галиматьёй. От деградации Россию тогда спасли старые учителя из царских гимназий, которые вели занятия по старинке.

Невосполнимые потери понесло российское крестьянство – основной носитель и творец языка – во время Гражданской войны (количество жертв которой не будет установлено уже никогда) и, конечно, коллективизации, когда были раскулачены, высланы и, по сути, уничтожены наиболее грамотные и хозяйственные крестьяне, которым навесили ярлык «кулаки». Вместе с ними ушёл в небытие целый пласт слов, связанных с бытом крестьянина-единоличника: слова, обозначающие составные части конской упряжи, элементы различных станков, названия многочисленных инструментов. Например, «просак» – движущаяся часть ткацкого станка, в которую было попадать нельзя – искалечишься. Хозяина сменил равнодушный раб, язык которого обеднел, ибо невольнику не надо много говорить. Советская власть, в сущности, сняла с народа сливки, смешала их с лагерной грязью и рьяно взялась сбивать масло из обрата.

А. П. Чехов на заре XX века, не ведая, какая участь ждёт Россию, писал: «Нужно по капле выдавливать из себя раба». Он не мог знать, что «век-волкодав» (Мандельштам) возродит рабство в таком размахе, что даже спустя сто лет его не выдавливать нужно будет по капле, а вымывать водами какой-нибудь великой реки; даже мутные потоки свободы 1990-х годов не смогли промыть авгиевы конюшни рабской психологии.

С точки зрения нашей темы важно то, что Гражданская война, коллективизация, а затем Великая Отечественная война унесли десятки миллионов носителей языка: как молодых, говоривших на советском новоязе, так и зрелых, предпочитавших язык Даля. Причём доля последних была значительно выше. Всё это имело определённые последствия для языка: он обеднел. В этой связи нужно отметить, что язык – это не только одна из опор этноса, это ещё и своеобразное зеркало, в котором отражаются малейшие изменения исторических судеб народа. Все явления бытия имеют свои названия. В сущности, язык сам по себе является ценным историческим источником.

С 1917 по 1956 год в местах заключения в СССР находилось несколько миллионов человек, которые получили свои немалые сроки за слова. Они сказали не те слова не при тех людях. Обширная, разветвлённая 58-я статья уголовного кодекса карала за речь. Получается, что именно язык стал последним форпостом утраченной свободы. Миллионы людей смели говорить то, что думали, и это было объявлено преступлением, за которое государство карало даже жёстче, чем за воровство и разбой. Но с языком справиться невозможно ни одному диктатору. Война с мыслью так же безнадёжна, как война с солнечным светом: волны мысли не удержит ни колючая проволока, ни железобетон. Самые достойные представители народов России боролись с жестоким режимом Словом, иногда сами этого не понимая, но были преданы и брошены в лагеря. Увы, это самая отвратительная черта тоталитарного режима: главной фигурой в нём становится доносчик, стукач, носитель иудина греха.

А. А. Зиновьев – выдающийся русский философ, автор серьёзных работ по логике и удивительной книги «Зияющие высоты», утверждал, что в СССР доносил каждый шестой. Если взять за основу эту цифру, то на 180-миллионный народ (в 1940–1950-е годы) приходилось 30 миллионов доносчиков. С учётом этого факта совсем по-другому звучит знаменитая фраза мужественной женщины, поэта Анны Андреевны Ахматовой, которая уже в период хрущёвской оттепели сказала: «Россия, которая сидела, и та, которая сажала, посмотрели в глаза друг другу». Ситуация не из лёгких: изуродованные физически, но не сломленные духовно «политические» взглянули в глаза своим доносчикам, для последних это были годы великого страха. Донос – явление языковое, и его следует подвергнуть анализу.

Смысловой основой доноса является не столько точная передача слов жертвы, сколько лживая интерпретация этих слов в соответствии с его, доносчика, внутренним миром. О. де Бальзак говорил по этому поводу очень точно: «Гнусное свойство карликовых душ приписывать своё духовное убожество другим». Поэтому слова жертвы доноса часто совершенно меняют свой смысл на противоположный. Донос очень часто выдаётся за «глас народа» – разумеется, доносчик стремится остаться неизвестным либо как-то замаскироваться. Если в тоталитарную эпоху никто особо не разбирался и просто арестовывал, то в наши дни доносы, имеющие вид жалоб, докладных и т. п., ставят выборные органы власти в очень сложное положение: бросить в корзину их нельзя, так как начальник обязан реагировать на жалобу, но и верить тоже нельзя, потому что, как правило, жертвы доноса – люди, либо известные своей честностью, либо талантливые, либо крупные налогоплательщики. Ведь

на человека незаметного, бедного, лишённого каких-либо талантов не доносят – что с него взять.

«Не болтай, а то пойдёшь в Алтай галок щупать» – этот фразеологизм я услышал в детстве от одной колоритной старушки и смеялся. Лет через сорок дошёл смысл: те, кто сказал что-то против власти, попадал в ссылку на Алтай и, голодая, ловил птиц, галок. И мне уже было не до смеха. Подобные масштабные преследования за иную речь и иной образ мысли в отличие от официально разрешённой имели место в Испании в эпоху инквизиции. Это очень грустная параллель, но великая Испанская империя рухнула, её не спасло ни золото инков, ни Непобедимая армада, ни 20 миллионов сожжённых на кострах еретиков. Испанцы, ещё до похода на Англию в 1588 году, назвали армаду кораблей «непобедимой» и были за это наказаны, советские люди в 1930-е годы пели про армию: «Непобедимая и легендарная», «Броня крепка и танки наши быстры» – и получили 1941 год. Из всех видов мистики, пожалуй, реальна лишь мистика языка. Наши предки это знали и говорили: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь». В действительности безудержная похвальба приводит к расслабленности, недооценке противника, а значит – и к поражению.

Особенностью любого развитого интеллекта является критическое осмысление информации. Мозг сверяет новое знание с данными, полученными ранее. Точно так же поступает, кстати, любая компьютерная антивирусная система (нетрудно понять, с чего «лепили» компьютер). Когда несоответствие становится вопиющим, вполне естественно, человек стремится разрешить противоречие и говорит о своих сомнениях окружающим, среди которых могут оказаться доносчики. Следовательно, подвергались репрессиям индивиды, обладающие критическим мышлением, то есть самые ценные для общества личности. Это можно назвать «противоестественным отбором». Язык воров (или «феня») стал известен образованным людям, посаженным по 58-й статье, и через них широко проник в общество. Преодолев внутреннее сопротивление, многие начали говорить на «фене» – так было проще выжить. С другой стороны, тысячи образованных людей, оказавшись в лагерях, сумели произвести неизгладимое впечатление на «обычных» преступников, некоторые из них позже признавались, что больше никогда в жизни не видели таких умных и стойких людей, нежели в заключении, и никогда уже нигде не узнают столько нового и интересного. При Сталине тюрьмы были настоящими университетами с отличным профессорским составом. Такой вот парадокс эпохи.

С помощью Юлиана Семёнова, известного русского писателя, автора знаменитых произведений о Штирлице, попробуем развенчать ещё один стереотип, возникший при советской власти и не изжитый до сих пор: «мягкотелая интеллигенция». Ю. Семёнов в одном из своих романов размышляет: «Интеллигенция по определению не может быть мягкотелой, потому что способна поступиться свободой и жизнью ради идеи, ради слова, то есть если «мягкотелый», значит – «не интеллигент». От себя могу добавить, что первым интеллигентом, который отдал своё тело на растерзание варварам, но не изменил своей идее, был Иисус. Тело, но не душу и не Слово. Потому и почитают его до сих пор.

В результате контактов русской интеллигенции и воров в лагерях в русском разговорном языке появился пласт слов, которые можно назвать криминализмами.

В речи современного школьника мы можем обнаружить значительное количество слов, пришедших из мест лишения свободы по следующим причинам.

Во-первых, сыграла свою роль «великая криминальная революция» (термин С. Говорухина) 1990-х годов, когда множество носителей блатного жаргона пошли в бизнес, а впоследствии легализовались. Их жаргон наложился на лексику воров 1930–1950-х годов и стал широко распространяться во всех слоях населения. Во-вторых, словечки, пришедшие из уголовного мира, для школьников овеяны некой романтикой, и часть учащихся не без гордости их использует, видимо, считая, что этим они поднимают свой авторитет. Приведём конкретные примеры из речи школьников.

На сегодняшний день наиболее популярным у детей является короткое словечко «лох». Данное слово вытеснило аналогичное по смыслу и распространённое до него слово «фраер». Значения лексемы: 1) игрок в карты, которого профессиональные игроки – шулеры завлекают в игру и обирают до нитки, 2) человек, не принадлежащий к воровскому миру, 3) жертва обмана, мошенничества, 4) в широком смысле – непрофессионал, дилетант. У Даля слово «лох» имеет два значения: или это лосось, который, выметав

икру, встаёт в омут и болеет, потеряв вес почти до половины; или это разиня, шалопай (в псковских говорах). Очевидно, что слово старое, оно просто изменило смысл – и то незначительно. Побороть тягу детей к нему можно только одним способом: рассказать значение детям, снять ореол загадочности, «приземлить» слово, и тогда потеряется интерес.

Сегодня дети знают слово «хавать», даже не понимая, что они говорят. У Даля нет этого слова – значит, оно возникло в XX веке в сталинских лагерях. Разгадка кроется в выражении «свиньи хавают» (не будем забывать, что свинью называют ещё хавроньей). Кто видел, как едят свиньи, тот знает, что они жадно хватают корм из корыта, попутно вытесняя конкурентов. Значит, «хавать» – это жадно и неопрятно, по-свински есть. Рецепт прост и здесь: дети не знают этого, они просто щеголяют модным словечком. Если они будут знать подноготную слова, мозг его начнёт блокировать. Вы не найдёте ни одного человека, который, к примеру, будет веселиться, услышав слово «Беслан», если он знает, что оно означает.

Довольно любопытна этимология и сдвиги значения очень популярного у школьников жаргонного слова «палить», которое тоже пришло из мест лишения свободы. Оно означает «долго или внимательно смотреть на кого-то». «Что ты палишь», – говорит девочка мальчику, подразумевая, что ей это неприятно, так как слово имеет негативный оттенок. Мальчики, совершив что-то предосудительное, в том случае если их увидели за этим занятием взрослые, говорят «мы спалились» или «нас запалили». В прежние времена в такой ситуации говорили: «Нас застукали». На первый взгляд данная лексема связана со словом «палить» в значении «жечь», но это не так. Жаргонизм происходит от слова «пялить», то есть, по Далю, «растягивать, распинать, туго натягивать». Одно из значений слова «пялить глаза» – пучить, стойко, упорно смотреть на что-то. Так как чисто артикуляционно слово «палить» произнести проще, чем «пялить», смягчение ушло и вместо звука «йа» появился звук «а», а ударение сместилось на последний слог, как в слове «палить» в смысле «жечь». Вскрыв перед детьми происхождение данного слова, можно обратить внимание на то, что в слове «пялить» корень тот же, что и в слове «распинать», то есть подвергать человека мучительной казни. Возможно, такая ассоциация создаст в сознании некий барьер и слово выйдет из обихода.

Механизм очищения речи школьников от весьма неприятных слов в целом ясен: чтобы победить недуг, его, как вы понимаете, следует изучить. По моему глубокому убеждению, русский язык достаточно богат на слова и нет никакого резона позволять нашим детям говорить на языке урок.

Нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием и очень широко распространённое слово «типа», которое является не столько криминализмом, сколько относится к молодёжному сленгу. Это слово очень точно обозначает некое социальное явление, которое в последние годы развилось и укрепилось, а именно: замена реального дела его имитацией. Такая замена была охарактеризована в книге Зиновьева, то есть у данной проблемы достаточно глубокие традиции. По смыслу слово «типа» означает «якобы», «как бы» – кстати, именно последнее словосочетание оно в последнее время и заменило. Лет 15 назад «как бы» имело распространение даже в образованной среде, активно паразитируя в речи. Приведём пример: учащийся во время мониторинга, экзамена и т. п. сумел воспользоваться мобильным телефоном, добыл ответы в интернете и на вопрос сверстника: «Сдал?» – отвечает: «Типа сдал». Всем понятно, что сдал, но нечестно. Учитель, материально заинтересованный в том, чтобы дети сдали как можно лучше, мог видеть, что дети списывают, но промолчать. Потом он скажет коллегам: «Типа хорошо сдали». Подобная картина наблюдалась и 30–40 лет назад в институтах, когда множество студентов сдавали экзамен по шпаргалкам, и преподаватели не могли этого не видеть, скорее не хотели лишних хлопот. В наше время степень безнравственности углубляется: некоторые дети, «типа сдав», претендуют на «хорошо» и «отлично», а некоторые учителя им в этом потворствуют.

Замена дела его имитацией – чрезвычайно острая социальная проблема, приводящая к несчастьям. На дорогах страны каждый год гибнет 30 тысяч молодых здоровых людей и ещё 200 тысяч становятся инвалидами по одной простой причине: сначала сдают теорию по тестовой системе, о недостатках которой скажем ниже, а затем – вождение, некую имитацию экзамена. Подавляющее большинство молодых мужчин и женщин, получая права, совершенно

не умеют ездить, они учатся уже в «боевых» условиях, и часть гибнет, так и не научившись.

Не будем также забывать, что жаргонизмы, вытесняя из речи обычные слова, оказывают влияние на сознание, делают его таким же примитивным: в голове одни жаргонизмы, а в текстах учебников их нет, поэтому жалоба «мы читали, но ничего не поняли» раздаётся из уст детей очень часто. Типичным становится «ответ» такого плана: «Ну, типа, короче, они бомбили монголов». Слова – паразиты, местоимения, неточное употребление слова «бомбили» – вот и весь ответ. Смешение эпох в головах подростков поразительное, им невдомёк, что «бомбить», то есть забрасывать бомбами с самолётов – в XX веке, а монголы были разбиты русскими на Куликовом поле с помощью холодного оружия в XIV веке. Современный подросток, вооружённый невиданными ранее возможностями добывать любую информацию, порой не знает таких вещей, что становится похож на инопланетянина. Ребёнок живёт сиюминутными интересами, в маленьком узеньком мирке, часто ограниченном спортзалом по вечерам и социальными сетями во всё остальное время, к детским рукам прикованы мобильники. В сетях дети обмениваются некими фразами и рассматривают фотографии. Человека моего поколения и уровня начитанности в таких сетях охватывает смертная скука. Дети сидят в сетях часами – и им интересно. Анализ этих фактов приводит к довольно тяжёлой мысли – у нас на глазах формируется новый этнос, совсем другой народ, для которого все ценности предыдущих поколений не имеют никакого значения, то есть в точности повторяется ситуация разрыва эпох, как и в 20-е годы XX века. Если бы при этом дети владели словом, блестяще разбирались в сложной электронике, проявляли эрудицию – но нет: в сетях, в статусах мы видим то же убогое косноязычие, приправленное жаргоном и матом – интернет всё стерпит. Одна из причин данной ситуации, как ни странно, это легкодоступность информации. Ребёнок думает, что ему не нужно ничего знать самому, так как в любой момент за несколько секунд он узнает ответ. У него возникает иллюзия всезнания. На самом же деле мозг ребёнка – это как бы флешкарта с небольшим количеством собственной информации, подключённая к серверу, и самостоятельно она функционировать не может. Такая информационная беспомощность, зависимость от внешнего «большого мозга» сродни обыкновенному рабству. Нынешний школьник – невольник компьютерных систем.

Эпоха войн, лагерей, великих строек ознаменовалась широким расползанием по языку всех социальных слоёв ненормативной лексики – мата. Из среды рабочего класса, где эта лексика использовалась наиболее активно, в 1960–1980-е годы она перекочевала в речь интеллигенции. Причина этого явления, скорее всего, в том, что в обществе росли протестные настроения, официальная пропаганда настолько раздражала мыслящих людей, что они «выпускали пар» таким способом, что, впрочем, не делало им чести. Таким образом, можно говорить о вульгаризации сознания и речи, а слова эти логично называть вульгаризмами.

Маргинализация, обнищание населения в 1990-е годы вызвала беспрецедентное развитие сквернословия даже среди женщин. Если сорок лет назад мужчины не решались переходить на мат в присутствии прекрасного пола, то в последние двадцать лет мат превратился, по сути, в разговорный язык как мужчин, так и женщин, не говоря уже о детях. Дети используют нецензурные слова, самоутверждаясь среди сверстников, копируя взрослых, а также используют данную лексику в качестве защиты. В принципе любое ругательство – это способ защиты от агрессии. Безобидное насекомое божья коровка, чувствуя опасность, выпускает неприятно пахнущую жидкость, ёж сворачивается в клубок, собака показывает зубы, человек же (и взрослый, и ребёнок) по-своему оскаливает зубы – в ответ на угрозы он матерится. С матом ничего нельзя сделать, пока не будет умалена степень агрессии в современном обществе. Мат – последняя ступень перед применением кулака и, кроме того, ещё и причина, по которой кулак будет пущен в ход. Оскорблённое самолюбие спорящих нарастает как снежный ком: чем грязнее ругательства, тем ближе развязка через насилие. Откуда же столько агрессии у детей, которые (особенно в начальной школе) всю перемену могут изощрённо оскорблять друг друга, даже и всерьёз ударить? Ответ очевиден: от нас, уважаемые взрослые, дети по-своему нас копируют. Одна из причин агрессии во взрослых – огромный разброс доходов между разными группами населения, сложившийся в последние 20 лет, и сопутствующая этому явлению отчаянная бедность одних и показная роскошь других. Наше общество только начинает к этому привыкать, и очень немногие

осознают, что это нормально. Ненормальным в этой ситуации, конечно, является факт незаконного обогащения, коррупция, моральная нечистоплотность некоторых богатых людей, но это уже другой вопрос. И всё же люди в свободном обществе не могут жить одинаково: у одних больше силы, таланта, знаний, желания рисковать, а у других меньше. Те, кто этого не понимает, находясь всё ещё в плену уравнительной коммунистической психологии, завидуют и ненавидят, вымещают свою злобу на близких, в том числе на детях. Давно замечено: чем никчёмнее человек, тем выше его амбиции и смертоноснее его накал ненависти ко всем тем, кто добрее, богаче, удачливее, трезвее его, наконец. Многолетние наблюдения за жизнью села свидетельствуют: на грани нищеты и в бедности живут молодые семьи, семьи, недавно переехавшие из других мест, матери-одиночки, не имеющие образования, пьющие семьи, пьющие матери-одиночки, пьющие одинокие мужчины. Пьющие – значит бессильные, неспособные работать. Семьи, в которых не пьют или пьют в меру, прожившие в селе от 10 до 30 лет и более, не живут в бедности и такой агрессии почти не проявляют. Опытному учителю, к примеру, не нужно смотреть на родителей мальчика, который жестоко бьёт сверстников, он знает, что они собой представляют внутренне, вот оно, их зеркало, перед нами. Тут два варианта: либо в семье нищета в сочетании с пьянством, либо ребёнок пресыщен и избалован.

Вторая серьёзная причина роста агрессивности – позиция средств массовой информации, которые ради прибыли идут на поводу у самых низменных человеческих качеств, а именно: в массе своей людям нравятся со времён гладиаторских боёв смотреть фильмы и читать книги, главным нервом которых является насилие. Компьютерные игры грешат тем же. У виртуальных героев много жизней, но у детей, которые днями играют в «стрелялки», жизнь одна: бездарно потраченное время не вернуть, гонки на электронных машинках – это езда в никуда. Вот доводы, которые мы, взрослые, должны ежедневно внушать детям. Если же мы смотрим на это сквозь пальцы, руководствуясь соображениями: ребёнок занят, сидит тихо, а мы займёмся своими делами, то это значит, что судьба собственных детей нас не интересует. У человека, имеющего детей, не может быть «своих дел», более важных, чем его сын или дочь. Ребёнка нет нужды «воспитывать». В нашем обществе под этим словом всегда понимают либо нравоучительные беседы, либо некие мероприятия, это всё пришло к нам из советской эпохи, когда даже лагеря называли исправительно-воспитательными учреждениями. Подобный примитивный подход давно пора пересмотреть. Ребёнка (при всём уважении к слову) воспитывает не столько слово, сколько образ жизни людей его ближнего окружения. Как только слова входят в противоречие с делами, то есть возникает ситуация лжи, ребёнок убеждается, к своему ужасу, что его любимые люди – ханжи и лицемеры, а значит, либо он начинает отстаивать пред ними свою правду, либо его лицо постепенно превращается в личину. Второе страшнее. Выводы из этих рассуждений просты: родители, дети которых замечены в проявлениях агрессии, использовании ужасных ругательств, курении, пьянстве, невежестве не просто «недосмотрели», они сами неправильно живут, и если они желают спасти своих детей, им нужно в корне поменять собственный образ жизни в соответствии с общеизвестными моральными нормами, которые, как справедливо заметил А. А. Зиновьев, «тривиальны по смыслу, но безумно трудны по исполнению»*. Таким образом, мало сказать правильное слово – нужно, чтобы оно всегда соответствовало делу. Ещё Рене Декарт утверждал, что «истина – это соответствие мысли предмету». Слово в нашем понимании – это мысль, выраженная в материальной форме, то есть речь, предмет – это вся наша действительность, с присущими ей противоречиями. Дети наши, не по своей вине нахватавшиеся блатного жаргона, по-своему и предельно лаконично могут выразить эту мысль Декарта: «Следи за базаром».

Сегодня, кроме всего прочего, мы пожинаем плоды атеизма. Человеку, который никогда не открывал Библию, сложно объяснить, что такое милосердие и почему не следует оскорблять ближнего. Атеисту (и ребёнку, и взрослому) неведомо, что за все сотворённые им безобразия (грехи) в конечном итоге придётся отвечать – и отвечать при жизни. Пьющий с малолетства сопьётся и погибнет молодым; распускающий кулаки со временем сядет в тюрьму и сгинет от туберкулёза; говорящий плохо о чужих детях останется без детей или внуков; завидующий чужому богатству потеряет последнее, что имел. Эти ситуации не выдуманы, а взяты из жизни. Можно признавать или отвергать наличие неких

* *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты.

сверхъестественных сил, следящих за всеобщей справедливостью, но трудно опровергнуть мысль: «наказание человека в нём самом». Возражения на этот тезис: «множество подлых людей, которые умерли богатыми и счастливыми» несерьёзны, так как их жизнь, лишённая моральных принципов, может, и закончится удачно, но непременно ударит по их детям и внукам.

Человечество уже две тысячи лет знает, что злоба, ненависть, зависть, гордыня – всё это смертные грехи, потому что в первую очередь эти черты в человеке стремительно разрушают его самого как духовно, так и физически, то есть агрессивный человек – прежде всего самоубийца. Многие из нас в своём духовном одичании дошли до того, что не только гордятся своими пороками как некими достижениями, но и при виде чужой беды, катастрофы, преступления, вместо того чтобы помочь, стремятся снять всё это на видео с помощью мобильного телефона и показать в сети другим нравственным калекам, которые весь этот кошмар смотрят и делают «оценки». Вот уж действительно дьявольская смесь безнравственности и высоких технологий.

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы. Под воздействием серьёзных социальных сдвигов, таких как революции, войны, массовые репрессии, в русском разговорном языке появились тенденции, ведущие к упрощению системы, а значит, к примитивизации. Разумеется, это не могло не сказаться на состоянии сознания носителей языка. В последние годы тенденции усилились. Рост агрессии в результате дифференциации уровня доходов, пропаганды насилия в СМИ, отсутствия религиозных сдержек, алкоголизации ведёт к популяризации ненормативной и жаргонной лексики, которая в свою очередь снижает сознание человека до первобытного уровня. Речь и сознание ребёнка формируется в его ближнем окружении: если среди взрослых в этом окружении царят безнравственность, пьянство, лицемерие и равнодушие, мы не вправе требовать от него чего-то иного, пока не изменимся сами.

В начале 1990-х годов вместе с советской властью рухнула грандиозная коммунистическая пропагандистская система и из языка начали уходить советизмы. Средства массовой информации перестали подвергаться цензуре. С одной стороны, это великое завоевание нового демократического режима, но, как выяснилось впоследствии, у этой медали был и оборот. Если до 1991 года в эфир выходил диктор центрального или регионального телевидения, то он строго придерживался норм орфоэпии, отслеживались даже ударения. После 1991 года наряду с речью молодых талантливых журналистов, которые говорили, обходясь без бумажки (что поначалу просто потрясало зрителей), в эфире всё чаще стали звучать фразы, находящиеся за пределами норм литературного языка. Наибольшее количество подобных словопостроений приходилось на рекламу. Причём создаётся впечатление, что нормы языка нарушаются сознательно, из соображений, что «нам дозволено всё». Если взрослые люди рекламу избегают, то дети впитывают её как губка, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Приведём примеры. В русском языке не могут появиться фразы «самый шоколадный», «самый фруктовый», «самый сырный», так как относительные прилагательные не могут иметь превосходную степень. Если мы дойдём до логического конца в этом вопросе, то придётся позволить существование таких словосочетаний: «этот покойник мертвее, чем тот», «эта женщина более беременна, нежели эта», «данное полено осиновее, чем другое». Абсурдные фразы о самом шоколадном шоколаде застревают в детских головах навсегда. Возникает ошибочный алгоритм: слова, похожие на «фруктовый», «шоколадный», могут сочетаться со словами «очень», «самый», «более». Никто ведь всерьёз, кроме специалистов, в реальной жизни не помнит о частях речи и правилах, люди в массе своей говорят, как все, поэтому те, кто вещает на многомиллионную аудиторию, несут ответственность за одичание зрителя. В школе это называется просто: единый речевой режим. Почему бы телевидению его не придерживаться? Свобода (в том числе и свобода слова) никогда не предполагает вседозволенности: когда отдельный человек или общество в целом начинает вести себя так, как ему вздумается, автоматически очень скоро начинается рабство. И чем выше был размах вакханалии, тем глубже степень порабощения.

Речь, построенная вкривь и вкось, в устах людей, перед которыми стоят телекамеры, превращает их в рабов невежественной толпы. Публичный человек должен быть выше толпы и пытаться тянуть её вверх, а не лететь вместе с нею в бездну.

Реклама – вещь, безусловно, необходимая, с этим фактом спорить незачем. Сила рекламы –

в ежечасном повторении одних и тех же фраз и видеоряда. Рекламные слоганы, хотим мы этого или нет, прочно запоминаются. Собственно говоря, и школа занимается тем же, не зря говорят: «Повторенье – мать ученья». Если изо дня в день ребёнку говорить одно и то же, он всё же запомнит. Другое дело, что времени на это повторение нет. Школьная программа устроена так, что по темам приходится нестись галопом. Мы «проходим» одно за другим и, как правило, проходим мимо.

При советской власти не было рекламы товаров, но существовала отлично отлаженная система политической рекламы. Всё, что связано с революцией, биографией Ленина, Гражданской войной, победой над фашизмом, достижениями социализма, повторялось бесконечное количество раз по телевидению, радио, в газетах, журналах, текстах упражнений по русскому и иностранному языкам, учебниках гуманитарного цикла, книгах, спектаклях, на классных часах.

Цель этого всего была чисто пропагандистская, но результат выходил за эти рамки: дети и взрослые гораздо лучше знали историю, особенно XX века, литературу (определённой тематики), географию. Однажды на уроке в шестом классе при изучении темы «Невская битва 1240 года» я попутно спросил учащихся: «Какой город сейчас стоит на Неве?» – и поставил всех в тупик. Представьте себе, они это ещё не проходили. В головах 12–13-летних подростков отсутствует целый пласт информации. Они не знают о существовании второго по величине города России, Санкт-Петербурга, бывшей столицы, детища Петра, культурного центра, порта, «колыбели революции» наконец. В 1970-е годы любой пятилетний ребёнок легко бы ответил на такой вопрос.

Краеугольные камни этноса (народа): язык, религия, стереотип поведения, историческая память. В том списке не упомянута культура. И это неслучайно. Культура – явление надстроечное, полностью зависящее от фундамента, при вытаскивании хотя бы одного камня здание культуры рухнет. Яркое определение культуры дал Ф. Ницше: «Культура – тонкая яблочная кожура над раскалённым хаосом». Удивительно, но и в яблоке кора – самое главное, там все витамины; срезав кожуру с яблока, можно выбросить и всё остальное. Так поступил наш одураченный революционерами народ почти сто лет назад: взял и срезал с себя кожуру дворянской культуры – и наступил хаос, потом «народная власть» отхватила ещё пол-яблока. Вопрос: как страна выжила? Когда срезали, торопились, не заметили, оставили часть кожуры – вот и выжила. Уродливое яблоко получилось, покрытое шрамами, выбоинами, местами подгнившее, но живое. Угораздило же Ницше нам напророчить. Кстати, дворянство – это и есть олицетворение исторической памяти.

Продолжим разговор в этой плоскости: русский язык – один из краеугольных камней, и современная массовая культура, которую точнее было бы назвать псевдокультурой.

Приблизительно 8–10 тысяч лет назад возникла особая разновидность речи – ритмически организованная речь или стихи. Первыми поэтами, скорее всего, были служители религиозных культов, и это вполне естественно, потому что ритмически организованная речь обладает большим воздействием на слушателя. Чисто физиологически каждый человек живёт благодаря ритмическому биению его сердца. Природа, окружающая нас, устроена ритмически: смена времён года, смена дня и ночи. Поэтому ритм занимает в нашей жизни важное место.

Ритмическая речь лучше запоминается. По сути, тексты священных книг всех мировых религий написаны стихом. Стихи начали сопровождать музыкой, и возник такой культурный феномен, как песня. В новое и новейшее время песня вырвалась из-под сводов храмов на свободу, появилась опера, оперетта, городской романс, песня приобрела светский характер. В XX и XXI веках песня продолжает оказывать огромное влияние на эмоции и сознание человека, особенно молодого.

Песня – явление двуплановое. Во-первых, это языковое явление, во вторых, музыкальное. Нас интересует первое: какие языковые средства послужили для её создания. Даже поверхностный анализ современных популярных песен даёт ошеломляющий результат. Тексты подавляющего большинства современных популярных песен можно назвать стихотворением с большой долей условности.

Вот часть популярной песни «Ты далеко», которую поют Таисия Повалий и Николай Басков:

Я прошёл все дороги.
Я тебя искал так долго.
Ты холода и тревоги
Вдруг развеяла, и я цветы.
Только мне их подари…

Радует, что после этого, с позволения сказать, текста в интернете следуют комментарии: «Полный бред!» «Жаль, что мало таких гениальных певцов». «Бредятина какая-то». «Какие грибы себе втирал автор?». Согласимся с комментариями, но отметим, что какие бы грибы ни втирал себе автор вместе с исполнителями, песня звучит по радио и ТВ – значит, она была куплена слушателем. А если так, каков же уровень покупателя?

Еще один исполнитель – Ёлка в песне «Прованс» поёт следующее:

Уютное кафе на улицах с плетёной мебелью,
Где красное вино из местных погребов
больших Шато.
Ты можешь говорить, что это только
глупые мечты,
Но в планах у меня всё, видимо, немного круче.

Припев:

Ведь завтра в семь двадцать две я буду
в Борисполе
Сидеть в самолёте и думать о пилоте,
чтобы
Он хорошо взлетел и крайне удачно сел
Где-нибудь в Париже, а там ещё немного –
и Прованс.

Бордовый горизонт, бордовое Бордо в бокале,
Поверить не могу, что это всё уже так
близко.

Слово «Прованс» у любого мало-мальски грамотного человека ассоциируется прежде всего с известной всему миру блистательной поэзией трубадуров. Вот начало песни одного из них – Арнаута Даниэля:

Хочу, чтоб радость вам несла
Мелодия, что мне мила.
Слова я долго отбирал
Для мыслей и для чувств своих;
Их шлифовал, полировал,
Любовь позолотила их.
И песню я для той пою,
Что воскрешает жизнь мою.

Да, странное ощущение. Даниэль шлифовал слова своих стихотворений с 1180 по 1195 год, это XII век, то есть почти тысячу лет назад. Современный же молодой обыватель доволен песнями Ёлки и знает слово «Прованс», потому что есть такой майонез. Это уже не просто регресс, это пропасть.

Подведём итоги: данные песни нельзя рассматривать вне мелодий, так как слова совершенно абсурдны и не имеют ничего общего с поэзией. В них можно вообще обойтись без слов, как в песне «Фаина» группы «На-На», где два слога повторяются несколько сотен раз. Следовательно, слушателей не заботит содержание, а интересует лишь форма, то есть ритмичная электронная музыка, которая действует на психику примерно так же, как алкоголь, а значит – разрушительно (если, конечно, превышена дозировка). Ведь в малых дозах и тяжёлый рок может поднять мышечный тонус – а значит, принести пользу. С другой стороны, так как подобные песни слушают, ими восхищаются, на них тратят деньги, значит, эти песни постепенно входят во внутренний мир, менталитет юных слушателей. Налицо снижение эстетического порога, вкуса, упрощение системы. К счастью, не всех это устраивает. Примерно 10 лет назад часть нашей молодёжи довольно интересно прореагировала на засилье в песенном творчестве «песен без смысла» – стала слушать шансон. Несмотря на ярко выраженную уголовную подоплёку, в этих песнях был и смысл, и вполне приличный текст. Получается, что для российского менталитета «песня без слов» мало приемлема.

Бешеная популярность Григория Лепса в молодёжной среде в последние годы объясняется тем, что он сумел с такой самоотдачей и точным пониманием сути спеть песни Высоцкого в сопровождении электронной музыки, дал вторую жизнь стихам выдающегося поэта. С эстрады зазвучали настоящие стихи, и люди это оценили. Сила слова истинного поэта невероятна – когда Лепс поёт песни других авторов, он становится обычным певцом, уходит энергия выверенного точного слова. Такая ситуация наблюдается со многими певцами. Маша Распутина, исполняя песни на слова Леонида Дербенёва, талантливого поэта, достигла небывалой популярности, выплёскивая на зрителя энергию и свою, и его слова. Умер Дербенёв, равнозначной замены не нашлось, и певица, в сущности, сошла со сцены. Очевидно, она не желает петь «слабые» тексты – и её можно понять.

Довольно часто в песнях, написанных за последние 20 лет, проявляется открытая агрессия: «Я убью тебя, лодочник» (Профессор Лебединский), «Я тебя ненавижу» (Земфира), встречают-

ся и откровенные сексуальные притязания «Сим-Сим, откройся, Сим-Сим, отдайся» (А. Укупник). Взрослые, услышав подобное, пожмут плечами и забудут. Другое дело – дети. Они не понимают, что это гипербола, что на самом деле никто никого не убьёт, ведь их мышление конкретно. Рост агрессии и сексуальная распущенность у современного подростка отчасти обусловлены тем, что он слышит вокруг себя. Дело в том, что слух – важнейший канал информации для нашего мозга, и этот канал практически невозможно перекрыть. Если в вашем телевизоре погас экран, но остался звук, вы всё равно поймёте, о чём фильм, но если нет звука, то смотреть на немые картинки нет никакого смысла.

Позволю себе не согласиться с бытующей ныне в педагогике точкой зрения, согласно которой без наглядности, то есть картинки, учебный материал не может быть эффективно усвоен. Отчасти это так и есть, но без слова учителя вообще ничего не произойдёт, единственный эффект от презентаций, показанных детям в молчании, – это большие счета за напрасно сожжённое электричество. Ученик ходит в школу не затем, чтобы смотреть картинки и делать тесты, он идёт слушать учителя, он за Словом к нам приходит. А за словом скрыта внутренняя энергия говорящего, энергия его мысли. По мнению нашего выдающегося соотечественника академика Вернадского, «человеческий разум не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие». Действительно, одно и то же стихотворение, например, один человек прочитает так, что никто и глаз не поднимет, а другой в те же самые слова вложит такое, что слушатели оцепенеют. Именно этим – отсутствием или наличием энергии мысли в словах – объясняется тот факт, что дети не желают слушать слабые ответы друг друга, начинают шуметь на лекции какого-нибудь пожарного или полицейского. Дети очень хорошо понимают, кто тратит свою энергию на них, а кто бережёт себя, кто Учитель, а кто – случайный в этом деле человек. Только взрослые способны (да и то не все) часами слушать никому не нужный вздор. Дети – никогда. Как только учитель замолкает и нажимает на кнопку проектора, все они мгновенно начинают заниматься своими делами, некоторые из вежливости смотрят на экран и думают о своём. Что ж, они понимают: учитель устал, его энергия иссякла.

В последние 10 лет Слово было репрессировано в силу введения тестовой формы обучения и широкой компьютеризации, Слово загнано в подполье. Немногие учителя осмеливаются ныне отбросить всю эту вредную для дела новомодную чепуху и продолжают говорить, навлекая на себя обвинения в том, что не идут в ногу со временем, что им пора на отдых и так далее.

Однажды на курсах один важный пожилой лектор, рассказывая о компетентностном (о, этот педагогический новояз: это слово почти невозможно выговорить, потому что оно противоречит основному принципу русской графики: после буквы, обозначающей согласный звук, обязательно должна идти гласная, а здесь «..нтн..») подходе, сказал следующее: «После проведения опроса на традиционном уроке дети облегчённо вздыхают: все, мол, страхи позади, теперь учитель начнёт болтать, а мы – бездельничать». Лектор ошибся: учитель не болтает – он работает, потому что его непосредственная работа – общение с детьми. Это очень тяжёлая работа – говорить так, чтобы тебя слушали, и не каждому это дано. И слушать – это тоже тяжёлая работа, дети не могут выполнять её долго. Гораздо легче – «не болтать», то есть давать бесконечные самостоятельные работы, показывать скачанные из интернета картинки, заставлять делать тесты и прочее, и прочее. Учитель замолчал – его работа, собственно, кончилась, можно отдыхать.

Результат 10-летнего гонения на слово налицо: дети замолчали тоже.

Когда пришла мысль провести исследование языка современных детей, планировался сбор материала, стенограмм ответов детей. Но, внутренне похолодев, я понял, что стенографировать нечего, обратился к сестре, работающей в соседней школе, – результат тот же. Ответов нет. Чтобы довести работу до конца, придётся собирать по крупицам, анализировать слова детей, сказанные на переменах друг другу или в неформальной обстановке – учителю. И это не гипербола, это реальное положение дел (боюсь, что повсюду).

Тестовая система, введённая в России, сыграла большую роль в формировании школьного невежества, близкого к абсолютному. О том, что данная система способствовала изгнанию Слова из учебных кабинетов, уже говорилось, но это ещё не всё.

Во-первых, чтобы сделать тест, нужно прочитать вопрос, варианты ответов, понять прочитанное и сделать выбор. Вот тут и начинается самое интересное. Дети, пришедшие в 5-й класс,

как правило, читают так плохо, что вся их энергия уходит на процесс чтения, о понимании речь не идёт. И не учителя начальной школы виноваты в этом. Просто, чтобы читать хорошо, надо читать много. Дети же не читают совсем. Родители не могут их заставить читать, да и нельзя это сделать, потому что сами родители ничего не читают. Читать сейчас не принято. Человек, который не читает ничего, кроме учебников, имеет ничтожный словарный запас. Но и учебники читают единицы, а потом говорят: «Мы читали, но ничего не поняли». Вместо чтения современный школьник занимается компьютерными играми, смотрит фотографии в социальных сетях и там же сплетничает, набирая фразы, состоящие из жаргонизмов, ругательств, предлогов, союзов и обычных слов, написанных вне законов орфографии, а также праздно гуляет по вечерам с друзьями, посещает дискотеки, слушая там песни, о которых сказано выше, слушает те же песни с помощью наушников. Всё это называется словечком «отрывается со вкусом». От чего отрывается, посмотрим.

Подобное времяпрепровождение превращает школьника в носителя языка, который в читаемом им тексте узнает служебные части речи, междометия, всё остальное ему незнакомо. Человек только потому способен читать быстро, что знакомые ему слова дешифруются быстро, на лету. Я не оговорился: любое чтение – это дешифровка, любой текст – это некая зашифрованная информация.

Умение читать предполагает запоминание определённого процента прочитанного – чем больше слов узнано с лёта, тем выше процент. Умение механически прочитывать текст, не понимая его, называется функциональной безграмотностью.

Довольно значительный процент детей функционально безграмотны, следовательно, прочитать и понять тестовое задание они не могут.

Раньше, когда учитель «болтал», у ученика была возможность пополнить свой словарный запас из его речи, и он понемногу начинал читать и понимать лучше. Ведь, по сути, вся наша жизнь – это бесконечное пополнение словарного запаса. К старшим классам ученик достигал определённого уровня. Сегодня учитель не «болтает» и словарный запас учащихся остаётся на уровне начальной школы.

Что такое компьютер? Это большое здание, одно крыло которого занято библиотекой, а в других помещениях стоят игральные автоматы, где-то показывают кино (в том числе непристойное), гремит музыка самого разного качества, есть место, где люди просто сидят и сплетничают, много всяких соблазнов, но в библиотеке пусто, весь народ в других местах. Учитель-библиотекарь книжки перекладывает и скучает. Все новомодные течения в педагогике низводят учителя до роли простого библиотекаря, и это уже привело к катастрофическим последствиям; когда же уйдут на пенсию последние учителя, которые много читали и поэтому умели много и по существу говорить, и их сменит младая поросль, не открывавшая иных книжек, помимо сберегательной, вот тогда, собственно, тему образования можно будет смело закрывать, это уже будет нечто другое.

Во-вторых, представим себе, что школьник тестовое задание прочитал и понял, теперь он должен выбрать один ответ из четырёх. В реальной действительности человек никогда не имеет возможности иметь под рукой правильный ответ. Из проблем (а их в жизни много) нужно искать выход, не имея подсказок. Другими словами, человек, чтобы выжить, обязан ежедневно выбирать единственный вариант из нескольких миллионов, опираясь на свои реальные знания и на гибкость своего мышления. Наши дети говорят: «Мы не будем делать это задание, потому что в нём нет вариантов ответа». Кого же мы готовим? Беспомощного индивида, который будет тупо ждать, когда ему кто-нибудь что-нибудь подскажет. И чаще всего неправильно. Мы отучаем человека думать.

В-третьих, экзаменующийся молчит. Ему не нужно ничего никому доказывать, обосновывать, аргументировать, ему не надо проявлять свою индивидуальность. Только речь способна дать человеку исчерпывающую характеристику, всё остальное можно подделать. Отказавшись от обычных, «речевых» экзаменов, вузы получат в студенты кого угодно. Результаты уже есть: в телесюжете показывали выпускниц экономического факультета, которые не знали, что такое прибыль.

Выводы. Из всех способов проверки знаний учащихся, известных в мировой практике, в России был выбран самый неудачный – тестовый. Под этот способ подогнана система, из-под которой вынут краеугольный камень – язык. Если в ближайшее время Слово не будет реабилитировано, одичание населения примет необратимый

характер. Самое интересное, что сочинение, которое вроде бы собираются вернуть, положения не спасет: особенность письменной речи – возможность списывания. Только устную речь нельзя ни списать, ни подделать, ни купить за деньги, ибо мысль не продаётся и не покупается, как и вдохновение, продать и купить можно только рукопись (Пушкин*).

Слово учителя – действенный инструмент, но простой расчёт свидетельствует: в контакте с учителем школьник проводит такое ничтожное количество времени, что остаётся только удивляться, что некоторые помнят своих учителей всю жизнь. Посудите сами: учащийся проводит в классах приблизительно 365 суток «чистого времени», если он окончил 11-летнюю школу, и 270 суток, если девятилетку. То есть если оценить среднюю продолжительность жизни в 70 лет, то на школьное образование уходит 1,4 процента времени. Для сравнения: в туалете человек проводит 4 года (или 5,7 процента), несколько лет мы едим, 20–25 лет спим, восстанавливая энергию своего мозга. Если же взять отдельно взятый предмет (допустим, русский язык), то общение с учителем – это короткое мгновение где-то на заре жизни. Следовательно, почти всему, что умеет человек в зрелые годы, он учится сам. И в школе он тоже учится сам (правда, здесь ему учитель как может помогает), и для успешного учения самым важным является мотив. Человек должен чётко представлять, для чего он должен тратить время и энергию на нелёгкий труд. Учиться по-настоящему всегда трудно, потому что мозг человека поглощает третью часть всего кислорода и питательных веществ организма, при этом занимая всего одну шестидесятую – одну семидесятую часть по весу. Мозг – самый энергоёмкий орган, высасывающий из ребёнка все соки, поэтому школьники всегда хотят есть. Учитель, который провёл пять-шесть уроков, энергетически опустошён так, что едва волочит ноги. Не стоит разделять труд на умственный и физический: работая физически (конечно, если это не конвейер), человек, как правило, думает, а когда человек говорит по делу, он изматывается физически.

Итак, мотив. Руководители районов, городов, вкладывающие много денег в ремонт школ, в их оснащение, недоумевают: где же результат? А с результатами плохо, так как у подавляющего большинства школьников отсутствует мотив. Образованные люди не востребованы обществом по чисто экономическим причинам. Предположим, в Кузбассе вся экономика основана на добыче угля и его перевозке. Мальчик-школьник хорошо знает, что для получения водительских прав ему достаточно уровня начальной школы и нормального состояния здоровья. Он сядет за руль «БелАЗа» или рычаги экскаватора – и будет нормально жить. Девочки-школьницы понимают, что им достаточно удачно выйти замуж за того же белазиста, и тоже не надрываются в учебе. Даром, что швейные и обувные фабрики приказали долго жить и работы для женщин, по сути, нет. Девочки в старших классах всерьёз озабочены не учёбой, а поиском приличного непьющего мальчика – от этого зависит вся их будущая жизнь, и мы не вправе их за это обвинять. Советская власть закончилась, и всё возвращается на свои круги: женщина, сумевшая создать семью и родить детей, достаточно много работает дома, ей совершенно не обязательно нести двойную нагрузку – работать где-то ещё при условии, что денег, заработанных мужем, хватает. Формулировка, принятая в Европе и США, «либо работать, либо выйти замуж» приемлема и в современной России. Материнству вернули, наконец, статус тяжёлого труда, но материальное вознаграждение за этот труд в России на сегодняшний день настолько незначительно, что женщина, родившая без мужа, порой вынуждена бросать ребёнка (разумеется, если ей позволяет совесть). Множество детских домов в сегодняшней России – признак не только её экономических проблем, но и проблем угасания нравственности.

На сегодняшний день Россия – это страна, в которой как грибы растут гигантские супермаркеты, предназначенные для сбыта китайских товаров, но о новых фабриках слышно редко. Наше производство ограничивается добычей и транспортировкой сырья: нефти, газа, угля, леса. Дети и их родители очень хорошо знают, что выпускники, получившие высшее образование, во-первых, тратят лучшие годы жизни на учёбу вместо того, чтобы создавать семью, и часто впоследствии с личной жизнью у них есть проблемы. Во-вторых, образование не даёт гарантий высокого заработка: наоборот, зарплата бюд-

* «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать».

жетников – это излюбленная тема для насмешек юмористов. В-третьих, найти работу очень сложно, люди с высшим образованием в сырьевой экономике не нужны – нужны квалифицированные рабочие.

В данных экономических условиях у учащихся нет и не может быть мотива для успешной учёбы, поэтому обвинять школу, учителя в невежестве масс – абсурд.

Разумеется, отсутствие мотива связано не только с проблемой ненужности знаний в экономике, основанной на продаже сырья. Играет роль целый комплекс самых разнообразных обстоятельств, среди которых важна для нашей темы проблема примитивизации речи и сознания. Ведь практически каждый ребёнок очень хорошо знает, что он представляет собой на самом деле. Человек всегда знает себе цену, но по вполне понятным причинам прячет это знание от окружающих и часто даже от самого себя. Другими словами, многие не хотят учиться, потому что не могут. Чудовищная алкоголизация, которой подверглась страна за последние 120 лет, начиная с «пьяного бюджета» С. Ю. Витте и кончая современными пивными ларьками, привела к тому, что в некоторых классах 100 процентов учащихся так или иначе пострадали от пьянства их близких. Приведу факты.

По этическим соображениям имена не названы либо изменены. В 8-м классе 14 человек. Шестеро воспитываются в приёмных семьях, один «настоящий» сирота, родители ещё одного мальчика и четырёх девочек лишены родительских прав в связи с алкоголизмом. В полной семье воспитываются только два мальчика. Отец одного, тракторист, талантливый технарь, здорово пил в молодости, затем восемь лет работал в Москве, недавно вернулся, сейчас не пьёт. Его сын прекрасно управляется с трактором, но учиться не желает, просто сидит. Отец второго злоупотребляет спиртным, но, как говорится, в меру. Это повлияло на ребёнка: мальчик не глупый, но с детства имеет проблемы с речью и подвержен приступам агрессии.

Девочка (допустим, Маша) в детстве потеряла отца, который замёрз, перебрав на поминках. Мама отдала дочери «всю себя» и испортила ребёнка. Способная девочка невероятно ленива, самонадеянна, её поведение можно назвать вульгарным. Типичная ошибка матерей-одиночек и вдов (если ребёнок у них один): ни в коем случае нельзя посвящать всю жизнь ребёнку – вы его искалечите. В любви, как и во всём прочем, не стоит переходить границ разумного.

Ещё одна девочка (Таня) живёт с матерью и отчимом. Мать пьёт в меру, а отчим – запоями, во время запоев гонит всех из дома. Они уже уезжали от него совсем, но вернулись, деваться некуда.

Девочка Марина растёт в многодетной семье, в которой отец систематически пил и издевался над семьёй, – в результате, забрав трёх детей, мама переехала в другой населённый пункт, рассчитывая жить на «детские».

Мальчик Дима воспитывается матерью. Его отец лет 10 назад во время покоса нечаянно задавил своего отца (едва ли оба были трезвы), впал в депрессию, запил и погиб от запоя в 36 лет. Мальчик учится неплохо, но в его речи и поведении есть некие странности – для детей даром не проходит ничего, всё накладывает свой отпечаток.

Мальчик Слава жил с бабушкой-инвалидом и матерью. Бабушка получала неплохую пенсию, которую пропивала с дочерью и её сожителями. В 56 лет бабушка умерла от запоя. Её дочь продолжает пить, начал пить и Слава. Он почти не умеет читать, у него дисграфия, то есть он не понимает, что пишет. Слава отличается агрессивностью, уже не раз пускал в ход кулаки.

Мальчик Вова всегда молчит – у него дефект речи, и он таким способом его скрывает, хотя по математике пишет, решает, получает четвёрки. Мама некоторое время жила с его отцом – хроническим алкоголиком, потом выгнала его, но сыну это не помогло – дефект, видимо, врождённый.

Девочка Мария живёт с мамой и отчимом, приехала недавно, учится хорошо. Отчим пьёт в меру, когда-то отсидел за грабёж, появился в родной деревне из-за того, что на прежнем месте проживания снова что-то по-крупному украл и скрылся.

Таким образом, из 14 человек, самая светлая голова у мальчика Петра, который потерял родителей в результате несчастного случая. И, вероятнее всего, алкоголиками они не были. Проблемы наследственности, в том числе и плохой, имеют решающее значение, когда речь заходит о психологических особенностях ребёнка – памяти и внимании, ведь на двух этих свойствах и построена вся учёба. Не вдаваясь в физиологию и говоря образным языком, память – это некие тропы или даже дороги, проби-

тые между нейронами, клетками коры головного мозга. Или, если хотите, бороздки, прожжённые лазером на диске. Память избирательна: если человеку по генам передано запоминать стихи и он их в детстве и юности учит, тропы превращаются в дороги. Если он на много лет прекращает заниматься стихами, тропы зарастают, но не совсем. Общее направление остаётся навсегда: стоит только повторить – и тропа свободна. У многих детей в силу алкоголизма их родителей не намётаны вообще никакие тропки, то есть памяти нет. В 9-м классе училась девочка, которая так и говорила о себе и своей подруге: «Что вы с нами мучаетесь? Вы можете понять, что мы дуры?». Приходилось что-то придумывать и доказывать им, что это не так. Проблемы внимания не менее важны, чем проблемы памяти. Чтобы быть внимательным, ребёнок должен научиться усилием воли отодвигать в сторону все иные раздражители, кроме источника информации. Этому он учится у взрослых – а много ли волевых качеств можно почерпнуть у пьющих?

Дети не желают учиться ещё и потому, что окружающие их взрослые практически никогда не говорят им ни о чём, кроме как о материальной стороне дела. Родители неправильно мотивируют детей: «Вы должны учиться, чтобы найти лёгкую работу» (то есть при наименьших затратах получить наивысший результат). Чудовищная мысль – тратить энергию в детстве, чтобы бездельничать всю жизнь. Мало того, иные напутствуют так: «Учись, станешь таможенником, чиновником, налоговиком – и будешь брать взятки».

Не то родители говорят. Формулировка должна быть иная. «Учись, чтобы быть сильным» – например. Когда по телевизору берут интервью у очередного футболиста (а он, бедный, двух слов связать не может), позовите ребёнка, покажите это убожество, объясните, почему сборная проигрывает. Да потому что думать эти мальчики не умеют – и говорить тоже. Кто не умеет думать, тот всегда проигрывает, в том числе и в спорте. Мы каждый день должны доказывать ребёнку, что человек не есть сумма мышц, человек – это его мозг и его речь, а сила человека не в кулаках, а в слове. Помните у Маяковского: «Слово – полководец человечьей силы». А думать – это значит искать, сомневаться, мучиться: никогда и ничего не даётся человеку в готовом виде. Умные американцы сняли фильм о терминаторе, в финале которого тупая машина, созданная для убийства, начала проявлять человеческие качества, сомневаться – программа велит: «Убей», а сбой программы требует: «Оставь в живых». Человек всегда будет выше любого компьютера, потому что он сам и есть сбой программы. Свою программу мы создаём сами, она нам не дана в готовом виде, как скворцу или крокодилу. Каждый человек – сам себе программист, только вот вкладывает он в свою программу то, что слышит и видит вокруг.

Мы должны доказывать детям, что учёба – это не путь к безделью, к лёгкой и безбедной жизни. Учёба – это акт творчества, когда из ничего создаётся нечто, то есть происходит чудо. Любая теорема в геометрии – обыкновенное чудо, каждая русская пословица – откровение. Учёба ценна сама по себе, её не надо привязывать к прагматическим результатам.

Всё это уже давно известно. Иисус говорил в Нагорной проповеди своим ученикам: «Не нужно заботиться о хлебе насущном, нужно думать о душе»*.

Говоря языком современным, человек, наделённый высокоразвитым интеллектом (на своём уровне) и положительными нравственными качествами (в сумме, наверное, это и есть душа), накормит и себя, и свою семью, и труд ему будет не в тягость. Наоборот, работать ему интересно, и вечно он будет что-то придумывать, чтобы сделать больше, быстрее.

Напротив, индивид, взращённый в другой системе ценностей: «Учись, чтобы найти высокооплачиваемую работу, работай, чтобы быть богаче, чем другой, бери взятки, потому что все берут», будет внутренне презирать себя за всё это, ненавидеть свой труд, делать его как попало, пьянствовать, угнетать семью – и в конечном итоге разрушит и себя, и всё вокруг.

Таким образом, огромное влияние на мотивацию детей оказывает система ценностей окружающих их взрослых.

Система ценностей, совершенно противоположная христианским канонам, сложилась как минимум лет пятьдесят назад, и революционные преобразования 1990-х годов лишь усилили эту тенденцию. В фильме «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин угонял машину у мошенников, «умеющих жить». Это очень показательная фраза. В то время она обозначала человека, умевшего обогащаться, нарушая

* Евангелие от Матфея.

закон и не неся за это ответственности. В другом фильме 1970-х один из героев пожелал своему недругу: «Чтоб ты жил на одну зарплату». В эти же годы приобрела популярность поговорка «дурака работа любит». В обществе накануне так называемой перестройки произошла странная метаморфоза: честный труженик, «не умеющий жить», считался кретином, а ловкач-мошенник – нормальным человеком. То же самое происходило в школах: отличников открыто презирали, а неучами с крепкими кулаками восхищались.

Это явление отметил в аллегорической форме В. Высоцкий в песне о правде и лжи. Они поменялись одеждой, и на важнейший вопрос морали «Где правда, а где ложь?» – стало невозможно ответить. Ведь правда, чтобы вернуть одежду, должна была её похитить у лжи, становясь при этом ложью.

Общество с вывернутой наизнанку моралью ринулось в реформы, изменило многое внутри себя, но ситуация в нравственности изменилась мало: ловкий делец богат и известен, честный труженик нищ и презираем. Стоящее на подобных моральных основаниях общество обречено на перманентный кризис. Разумеется, под понятием «честный труженик» нужно понимать не какой-то класс или прослойку, а человека с системой ценностей, близкой к христианской. Встречаются честные бизнесмены, чиновники, не берущие взяток, полицейские, идущие под бандитские пули, политики, которым не безразличен народ. С другой стороны, в обществе хватает строителей-халтурщиков, рабочих-бракоделов, фермеров, выдающих непонятную жидкость за молоко. Дело вовсе не в социальном статусе и классовой принадлежности. Просто-напросто люди с высокими моральными качествами в материальном плане всегда живут хуже, чем подлецы, и это лишает смысла любую деятельность, в том числе и учебную.

Можно сформулировать даже некий лозунг: «Хочешь жить бедно – живи честно». Родителям современных школьников – от 30 до 40 лет, многие из них в детстве впитали в себя вывернутые моральные нормы. Одним из проявлений данного обстоятельства является знаменитая фраза: «В этой школе плохо учат». Понять эту сентенцию сложно, но попытаемся. Можно плохо одеваться, плохо залить фундамент, оставив пустоты, плохо накормить скот, то есть взять хороший исходный материал и испортить своей безалаберностью: например, пропить цемент или фуражную муку. В школе учитель работает с тем материалом, который может быть либо испорчен изначально (к примеру, ребёнок зачат в пьяном виде), либо ребёнку в дошкольном, самом важном, возрасте привили ложные ценности, избаловали или, наоборот, забили. Каких мучений стоит учителю начальных классов научить детей просто читать – это подвиг, по-другому и назвать нельзя. Затраты энергии учителя первого класса за один урок чтения колоссальны. Учителям начальной школы давно пора поставить памятник. Родители почему-то не понимают, что мозг ребёнка – это не шкаф, в который что-то можно вложить со стороны. Наоборот, ребёнок наполняет мозг по своему собственному разумению, внимательно наблюдая за родителями со стороны и вслушиваясь в то, что они говорят ему и другим людям.

Если человека снять скрытой камерой и показать ему, он, во-первых, себя не сразу узнает, а во-вторых, может ужаснуться или, наоборот, останется доволен увиденным. Ребёнок – это бесперебойно работающая скрытая камера, и из того материала, что он наснимал, наблюдая за нами, он и составит программу своей жизни. Ужасаться же потом или восторгаться – это уже зависит от реалий жизни взрослых людей, окружавших ребёнка первые 18 лет его жизни, и той генетической программы, которую он получил в наследство за последние несколько веков. Совершенно прав был афорист, сказавший, что о воспитании ребёнка нужно думать за 100 лет до его рождения. Здесь нет и доли юмора. Любой безграмотный крестьянин в XIX веке понимал: прежде чем отдать дочь замуж или женить сына, надо собрать информацию хотя бы до третьего колена о будущих родственниках (а это и есть 100 лет). Аристократия, благодаря векам отслеженной генеалогии, поступала ещё категоричнее: они думали о своих детях за 200–300–500 лет до их рождения. Наши предки считали брак такой серьёзной вещью, что родители не пускали всё это на самотёк и, принимая волевое решение о браке своих детей, говорили «стерпится, слюбится», прекрасно понимая, что человек в 16–20 лет просто не в состоянии сделать адекватный выбор. Обычное сексуальное влечение молодого человека может со временем превратиться в любовь, а может и нет – тогда придётся терпеть. Но в лю-

бом случае рождённых детей бросить уже нельзя, так как церковный брак невозможно расторгнуть.

Выше уже была названа цифра: 270 суток чистого времени проводит школьник в контакте с учителем. Если кого-то не устраивает ночь, уберём и получим 540 дней или полтора года. Сломаем очередной стереотип: не девять лет учится в школе человек, а полтора. А с родителями и воспитателями ещё до школы ребёнок общается шесть лет, то есть в три раза больше. Не очень понятно, почему за шесть лет нельзя выучить 33 буквы и 10 цифр: отбросим первые два, пусть за четыре года – по 8 букв и 2 цифры в год. Далее. С 1-го по 9-й класс учащийся общается с учителем от 4 до 6 часов в день, остальные 18–20 часов он вбирает в себя информацию из других источников: от родителей, друзей, из СМИ, интернета.

Вывод: за время обучения в основной школе ребёнок общается с учителями 4,6 процента времени, а с родителями, лицами их заменяющими, друзьями, и т. д. – 95,4 процента времени. Учитывая кружки, секции, мероприятия, возьмем соотношение 10 к 90 процентам.

Так кто же плохо учит?

Исключительно важна роль первых пятишести лет жизни человека, и это известно уже давно. В это время ребёнок «набирает» словарный запас (если есть такая возможность, он может усвоить и несколько языков), осознает свою этническую принадлежность, начинает понимать, что в этом мире считается хорошим, а что плохим. То есть в первый класс приходит уже сложившийся человек, и его малый рост и забавная внешность ничего не значат, в голове его уже многое расставлено по своим местам. И если расставлено плохо и неправильно, то сделать с этим ничего нельзя – поздно.

В этой связи нельзя не вспомнить про такое явление нашей жизни, как детский сад. Данное учреждение, придуманное социалистом-утопистом Робертом Оуэном ещё в XIX веке, очень пригодилось в советский период нашей истории, когда «освобождённая» от власти мужчины советская женщина должна была не только рожать и растить детей, но и одновременно с этим доить коров в колхозах и совхозах, таскать шпалы и рельсы в железнодорожных бригадах, работать в адском шуме текстильных фабрик, стоять в очередях за едой и так далее. Если учесть при этом, что в самый либеральный период советской истории – брежневский – декретный отпуск женщины составлял два месяца, то можно совершенно чётко сформулировать следующую мысль: 70 лет советской власти – это череда бесконечных изощрённых издевательств над женщиной-матерью и её ребёнком. Любить ребёнка – значит общаться с ним, разговаривать обо всём на свете, отвечать на его бесконечные вопросы. Но любить своих собственных детей, по сути, не разрешалось, их положено было сдавать в казённое учреждение, в котором ребёнку было плохо, но он привыкал. Если говорить о пополнении словарного запаса, о формировании речевых механизмов, детский сад проигрывает маме по всем статьям – один воспитатель на 20–30 детей не в состоянии общаться со всеми в той мере, в которой это необходимо.

В результате каждое следующее поколение в первые, самые важные годы жизни недополучало материнской любви, общения с родителями и с избытком впитывало в себя атмосферу грубых окриков, казармы, бранных слов, бестолковой толкотни, однообразной еды и элементарного отсутствия тишины.

Прогнав через детские сады почти весь народ, власть заложила под общество бомбу замедленного действия. Одна из причин современной безнравственности, жестокости и вопиющего невежества – экономическая традиция, пришедшая из советских времён: среднестатистический мужчина не может содержать на свою зарплату жену и детей, женщине приходится работать, а у ребёнка в результате отнимают детство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разговор о социально-психологических особенностях речи и сознания современного школьника, казалось бы, неожиданно вывел нас на совершенно другие проблемы: мотивацию к учёбе, наличие ложной системы ценностей у взрослых, недостаток внимания к ребёнку в дошкольном возрасте, алкоголизацию общества – но ничего странного и удивительного в этом нет. Дело в том, что источником всех без исключения современных общественных проблем является бездуховность, внутренняя ненаполненность человеческого индивида. Российское общество в XX – начале XXI века оказалось между молотом атеизма и наковальней золотого тельца. Как совершенно справедливо отметил современный азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев, «в 1917 году мы отказались от Бога, а в 1991 – от совести».

Задача учителя в современной школе – борьба с внутренним убожеством, с узостью кругозора, с попытками превратить великий русский язык в жалкий набор междометий и жаргонизмов. Учитель обязан вести себя так и говорить так, чтобы детям в его присутствии было невыносимо стыдно за своё невежество. Только разбуженная Словом совесть способна вылепить из ребёнка человека. Совесть – это весть (то есть знание) о себе. В русском языке между словом «совесть» и словом «сознание» существует явно выраженная связь – это, по сути, синонимы. Материальная форма сознания – речь, слово. Круг замыкается. И в этом нет ничего странного, потому что уже несколько тысячелетий назад было сказано: «В начале было слово, и слово было – Бог».

Мы просто об этом забыли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Э, 2016. 736 с.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты // Октябрь. 1991. № 1–3.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М.: Русский язык, 2002.

Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М., 1915. 232 с.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1976.

Пушкин А. С. Лирика. М., 1985. 336 с.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989.

Оруэлл Д. 1984. М., 2014. 275 с.

Маяковский В. В. Лирика. М., 1983.

Прокопьевский район, с. Михайловка

Писательский десант на разрез «Берёзовский», встреча с детьми

Евгений ЧИРИКОВ

ИНЖЕНЕР КУЗБАССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Очерк

Начиная с брежневского времени для перечисления всех начальствующих лиц кузбасской культуры хватит пальцев одной руки: Иосиф Курочкин, Владимир Бедин, Лариса Зауэрвайн, совсем недавно покинувшая руководящее кресло, и Марина Евса, только-только его занявшая. Наш очерк посвящён второму из перечисленных, чья деятельность пришлась на тяжёлые 1990-е годы и тем не менее отличилась заметными достижениями.

ЮНЫЙ РОМАНТИК

Владимир Иванович Бедин родился 1 августа 1943 года на Украине, в городе Моспино Донецкой области. Он сам очень интересовался своими корнями и предпринял усилия по разысканию сведений о предках. Дед его, Никифор Савельевич, происходил из Днепропетровской области (село Троицкое) и в сентябре 1943 года погиб при форсировании Днепра в двадцати километрах от родной деревни. Отец В. Бедина после войны переехал под Донецк и работал на ремонтно-механическом заводе.

Мама родом из Смоленской области, её деревня соседствовала с местом рождения поэта Александра Твардовского. Деда В. Бедина по матери раскулачили в то же время, что и Твардовских. Побывав в конце перестройки на материнской родине, Владимир Иванович посетил и музей поэта.

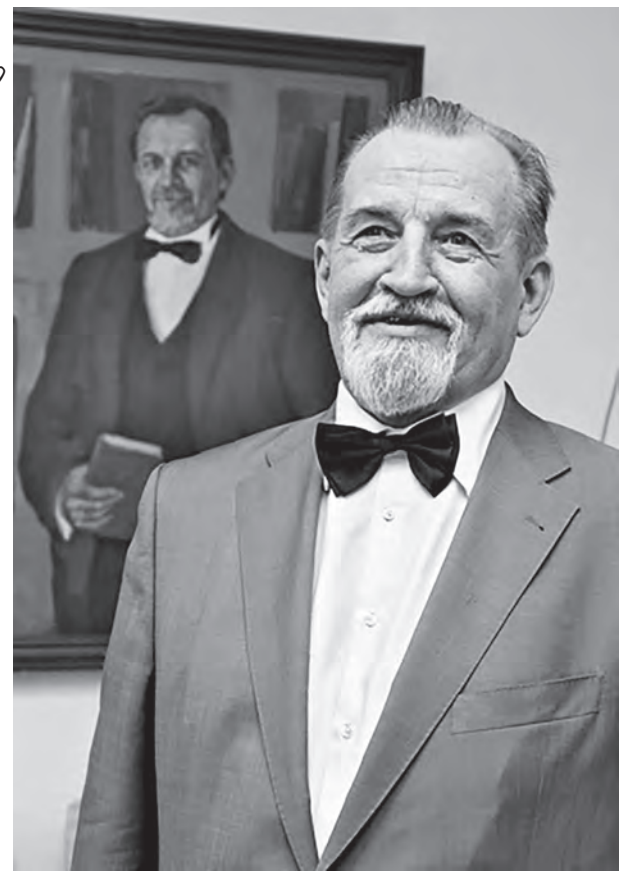
Ища лучшей доли, мама В. Бедина в 30-е годы уехала на Украину, где и встретилась с его будущим отцом. Так что в организме ребёнка перетасовались русские и украинские гены.

Время хрущёвской оттепели породило поколение романтиков. Одни мечтали о целине, другие о полётах к звёздам, третьи о победах над болезнями… Владимир же горел мечтой о геологии. Его воображение будоражили песни, льющиеся по радио, вроде «Мы геологи оба с тобой» (композитор Пахмутова, слова Добронравова), и романы писателей на ту же тему.

Он решил, что поедет в Томск, поступать на геолого-разведочный факультет политеха, где как раз открылась новая специальность «Поиск редких и редкоземельных металлов».

Родственники горюют, родители плачут: «Куда же ты, там никого наших нету!» Он отвечает, что поедет только туда, только в Сибирь – и всё!

Поехали поездом вместе с другом и через восемь дней пути, 25 июля 1960 года, прибыли в Томск. Далее судьба проделала сложное казуистическое сальто. По какому-то труднопонимаемому правилу Владимира не приняли на вымечтанную специальность ввиду молодости лет, которых не хватало, чтобы после первого курса отправиться на практику. Его упрашивали, чтобы он перешёл на геолого-географический факультет, а это совсем другая специализация. Он всё же перешёл и сдал два экзамена на хорошо и отлично, получив финальное два за сочинение. Подвела его украинская мова, на которой велось преподавание в школе.

Ушёл с геологической экспедицией в томскую тайгу, год поработал. Затем его соблазнил главный геолог Томского политеха: «Поступай на горный факультет, он самый старинный. Окончишь и уедешь к себе в Донбасс, будешь шахтёром».

Бедин так и сделал, поступил. Однако при Хрущёве действовало правило: если у студента нет двух лет рабочего стажа, то ты полтора года учишься и работаешь. Так как в Томске нет ни одной шахты, первокурсников отправили в Анжеро-Судженск. Если первую смену работаешь, вечером учишься, и наоборот. А через год по министерскому приказу весь горный факультет из Томска перевели в Кемерово на укрепление местного горного института. Такими путями Владимир Бедин стал нашим земляком.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

С 1967 года Владимир, окончив вуз, работал старшим научным сотрудником, заведуя научно-исследовательской лабораторией Кузбасского политехнического института (так теперь именовался бывший горный институт). Он погрузился в науку, участвовал в научных конференциях, публиковал исследовательские статьи и прошёл годичную научную стажировку в Чехословакии (Высшая горная школа в городе Острин, 1970–1971 годы). К защите была готова диссертация по экономико-математической модели разработки пологопадающих пластов. Как вдруг он получает по почте автореферат диссертации, чуть не целиком совпадающей с его собственной; она принадлежала брату того неожиданного доброжелателя, который прислал бандероль. Как такое могло получиться? Сам Бедин, рассказывая про это Валерию Плющеву, бравшему у него интервью, никаких пояснений не сделал. Можно предположить, что по какой-то небрежности научных руководителей оба соискателя учёной степени работали по одной теме.

В 1979 году коммунисты избрали Владимира Ивановича заместителем секретаря парткома института. А в 1981 году ему «сломали жизнь». Но это как сказать! Кто-то выразился – в шутку ли, всерьёз ли – «сломали». Иными словами, вполне закоренелого технаря нежданно-негаданно поставили на гуманитарные рельсы. Но у Бедина на этот счёт другое мнение: он нашёл себя.

Его вызвал к себе в кабинет секретарь обкома КПСС по идеологии Пётр Михайлович Дорофеев и предложил работать в обкомовском отделе культуры. «Предложил» – слово фигуральное. Если партия говорила: «Надо!», то вопрос уже решён.

Бедин лишь выразил естественное недоумение: «Я же горный инженер! Какая культура?». Дорофеев, вероятно, долго думал, прежде чем принять своё решение, многим показавшееся странным, и убедил, помог преодолеть сомнения новоиспечённому инструктору обкома. По прошествии многих лет Бедин остался глубоко благодарен и Дорофееву, и завотделом культуры обкома Валентине Михайловне Носковой, и зампреду облисполкома Георгию Васильевичу Корницкому, за культуру отвечавшему.

Но в то время ему предстояло отрешиться от полого- и крутопадающих пластов и круто переключиться на совсем другую сферу. Нельзя сказать, что Владимир Иванович был тогда бурбоном в искусстве. Будучи парторгом, он организовывал диспуты и выходы в театр. Бывая в Москве, ходил на театральные спектакли, собрал неплохую библиотеку беллетристики, а однажды купил сборник стихов кемеровского поэта Евгения Буравлёва с автографом автора.

Много читал, размышлял над прочитанным. Ещё студентом регулярно заглядывал в замечательный книжный магазин на углу проспекта Советского и улицы Кирова (там и увидел Буравлёва, продающего свой сборник).

Но одно дело – потреблять творческие продукты и другое – возглавлять целую армию тех, кто их создаёт.

ДЕБЮТАНТ КУЛЬТУРЫ

С началом работы в обкоме на него навалилось столько дел – успевай вертеться. Было провозглашено движение «Превратим Кузбасс в край высокой культуры!».

Бедин вспоминает характерные нюансы: «Нашему руководству хотелось, чтобы инициатива по лозунгу «Превратим Сибирь в край высокой культуры!» пошла от Кузбасса. Почему-то вышло несколько по-иному – может, сыграл хорошо «великий» Красноярский край. Они первыми такое решение приняли на официальном уровне, а мы его поддержали. В результате получился мощный толчок в развитии по всем направлениям».

Владимир Иванович вбирал в себя информацию, как пылесос. Мог часами сыпать фамилиями местных певцов, танцоров, художников и литераторов, актёров, работников библиотек и театров. Знал, кто чем живёт.

Набравшись опыта в партийном органе, он два года проработал заместителем начальника управления культуры, которое до этого уже 14 лет возглавлял Иосиф Лазаревич Курочкин. Бедин курировал искусство. Следующий уровень стал апогеем: приняли решение перевести зама на должность начальника управления. Пришлось проходить через ряд комитетов министерства культуры.

В то время Бедин получил, по его словам, бесценный совет от замминистра профессора Владимира Васильевича Кочеткова: «Володя, ты, конечно, по образованию горный инженер, так вот, начальника могут снять за развал библиотечной сети, музейной, но если не будет контактов с художниками, писателями, артистами, то ты долго не продержишься в должности».

Это назначение состоялось в 1984 году. И ровно 20 лет жизни далее Бедин отдал делу, ставшему любимым и главным для него. В 1992 году, чтобы обрести законную компетентность, он окончил Российский институт переподготовки работников искусств и культуры.

Много он ездил, вникал в проблемы творческих коллективов городов и районов. Постоянные командировки, встречи с творческими людьми. Погружаясь в проблематику культуры Кузбасса, он почувствовал особую энергетику нашего промышленного региона, которая ассоциируется у него с сюитой Свиридова «Время, вперёд!».

БУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В годы перестройки действовал гастрольный план министерства культуры. Большой театр, Малый, Ленком, Театр Моссовета, МХАТ – к нам с гастролями! На полтора-два месяца.

Под министерской же эгидой проходили Дни культуры Ленинграда, Белоруссии.

В 1985 году проводилась зональная художественная выставка «Сибирь социалистическая». Под этот масштаб открыли несколько мастерских, отдали под картинную галерею бывшее здание областного УВД (до этого она ютилась в маленьких зальцах). Позднее галерею назвали Художественным музеем. Открыли несколько галерей и художественных залов по области.

Сейчас у нас есть отделение Союза композиторов. Создавалось оно с помощью Бедина.

На выездной пленум Союза композиторов СССР Тихон Хренников 800 человек с собой привёз. Его в Москве пытались остановить: куда столько – в Кемерове нет ни одного композитора-профессионала!

Бедину пришлось сопровождать Хренникова, по четыре концерта шло в день. В театре оперетты выступает оркестр Бабкина, дирижирует Гергиев. Зал шушукается – пацан какой-то молодой. А Тихон Николаевич говорит: «Это будущая звезда. Вот кто будет определять отечественное музыкальное искусство».

Область среди регионов страны вошла в десятку – пятёрку по развитию музейного дела. Были открыты литературно-мемориальный музей Достоевского, музеи поэта Василия Фёдорова и писателя Владимира Чивилихина. Бедин приезжает в министерство. «Какой там Фёдоров, у нас музея Блока ещё нет!». Но – добился.

Триумфально прошли первые Фёдоровские чтения. Бедин ездил в Константиново на Есенинские чтения. На Фёдоровских людей было больше. Делегации городов, районов.

Областная библиотека стала «фёдоровкой». Имя Фёдорова стало настоящим брендом кузбасской культуры.

Одна из идей Бедина – проводить шахтёрские праздники на стадионах. Там звёздам петь вольготно. Приезд звёзд в Кузбасс связан прежде всего с государственным вниманием к самой главной профессии в регионе – шахтёрской. На горняцких праздниках в обязательном порядке выступали все ведущие артисты страны, начиная с Иосифа Кобзона.

К нам приезжали Пугачёва, Леонтьев, Хазанов, Шуфутинский, Ширвиндт, Лановой, Чурсина, Чурикова, Караченцов, Золотухин, Светланов, Мария Биешу – потрясающая молдавская оперная певица (сдуру её повезли выступать на «Карболит», она пела в формальдегидном цехе, в красном уголке, стала жаловаться на горло, пришлось восстанавливать голос), Махмуд Эсамбаев – три года подряд был председателем жюри хореографического конкурса на приз газеты «Труд». Гостили у нас поэты Евтушенко, Куняев, Рождественский, писатель Валентин Распутин.

Участвуя в разных культурных форумах, можно было сравнить уровень нашей культуры и «тамошней». В 1984 году впервые симфонический оркестр Кузбасса выехал в Венгрию, в Ноград. Венгры были буквально шокированы тем, что у нас есть такой огромный оркестр.

В 1990-е годы им управлял Виктор Наумович Барсов, народный артист России, друг Ростропо-

вича. Он пригласил выпускника Московской консерватории Дмитрия Лисса, молодого и талантливого дирижёра, с которого начался расцвет нашего симфонического. Музыканты не раз выезжали в Германию, Италию, Францию, Испанию.

Позже в оркестр пришёл однокашник Лисса по консерватории Лин Тао. Он получил Государственную премию России из рук президента В. В. Путина.

Бедину особо запомнилась 20-дневная поездка по 14 крупнейшим городам Китая. Хотя в Китае не принято аплодировать стоя, зрители делали это от избытка чувств. Понятно, что дирижёр – китаец, и всё же – оркестр кузбасский.

Поставленную в Музыкальном театре Кузбасса оперу «Пиковая дама» привезли в Германию, Нюрнберг. Бедину предложили выступить перед членами местного «Ротари-клуба». Его предупредили о жёстком регламенте: не более семи минут на выступление. В ресторане перед ним сидели важные баварские бюргеры в смокингах, при бабочках. Как уложиться в семь минут, да ещё с переводчиком? Нельзя ли две-три минуты добавить? Добавили восемь, а уложился он в полчаса, так как его засыпали вопросами. Таков был интерес к культуре нашего, так сказать, медвежьего угла. Бедину никогда не было стыдно за «провинциализм» – уровень выезжающих за границу коллективов гарантировал успех.

На крупнейшем фольклорном фестивале в Канаде с участием 22 стран Россию представлял ансамбль танца «Кузбасс» из института культуры. Присутствовали послы (нашим в то время был А. Н. Яковлев). Как лучшему коллективу «Кузбассу» дали право закрыть фестиваль, на что отводилось 3 минуты 30 секунд. Но зал не умолкал, до самозабвения свистя и хлопая, пока ансамбль не повторил номер. Затем подошли послы, благодаря и пожимая руки.

СОЗИДАНИЕ НА ФОНЕ РАЗРУШЕНИЯ

В 1990-е годы многое в стране пришло в упадок. И было понятно, говорит Владимир Иванович, что главное – выжить и сохранить людей, их любовь к делу, их талант для России, Кузбасса…

Управление культуры переименовали в департамент. Денег катастрофически не хватало, экономили на всём, а на культуре – в первую очередь.

Неимоверными усилиями Владимира Ивановича наш край сумел сохранить около 600 ведомственных учреждений культуры и их кадровый потенциал, более 40 храмов, часть которых являются историческими памятниками архитектуры.

Многие таланты и их поклонники благодарны Бедину за идею, которую поддержал «угольный генерал» Михаил Найдов, – создание фонда «Юные дарования Кузбасса».

В области стали регулярно проводиться творческие фестивали, смотры, конкурсы, выставки изобразительного искусства. Далеко за пределами Кузбасса получили известность Международный фестиваль «Джаз у старой крепости», Всероссийский конкурс хореографических коллективов на приз администрации области и газеты «Труд»; стали традиционными фестивали «Рождество в Берёзовском», «Бабье лето» в Юрге, «Радость» в Мысках…

Сколько людей, вспоминая те нелёгкие времена, говорили и говорят ему спасибо за то, что не дал пропасть таланту, не позволил спиться и досрочно «уйти со сцены».

Появились новые профессиональные коллективы: Губернаторский симфонический оркестр Кузбасса, Кемеровский муниципальный оркестр русских народных инструментов, театр «На Весенней», Камерный хор Кузбасса, Губернаторский хор «Утро» и другие.

С наступлением более благоприятного времени Владимир Иванович с увлечением взялся за компьютеризацию библиотек и создание единой информационной сети Кузбасса.

В ведении департамента находилось около 2,5 тысячи государственных учреждений культуры. И подавляющее большинство из них чувствовало его доброе отношение. Кемеровский областной драматический театр имени А. В. Луначарского, Музыкальный театр Кузбасса имени А. К. Боброва, Новокузнецкий драматический театр имени Серго Орджоникидзе, Прокопьевский государственный театр драмы имени Ленинского комсомола, Кемеровский и Новокузнецкий театры кукол, Государственная филармония Кузбасса, Областная научная библиотека имени В. Д. Фёдорова, детская и юношеская областные библиотеки и библиотека для незрячих, десятки музеев и выставочных залов, Кемеровская государственная академия культуры и искусств, пять средних профессиональных образовательных учреждений…

Бедин не пропускал ни одной премьеры, ни одного вернисажа, знал по имени-отчеству и подробностям биографии сотни людей искусства.

Владимир Иванович никогда не забывал того совета, который дал ему профессор Кочетков.

Он вникал в заботы творческих союзов: Кемеровского отделения Союза театральных деятелей, Союза писателей Кузбасса, Кемеровского Союза художников и областной организации Союза композиторов.

В своё время о Бедине, необычайно популярном деятеле культуры, возник региональный фольклор – шутки, анекдоты, притчи. Он стал героем мифологии. Известен, например, такой анекдот. Приходит начальник департамента на концерт в филармонию, а контролёр его не признала: «Мужчина, ваш билет!». Тот поворачивается и с достоинством отвечает: «Я – Бедин!» – «Ну так и я не богата, – говорит контролёрша. – А за вход всё-таки платить надо!»

ОБЛАДАТЕЛЬ КОЛЛЕКЦИЙ

За долгую жизнь у него скопилось немало коллекций – книг, картин, сувенирных изделий. Ему дарили полотна легендарные кузбассовцы Александр Кирчанов, Виктор Зевакин, Павел Чернов и гениальный красноярец Андрей Поздеев.

О кузбасских художниках Владимир Иванович отзывается так: «У нас было старшее поколение фронтовиков, которое создавало Союз художников. И первые народные художники – Кирчанов, Ананьев, Чернов, Шемаров, Зевакин, Сотников – много сделали. В те годы Союз художников был сильным, мощным. А сейчас пришло время невостребованности, и жизнь стала художников сильно ломать. Раньше мы приобретали лучшие произведения у мастеров кисти. При Союзе художников был худфонд. Пусть тогда правила идеология, но творец не думал, как выживать, как продать картину. Сейчас музеи очень редко покупают работы. А люди не покупают, потому что бедность нынешняя сказывается».

Известный кемеровский скульптор Рудольф Корягин в зрелые годы вдруг загорелся живописью и писал ню, словно заворожённый сотнями своих натурщиц.

Бедин смеётся: «Говорю, ну ты можешь мне хоть один приличный пейзаж сделать? Чтобы родной город, река, близ которой живёшь… Через некоторое время приносит «Купальщиц»: «Смотри, тут тебе и Кемерово, и Томь, и бабы!»

С «Цветов» питерца Юрия Межирова начала складываться коллекция натюрмортов и пейзажей. Бедин любит оба эти жанра. И у него в коллекции есть шедевры. Пышные «Розы» Николая Ротко, нежная «Черёмуха» Евгения Щербинина. «Байкалы» (их целых три) Дрозда, Капорушкина и Лобузнова.

Многое Владимир Иванович, не жадничая, безвозмездно передаёт в музеи. В дар музею-заповеднику «Красная Горка» он передал Ряжскую энциклопедию, посвящённую 500-летию города Ряжска Рязанской области. Это свыше 1 650 статей по истории Ряжской земли с древнейших времен до XXI века. А одна из них – о ряжском крепостном крестьянине, родившемся в поместье Фёклы Селивановой, Михайле Волкове – первооткрывателе кузнецкого угля.

В межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», в которую входят все области, края и республики Сибирского федерального округа, авторитетного В. И. Бедина избирали председателем координационного совета по культуре.

Бедин – как далеко не каждый из начальников региональных департаментов – несколько лет был членом коллегии министерства культуры РФ. К его мнению всегда прислушивались, с его экспертными заключениями считались.

Заслуги его, разумеется, отмечались званиями и наградами. Не будем утомлять читателя их перечислением.

Одно из последних дел В. Бедина в должности начальника департамента, и дело очень существенное, в котором он играл важную роль и проявил при этом солидарность с писателями, – создание Дома литераторов Кузбасса в 2003 году.

В августе 2004 года, имея проблемы со здоровьем, Владимир Иванович ушёл на покой. Сейчас он живёт в Подмосковье. На переезде настоял сын – Владимир Владимирович Бедин, знаменитый московский врач-хирург, заместитель главного врача по хирургии ГКБ имени С. П. Боткина.

Очерк написан на основе интервью Валерия Плющева, ушедшего из жизни в 2017 году.

г. Кемерово

К 75-летию Кемеровской области

Григорий ШАЛАКИН

ГОВОРИМ «ПАЧА», ПОДРАЗУМЕВАЕМ «ВЕРНЕР»

В начале 1980-х годов я был корреспондентом областной газеты «Кузбасс», где с лёгкой руки опытного журналиста Якова Лукича Северного меня перевели из отдела тяжёлой индустрии в «партийную жизнь». С тех пор не забываю его пожелание: стараться рассказывать двухсотдвадцатитысячной читательской аудитории о реальной жизни партийцев, а не смаковать уставные и программные требования. Простой профессиональный секрет помог мне открыть новые темы и увидеть разноплановым главный угольный регион страны. Именно тогда и познакомился со многими удивительными людьми. Михаил Матвеевич Вернер, директор совхоза «Пачинский» Яшкинского района, из их числа. Жаль, что только теперь приходит понимание того, сколь величавой фигурой представал он в аграрном секторе Кемеровской области: воистину большое видится на расстоянии.

Но лет сорок тому назад происходившее в Паче воспринималось всего лишь данностью эпохи, незаслуженно прозванной в 1990-х застойной. На самом деле то было время созидательного коллективного труда и совсем не мыльно-пузырных маяков производства.

Таким, передовым, слыл совхоз «Пачинский». Он уверенно входил в список лучших кузбасских хозяйств и ежегодно производил продукции на четыре миллиона рублей. В то время заметными звёздами на сельском «небосклоне» считались сельскохозяйственные предприятия, работавшие в миллионном режиме.

Богатевший зерном, мясом и молоком «Пачинский», по словам его тогдашних работников, в 1970–1980-х годах оказался на маршруте делегаций, хотя находился в стороне от шумных дорог. Главный зоотехник совхоза Людмила Петровна Черешня как-то подсчитала: за год совхоз принял 65 делегаций из разных уголков Советского Союза и других стран. Сюда с удовольствием приезжали за опытом партийные и хозяйственные руководители, министры и их заместители, аграрии из Венгрии и Болгарии, Германии и Индии, США и Кубы, Индонезии и Ганы, Кении и Югославии, Марокко и Алжира. Сюда же в 1983 году пролёг маршрут одного из ответственных работников ЦК КПСС. Благодаря этому случаю я познакомился с Пачей.

После 70-километрового автомобильного пути (существовал ещё и водный, по Томи) от Кемерова до Пачи, проходившего среди тайги, сосновых боров и берёзовых перелесков, московский гость и сопровождавшие его лица из обкома КПСС, выйдя из «Икаруса», не ощутили разницы между городом и деревней. Кругом – асфальт. Дома в несколько этажей и добротные кирпичные коттеджи на две квартиры. Дальше – ухоженный частный сектор. С центральной площади видна Венгерская улица с двухэтажными коттеджами на одну семью. Это строилась вторая очередь микрорайона, куда Вернер внёс венгерские мотивы, подсмотренные в побратиме Кузбасса – Ноградской области. А первая улица из более скромных кирпичных домов появилась ещё в 1968 году.

Небось, сам директор в таком теремочке живёт? Но вопрошавшие были разочарованы, когда узнали, что директорский дом находится чуть ли не на выселках, в другом конце деревни. И он ничем не отличается от обычного деревенского жилья. Михаил Матвеевич и его жена Татьяна Андреевна (Баранова в девичестве) с молодых лет «прикипели» к нему и до конца жизни не поменяли прописку. А благоустроенные хоромы с тёплыми гаражами строили для лучших тружеников полей и ферм, для специалистов и врачей, учителей и культпросветработников. Жилой фонд Пачи вернеровского периода создавали постепенно, при средней ежегодной сдаче 20 квартир. Строили как получалось. Где по специальным проектам, а часто по эскизам директора совхоза.

Кто из потенциальных новосёлов не был способен содержать приусадебное хозяйство, мог рассчитывать на отдельное жильё в двух многоквартирных домах из стеновых панелей Яшкинского завода.

Названия улиц в Паче созвучны советским временам: Ленина, Советская, 60 лет Октября, Новая, имени Гагарина. В домах – центральное отопление, горячая и холодная вода, разумеется, лампочки Ильича. Всего совхозные строители (тот метод назывался «хозспособом») передали сельчанам ключи более чем от 550 квартир общей площадью свыше 25 тысяч квадратных

метров. Если взять в руки арифмометр, то получается, что в среднем на одну квартиру приходилось по 45 с лишним квадратов, что является достойным сопоставлением с городскими мерками сегодняшней поры.

В посёлке не было ни грязи, ни бродившего совхозного и частного скота. Для частных коров, гусей, уток и куриц выделили особые маршруты до пастбищ и водоёмов за счёт специальных хозяйственных проездов. Они и сейчас никуда не делись. Действовало правило: за появление скотины в асфальтированном центре села на её владельцев накладывался штраф. Как и за любое загубленное деревце в черте населённого пункта.

Один из пачинских ветеранов недавно поведал мне свою жилищную историю. Жил он с семьёй в стеснённых условиях и решил перебраться в другую деревню, о чём сообщил Вернеру в заявлении на увольнение из отряда механизаторов. И он изумился, когда на следующий день около его скромного жилища загудела совхозная техника. Строители мигом подготовили площадку. А через месяц комбайнёр и ещё одна такая же семья праздновали новоселье. «При таком отношении к трудягам разве бросишь Пачу», – сказал мне старожил.

Руководству совхоза приходилось преодолевать немало барьеров, чтобы создать хорошие бытовые условия людям. Новые объекты, а ведь было ещё и производственное строительство, поглощали огромное количество кирпича, цемента, шифера, стекла и других материалов. А их государство отпускало по так называемым фондам. Гвозди и те оказывались в дефиците, не говоря уже о шурупах. Но местные аграрии находили разные способы сочетания собственных интересов с внешними обстоятельствами. Прибегали к помощи земляков, работавших в разных инстанциях и по всей стране, практиковали бартерные операции, а иногда заручались обкомовской и облисполкомовской поддержкой. За фондируемыми и выхлопотанными разными способами материалами каждый день грузовики выезжали из совхозного гаража в пять часов утра. За день совершали по два рейса. Из Кемерова привозили кирпич, из Анжеро-Судженска – стекло, белый силикатный кирпич для облицовки стен и наружного орнамента – из Красноярска. Гравий добывали на ближайших речных островах, которые горячие головы пробовали превратить в поля для зерновых культур, но быстро одумались, поняв, что в первое же половодье вся внесённая на острова органика и неорганика вместе с семенами и саженцами окажется в Томи. Организовали заготовку леса в тайге. Всех совхозных специалистов привлекал Вернер на воскресники. Среди них находились и вальщики деревьев, и их помощники. Михаил Матвеевич – в общей упряжке. Освобождали брёвна от сучков и сразу подвозили к совхозной пилораме. Обработкой древесины занимался строительный цех. В нём трудились бетонщики, каменщики, штукатуры, маляры, столяры и плотники. Всего сто человек. Лесозаготовителей – участников субботников и воскресников – вечером встречала совхозная турбаза отварной лосятиной по-пачински. Передохнули люди, а на следующий день каждый принимался за основную работу в полеводстве и животноводстве.

Жилья требовалось много, так как совхоз динамично развивался, увеличивал объёмы производства продукции. Жить в многонациональной Пачe стремилась инициативная молодёжь из разных мест Советского Союза. Ежегодно в совхоз приходили до 500 писем с просьбами предоставить работу. Много вакансий не было, но они периодически появлялись. Для претендентов существовал испытательный срок. В результате профессионально подготовленные, целеустремлённые, творческие личности получали не только работу, но и благоустроенное жильё. Выпускники московских сельскохозяйственных вузов, Новосибирского, Алтайского и других институтов составляли основу управленческих кадров.

Но пробившись в местную элиту, нужно было выдерживать сумасшедший производственный ритм, который задавал руководитель. С 5–6 утра и до позднего вечера Вернер был на ногах. В конторе находился мало – час-два в день от силы. Производственные совещания проводил ежедневно: утром и вечером, часто – непосредственно в поле, на культстане, ферме или стройплощадке. Почти всегда сам сидел за рулём служебного транспорта. Сначала – мотоцикла, потом – ремонтной летучки, затем – всюду проходимого уазика и напоследок – легковушки. Его «Волгу» с номером 12-31 КЕА знали все в округе: от уборщицы в совхозной конторе до дежурного милиционера райотдела. От обычных машин вернеровские автомобили отличались наличием в кабине постоянно работающей рации и толстенной записной книжки с номерами телефонов нужных ему людей. У

всех специалистов рации работали в том же режиме. Распоряжения директора могли поступить в любой миг. Они не обжаловались: Михаил Матвеевич не имел привычки по два раза повторять одну и ту же команду или задание. В этом, наверное, и есть смысл и административного, и командного управления.

На протяжении полутора десятилетий Вернер готовился к большой хозяйственной стройке. Он задумал создать в Сибири самый современный механизированный животноводческий комплекс, который должен был стать производственной основой агрогородка, с хорошим жильём, детским садом, школой, больницей и магазинами. И агрогородок уже вырисовывался. Его жителями помимо дипломированных специалистов совхоза становились врачи, учителя и культработники, а также крестьянские семьи из окружающих деревень с их полусгнившими хибарами и развалившимися от времени сельхозобъектами. И в Паче всё было устроено для приёма переселенцев.

Для животноводческого комплекса Михаил Матвеевич многое почерпнул, бывая на аналогичных объектах в Омской области. Некоторые «изюминки» раздобыл в Латвии, Белоруссии, на Украине, в Новосибирске, Вологде и Подмосковье, а также в европейских странах соцлагеря. Принципы, которыми он руководствовался, и цели, к которым стремился, формулируются просто. Доярки должны приезжать на работу на служебном автобусе и в туфельках, а не в резиновых сапогах. Трудиться должны посменно, а не от зари до зари. После вахты мастера машинного доения должны иметь возможность подкрепиться кислородным коктейлем или плотно покушать в столовой, позаниматься в цехе здоровья, пройти лечебные и физиотерапевтические процедуры, а на выходе в торговой точке комплекса приобрести необходимые для дома товары.

В животноводческий комплекс доярок в туфельках и домашней одежде однозначно не пускали. Там особый санитарный режим, строгие правила гигиены и эпидемиологической безопасности. Заступающим на смену дояркам и скотникам полагались специальные халаты и обувь. Перед входом в коровье царство нужно было обязательно продезинфицировать обувь и надеть бахилы. После смены рабочая одежда поступала в прачечную. Для животноводов работали душевые и комнаты гигиены, где сплошь – кафельная плитка. И везде – идеальная чистота, на окнах – живые цветы. Обстановка напоминала домашнюю. Все подсобные помещения для специалистов находились в отдельном от коровников корпусе, но под общей крышей. Значит, людям не нужно лишний раз выходить на улицу. Это важно, если памятовать о том, какими лютыми бывают зимы в Сибири, особенно в январе, когда столбик термометра может запросто подобраться к 50-градусной отметке.

В морозные дни, чтобы не терять надои молока, в коровники направляли тёплый воздух. Не было в них ни сквозняков, ни сырости. Доили животных три раза в сутки. На одну доярку приходилось 50 коров (в обычных коровниках – 15). С ними обращались ласково и называли по именам: Солнышко, Рябинушка, Умница, Недотрога, Зазноба и так далее.

У бурёнок – калорийный рацион. Для них готовили смеси из кукурузы, овса и ячменя молочно-восковой спелости. Корма, как правило, были своими – с зелёного конвейера, который обеспечивала одна тысяча гектаров орошаемых земель. А сезонная заготовка кормов на открытых лугах и в притаёжной зоне являлась летним фронтом не только для совхозных механизированных звеньев, но и для всех специалистов, а также для определённой части работников социальной сферы.

Михаил Матвеевич, как правило, вооружался не литовкой, а вилами, так как умел мастерски ставить стога. Со своим помощником он собирал по три-четыре зарода в день. Вдвоём они были способны за один час сметать пять тонн сена. В условиях сибирской жары это – громадная производительность. После сенокоса гуртом отправлялись на Томь, купались, на ближайшем островке восстанавливали потраченные силы посредством деревенских закусок: отварными картошкой и мясом, солёным салом и запашистым хлебом, капустой и лучком с грядки. Бывало, что коллективная работа, если лето оказывалось засушливым, захватывала и холодную осеннюю пору. Тогда рекордсмены на заготовке кормов получали приз – ящик водки (20 полулитровок) и угощали этим напитком всех участников трудовой битвы на лугах. Примечательно, что за всё время проведения таких мероприятий не произошло ни одного мало-мальского инцидента. А ведь многие всуе трендычили, что советский народ спивается. Однако к Паче это не имело никакого отношения.

Первая очередь комплекса возникла в 1981 году. Она была рассчитана на 1 200 коров и на тысячу голов молодняка. Затем в совхозе сдали в эксплуатацию вторую очередь комплекса и молочно-перерабатывающий пункт, механизированный коровник в Морковкино и цех по приготовлению кормов в Средне-Яшкино. Построили механические мастерские и просторный гараж в Паче, гравийную дорогу в Синеречку. Открыли два магазина, кондитерский цех и занялись выпуском газированных напитков. За вкусной продукцией народ приезжал в село из других мест. Необходимо отметить, что капитальное строительство велось без остановок основного производства.

В совхоз входили четыре отделения в семи населённых пунктах: Паче, Синеречке, Власково, Нижне-Яшкино, Морковино, Щемиловке, Миничево. Посевные площади достигали 9,5 тысячи гектаров. В «Пачинском» ежегодно надаивали по 3 500 килограммов молока и более от каждой коровы. Из села текли молочные реки, говорят сейчас его жители. Тогда содержали около 7 тысяч голов крупного рогатого скота – сколько в трёх-четырёх рядовых хозяйствах. Кроме того, выращивали 19,5 тысячи свиней, держали 150 лошадей и 150 пчелосемей. Совхоз имел 210 тракторов и автомобилей. Продукции выпускал, повторюсь, на 4 миллиона рублей в год. Его основные фонды «тянули» на 19 миллионов рублей. За последние десять лет хозяйствования по-вернеровски в 8 раз была увеличена продажа мяса государству и в 2,5 раза – производство молока.

Недавно знакомился с областной прессой. Узнал, что более 700 крестьян в 40 с лишним населённых пунктах в прошлом году сдали заготовителям столько-то молока. Сопоставил цифры. Тех же самых показателей Вернер добивался существенно меньшей численностью работников, силами животноводческих комплексов двух деревень. Вот вам и эпоха застоя.

Уже упоминавшаяся Людмила Петровна Черешня после окончания техникума ехала в Пачу с ящиком книг в кузове грузовика, мчавшегося по разбитым дорогам мимо дощатых свинарников, а уходила на пенсию в селе с городскими улицами и устроенными по последнему слову техники сельхозпредприятиями. Она с благоговением вспоминает Михаила Матвеевича Вернера и говорит, что тот мгновенно реагировал на казусы, один из которых числится лично за ней. А произошло вот что.

Людмила Петровна в техникуме была старательной ученицей и запомнила слова преподавателя: утреннее молоко получится отменным, если перед дойкой не кормить коров. А местные доярки поступали вопреки этому. Но Черешня настояла на своей теории. И тогда голодные коровы объявили забастовку и оставили ферму без молока. Вернер вызвал начинающего зоотехника «на ковёр» и по-дружески сказал: «Не глупи, пожалуйста».

Деревня хорошела. В Доме быта располагались парикмахерская, ателье по пошиву одежды и мастерская по ремонту обуви. Новую столовую украсили фресками. В год 30-летия Победы над фашизмом в Паче разбили парк с именными аллеями и красивым фонтаном – первым в сельской местности Кузбасса, с тянущимися к небу голубыми елями, обновлённым памятником землякам – героям Гражданской и Великой Отечественной войн, интересными скульптурными композициями на морскую тематику у фонтана и фигурами зверей среди деревьев. Эскиз парка набросал Вернер. Он же придумал рисунок для узорчатого забора. А ведь поначалу люди спорили: уж так ли нужен в деревне парк, если тайга и привольная река с перекатами и островами под самым боком? Но такой подход не устраивал Вернера. Отдых на дикой природе, по его мнению, – одно, а в парке – совсем иное. Сюда могут прийти молодожёны с детской коляской. Для отдыха им не надо облачаться в походную одежду.

Построили из кирпича трёхэтажную общеобразовательную школу. Кадры совхоз готовил себе чуть ли не с начальных классов. При Вернере был организован школьный телятник, где ребятишки разного возраста с удовольствием работали по графику, чтобы увлекательное занятие не мешало им готовиться к урокам. Для старшеклассников внеурочные занятия по сельскохозяйственной тематике проводили директор совхоза, главный агроном, главный инженер, главный зоотехник, главный экономист. На практику ребят приглашали в учебно-производственные лаборатории, мастерские, на поля и фермы. Совхоз обучал трактористов-машинистов и операторов машинного доения.

В Пачинской школе сформировали ученическую производственную бригаду «Урожай», которая занималась выращиванием овощных культур. Важно уточнить: школьники и сейчас продолжают это дело, обеспечивая своё учебное

заведение и детский сад капустой, картошкой и другими корнеплодами. В распоряжении бригады всегда был трактор с навесным оборудованием. Школьное поле – 30 гектаров. Для детей был открыт лагерь труда и отдыха «Колосок». Юноши заготавливали корма, работали штурвальными на зерноуборочных комбайнах. Приобретённый опыт помогал им во время службы в армии. После срочной службы юноши возвращались в родное село. Тогда каждый второй в Пачe был молодым человеком, до 30 лет. Женихов и невест – в достатке. Играли по 35 свадеб в год. Часто молодожёны в день бракосочетания получали квартиры. Число комсомольцев в совхозе выросло с 70 до 350. С 1982 года начали праздновать День села Пача. А демографическая ситуация была такой. В 1968 году в Пачe насчитывалось 1 100 жителей, 1989 году – почти 1 500. И это – застойный период?

Вернер замечал: население растёт, деревня благоустраивается, а за медицинской помощью людям приходится обращаться в больницы районного центра Яшкино и города Кемерово. Он привлёк в союзники местную власть, депутатов. Сообща добились открытия в Пачe участковой больницы, где подобрались прекрасные хирурги, терапевты, педиатры, стоматологи, фельдшеры и медицинские сёстры. В сельскую клинику стремились попасть на практику студенты Кемеровского мединститута. Об этом мне поведал профессор, доктор медицинских наук, заслуженный врач РФ Александр Михайлович Путинцев. По его словам, в пачинской больнице была прекрасная операционная, а в палаты селили по два человека.

Прогуливаясь по Пачe, не пройдёшь мимо детской школы искусств, хотя и расположена она в парковой зоне. Каждый день в ней занимаются музыкой, танцами и творчески растут сотни ребят. Тут особая аура. Дети после уроков в общеобразовательной школе проводят здесь вторую половину дня. Сравнил количество посещающих центр искусств с числом пачинских школьников. И эти цифры оказались очень близкими. С февраля 2001 года школа носит имя М. М. Вернера. Из нынешних её учащихся мало кто слышал о том, что добротное двухэтажное здание с большими окнами, светлыми классами, актовым залом, зимним садом, фонтанчиком и журчащим ручейком было построено под видом совхозной конторы. Непозволительная по тем временам самодеятельность Вернера обернулась для него несколькими строгими выговорами со стороны чиновников, но зато добрыми словами – со стороны сельчан.

В 2009 году по инициативе администрации Яшкинского района и при поддержке Международного союза немецкой культуры в Пачe состоялся Первый открытый районный конкурс юных музыкантов, вокалистов и художников имени М. М. Вернера. С 2011 года конкурс имеет статус межрегионального и всесибирского. Его мероприятия проходят и за пределами Пачи: в заповеднике «Томская Писаница», в Москве и Германии. Они собирают десятки ребятишек из Кузбасса, Омской, Томской, Новосибирской областей, Алтайского края, с Урала, других российских регионов и стран ближнего зарубежья.

Как рассказала мне председатель регионального координационного Совета немцев Софья Александровна Симакова, Вернер всячески поддерживал творческих людей. Эта жилка у него, видимо, от страсти к чтению, чем он «болел» всю жизнь, и от искренней дружбы с маститым живописцем Кондратием Беловым, который родом из Пачи и прекрасный музей которого находится в Омске. Белова сельчане считают почти что лауреатом Сталинской премии, ведь лишь малюсенькая формальность помешала принятию решения о присуждении ему звания лауреата.

Белов передал селу через Вернера шесть своих полотен. Сейчас их можно видеть в пачинских учреждениях и наслаждаться пейзажами Сибири. Сама же Пача присутствует в нескольких его работах, известных сельчанам, – «Пачинский пруд» (1965), «Комариный день» и «Вечер в родном селе» (1968), «Берёзовый мыс» и «Закат» (1975 год).

Вернер ввёл в практику пачинские пленэры для профессиональных художников. Они приплывали в село на теплоходах по Томи. По несколько дней здесь жили, творили. А в знак благодарности за радушное гостеприимство дарили свои этюды или законченные работы. Так возникла размещающаяся сейчас в школе картинная галерея.

Михаил Матвеевич был дружен с народными художниками России Александром Михайловичем Ананьиным, Александром Николаевичем Кирчановым, Павлом Афанасьевичем Черновым. Недавно в Кемерово я побывал в мастерской заслуженного художника РФ Ивана Ивановича Филичева, который сделал два графиче-

ских портрета Вернера в 1973 году. Он рассказал, что заставить позировать Михаила Матвеевича для живописного полотна было невозможно. Он всё время торопился. Проще было кемеровскому поэту Валентину Махалову, который, следуя по пятам за директором совхоза, написал о нём прозаический очерк. Вернер несколько раз бывал в мастерской Филичева. И тот вспоминает его как прекрасного собеседника.

Кемеровский поэт Александр Иванович Катков на всю жизнь запомнил, как осенью 1973 года литераторы Кузбасса на автобусе прибыли в Пачу. Встретил их Вернер, показал поля и фермы. Катков – выпускник Лейпцигского университета, поэтому не преминул перебросится с Михаилом Матвеевичем несколькими шутками на немецком языке. Но самым интересующимся совхозами, привесами, надоями и урожаями оказался Виталий Креков. Он был так заинтригован здешней сельской жизнью, что надолго задержался в животноводческом комплексе и вечером опоздал на творческую встречу с читателями, которые заполнили до отказа большой зал в сельском клубе.

Вернеру, мне кажется, как нельзя более подходят строки кемеровского поэта Сергея Лаврентьевича Донбая:

И когда у врагов не останется злости,
И когда свою нежность друзья истребят,
Я пойму, что во мне отражаются звёзды
И что птицы на мне, не пугаясь, сидят.

Директор совхоза трепетно относился к сельской, истинно народной культуре. Однажды в сельском клубе провалился пол на сцене под танцорами, в чём не дробь плясунов была виновата, а дряблые доски. Находившийся среди зрителей Вернер был готов сквозь землю провалиться. В результате затеял ремонт клуба, за счёт совхоза были приобретены концертный баян, другие музыкальные инструменты, пошиты костюмы участникам народного хора и танцевального коллектива.

Многоголосый сельский хор Михаил Матвеевич возводил в ранг объективного показателя уровня развития художественной самодеятельности в том или ином населённом пункте. Поэтому даже снимал со смены и отправлял в клуб на репетиции даровитых на голос доярок. Его участие в этом важном проекте переплавлялось в длительные овации пачинским хоровикам на конкурсах и торжественных мероприятиях районного и областного масштаба. А песня «Хлеб – всему голова» и частушки были таким весомым козырем, что слушать хор съезжались большие руководители из области. Один раз советское Центральное телевидение выделило 40 минут эфира проводам русской зимы в отдельно взятой Паче. Вся страна увидела её тройки лошадей с бубенцами, местных богатырей и смельчаков, лазающих по ледяному столбу с призами на вершине.

В грибном лесу, всего в 500 метрах от Томи была построена совхозная турбаза из двух корпусов с баней и бассейном. Она функционировала круглый год. Тут могли одновременно отдыхать два с половиной десятка человек. На турбазе проходили праздничные мероприятия для передовиков и новаторов производства. Один день – здесь, второй день проводили в кемеровских театрах, цирке и филармонии. Помимо того, сельским труженикам выделяли профсоюзные путёвки в Трускавец и Минеральные Воды, практиковали для них туристические поездки по стране и за границу.

Только в строительстве новой церкви не успел поучаствовать Вернер, уйдя из жизни в 2000 году. Деревянная церковь в Паче появилась полтора века назад. Потом её колокольня накренилась. Могла обрушиться. Поэтому в 1960-х годах храм пришлось снести. Однако сын Вернера, Евгений Михайлович Баранов, исполнил мечту отца. 12 июня 2011 года митрополит Аристарх прибыл в Пачу и совершил освящение на новом месте Свято-Троицкого храма.

В народе существует обманчивое мнение: будто бы в Советском Союзе всё было государственным, а государственная казна – бездонной. И вроде бы кто жил с государством «вась-вась», тот и получал дивиденды. Однако пачинцы в один голос утверждают, что это совсем не так. В их селе соцкультбыт был возведён в основном на средства, которые зарабатывал совхоз от реализации продукции. Так же происходило и со строительством сельскохозяйственных объектов. В Паче жизнь кипела круче, чем в других местах, поэтому совхоз зарабатывал больше, чем многие другие. И если середнячкам из заработанного на новое строительство выпадал, допустим, один рубль, то «Пачинскому» – в несколько раз больше.

При высоких совхозных достижениях в селе развивались личные подворья. На 1 300 дворов

приходилось почти 2 500 голов крупного рогатого скота, свиней и овец. Не счесть было птицы. А еще нужно принять во внимание пчеловодов с их ульями.

Вся деятельность Вернера и его команды подчинялась простой и труднодостижимой цели. Они хотели, чтобы люди на селе с полной самоотдачей трудились на хорошо организованных рабочих местах, повышали профессиональное мастерство, имели время для самообразования, знакомства с культурным наследием страны, а также для занятий приусадебными делами. Можно считать, что эта цель была достигнута, хотя, как мы знаем, нет предела совершенству.

Естественно, возникает вопрос: каким образом Пача приобрела деятельного, инициативного, прозорливого, смекалистого и хваткого руководителя? Ответ такой: именно здесь он сформировался. А родился Вернер в 1923 году (в глинобитной хате с глиняным полом и крытой соломой крышей) в многодетной семье виноградарей и полеводов немецкой слободы Мариенталь, что возникла в Приазовье в 1880 году после переезда туда воронежских крестьян. В 1938 году попал в жернова политических репрессий и был расстрелян отец, Матвей Матвеевич, воин русской армии в Первую мировую войну, а затем мирный агроном-виноградарь. В 1941 году Михаил Матвеевич окончил девять классов. Началась война. Мать, сестру и его самого вместе с другими односельчанами немецкой национальности в товарняке привезли в Сибирь.

Путь 47-летней матери Регины Фёдоровны и 15-летней сестры Марты пролёг в Юргинский район Запсибкрая, а Михаила призвали в трудовую армию на строительство железной дороги в районе будущего города Междуреченска. Оттуда торили магистраль к железным рудникам Хакасии. Это направление имело стратегическое значение и должно было ускорить доставку военных грузов к дальневосточным границам.

В отряде трудармейцев Вернер трудился бок о бок с русскими, украинцами, финнами, румынами, венграми, итальянцами, корейцами, белорусами, калмыками, татарами и представителями других наций и народностей, олицетворявших интернациональный Советский Союз. Он мог бы сродниться с железной дорогой, если бы не случай. Произошло вот что. Весной 1942 года Михаил заслужил поощрительную поездку к матери в деревню Грамотуха. Но начавшийся ледоход не позволил ему после 50-километрового пешего хода добраться на противоположный берег Томи. И он был вынужден заночевать в Паче.

Выдвинулся в деревню на дымок и оказался на конном дворе. В сбруйной около буржуйки мертвецки заснул. А утром его разбудил директор МТС Яков Лаврентьевич Ковалёв (впоследствии кавалер ордена Ленина) и предложил работу в кузнице с обещанием уладить отношения с трудармией. Вернер согласился. Семья Фридриха Фридриховича Фраймана, приехавшая в Сибирь из Поволжья, приютила новенького молотобойца. Работы в кузнице было очень много. Однако по ночам Михаил принимался за чтение при лучине. Читал «Страдания молодого Вертера», «Три мушкетёра», «Графа Монте-Кристо» и революционно-романтический роман «Овод». А тут ещё влюбился в почтальонку Татьяну Баранову. И в 1944 году они поженились.

До 1950 года он работал слесарем-медником и электросварщиком Пачинской МТС. Познал премудрости обработки хрупкого чугуна, сварки простой и нержавеющей стали. Научился делать детали для тракторов, сеялок и комбайнов. Мастеровитость, видимо, у него природная. Не случайно позже он изобрёл приспособления для ускоренной уборки царицы полей – кукурузы, усовершенствовал методы ремонта сельхозтехники непосредственно в поле. В 1954 году стал курсантом училища механизации сельского хозяйства в посёлке Школьный Прокопьевского района, где получил специальность бригадира тракторной бригады с квалификацией слесаря и кузнеца. В 1955 году Вернера назначили участковым механиком, потом механиком-контролёром МТС и пригласили преподавать на курсах трактористов.

Сын, Евгений Михайлович, хорошо помнит пачинские университеты отца. Вечерами Михаил Матвеевич преподавал на курсах трактористов, а днями мотался по полям и деревням. Иногда на весь день брал сына в будку ремонтной летучки на базе автомобиля ЗИС-5. «Лечить» сломанные трактора и комбайны Вернер старался у межи поля. Вскоре его повысили в должности до заместителя председателя колхоза имени Мичурина по технике и закрепили за ним мотоцикл Иж-49. По словам сына, с работы отец приходил поздно, а уезжал на колхозные поля ни свет ни заря. В 1960 году после выхода постановления Совета министров СССР о создании совхоза «Пачинский» Михаила Матвеевича назначили главным инженером.

Коммунисты совхоза в 1961 и 1962 годах избирали его секретарём партийного комитета. Так Вернер попал в кадровый резерв райкома партии. А там при рассмотрении его кандидатуры обратили внимание на отсутствие среднего образования. И 39-летний Вернер сел за школьную парту вместе с одиннадцатью другими совхозными работниками, а затем заочно окончил сельскохозяйственный институт в Барнауле.

В 1963 году Михаила Матвеевича назначили директором совхоза «Пачинский». В этой должности он прослужил Отечеству до 1987 года. Вернер был награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почёта». Он – заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР, почётный гражданин Кемеровской области и почетный житель Яшкинского района.

Кроме того, он собрал историю своего рода и сохранил для потомков важные документы семейной направленности. Эта кропотливая работа характеризует его как усидчивого и дотошного исследователя. Сведения о родственниках и документы он собирал с молодости и до конца жизни. Записи вносил в специальную книгу. Теперь они – основа для создания генеалогического древа, которое позволит нынешнему и будущим поколениям соотносить глобальные события в стране и мире с непростыми порой судьбами Вернеров и Барановых.

Чем же занимался Михаил Матвеевич в минуты отдыха? Не поверите. Он обожал домашнюю кулинарию, находя в ней избавление от стрессов. Предпочитал самостоятельно готовить тушёнку, вяленые и копчёные мясопродукты, колбаску ручной работы на немецкий манер. Слюнки уже текут. Пальчики облизываю. Тем более в прошлом единожды имел прикосновение к пачинским разносолам и участвовал в их употреблении. Таких гостей перед директором совхоза прошли сотни и тысячи. Однако уж очень хлебосольным он был мужиком.

Дома у него всё было вкуснее, чем в общепите. Ведь в собственной кулинарии он применял экзотические добавки, а их дозировку определял с помощью аптекарских весов. Для своих солений он вводил обязательный 40-дневный мораторий, что в момент их пробы усиливало аппетит домочадцев и желание поскорее отведать огурчики и помидорчики вприкуску с тушёночкой и домашней стряпнёй.

Так что самым естественным образом в начале 1980-х годов, то есть в момент моей первой поездки в Пачу, для представителя ЦК КПСС и сопровождавших его работников обкома партии после знакомства с совхозом Вернер устроил неофициальный приём в просторном зале сельской столовой. Сытный обед в присутствии за общим столом ударников производства сопровождался тремя тостами и завершился здравицей гостя из столицы в честь Леонида Ильича Брежнева.

В этот миг все поднялись с мест. И заметно выделялась густая и кучерявая шевелюра могучего Вернера, олицетворявшего собой когорту лучших представителей многонационального советского народа и великой державы. Он, как всегда, был внутренне собран и с доброй улыбкой на лице. В то мгновение я воспринимал его как некоронованного Героя.

И последнее. Вернер нечасто выезжал за пределы Кемеровской области, но там быстро начинал тосковать по своей второй, после приазовского Мариенталя, малой родине. Его не раз уговаривали вернуться в Ставропольский край. «Душа у меня теперь иная, преданная Паче. Здесь живое дело, конкретные результаты», – говорил он и отвечал отказом.

г. Кемерово

Александр СМЫШЛЯЕВ

ЖЕЛЕЗНАЯ ГОРНАЯ ШОРИЯ

История открытия, разведки и освоения железорудных месторождений Горной Шории

ГЛАВА 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Начало горнозаводскому делу в Сибири положила потребность России в меди, серебре и золоте. А уж когда Пётр Первый создал Рудный приказ и в 1700 году дозволил всякому отыскивать эти металлы, строить заводы и «делать товар на государя», то не только вольные мужики, но и уральские крепостные бергалы (горные рабочие) побежали в Сибирь искать свободы и фарта. Именно беглые бергалы Степан Костылев и его сын Яков в 1723 году дошли до Алтая и наткнулись на медную руду на месте древних Чудских копей в Змеиной горе. Образцы руды они прислали своему бывшему хозяину Акинфию Демидову, который тут же снарядил в Змеиногорский уезд Алтайского округа геологическую экспедицию во главе со штейгером (горным мастером) Ф. Е. Лелесновым. Специалисты подтвердили наличие месторождения меди, которое содержало в рудах и большое количество золота и серебра, после чего, в 1726 году, Демидов построил на Алтае медеплавильный Колывано-Воскресенский завод.

А немногим ранее, в 1721 году, рудознатец Михайло Волков нашёл уголь в Горелой горе на реке Томь, в семи верстах от Верхотомского острога (на месте современного города Кемерово). Образцы, взятые Волковым, были отправлены в Берг-коллегию в Санкт-Петербурге, члены которой проявили большой интерес к кузнецкому углю, дав ему высокую оценку.

В том же году немец Даниил Готлиб Мессершмидт, доктор медицины на русской службе, тоже пришёл в Кузнецы, как называли тогда земли в верховьях реки Томь с её притоками Кондомой, Мрас-Су и Бель-Су, чтобы изучать биологию и этнографию. «Мы узнали от одного шведа по имени Александр, что за Кузнецком, вверх по реке, живут татары разбросанно, по 2–3 юрты, – писал Мессершмидт в своём дневнике 6 мая 1721 года. – Они язычники и ничего другого, кроме ячменя, не едят. У них нет для пашни ни лошади, ни плуга. Всю работу выполняют вручную, с помощью особого железного крюка, спереди сделанного широким…»

Татарами (или кузнецкими татарами) Д. Г. Мессершмидт называл шорцев. Узнал он этот термин, конечно же, от местных русских, которые пришли в Кузнецы ещё в 1608 году для сбора ясака, в 1615 году основали острог в районе нынешнего Абагура и селение Ягуново, а в 1618 году поставили Кузнецкий острог. С тех пор русские люди жили здесь постоянно, неся сторожевую службу и занимаясь в основном охотой и хлебопашеством. Татары заинтересовали Мессершмидта ещё и тем, что, по рассказам, умели выплавлять из руды железо. Но, похоже, татарских кузнецов Мессершмидт так и не встретил, хотя поднялся вверх по Томи и добрался до Минусинской котловины. По пути он отметил «огнедышащую гору» на правом берегу Томи, напротив нынешнего села Атаманово, и отобрал образцы горных пород. После своего семилетнего путешествия по Сибири он привёз в Петербург целую коллекцию пород и минералов, и М. В. Ломоносов, разбирая её, определил, что «огнедышащая гора» на берегу Томи – это горящий угольный пласт, выходящий на поверхность.

Воочию наблюдать работу шорских рудознатцев и плавильщиков довелось другому немецкому учёному на русской службе, участнику Второй Камчатской экспедиции Иоганну Георгу Гмелину. Вместе со своим соотечественником историком Герардом Фридрихом Миллером он руководил академическим отрядом экспедиции, который прошёл через Сибирь к Охотскому морю. Побывали учёные и в Кузнецкой земле.

На Гмелина было возложено естественнонаучное изучение территорий, по которым шёл маршрут. Поднялся Гмелин и вверх по реке Кондоме до устья её притока реки Мундыбаш, а затем по Мундыбашу добрался до выходов магнитного железняка, который добывали и переплавляли шорцы (кузнецкие татары). Они добывали и плавили руду на месте нынешней деревни Сухаринки, недалеко от горы Темиртау (Железная гора – тюрк.). Гмелин достаточно подробно описал процесс плавки железа.

Исследователи того времени считали, что «в Томской вершине живут 200 человек кузнецов»,

другие называли большее количество: «тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнечное дело». Сколько бы их ни было, но потребность в железных изделиях со стороны соседних кыргызов, телеутов, джунгаров не могла не привести отдельные семьи шорцев к этому промыслу, тем более что выходы окисленной руды лежали под ногами. Производство железных изделий становилось для многих шорцев главным занятием. Излишки (оружие, конскую упряжь, орудия труда, утварь) они отдавали в ясак, обменивали у кочевников и местных жителей на скот и ячмень.

В 1721–1730 годах в Западной Сибири работал военный отряд геодезиста Петра Чичагова. Съёмкой был затронут и бассейн реки Томи. По результатам работ была составлена в том числе и Ландкарта Кузнецкого уезда.

В 1744 года Алтайские и Кузнецкие земли по приказу императрицы Елизаветы Петровны перешли из частных рук в ведение Кабинета Её Императорского Величества, был создан огромный по территории Колывано-Воскресенский горный округ. Минералог Василий Чулков, прознавший о месторождении железной руды на левом берегу реки Томь-Чумыш, предложил построить там железоделательный завод, который и был воздвигнут в 1771 году и получил название Томского завода. Он стал первым горнозаводским объектом на Кузнецкой земле.

Завод располагался в глухой Салаирской тайге, в 50 километрах к западу от Кузнецка, на территории нынешнего Прокопьевского района. Руду для него брали не только на месте, но и везли на телегах из горношорской тайги. Первым горношорским рудником были так называемые Сухаринские копи, где руду добывали местные промышленники из крестьян: Муратов, Бессонов и Хабаров. Добыча велась открытым и подземным способами. Для этого были пройдены вертикальная шахта, две штольни и два этажа штреков. В начале 1790-х годов в Горной Шории добывалось ежегодно до 27 тысяч пудов железных руд, из них до 12 тысяч пудов – с Шолбанских копей и до 15 тысяч – с Сухаринских.

Шолбанские (Учуленские) руды были открыты в 1750 году во время поисковых работ в окрестностях Сухаринских рудных залежей. В 1785 году они были окончательно исследованы и рекомендованы к эксплуатации для нужд Томского завода. В 1786 году бергешворен (горный управитель) Линденталь проехал на лошадях по рекам Мундыбаш, Сухаринка, Учулен и Тельбес. Им были открыты железные руды Тельбеса.

Корпуса Томского завода были деревянными, горны сложены из кирпича. Выпускались чугун и сталь. Плавка велась на древесном угле. Засыпщики, задыхаясь от газов, вручную загружали в печь руду, уголь, флюсы. Четыре раза в сутки чугун выпускали из печи, и он шёл по дорожкам, сделанным в земляном полу, застывая в песчаных формах. Железо производилось в особых кричных горнах.

К концу XVIII века Россия превратилась в одну из ведущих горнодобывающих держав мира. Она была обеспечена почти всеми видами минерального сырья, необходимыми для развития промышленности. Крупные горнодобывающие и металлургические центры сложились в европейской части страны и на Урале, закладывались на юге Сибири и в Забайкалье. Если в начале века производилось ежегодно до 16 тысяч тонн чугуна, 5 тысяч тонн меди, 2,2 тысячи тонн серебра, 3,2 тысячи тонн пищевой соли, то к концу века только Урал давал около 120 тысяч тонн чёрного металла, а по всей России было выплавлено 180 тысяч тонн чугуна. В широких масштабах началась добыча каменного и бурого угля, торфа.

С открытием богатых салаирских серебряных руд был построен Гавриловский завод (назван в честь начальника алтайских заводов Гаврилы Качки), пущенный в эксплуатацию в 1795 году. В 1816 году на реке Бачат возвели ещё один сереброплавильный завод для руд Салаира – Гурьевский (назван в честь святого мученика Гурия). Но вскоре этот завод сменил специализацию и превратился в железоделательный, так как неподалёку находились два месторождения железных руд – Ариничевское и Юрманское. Именно на Гурьевском заводе впервые применили для плавки железной руды кузнецкий каменный уголь.

В 1834 году горный инженер Лука Александрович Соколовский описал месторождения каменного угля в окрестностях Салаирского рудника. Он определил площадь «каменноугольной области» в 40 тысяч квадратных вёрст, отметил мощность угольных пластов, богатые месторождения железных руд в Шории и судоходную реку Томь как удобный путь сбыта продукции. Публикация Соколовского в «Горном журнале» в 1842 году привлекла внимание учёных. Под впечатлением от статьи в том же году

чиновник по особым поручениям при Корпусе горных инженеров России Пётр Александрович Чихачёв срочно выехал из Петербурга в Кузнецк, где обследовал обширную территорию края и открыл Кузнецкий угольный бассейн, который буквально поразил его мощными угленосными отложениями между хребтом Алатау и реками Томь, Кондома, Мрас-Су и Уса. Своим названием Кузнецкий бассейн обязан именно Чихачёву.

Ещё до Соколовского, в 1830 году, шихтмейстер Сухаринских копей (помощник заводского управителя) Нечкин на реке Мундыбаш (Мандыбаш, как тогда произносилось и писалось), недалеко от Сухаринки, нашёл ещё один выход окисленной красно-бурой железной руды в глине. На месте находки начал работать Нечкинский прииск (нынешняя Кедровка), руда которого также увозилась на Томский завод.

В 1861 году в России отменили крепостное право, что позволило крестьянам, а также приписным заводским рабочим – бергалам – менять место жительства. Бергалы массово покидали рудники и заводы. Нехватка рабочей силы, а также устаревшее оборудование привели к закрытию Томского железоделательного завода (1864 г.), Салаирских рудников и Гавриловского сереброплавильного завода (1897 г.). В чёрной металлургии Сибири остался лишь Гурьевский завод, монопольное положение которого позволило ему не только выжить, но и нарастить объёмы производства в три раза.

В 1861 году была разрешена частная добыча золота на кабинетских землях. В 1863 году в Алтайском горном округе уже было 53 частных прииска с численностью рабочих в 2 500 человек, в Мариинском округе – 71 частный прииск с 1 500 рабочими. В 1890 году алтайские частные прииски дали 98 пудов золота, Мариинские – 33 пуда. Наиболее знаменитыми золотопромышленниками были купцы Асташевы, Мальцевы, Поповы, Кузнецовы.

В 1880 году на землях Кабинета образовались две крупные частные компании: «Алтайское золотопромышленное дело» В. И. Асташева и К° и «Южноалтайское золотопромышленное дело» С. И. Мальцева и К°, расположенные в Горной Шории (пос. Спасск). В 1889 году Асташеву принадлежало на праве частной аренды 17 приисков с ежегодной добычей 15 пудов золота, Мальцеву – 9 приисков, дававших ежегодно 40 пудов золота. Более 50 процентов золота, добываемого частными компаниями, приходилось на их долю. Весь добытый металл полагалось сдавать по твёрдой цене в казённые золотосплавочные лаборатории.

В 1894 году при Кабинете Его Императорского Величества была организована специальная Геологическая часть, занявшаяся геологическим изучением алтайских и кузнецких земель. Съёмку земель Кабинета вели опытные геологи и видные учёные: Александр Александрович Иностранцев – профессор Петербургского минералогического общества и Петербургского общества естествоиспытателей, Борис Константинович Поленов – профессор Казанского и Пермского университетов, Герман Германович Петц – сотрудник Геологической части Кабинета, Иннокентий Павлович Толмачёв, Павел Николаевич Венюков – профессор Казанского, а затем Киевского университетов. В начале XX века в Кузбассе проводили научные изыскания Михаил Антонович Усов и Павел Павлович Гудков – профессора Томского технологического института, Владимир Афанасьевич Обручев – знаменитый исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии.

Именно в это время, в 1890-е годы, были открыты все важнейшие железорудные месторождения Горной Шории. Далее мы расскажем об истории открытия, изучения и эксплуатации горношорских железных рудников.

ГЛАВА 2. В ТАЁЖНЫХ ДЕБРЯХ ГОРНОЙ ШОРИИ

1

Там, где реки Мундыбаш и Тельбес впадают в Кондому, начинается Горная Шория, таёжные массивы которой тянутся на юг до Бийской гривы – северной оконечности Горного Алтая. И до сегодняшнего дня места эти остаются труднопроходимыми. Лишь узкие ленты железной дороги да асфальтированная автотрасса, соединяющие Шорию с Кузбассом (Таштагол с Новокузнецком), позволяют проникнуть в этот удивительный по красоте уголок Земли. Но как только отойдёшь в сторону – сразу оказываешься в настоящих таёжных дебрях, в которых преобладают пихты, кедры, березняки и осинники. Рельеф среднегорный, мягкий, волнистый, с бесконечными увалами, называемыми здесь гривами, узкими долинами горных рек. Лишь далеко на юге, под Таштаголом, высятся гольцы Мустага – доминирующей вершины Горной Шории.

Если в наше время тайга остаётся труднопроходимой, то что уж говорить о прошлых веках, когда русский человек только начинал проникать в шорские дебри. Первыми пришли сюда казаки. Вскоре они основали свою станицу Калтан. За ними пошли священники. Опорным пунктом для православных миссионеров стал улус татарина (шорца) Кузедея, по имени которого миссионерский стан назвали Кузедеевским. Он удобно располагался на берегу Кондомы. Отсюда можно было легко добираться до Калтана и Кузнецка, а также подниматься по Кондоме в шорские пределы.

Крестить кузнецких татар начали в 1831 году, тогда же их стали называть шорцами – по имени рода шор, жившего в пределах Кузедеева.

Проникали в глубины шорской тайги и беглые крестьяне, и бергалы, создавали свои заимки и зимовья. Селились семьями староверы. И, конечно, шли исследовательские экспедиции, в том числе геологические. С открытием железа и золота начали строиться небольшие промыслы и прииски в Сухаринке, Кедровке, на речках Петропавловке и Фёдоровке. В 1845 году открылся прииск в Спасске. Кузнецкие и горношорские промыслы снабжали железной рудой Томский и Гурьевский железоделательные заводы. Но к концу века сырья для заводов Кабинета стало не хватать. Для поисков и разведки рудных залежей в 1893 году было создано Акционерное общество Восточно-Сибирских чугуноплавильных, железоделательных и механических заводов. Именно это общество и исследовало на первоначальном этапе горношорские месторождения железных руд.

Сразу же после создания, в 1893 году, Общество Восточно-Сибирских заводов направило в Тельбес разведочную партию под руководством горного инженера Андрея Антоновича Крупского (1854–1895), первооткрывателя салаирского золота, родственника будущей жены В. И. Ленина – Н. К. Крупской.

2

Партия А. А. Крупского прибыла на реку Тельбес в начале лета 1893 года. Полевой лагерь разбили на правом берегу реки у подножия Тельбесской горы, где и сосредоточили основные исследовательские работы. Сам Андрей Антонович Крупский занялся непосредственно Тельбесским месторождением, а его коллега и товарищ (привлекающийся к работам в летние периоды) горный инженер Василий Андреевич Буштедт начал поэтапно исследовать территории, прилегающие к Тельбесу.

Восемь долгих лет понадобилось геологам «Общества Восточно-Сибирских заводов», чтобы провести предварительную разведку Тельбесского железорудного месторождения. За это время здесь было пройдено 36 шурфов, 3 шахты – «Семейная», «Первая» и «Вторая», несколько штолен.

В первый же год работы партии, то есть в 1893 году, геолог В. А. Буштедт открыл Одрабашское рудопроявление, находящееся неподалёку от Тельбесского месторождения, на левом берегу реки Тельбес. О месторождении знали ещё с середины XIX века, но оно не было нанесено на карту, поэтому пришлось предпринять детальное опоискование местности.

К концу лета Буштедт предпринял большой поисковый маршрут по реке Тельбес и её притокам. В районе ручья Каз им были обнаружены признаки железной руды, которые, однако, остались неизученными. Специалисты вернулись туда в 1895 году и подтвердили наличие железной руды.

В 1897 году Василий Андреевич Буштедт перевалил через гору Большой хребет (Улуг-Даг) и в верховьях ручья Полгашты (местными жителями ныне зовётся Золотушкой) открыл ещё одно рудопроявление железа. Кроме того, он осмотрел известное с 1830-х годов Учуленское железорудное проявление, которое также внёс в реестр перспективных объектов. Но самое большое открытие ожидало его на склонах горы Темиртау, где он обнаружил выходы богатой железной руды.

Кто он, горный инженер Василий Андреевич Буштедт, первооткрыватель железных руд Одра-Баша, Темиртау и Каза?

Родился он в большой немецкой семье провизора на Алтае в 1854 году. В 1882 году окончил Петербургский горный институт и вернулся на Алтай, где состоял при Горно-геологическом управлении Алтайского горного округа, затем перешёл в Горное управление Кабинета Его Императорского Величества (1885), был управляющим Сузунским серебро- и медеплавильным заводом (1888–1901). В 1892 году открыл железную руду (бурый железняк) на Салаире. В 1893 году получил звание надворного советника. Год смерти неизвестен.

Его два брата Виктор Андреевич и Илья Андреевич также были горными инженерами. Все

служили на Алтае. Старший брат Виктор Андреевич Буштедт дослужился до начальника Алтайского горного округа (1918 г.).

В 1898 году Василий Андреевич Буштедт с группой горнорабочих вновь пришёл с Тельбеса на гору Темиртау, чтобы провести предварительную разведку открытого им рудопроявления. На 11 разведочных линиях партия прошла большое количество мелких раскопов, 26 шурфов и небольшую шахту «Владимир» глубиной 6,1 сажени. В шурфах были встречены бурые и магнитные железняки.

На Одрабашском месторождении проводил работы сам инженер А. А. Крупский. В 1893 году им было пройдено четыре шурфа, которые вскрыли лишь бедную руду. В 1894 году работы сосредоточили в северо-восточной части месторождения. В глубоком шурфе встретили залежь магнетита. Из забоя шурфа были пробурены две алмазные скважины. Обе прошли по магнитному железняку и так и не вышли из рудной залежи.

В 1898 году на Одра-Баше прошли шахту «Мария», заданную несколько в стороне от рудного тела. Шахта вскрыла сплошную вмещающую породу с включениями магнитного и бурого железняка.

Братья Буштедт

В 1900 году Общество Восточно-Сибирских заводов было ликвидировано, геологические исследования в Горной Шории остановлены. Но результаты работ впечатляли. Разведка подтвердила наличие запасов магнитных железных руд почти в 200 миллионов пудов (около 3,2 млн т). С их находкой на повестку дня вставал вопрос о необходимости использования этих богатых руд и строительства в данном районе металлургического завода. Проведение Сибирской железной магистрали заставило кабинетское ведомство поставить вопрос о необходимости развития собственной каменноугольной промышленности в крупных масштабах. И Кабинет продолжал поисковые работы. По мнению учёных и геологов-практиков, уникальное сочетание залежей железных руд с такими же большими запасами каменного угля и дешёвым строительным лесом, огромные месторождения белой огнеупорной глины, создавали все условия для возведения в Кузнецком регионе крупнейшего завода чёрной металлургии.

3

Возобновились работы лишь в 1911 году, но их проводили не отечественные промышленники, а французский подданный Шнейдер – владелец орудийных заводов, которому требовалась железная руда. По договору с российским правительством он в счёт собственных инвестиций получил разрешение на разведку Тельбесского и Темиртауского месторождений.

Французы, убедившись в том, что транспортировка руды из Горной Шории будет весьма затратной, собственно исследовательские работы провели в минимальных объёмах. Зато своими работами они вызвали ревность у русских горнопромышленников, а потому уже в 1913 году Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей и металлургических заводов (Копикуз) наняло геолога, преподавателя Томского политехнического института Павла Павловича Гудкова для составления проекта геологоразведочных работ в Кузнецком крае, в том числе Горной Шории. Выбор кандидатуры П. П. Гудкова для такой ответственной работы не был случайным. Его знали в Кузнецком крае как прекрасного геолога, полевика и учёного, первооткрывателя и исследователя многих золотых россыпей в районе Мариинска, Берикуля и Ачинска. Золотые прииски «Богом дарованный» на реке Кие и «8-я Берикульская площадка» полностью были

разведаны им. Теперь предстояло заняться рудным железом. И он с головой окунулся в новую для себя тему.

Гудков опирался на данные горных инженеров Крупского и Буштедта. Им рассматривались два перспективных в отношении железных руд района, исследованные указанными геологами: западная, бачатская часть Кузнецкой земли с рудами, представленными сидеритом и сферосидеритом (у деревень Красноярской, Бачатской, Бояровской и др.), и Тельбесский район с магнетитовыми рудами.

В программе работ на 1914 год П. П. Гудков писал:

«Инженер Буштедт высказывается о месторождениях сидерита как о не заслуживающих внимания, а инженер Крупский, категорически отказавшийся после разведки от своего прежнего оптимистического взгляда, находит, все же, желательной дальнейшую разведку. Я склоняюсь больше к мнению Буштедта… Поэтому останавливаюсь только на Тельбесской группе месторождений…

[Эти] месторождения магнитного железняка находятся к югу от Кузнецка в системе рек Тельбес и Мандыбаш. Главное из них, наиболее разведанное в прежнее время и разведываемое сейчас, собственно Тельбесское. Менее разведанное – месторождение Одра-Баш <…> Еще менее разведано месторождение Темир-Тау <…> Оно отличается содержанием в руде хлорита… Наконец, совсем не разведаны <…> месторождения на реке Сухаринке (приток Мандыбаша), на реке Алгаин – около восьми верст на северо-восток от Сухаринки, на реке Младшая Таянза – около пяти верст от Алгаинского, на реке Полгашты (левый приток реки Каз, впадающей в Тельбес) – около 6 верст к востоку от месторождения Темир-Тау».

К этому времени был открыт прекрасный по качеству уголь в районе Калтана и Кандалепа, поэтому промышленный интерес к железорудным месторождениям Тельбеса возрос.

«Для исследования этого района я намечаю, – писал в программе на 1914 год П. П. Гудков. – 1. Поставить разведочные работы на Одра-Баше, Темир-Тау, Сухаринке, Алгаину и Младшей Таянзе, причем на Одра-Баше предполагаю задать несколько подземных выработок (шурфов), на Темир-Тау – поверхностные канавы, в остальных районах, прежде всего, – отыскание коренных выходов месторождений, а затем – канавы. 2. Организовать магнитометрическую съемку на Темир-Тау, а в зависимости от результата и времени работы, также и на Сухаринке, Алгаине и Таянзе. 3. Произвести детальные геологические исследования на всей площади».

Магнитометрическая съёмка, проведённая экспедицией П. П. Гудкова, выявила на Темиртаусском месторождении четыре рудных тела.

В разведочных работах участвовал и геолог М. А. Усов. Экспедиция выявила в районе Тельбесского железорудного месторождения значительные залежи магнитного железняка в Темиртау и Одра-Баше. Причём из всех месторождений района Темиртау оказалось наиболее крупным по запасам руды, подсчитанным профессором Гудковым (к этому времени он уже стал профессором Томского ПИ), в количестве 15 миллионов тонн.

Позже, в 1924 году, известный геолог М. А. Усов, коллега и товарищ Гудкова, говоря об итогах тельбесских работ последнего, писал: «В общем и целом данные, опубликованные Гудковым, отвечают действительности <…> Можно согласиться, что в месторождениях района найдется верных запасов до 30 млн тонн руды, но нужно иметь в виду, что эти запасы разбросаны сравнительно небольшими массами в целом ряде довольно труднодоступных мест и что добыча руды обойдется, вероятно, достаточно дорого. Во всяком случае управление Кузбасстреста должно сохранить все материалы, которые были получены Копикузом при разведке Тельбесских месторождений и которые заключаются в массе отчетов о проходке канав, шурфов, шахт, штолен и буровых скважин о произведенных геологических исследованиях, о выполненных магнитометрических съемках, а также в ряде докладных записок, в частности, об экономических предпосылках развития кузнецкого металлургического дела. Все эти материалы имеют тем большую ценность, что железоделательная промышленность Западной Сибири может быть основана лишь на магнетитовых рудах Тельбесского района за отсутствием в области других месторождений, достаточно солидных для снабжения рудою более или менее крупных заводов».

Надо добавить, что П. П. Гудков с 1914 года и до своего отъезда из Томска в Омск (1919 г.) бессменно руководил всеми поисковыми и разведочными работами в Кузбассе и Горной Шории.

В июле 1918 года он был назначен управляющим Министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства (Колчака), поэтому переехал в Омск. Используя свои возможности правительственного чиновника, он создаёт в 1918 году Сибирский геологический комитет и становится его первым директором. В состав Сибгеолкома вошли многие геологи Томска и других научных центров Сибири. Этой организации суждено было сыграть выдающуюся роль в изучении природных богатств Сибири. В конце 1919 года Гудков вошёл в состав Дальневосточного геологического комитета, состоял профессором Владивостокского политехнического института. В 1921 году П. П. Гудков уехал в США и там остался. В 1926 году он открыл свою консультационную контору в Лос-Анджелесе и стал ведущим геологом-нефтяником в Калифорнии. В 1927 году принял гражданство США, являлся членом ряда американских и зарубежных научных обществ и академий.

4

Итак, «Копикуз» свою работу сделал. И сделал качественно. П. П. Гудков проводил исследования до конца 1916 года. Но и после Февральской революции «Копикуз» не свернул работу в Кузнецком крае. 22 апреля 1917 года на собрании акционеров общество слилось с Акционерным обществом Алтайского металлургического завода в единое Кузнецкое каменноугольное и металлургическое общество (с прежним кратким названием «Копикуз») с капиталом в 24 миллиона рублей. В том же году выросла добыча угля, продолжилось строительство коксовых батарей и химического завода в Кемерово, началось строительство металлургического завода в районе Кузнецка, для чего Временное правительство 21 мая 1917 года приняло решение о предоставлении «Копикузу» беспроцентного аванса.

Увы, этим грандиозным планам не суждено было реализоваться. В октябре 1917 года партия большевиков свергла Временное правительство России и захватила власть. В городе Кузнецке и его уезде советская власть была провозглашена 11 марта 1918 года. Но сразу укрепиться здесь большевикам не удалось. Алтайско-шорский националист Сарысеп Конзычаков, ратовавший за образование на юге Сибири национальной автономной республики Ойрот, перебрался в село Осиновое (Осинники), где во время чехословацкого мятежа арестовал Совет рабочих депутатов Осиновского рудника. С этого времени, можно считать, гражданская война охватила и Кузнецкий уезд, в том числе Горную Шорию. Зачатки Совдепа устранялись повсюду, а вскоре власть в Сибири перешла к белому правительству адмирала Колчака.

В сложной обстановке гражданской войны строительная программа общества «Копикуз» всё же не была брошена, но становилась все менее реальной. Обществу не удалось добиться заметных успехов в строительстве металлургического завода. Он строился с 1917 года на Ашмаринской (Тушталепской или – искажённое – Шушталепской) площадке, поскольку испрашиваемую Горбуновскую площадку, где позже, в годы первой советской пятилетки, был всё же построен Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), заполучить не удалось.

22 декабря 1919 года Щегловск (Кемерово) был занят частями 35-й дивизии 5-й Красной армии. К приходу красных все шахты Кемеровского рудника были затоплены водой. 19 февраля 1920 года Урало-Сибирская комиссия ВСНХ издала постановление, согласно которому все угольные предприятия Западной Сибири со всем имуществом и капиталами, где бы они ни находились и в чём бы они ни состояли, объявлялись собственностью государства и передавались в подчинение Правления угольных копей Западной Сибири («Сибуголь»), имеющему местопребывание в Томске.

Естественно, в эти годы было не до геологических исследований. И лишь летом 1924 года, когда страна относительно успокоилась и советская власть устоялась, профессор Усов совершил научную исследовательскую экскурсию (его термин) по Кузбассу. Посетил он и Тельбесское месторождение магнетитового железняка. Тогда он и констатировал, о чём уже говорилось чуть выше, что «в общем и целом данные, опубликованные Гудковым, отвечают действительности».

Годом ранее, в 1923 году, на территории Горного Алтая была создана Ойротская автономная область, а в Горной Шории выделены два района: Кондомский и Кузнецкий. В июле 1925 года Кондомский район стал Горно-Шорским районом с центром сначала в улусе Мыски, а затем – в Кузедеево.

Развитие горнодобывающей и металлургической отраслей в Западной Сибири, в частно-

сти, в Кузбассе, не снималось с повестки дня. Для реализации этого масштабного проекта необходимо было создать сильное научное ядро, которое занималось бы проектной и исследовательской работой, опираясь в том числе и на материалы «Копикуза». В 1926 году с этой целью в Томском технологическом институте было создано научно-исследовательское учреждение под названием «Тельбесбюро». Возглавил его ректор ТТИ Николай Владимирович Гутовский. Его заместителем по горно-геологической части стал профессор Михаил Антонович Усов.

Инженерно-технические кадры для своих работ «Тельбесбюро» на первых порах укомплектовало за счёт профессорско-преподавательского состава, выпускников и студентов Томского технологического института.

Инженерно-технический состав геологоразведочных, геофизических, геодезических и других изыскательских партий во главе с М. А. Усовым выехал в город Кузнецк, а затем в Тельбес в июне 1926 года. Геолог Константин Филатов отправился со своим отрядом на Темиртауское месторождение. Профессор Усов с отрядом геолога В. И. Высоцкого остался в Тельбесе, но Усов посещал Темиртау, и не раз.

«Составление совершенно точной геологической карты выделенного района, которая явилась бы достаточным основанием для суждения о действительной рудоносности отдельных участков района, невозможно вследствие сильной задернованности местности, представляющей глухую рассеченную тайгу, – писал в отчете М. А. Усов. – Поэтому для отысканий новых месторождений железной руды необходимо обратиться к другим методам исследования, именно к магнитометрической съемке, так как железные руды района представлены магнетитом». Нужно отметить, что ещё «Копикуз», проводя неполную и несовершенную магнитометрическую съёмку района, обнаружил ряд новых магнетитовых месторождений, частью изученных, затем – детально.

Среди разведанных ранее месторождений Тельбесского района заслуживают внимания лишь два: Темиртау и собственно Тельбесское, которые и были предположены для эксплуатации «Копикузом» и на которых поставлены проверочные работы «Тельбесбюро».

Выделяя в качестве заслуживающих внимания месторождения Темиртау и Тельбеса, профессор Усов между тем поначалу не видел в них особой перспективы. Его пессимизм передавался геологам, которые работали в районе без энтузиазма. Тем не менее работы шли, осенью того же 1926 года на месторождении Темиртау началось разведочное бурение.

Сотрудники «Тельбесбюро». Слева направо: И. А. Фомичев, профессор Б. И. Бокий, неизвестный, Н. В. Гутовский

Первый магнитометрист на месторождении Темиртау В. Ф. Турчинский у прибора

Запасы руды по Темиртау были утверждены 27 марта 1930 года и составили 12 972,5 тысячи тонн. В 1932 году разведочные работы были прекращены и месторождение Темиртау передали в эксплуатацию Горному управлению КМК.

Тельбесское месторождение также начали разбуривать осенью 1926 года. Студент-геолог Высоцкий пробурил со своим отрядом семь скважин, расчистил и опробовал старые поверхностные и подземные горные выработки. Запасы руды, подсчитанные П. П. Гудковым в количестве 6 475 тысяч тонн, уменьшились до 1 596 тысяч тонн. Профессор М. А. Усов пришёл к выводу, что «нет необходимости ставить на месторождении глубокое алмазное бурение». Позже геолог В. И. Высоцкий сделал предположение, что рудная залежь переходит под рекой Тельбес на левый берег, поэтому имеются основания предполагать возможность нахождения глубокозалегающих рудных тел. Как бы то ни было, а в 1932 году, вместе с Темиртау был пущен в эксплуатацию и Тельбесский рудник, имея подсчитанные запасы руды только в 1 596 тысяч тонн.

Тельбесское месторождение было полностью отработано в 1943 году, за 12 лет на нём было добыто 1 583 тысячи тонн руды. То есть геолог В. И. Высоцкий и его куратор профессор М. А. Усов не ошиблись и подсчёт запасов был до удивления точным. Правда, предположение Высоцкого о руде на левом берегу реки Тельбес так и осталось не раскрытым, к нему вернулись позже, но безуспешно.

Как начинался Таштагол, подробно описано в очерке Вениамина Бородина «Воспоминания первооткрывателя Таштагольского месторождения», где он делит пальму первенства между местным охотником Скворцовым, своим рабочим-магнитометристом Никанором Батовым и собой.

«…Приезд магнитосъёмщика из геологической партии с Кондомы оказался неожиданным, – пишет в очерке Вениамин Бородин. – Начальник этой партии Татьяна Вениаминовна Пятницкая кратко сообщала в письме, что местный охотник из Усть-Шалыма Скворцов показал ей в устье ключа Таштагол на её планшете много свалов магнетитовой руды. Просила приехать к ней в партию на Спасский прииск».

Здесь надо добавить, что партия Бородина занималась поисками марганца в долине реки Антроп (левый приток р. Кондомы) и была ближайшей к Таштаголу.

«Отремонтировав магнитометр, привезённый магнитосъёмщиком Таниной партии, на следующий день мы выехали с Антропа на Спасский прииск, – продолжает Бородин. – Затем заехали на Усть-Шалым за Скворцовым, и втроём отправились на ключ Таштагол.

Уже на устье ключика, впадающего слева в реку Кондому, мы встретили много магнетитового галечника. Забыв обо всём, мы шлёпали по воде и… свалам магнетита. Чувство громадного удовлетворения наполняло нас. Нам с Таней казалось, что дело уже сделано, а Скворцов был доволен, что тяжёлые камни в ключике, которые он видел много раз, могут доставить столько радости.

Излазив ключик по камням, завалам и зарослям, мы вернулись к оставленным лошадям. Изрядно уставшие, мы сели у воды отдыхать и, немного успокоившись после пережитых волнений, задумались. Мы смотрели на свалы на берегу и в устье ключика, и это было всё, что мы, все трое, знали в тот момент о таштагольской руде.

Свалы изрядно окатаны, откуда они попали в ключик? Где месторождение и какое оно?

Что-то надо было делать. Только с магнитометром здесь, в глухой, закрытой тайге, можно быстро выйти к месторождению. Решили, что я пошлю в помощь её магнитосъёмщику своего, с хорошим прибором, и они вдвоём начнут маршрутные поиски.

После некоторого раздумья я остановил свой выбор на Нике Батове. Он был очень расторопным и больше других подходил к жизни у костра. Если бы ещё он был постарше! Но другого не было».

Некоторое время молодой магнитометрист Никанор (Ника) Батов работал на Таштаголе в паре с таким же мальчишкой из партии Пятницкой. У Бородина, как он пишет, с каждым днём нарастала тревога за ребят: как они там одни в дикой тайге?

«На Таштагол к ребятам мы приехали с Таней близко к полудню. Два «индейца» (геофизиками назвать их было бы, пожалуй, не точно), испачканные копотью от костра, вроде даже не умытые, жарили на костре рябчиков, как это было установлено дополнительными вопросами – только ещё к завтраку. Под пихтой – примятый лапник, прикрытый сверху мохом. Спальных мешков мы тогда не имели, а палаток было ничтожное количество.

Близко к костру стояли, наевшиеся за ночь, две спутанные лошади, справедливо считав-

шие, что немного овса после малопитательной таёжной травы было бы кстати. Я сразу почувствовал Нику, зная, что любой ценой, из любых неприкосновенных запасов у конюхов он достанет для своей лошади овса. Знали это и лошади.

Серьёзный разговор был отложен – не принято было у нас во время таёжной еды основательно говорить о делах. Да и ко всей обстановке их быта и работы нельзя было относиться без юмора. Все это походило на игру. Перед нами были ещё мальчишки, а до открытия ими Таштагольского месторождения оставалось два дня. Всего только два дня!

Только сейчас, через многие годы, когда есть месторождение с запасами, приближающимися к полумиллиарду тонн, есть железная дорога к современному руднику-городу, только сейчас, когда мы вспоминаем, что в тяжёлый военный 1941 год с месторождения ушли на завод первые эшелоны с рудой, хочется как-то иначе, по-особому осмыслить эти два дня и этих двух мальчишек.

А тогда после предложенного нам завтрака из жареных рябчиков состоялось нечто вроде технического совещания.

Своё сообщение они начали с того, что работали с одним прибором, второй магнитометр магнитосъёмщика Таниной партии окончательно вышел из строя. Маршруты делали вдоль ключика, боясь уходить далеко от свалов в русле, лучевых маршрутов на водоразделы ещё не делали. Не было и аномалий, которые привлекали бы внимание.

Техническое совещание было закончено тем, что молодым геофизикам был устроен хороший разнос. Перед отъездом для них была составлена схема с маршрутами, привязанными к ключику, на которых они должны были работать.

А мы с Таней должны были вернуться в свои партии, где нас ждала работа и наши молодые, неопытные помощники.

Но большие события были уже на пороге…

Через два дня после нашего отъезда с Таштагола Ника наткнулся на горе на сильнейшую аномалию.

Всю ночь с этим известием ехал Ника на Антроп.

<…> В первый момент, плохо слушая друг друга, мы говорили одновременно. Ника: «На горе аномалия, стрелка крутится». Я: «Где аномалия – на левом или правом водоразделе, сколько до неё от ключа?»

Расстояние до аномалии он определил в полтора-два километра. В нескольких местах останавливался он с магнитометром. Магнитная стрелка, по его словам, крутилась как бешеная.

Немного успокоившись, мы сели за стол, и на бумаге появилось очень приблизительное положение ключика и их стоянки. Никаких карт по району Таштагола не было. Нарисованная схема была весьма условной. Да и трудно было изобразить на бумаге ключик, проехав по нему всего один раз от стоянки ребят до его впадения в Кондому. Вернее, даже не проехав, а продираясь через его чащобу с лошадью на поводу.

Где аномалия? Ника весьма легкомысленно ткнул куда-то пальцем в бумагу. Вспоминая тот давнишний разговор, даже сейчас я ощущаю какую-то неловкость: так «бестактно» было тыкать пальцем… в будущее Таштагольское месторождение.

Когда Ника показал результаты наблюдений магнитного поля, полученные на месте аномалии, не оставалось никаких сомнений, что он наткнулся на магнитную руду. Интенсивнейшая аномалия убедительно говорила, что она обязана своим существованием близко расположенным к поверхности магнетитовым рудам».

Так был открыт Таштагол. Далее за дело принялись геологи.

Об открытии Шерегеша Т. А. Никольская написала в своём очерке «Открытие Шерегеша, 1931 г.».

«…Подошёл к нам мужчина, шорец, – пишет она. – Не помню, как вёлся разговор, я сидела несколько поодаль и, возможно, не слышала. Всё же свелось к тому, что возымели действие наши беседы с населением о том, что мы ищем руду, выглядит она так-то… Нет ли среди вас видевших такие камни?

– Я знаю, где есть руда, – сказал пришедший.

Это был Шерегешев. На следующий день он повёл геолога Георгия Павловича Болгова и студента-геолога Валентина на местонахождения руды. Да, это была руда. Магнетитовая руда с высоким содержанием железа.

После этого, на следующий день, Г. П. повёл туда рабочих, чтобы произвести небольшие расчистки. Ходили, ходили, но места этого не нашли. Пришлось искать Шерегешева, просить, чтобы ещё раз сводил нас туда.

Ещё раз сводил он нас, задали расчистки, пробили одну, другую канавы. Везде руда!

Полетели телеграммы: «Есть месторождение!»

А вечером, сидя у костра, Г. П. задумчиво сказал:

– А как же мы месторождение назовём?

Не помню, были ли предложения, но почти тут же он добавил:

– Пожалуй, Шерегешевское. Да, Шерегешевское!

Вот и появился вскоре на крупномасштабных картах новый кругляшочек и надпись: «Шерегешево».

А отряд наш был таков: Болгов Георгий Петрович – аспирант кафедры минералогии, Андрианов Валентин – студент 5-го курса Томского индустриального института, Никольская Татьяна – студентка 1-го курса того же института, Нюра – студентка геологоразведочного техникума, Ибрагим – магнитометрист, Андрей и Фёдор – рабочие, местные жители.

Мы ещё были в поле, когда Шерегешеву выдали премию за находку месторождения. Не помню сколько, но получил он приличную сумму деньгами и ещё не то ружье, не то сапоги.

Видимо, эта премия произвела большое впечатление на шорцев, и через несколько дней к нашим палаткам снова пришёл один из них.

– Идём, покажу. Знаю, где есть руда!

Пошли. Стоит кустик, под ним травка, примятая насыпанной рудой. Просчитался дяденька. И никак не мог понять, почему мы не признаём его руду. Так хотелось получить премию».

Что было дальше после открытия – можно прочесть в очерке Якова Тунина «Как изучали Горную Шорию». Он сообщал:

«Появление многочисленных отрядов геологов почти на всей территории Горной Шории вызвало большой интерес среди местного населения, к геологам стали поступать различные сведения о находках рудных минералов. Так, местные жители А. Шерегешев, П. В. Скворцов указали места обильных свалов, по которым были открыты Таштагольское, Шерегешевское, Шалымское, а позднее и Кочуринское месторождения железных руд.

К сентябрю 1931 года на всех месторождениях Кондомской группы были организованы разведочные партии, стянутые с других, малоперспективных участков. Начальниками разведочных партий назначались опытные партийцы из рабочих, а техническими руководителями – геологи.

…Главный разворот геолого-поисковых и разведочных работ был в 1931–1932 годах. В остальное время, примерно до 1939 года, в Горной Шории появлялись лишь отдельные небольшие геологические партии по линии Западно-Сибирского геологического управления».

В конце лета 1893 года геолог В. А. Буштедт, первооткрыватель Темиртау и Одра-Баша, предпринял поисковый маршрут по реке Тельбес и её притокам. В районе речки Каз он обнаружил признаки железной руды, изучить которые тогда не успел.

Буштедт вернулся туда в 1895 году, затем в 1897-м и подтвердил наличие железной руды. Таким образом, именно он является первооткрывателем ещё и Казского месторождения железной руды.

Прошло много лет, Казом не интересовались. И только в 1930 году на речку Каз прибыла магнитометрическая партия И. И. Лапинского, которая обнаружила здесь активную магнитную аномалию. После этого началось геологическое изучение Казского месторождения. Тогда же, в 1930–1931 годах, были обнаружены все известные в настоящее время месторождения Казского рудного поля, за исключением Леспромхозного, открытого в 1955 году. Через десять лет, в 1965 году, открыто месторождение Центральные штоки.

Поверхностные разведочные работы на Казском месторождении велись в 1939–1943 годах. Небольшие размеры выявленных запасов магнетитовых руд и неясность вопроса о перспективах месторождений привели к прекращению работ на Казе в 1943 году.

Широкий размах геологоразведочные и специальные научно-исследовательские работы в Казском районе получили с 1950 года, когда была организована Казская геологоразведочная экспедиция. В 1952–1954 годах для всего Казского района геологом В. И. Синяковым была составлена геологическая карта в масштабе 1:10 000, неоднократно подвергавшаяся позднее уточнению и детализации. В 1955 году в рудном поле было открыто Леспромхозное месторождение, которое детально изучалось В. И. Синяковым совместно с Н. М. Синяковой и М. Ф. Захарчук (1957–1962 гг.). В 1965 году в непосредственной близости от месторождения Штоки было обнаружено новое оригинальное магнетитовое месторождение, получившее название «Центральные штоки» (Л. Г. Горбачёв, А. Н. Цветкова). В 1958 году на-

чалось строительство Казского рудника. Его эксплуатация началась в 1961 году.

Тазское железорудное месторождение расположено в 27 километрах к востоку от Казского месторождения, в бассейне реки Малый Таз. Состоит из шести рудных участков: Пыхтун, Мостокол, Новомостокол, Водораздельный, Жжем-Жес, Бараки. Наиболее крупным является Пыхтунский участок, в котором сосредоточено 80 процентов запасов всего Тазского месторождения.

Первые признаки железных руд в Тазском районе были установлены в 1931–1932 годах геологом А. Д. Скрипиным – начальником Южно-Тельбесской геолого-поисковой партии Западно-Сибирского геологоразведочного треста.

ГЛАВА 3. ГОРНОШОРСКИЕ РУДНИКИ НАЧИНАЮТ ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ

ТЕЛЬБЕС

Сегодня мало кто знает, что Кузнецкий металлургический завод при проектировании носил другое название – Тельбесский металлургический завод. Это связано с тем, что под этот завод рудной базой планировалась Тельбесская группа месторождений: Тельбес, Одра-Баш, Сухаринка, Учулен и Темиртау. Тогда ещё не были открыты ни Каз, ни Таштагол, ни Шерегеш, ни другие месторождения, уповали лишь на Тельбесскую группу и на железные руды Урала. Когда под будущий Тельбесский металлургический завод выбрали Горбуновскую площадку на левом берегу Томи, напротив города Кузнецка, то в 1928 году был создан «Тельбесстрой», а в жилом посёлке строителей завода Верхней колонии главной улицей была Тельбесская. Там же располагался сад Металлургов.

Кузнецк, улица Орджоникидзе на Верхней колонии и Кузнецкий металлургический комбинат, 1936 г.

«Тельбесскую улицу строили с толком, – вспоминают жители. – По обе стороны молодой тополиной аллеи вытягивались одно и двухэтажные дома. С каждой стороны между двумя домами предусматривали большой сарай, а в оградах хватало места для огородов. В сараях жители Тельбесской держали кур, кроликов, свиней, овец, гусей и коз. Вся эта живность органично вписывалась в городской пейзаж.

В самом конце улицы жил начальник техотдела Кузнецкого комбината Г. Е. Казарновский.

Во времена Кузнецкстроя на Тельбесской улице была сосредоточена городская жизнь. Позднее центром стал проспект Энтузиастов, затем проспект Металлургов и улица Кирова. За прошедшие десятилетия покосились и почернели деревянные дома на Тельбесской. Сад металлургов перекочевал в центр города, а там, где он был до войны, осталась та же самая берёзовая рощица».

Итак, всё начиналось с Тельбеса. Здесь речь и пойдёт о Тельбесском железорудном месторождении и Тельбесском руднике.

Проект Тельбесского рудника был разработан в 1930 году «Тельбесбюро». Но ещё раньше на территории Тельбесского рудника стали обосновываться геологи. Уже в 1929 году проектировщики приступили к выбору на местности площадки для рудообогатительной фабрики для всего Тельбесского района. Выбор свой они остановили на месте встречи трёх рек: Кондомы, Мундыбаша и Тельбеса. Так зарождался посёлок Мундыбаш.

Тогда же протрассировали будущую канатную подвесную рудовозную дорогу от Тельбеса в Мундыбаш. Проектировщики планировали отработать Тельбес открытым способом и очень быстро. Капитального строительства это не требовало, обходились возведением бараков, желающие могли строить себе дома. Вскоре на будущий рудник стали прибывать строители. Заключённые Горношорлага (Темиртау) ударными темпами прокладывали железную дорогу через Мундыбаш до станции Ахпун. Вековая тайга оживала на глазах.

Рабочих горных специальностей вербовали на угольных копях Кузбасса, в разнорабочие принимали ссыльных, которые начали прибывать в Тельбес. В основном это были раскулаченные, проживавшие в Европейской части СССР, но находились среди них и сибиряки.

«В списке ссыльных в Тельбес – фамилия моей мамы Фоменко Марии Михайловны (в за-

мужестве она Белорусова), – поделилась воспоминаниями бывшая жительница посёлка Тельбес Ольга Савельева. – Когда началась коллективизация, мамины родители жили в Алтайском крае, Вострихинского района, село Вострово. Отец её, Фоменко Михаил Яковлевич, уроженец Курской губернии, вместе с родителями переехал в Алтайский край, где было много земли, возделыванием которой они и занимались. В семье было три сына и родители, и все они жили вместе. Но когда родились дети, а их было немало, братья решили разделиться и жить каждый своей семьёй. И это решение совпало с периодом коллективизации. В колхоз никто из них идти не хотел, поэтому их раскулачили и сослали: Аркадия с тремя детьми – в Междуреченск на сплав леса, Михаила – в Тельбес с тремя сыновьями: Степаном, которому было 19 лет, Василием, которому было 16 лет, и Кузьмой, которому было 13 лет. А ещё в семье была пятилетняя дочка Маруся. Парни как раз сгодились для работы в шахте на только что открывающемся руднике. Старших и на фронт не взяли именно поэтому. А Кузьма воевал, был ранен в голову, из-за чего умер рано. Отца в 1938 году репрессировали, по справке НКВД он был расстрелян в Старокузнецкой тюрьме. А он ведь участник Гражданской войны, ранение получил и в свои 44 года был инвалидом поэтому. В 1957 году Фоменко Михайло был реабилитирован, о чём мама узнала только в 1991 году. Она долгие годы пыталась узнать правду о своём отце, многое пережила, будучи репрессированной как дочь «врага народа», так как вот этому больному человеку вменяли в вину «подготовку восстания против советской власти»! А потом ей прислали на её запросы справку, где стояло: «Извините!». Почти через 60 лет решили извиниться! Мамы уже нет, но боль её осталась с нами, её детьми: каждый раз, когда я просматриваю архивные документы семьи, сердце моё сжимается от боли за то, что моим дедам и родителям пришлось пережить!»

А это другое свидетельство от Людмилы Соколовой: «Мои дед и бабушка были сосланы на Таз из села Кочки Новосибирской области, а туда они приехали, как мама говорила, «из Расеи», то ли во время Столыпинской реформы, когда землю давали, то ли от большевиков бежали, как многие, в Сибирь. Откуда приехали, не знаю».

Надежда Ярошенко (Яланская) представила целый список сосланных в Тельбес: «Ссыльные в Тельбесе: Кривенченко, Гринь, Щербань, Квитко, Улитенко, Криворучко, Ярошенко, Яновский, Онищенко, Твердохлеб, Пивень, Черная, Семиренко, Науменко, Фоменко, Вырвихвост, Клименко, Гуменных, Гладких, Шеховец (цов), Печенкин, Воропаев, Антонов». По фамилиям – это в основном украинцы.

В 1931 году рудник Тельбес был сдан в эксплуатацию, а в 1932 году его руда пошла по подвесной канатной дороге на Мундыбашскую аглофабрику.

Известно, что в 1936 году в Тельбесе проживало 1 827 жителей, в 1939-м – уже 2 988 человек.

«Тельбес в годы нашего детства – уютный, солнечный, действительно райский уголок, – вспоминает Галина Фоменко. – Река с большими камнями-голышами, на которых мы грелись, как маленькие ящерицы, родник у моста с вкусной-превкусной водой. А ещё – бабушка Фоменко Марина Трофимовна, которую все величали «бабка Фоменчиха» и которая никогда не давала в обиду своих внуков, всегда подкараулит с крапивой обидчика. Она давала нам с двоюродным братом Толей Фоменко немного денег, которые надо было ещё заработать у неё чем-нибудь, и мы бежали к вожделенному ларьку на горе, чтобы что-нибудь там купить – чаще всего это была халва. А потом мы вместе с бабушкой пили чай! Детство – это семья дяди Фоменко Степана Михайловича и дом, самый последний на горе, но зато самый приветливый с его хозяйкой Фоменко Татьяной Николаевной, нашей любимой и доброй тётей Таней. Добрее её, казалось, не было человека на свете…»

Вспоминает Борис Онищенко:

«Я помню хлеб ржаной переувлажнённый с добавлением картофеля и отрубей. Продавали его по карточкам в магазине, находившемся в торцовой части тельбесской хлебопекарни. Продавцом был Асафьев. Пекарня (большой одноэтажный деревянный барак) стояла вблизи бани. Следующий магазин, около школы, состоял из двух отделов: промышленных и продовольственных товаров. По экономической целесообразности пекарню перенесли в Одра-Баш, хлеб в Тельбес доставляли оборудованными конскими повозками (телега, сани), в народе – возами. В периоды половодья через реку хлеб носили по мосту добровольцы (за право внеочередного получения хлеба). Из-за сложности преодоления

водной преграды магазин перенесли на левый берег под скалу и позже около него построили второй мост в посёлке. Следующий (наверное, последний) магазин построили на площадке между дворами Шевцовых и Печёнкиных. На этой же площадке была качеля для взрослых, остановка грузовика, оборудованного для перевозки людей. Магазин геологоразведочной партии работал на тельбесской станции канатной дороги. Во время лесосплава работал магазин на барже. В нём бывали дефицитные продукты. Счастливое детство запомнилось ночными дежурствами (Муку будут давать! Идёт вагон с кирзовыми сапогами!), дневными стояниями в очередях и находчивостью подростков. Изобрели два способа быстро оказаться у весов: по головам и между ног очередников.

…Я родился в Тельбесе, окончил семь классов, недолго работал на подвесной воздушной канатной дороге. Мой отец – спецпереселенец 1933 года, работал на рудниках Тельбес и Одра-Баш.

Родился я в ноябре 1940 года, свидетельство о рождении в посёлке Тельбес Кузедеевского района Новосибирской области подписано зав. бюро ЗАГС Анохиной. Бланк свидетельства на шорском и русском языках, Гознак, 1939».

Надежда Ярошенко (Яланская) вспоминает:

«А ещё был мощный духовой оркестр, вечерами музыка гремела на весь посёлок. Уставших после работы, домашних дел, наших родителей как магнитом тянуло в клуб. Был драматический кружок, ставили спектакли по Шевченко, юмористические. Руководил им Науменко Семён. Музыкальное оформление – Криворучко Иван (на баяне). Наши ссыльные родители умели организовать досуг. Я уж не говорю о песнях. Пели все и пели красиво!»

В 1932 году наклонная шахта «Ударник» и карьер выдали на-гора первую тельбесскую руду нового (советского) времени. Была выпущена листовка «Советская Сибирь», в которой сообщалось: «Бригада Шантыча своё задание выполнила на 128 процентов, бригада сколотила из себя работоспособный коллектив, который дерётся за перевыполнение плана». 5 сентября 1932 года по подвесной дороге из Тельбеса в Мундыбаш пришла первая вагонетка с рудой.

Когда рудник Тельбес уже находился в стадии почти полной отработки, был составлен его паспорт, по которому можно судить, что собой представлял Тельбес вообще. Вот главные фрагменты паспорта:

«Рудник состоит из: 1. карьера; 2. канатной дороги; 3. вспомогательных устройств; 4. жилищно-бытового хозяйства.

Строительство рудника производил «Кузнецкстрой», канатной дороги – «Канаттрансстрой».

В состав рудоуправления входят:

1. Горно-капитальные выработки:

а) Шахта «Ударник». Оборудована деревянным копром высотой 17 м с клетьевым подъемом (одноэтажн.).

б) Главное рудное тело разрабатывается открытым способом при посредстве 2 штолен длиной 118 м.

в) Шахта им. Кирова.

2. Жестко-подвижная на деревянных опорах – внутрирудничная канатная дорога, длиной 600 м, соединяющая бункера шахты им. Кирова.

3. Канатная дорога Тельбес – Мундыбаш протяжением 7 050 м в основном на деревянных опорах, рассчитанная на перевозку 300 000 тонн руды в год. Состояние дороги – удовлетворительное.

4. Компрессорно-силовая станция, выстроенная в 1929 г. <…>

8. Рубленое одноэтажное здание рудоуправления, выстроенное в 1931 г.

9. Жилых домов имеется 31 шт.»

Жизнь рудника Тельбес была недолгой, в 1943 году рудные запасы с промышленным содержанием железа иссякли. Всего Тельбесский рудник дал 1 583 миллиона тонн руды.

После закрытия Тельбесского рудника началась разработка железорудного месторождения Одра-Баш, где строился рабочий посёлок, но основной рабочей силой для нового рудника служили опытные горняки Тельбеса. Они продолжали жить в своём посёлке, так как до Одра-Баша было всего три километра (правда, в гору).

Ещё в 1941 году, когда часть рудного тела Тельбесского месторождения была «отработана системой подэтажных штреков, а добыча переведена на нижележащий горизонт, возникло опасение, что мощная толща пород, перекрывающая выработанные камеры, может внезапно самообрушиться, причинить воздушной волной значительный ущерб и вызвать несчастные случаи. Во избежание этого было решено массовым взрывом обрушить потолочину, чтобы заполнить выработанное пространство. Кроме того, предусматривалось предварительно разрушить оставшиеся междукамерные целики, а затем вы-

пустить руду из-под налегаюших пород. Чтобы при этом уменьшить разубоживание отбитой руды, было решено взорвать её на мелкие куски, а потолочную толщу – на крупные…»

Взрыв оправдал расчёты: потолочина обрушилась, на её месте зиял огромный провал глубиной 30 метров и более. Со временем он заполнился водой, и теперь на его месте находится известное туристам и любителям экстрима Тельбесское озеро.

Бывший житель посёлка Тельбес Борис Онищенко вспоминает:

«В моё время озеро связывали с фамилией ближайшего жителя – деда Перевалова. Говорили об озере «деда Перевалова» с большим уважением. Дед запускал мальков и подкармливал их (это аквариум, ведь борта каменные). Перевалов и два его сына занесли с реки Тельбес в рукотворное озеро лодку. Попытки запрета ловли рыбы в озере-шахте у деда Перевалова закончились поражением. Для рыбы это тоже был конец. Мы пацанами приходили на озеро за адреналином. Прыгнуть со скального борта высотой три метра, понимая, что под тобой тридцатиметровая толща воды, не просто. Это было самоутверждение. Семья деда Перевалова вела замкнутый образ жизни. У деда была на реке долблёнка-лодка из цельного ствола дерева. Один из его сыновей нанёс себе огнестрельное ранение из охотничьего ружья. На этой долблёнке семья сплавила раненого по большой воде реки в Мундыбаш и спасла ему жизнь».

Сегодня Тельбес – сугубо дачный посёлок. Но живут здесь и старожилы. Им остаётся только вспоминать былые годы расцвета рудника.

ОДРА-БАШ

К добычным работам на Одра-Баше приступили в конце 1942 года. Причём приступили поспешно, так как в Кузнецком металлургическом комбинате в условиях войны начались перебои с поставками магнитогорской руды. Её пришлось заменять более бедной местной рудой, но одного Темиртау для этого не хватало. Тельбесская руда иссякла, поэтому было принято решение спешно достраивать и вводить в эксплуатацию Таштагольский и Одрабашский рудники.

На работу в Одра-Баш перевели основной инженерно-технический и рабочий персонал из Тельбеса. Они ходили пешком из своего посёлка. Затем начали строить в Одра-Баше собственный посёлок и привлекать специалистов извне. К 1944 году рудник Одра-Баш уже выдавал на-гора плановое количество руды, добываемой открытым способом.

Руды Одрабашского месторождения, бедные по содержанию железа (28–30 процентов), по канатке отгружались на Мундыбашскую обогатительную фабрику.

Сразу же после окончания войны встал вопрос о подземной разработке Одрабашского месторождения, так как верхние горизонты в значительной мере были уже отработаны открытым способом. Нуждалась в реконструкции и Мундыбашская обогатительно-агломерационная фабрика. Это потребовало увеличения численности рабочих. Но не хватало жилья для привлечения вольнонаёмных кадров, в связи с чем решено было привлекать так называемый спецконтингент, труд которого активно использовался в экономике Кузбасского региона в предвоенные и военные годы. Одной из таких категорий спецконтингента в 1944–1945 годы стали репатрианты, принудительный труд которых был широко востребован хозорганами, особенно угольной, металлургической и горнодобывающей промышленности.

Государственный Комитет Обороны принял Постановление № 9871/с о направлении для работы на предприятиях Кузбасса военнослужащих Красной армии, освобождённых из плена, и репатриантов призывного возраста, пригодных к военной службе.

Все освобождённые и репатриированные военнослужащие, даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны ещё в прифронтовых лагерях и направлялись для постоянной работы на промышленные предприятия и шахты.

Труд вновь поступающих рабочих предполагалось использовать исключительно на подземных работах, в первую очередь укомплектовав из них бригады забойщиков, навалоотбойщиков, проходчиков и крепильщиков. Из числа рабочих, имеющих электромеханические специальности, планировалось укомплектовать штаты машинистов, подземных электрослесарей и мотористов.

Весь контингент, содержащийся в проверочно-фильтрационных лагерях, весной 1945 года разделялся на три учётные группы. Первую составляли бывшие военнопленные. Вторая была представлена бывшими старостами, полицейскими, пособниками врага и другими лицами. В третью входило гражданское население призывного возраста, угнанное на работу в Германию.

Особая роль отводилась репатриантам на строительстве горнорудных предприятий КМК. В соответствии с Приказом ГКО за № 216с от 21 августа 1945 года «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена, и репатриантов призывного возраста» на КМК направлялись 10 700 человек в составе нескольких рабочих батальонов. В конце 1945 года из проверочно-фильтрационных лагерей на КМК уже поступили 1 880 репатриантов. Значительная часть их была направлена на рудники.

По мере поступления 900 человек были направлены в трест «Сталинскпромстрой» и расселены в жилых помещениях, пригодных для проживания в зимних условиях на территории города Сталинска, 300 человек были направлены на строительство агломерационной фабрики и размещены в утеплённых палатках, 2 800 человек, прибывших в Таштагол, из-за отсутствия жилья разместили в утеплённых палатках.

В 1946 году все репатрианты, прошедшие проверку, стали обычными вольнонаёмными рабочими. По всем рудникам КМК с ними было заключено 1 348 договоров, в том числе: по Таштагольскому руднику – 348, по Темиртау – 239, по Мундыбашской аглофабрике – 123. По договорам репатриантам было выплачено денежных ссуд на сумму 3 285 тысяч рублей, в том числе: по Таштагольскому руднику – 900 тысяч рублей, по Темиртау – 720 тысяч рублей, по Мундыбашской аглофабрике – 395 тысяч рублей, по Одрабашскому руднику – 255 тысяч рублей. Репатриантам, заключившим договора, было продано по ссудам 63 коровы и за наличный расчёт 42 коровы. Все остальные обязательства были также выполнены.

На бывших репатриантов распространили все льготы, которыми пользуются работники чёрной металлургии. Создавались и определённые условия для профессионального роста: организованы курсы повышения квалификации, многим была предоставлена работа согласно имевшейся профессии.

К концу 1940-х годов Одрабашское месторождение было наполовину выработано, поэтому нужен был дальнейший фронт работ. В этой связи в 1950 году была организована Тельбесская геологоразведочная экспедиция.

О той критической поре правдиво и красочно рассказано в художественной повести И. Махновского «Дни, когда нужна победа»:

«Одра-баш – старый, почти уже отработанный рудник, живущий последними жалкими крохами руды, судорожно агонизирующий от железного голода, идущий на любые ухищрения ради продления своей жизни. Двухэтажный деревянный дом, занесённый снегом. И две тропы, прорубленные в снегу, два входа: первый – в детские ясли, второй – в контору бурразведки, в прокуренное святилище поисково-съёмочной партии. Ещё темно, и снег совсем синий – какая-то прозрачная холодная мгла разлита вокруг; и крыши домов, и дорога, и там, вдали, сросшиеся с небом горы – всё в ожидании рассвета.

Обшарпанный коридор, забитый ящиками с образцами и керном. Огромные комнаты, забитые столами, шкафами и стеллажами с полевыми дневниками, картами, схемами…

Светало. Нетронутый снег и чистое далёкое небо были как бы двумя мирами. На небе алели рассветные брызги, а за окном на снегу и на горах лежали длинные ветвистые тени. Дощатые постройки, сараи, дальше – изрытая бульдозерами дорога вверх, в горы, и мощная грязно-белая стена карьера. И снег, снег.

– Кандома! Кандома! Я – Одра-баш! Одрабаш! Приём! – склонившись над рацией, прижав микрофон трубки вплотную ко рту, безумствовал Спейт. Полуцыган, полунемец, худой и тонкий, замначальника участка был голосист – что-то металлически-жёсткое и тонкое прорезалось всегда в его захлёбывающемся птичьем клёкоте. – Ничего хорошего. Идём по пустой породе. Идём по пустой породе! Первая – двенадцать метров, авария... Третья скважина – триста двадцать семь. Дальше. Прошу оставить два водяных манометра для Одрабашского участка. Как понял? Приём! По пустой породе! Идём по пустой породе...»

В это время до горизонта 460 метров месторождение было отработано, началась отработка горизонта 460–408 м, по сути дела, последнего промышленного горизонта, что при имевшихся оставшихся запасах в 3,7 миллиона тонн и производительности рудника 300 тысяч тонн в год определяло работу его в 8–10 лет. С целью выявления дальнейшей перспективности Одрабашского месторождения в 1953 году Западно-Сибирским геологоразведочным трестом была организована Одрабашская геологоразведочная партия и был составлен проект геологоразведочных работ по дальнейшей доразведке Одра-

башского месторождения. Партия работала под руководством начальника Н. И. Ретинского и геолога Н. А. Ретинской.

О геологах Ретинских и жизни в Одра-Баше вспоминает Татьяна Ефименко, дочь Ретинских: «Вспоминать наше детство помогают фото и люди. Я жила в Одра-Баше совсем немного, но фото много, папа любил фотографировать. Мы – Ретинские, папа и мама были геологами, две сестры – Галя и Таня, а ещё с нами жила бабушка. У нас на крыльце зимой всегда висела рябина, а ещё была бочка с калиной, я туда однажды улетела. А ещё есть фото сада, я его даже немного помню, помню качели и тележку с газированной водой».

Рудник Одра-Баш работал до 1965 года и за время своего существования отгрузил на КМК 4,2 миллиона тонн руды. Основной причиной консервации рудника Одра-Баш явилась отработка промышленных запасов руды, её высокая себестоимость и низкое качество.

ТЕМИРТАУ, СУХАРИНКА, КЕДРОВКА, УЧУЛЕН

Железорудное месторождение Темиртау состояло из нескольких участков: собственно Темиртау, Верхний Учулен, Большая Гора, Полгашты, Шор-Шолбан, магнитная аномалия Каш-Тау. Все они были сконцентрированы в основном в верховьях реки Учулен (бассейн р. Мундыбаш) и частично – Полгашты (Золотушки, бассейн р. Тельбес). Месторождение Темиртау ныне отработано.

Эксплуатационные работы на месторождении начались в 1932 году. Тогда на северном склоне горы Темиртау были заложены две штольни – Верхняя на горизонте 500 метров и Капитальная длиной 440 метров на горизонте 442 метра.

Надо отметить, что с момента начала работы рудника Темиртау и до конца 1934 года более или менее систематической нормальной геологической документации не велось. Весь зарисованный материал, результаты химических анализов и кое-какие геологические построения находились в плохом состоянии и не могли являться официальными документами. Такое положение было обусловлено отсутствием грамотных геологов. Все геологические работы поручались малоопытным коллекторам, а иногда даже малограмотным рабочим.

Наконец, в октябре 1934 года в качестве рудничного геолога в Темиртау прибыл В. Ф. Протопопов, под руководством которого началась систематизация материалов, закончившаяся 1 апреля 1936 года в связи с отъездом Протопопова.

В 1937–1939 годах Горным управлением КМК было дополнительно пробурено 27 подземных скважин. В это время на месторождении выделялись три рудных тела: Западное, Северное и Восточное. Обособленно от них находилось четвёртое – Малый Темиртау, находящееся на южном склоне Темиртауской горы, в 350 метрах к югу от Восточного рудного тела.

В 1941 году запасы руды по месторождению Темиртау были утверждены в количестве 18,610 миллиона тонн. Но сложность строения рудных тел и недостаточная их разведанность на глубину заставили продолжать разведочные работы и после утверждения запасов.

С 1940 по 1942 год бурение производилось Горным управлением КМК. В апреле 1942 года оно было передано организованной Комплексной геологоразведочной партии Главгеологии Наркомата чёрной металлургии, преобразованной в 1944 году в Западно-Сибирский геологоразведочный трест. До 1942 года геологическими работами вновь руководил инженер-геолог В. Ф. Протопопов, с 1942 по 1944 год – инженер-геолог В. Н. Шульгин, а с 1944 года – инженер-геолог К. Н. Щепенко.

В 1945 году геологоразведочные работы на месторождении Темиртау были закончены, и Темиртауская разведочная партия в 1946 году ликвидирована. Геологией месторождения теперь занимались исключительно рудничные геологи.

В 1951 году геологи взялись за Сухаринку. Сюда перевели Тельбесскую геологоразведочную экспедицию, которая базировалась в Тельбесе и Одра-Баше. Как вспоминал тогдашний главный инженер Тельбесской экспедиции В. А. Гарнец, «перемещать большой коллектив в тайгу, на пустое место, где даже ровной площадки под посёлок нет, чрезвычайно трудно».

Да, на пустое место не переедешь. Поэтому в первую очередь требовалось построить жильё для персонала экспедиции. Но, как это обычно и делалось в те годы, переехали всё же в голое поле, если можно так назвать дикую тайгу.

Продолжим цитировать В. А. Гарнеца: «Никакой надежды не было на то, что экспедиция сумеет для всех построить жильё. Эта трудность усугублялась ещё и тем, что в эту местность железная дорога не принимала поставки строи-

тельного леса, а здесь почти не было хвойных деревьев, росли только осина и берёза.

[Нашего руководителя] И. Т. Заикина перевели в это время начальником Казской экспедиции. Затем в управлении появилась идея объединить Казскую и Тельбесскую экспедиции, сделав для них базу на руднике Темир-Тау. Но это не решало ни одну из проблем, кроме той, что в Казской появится главный инженер, а в Тельбесской – начальник. С нашими доводами согласились. Я предложил на должность начальника выдвинуть И. П. Дудяца. На второй день после разговора он уже вступил в эту должность.

Началось переселение [из Тельбеса]. Вся Сухаринская гора уставилась палатками, между которыми бегали детишки. Жил в палатке и я. Ко всем трудящимся обратились с призывом: «В нерабочее время каждому для себя строить типовой одноквартирный дом». Экспедиция в своей лесосеке разрешала рубить лес, помогала транспортом, распиловкой его на пилораме, а строительство оплачивала по существующим расценкам. Ни один выходной не обходился без воскресника по заготовке леса для строительства производственных зданий. За год заготавливалось до 3,5 тысячи кубометров».

В пределах рудного поля было выявлено и разведывалось 12 участков (с востока на запад): Северный Артыш-Таг, Южный Артыш-Таг, Правосухаринский, Левосухаринский, Кедровские II и III, Западный, Самарские II, III, IV, V, VI. Общая протяжённость рудной зоны месторождения – восемь километров. Руды месторождения комплексные, содержат благородные и цветные металлы (золото, серебро, платину, цинк, свинец, медь).

В июле 1959 года на рудник Темиртау приехал выпускник Томского политехнического института молодой геолог Михаил Петченко. Но еще до этого, в 1956 году, он проходил здесь практику, ему понравилось, и он решил, что работать будет только в Темиртау.

«Сам я из Анадыря, – рассказывает о себе Михаил Серафимович Петченко. – Мой отец был каюром – погонщиком собак на нартах, позже о нём писали в газетах как о последнем каюре Чукотки. Горношорская природа привлекла возможностью охотиться, рыбачить – я с детства это умею и люблю. Поэтому защитил дипломный проект «Разведка глубоких горизонтов месторождения Темиртау» и вернулся сюда уже дипломированным специалистом. Все инженеры у нас на руднике в то время были «томичами» – выпускниками Томского политеха. Томская школа горняков славилась по Сибири».

Горношорский журналист Ольга Щукина, родившаяся и выросшая в Темиртау, в декабре 2017 года опубликовала в газете «Кузбасс» статью о М. С. Петченко. Вот выдержки из неё:

«Ветеран труда Михаил Петченко из 83 лет жизни без малого 60 отдал работе на Темиртауском руднике, который в этом году отпраздновал 85-летие.

Он почётный гражданин Таштагольского района, отмечен многими наградами, но самые значимые для него – это знак «Шахтёрская слава» всех трёх степеней, знак «Отличник разведки недр» и медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса».

Михаил Петченко знает практически всё о запасах полезных ископаемых в окрестностях Темиртау. В июле 1959 года его пригласили на рудник геологом, через год назначили старшим геологом шахты, а в 1961-м – главным геологом рудника. В этой должности он и оставался вплоть до выхода на пенсию 31 декабря 2015 года.

– Приступил к обязанностям 25-летним молодым человеком, а ушёл с предприятия в 81 год, отработав на руднике 57 с половиной лет, – говорит он.

И уточняет, что это вовсе не рекорд рудника по стажу работы. Был такой Григорий Прокопьевич Шабанов, возглавлял лабораторию по измерительным приборам. Очень порядочный человек, а главное – хороший специалист. Так вот он проработал на руднике 59 лет.

Михаил Серафимович – один из немногих ныне здравствующих старожилов рудника Темиртау. Жизнь предприятия в течение почти шести десятилетий протекала на его глазах и при его непосредственном участии. Самое интересное и значимое, с его точки зрения, Петченко заносил в специальную записную книжечку: фамилии, цифры, любопытные факты:

– В 1916 году по месторождению Темиртау были утверждены запасы 15 миллионов тонн. В 1928 году геолог Усов подтвердил 13 миллионов 696 тысяч тонн. Последний подсчёт делали геологоразведчики А. Д. Подончук и А. С. Субботин в 1956 году – в недрах всё ещё оставалось 17 миллионов 532,9 тысячи тонн. Если учесть, что к этому моменту уже добыто было 13 миллионов 911 тысяч тонн, то получается, что запасы в целом по Темиру составляли лишь 31 миллион

443,9 тысячи тонн руды. А мы за счёт эксплуатационной разведки добыли на 17 с половиной миллионов тонн больше, чем по подсчётам геологов оставалось в недрах. Ровно в два раза! И если приплюсовать сюда добытое открытым способом, то получается, что всего с 1932 по 2007 год Темирским рудником было добыто 58 миллионов 431,7 тысячи тонн железной руды!

Рекордная годовая добыча, по словам Михаила Серафимовича, была зафиксирована на уровне 1 миллион 730 тысяч тонн.

Правда, констатирует ветеран, нынешний Темиртауский рудник уже довольно давно не железорудное предприятие и живёт сейчас за счёт доломита и строительного щебня. Старый геолог сокрушается, что найденные здесь известняки, как и чёрный мрамор, пока не востребованы, хотя одно время Темир славился своим поделочным камнем:

– С конца 1970-х годов мы начали развивать камнерезное производство. Мною было разведано месторождение чёрного мрамора Пелагеев Лог, 1 миллион 150 тысяч тонн запасов. Построили камнерезный цех, приобрели шлифовальные машины. Потом вдруг смена экономического строя, реструктуризация рудника… Работа заглохла, нас лишили лицензии, теперь это собственность частного предприятия, – с сожалением замечает Михаил Серафимович. И добавляет: – А за Пелагеев Лог я, кстати, получил свидетельство первооткрывателя. На известковый карьер и по месторождению глины для цемзавода тоже отправлял документы в Москву на первооткрывательство, но ответ был: запасы мизерные, не стоит, мол, того. А мне и не надо никакого вознаграждения, дело престижа – что не зря тут сидел, не зря Шорию топтал.

Михаил Серафимович уверен: если бы был шанс начать всё сначала, он опять бы избрал судьбу геолога!

– Всю трудовую жизнь отдал Горной Шории и не жалею ни грамма. Это такой чудесный край! Тем более сейчас – вон как Таштагол благоустраивается! Приезжаешь каждый раз и не узнаёшь его. Я однажды даже заблудился, когда зашёл в новый микрорайон. Прекрасный город, надо отдать должное его руководству».

г. Петропавловск-Камчатский

Игорь МАНГАЗЕЕВ

ДК-47, или ЗОДЧИЙ КОНСТАНТИН БАРТОШЕВИЧ

Сколь широко распространены его творения, настолько же прочно забыто его имя. Лишь единицы знают, кто творец проектов, по которым в СССР строились сотни удивительно красивых дворцов культуры – визитные карточки многих райцентров и рабочих посёлков. В год, когда Михаил Калашников сконструировал свой знаменитый автомат АК-47, Константин Бартошевич создал проект широко известного Дворца культуры с залом на полтысячи зрителей. Тогда же он спроектировал и ДК поменьше, на триста мест.

СОРОК СЕДЬМЫЕ

Помимо прославленного АК-47, немало инженерных новинок обозначались числом 47. Когда, к примеру, потребовалось прыгать с кислородными приборами с больших высот в различных погодных условиях и на разных скоростях, то в СССР в 1947 году был разработан парашют ПД-47 с квадратным куполом и четырьмя килями – в то время самый массовый, пожалуй, парашют: «крылатая пехота» и ДОСААФ пользовались им четверть века.

А в том же году первый полёт выполнил реактивный бомбардировщик Б-47 «Стратоджет». Наши истребители МиГ-15 и МиГ-19 не раз сбивали Б-47 при вторжении его в воздушное пространство СССР. Вконец обозлённые американские «ястребы» даже намеревались превратить несколько Б-47 в беспилотные самолёты-снаряды с водородной бомбой на борту.

Впрочем, число 47 не обязательно дата. Боевой беспилотный летательный аппарат Икс-47 «Пегас» – это реалии уже наших дней. А вот знаменитый вояка Си-47 «Скайтрэйн» («Дакота») впервые поднялся в небо ещё в декабре 1941-го. Военный вариант транспортного «Дуглас-3», он широко применялся союзниками и долгие десятилетия оставался на вооружении многих стран.

Один из основных истребителей ВВС США времён Второй мировой войны – Р-47 «Тандерболт» был создан под руководством Александра Северского и Александра Картвели. Страна Советов получила по ленд-лизу две сотни этих самолётов. Заметим, что оба авиатора эмигрировали из России после Октября. В память о родине Северский даже назвал свою собаку Водкой, и Водке очень нравилось в воздухе.

С начала 1960-х эксплуатировался американский тяжёлый вертолёт СН-47 «Чинук», состоявший на вооружении более двух десятков государств, а с июня 1951-го в США выпускали танк М-47 «Паттон II».

В состав кригсмарине немецкая подводная лодка U-47 вошла ещё в декабре 1938-го, потопила более тридцати судов союзников, и сувениры с её изображением продавались в каждой лавке, но в марте 1941-го она бесследно исчезла в Северной Атлантике.

Советская атомная подводная лодка К-47 (Б-47), вооружённая крылатыми ракетами, была заложена в Северодвинске в 1962 году и дольше тридцати лет портила кровь потенциальному противнику.

За всем этим грозным, но эстетически совершенным великолепием мы зрим и другие символы – не менее красивые, очень мирные, по-домашнему уютные дворцы культуры. По аналогии с аббревиатурой АК-47 проектный продукт Бартошевича я бы назвал ДК-47.

1 ноября 1945 года Совнарком СССР принял постановление о первоочередном восстановлении 15 разрушенных фашистами городов. А в 1947 году архитектор Константин Константинович Бартошевич разработал типовые проекты двух дворцов культуры – настолько безупречные, что строились они и в старинных городах, и в новых промышленных центрах. Они украсили добрую половину населённых пунктов, перечисленных в постановлении СНК. В некоторых из них выстроили даже по два-три ДК. Например, в Калинине (Твери), а это был первый областной центр, окончательно отбитый у фашистских захватчиков, по чертежам Бартошевича построили три: ДК «Химволокно» на 500 зрительских мест, ДК Полиграфкомбината и ДК строителей – на 300 мест каждый.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗОДЧЕГО

Константин Константинович Бартошевич родился в Баку 10 апреля 1906 года, а умер в Москве в день путча ГКЧП. В Баку он окончил

вуз, в 1930 году стал аспирантом Московского архитектурного института, в 1932 году его приняли в Союз архитекторов СССР. Он входил в бригаду, выполнившую любопытный эскизный проект Дома техники с пантеоном ударников. Жюри положительно оценило конкурсную работу, но отметило излишнюю стилизацию под модерн и чрезмерную парадность заднего фасада, спорящего с главным входом. Надо сказать, что в 30–50-х годах XX века советские зодчие разработали целый ряд интереснейших проектов, которым так и не суждено было сбыться. К ним относится и мемориал «Жертвам фашистского террора», подготовленный Бартошевичем в год Курской битвы.

После войны, трудясь в Архитектурно-проектной мастерской Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, Бартошевич корпел над типовыми проектами дворцов и домов культуры, а также клубов. И в 1947 году создал удачный проект Дворца культуры с залом на полтысячи зрителей. Тогда же спроектировал дворец и на 300 мест. Это самые востребованные проекты ДК в истории отечественной архитектуры!

УНИКАЛЬНЫЙ ФОТОПОРТРЕТ

Мы не знаем, какие превратности судьбы пережил этот бесспорно выдающийся архитектор – его биография ещё ждёт вдумчивого исследователя. Долгое время не удавалось увидеть даже его портрет, хотя бы газетный. Наконец, тверские эксперты госохраны культурного наследия посоветовали автору этих строк обратиться в Музей архитектуры имени Щусева (того самого Щусева, чьим известнейшим произведением является Мавзолей Ленина).

Поначалу не повезло и тут. Руководитель пресс-службы музея Мария Мухина на мой запрос ответила отрицательно: в фототеке научного фотокаталога нет-де фотографии К. К. Бартошевича. Но буквально на другой день зав. сектором музея Кирилл Постернак сообщил, что нашёл в личном деле К. К. Бартошевича небольшую фотографию архитектора. Счастливый миг!

ОРДЕНА ЛЕНИНА
СОЮЗ АРХИТЕКТОРОВ СССР

16

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ЧЛЕНА СОЮЗА

Название организации Союза архитекторов СССР: Московская ассоциация

принят в члены Союза в 1932

1. Фамилия Бартошевич

имя Константин отчество Константинович

2. Пол м 3. Год, число и м-д рождения «10» апреля 1906 г.

4. Место рождения г. Баку

«Прошу прощения за качество, – описывает снимок Кирилл Владимирович, – фотография очень маленькая: два с половиной на три сантиметра. Местами поцарапанная. Но, думаю, это лучше, чем ничего. Вы можете её опубликовать, но прошу вас обязательно сопроводить её таким примерно комментарием: «Предоставлена Государственным научно-исследовательским музеем архитектуры им. А. В. Щусева».

МЕСТО ВСТРЕЧИ НЕ ИЗМЕНИТЬ

Романтические воспоминания многих читателей неотделимы от дворцов Константина Бартошевича. Их удачная планировка полностью обеспечивает культурное времяпрепровождение.

Прекрасные зрительные залы «больших» ДК – с лепниной и росписью, с ложами и балконами (полагалась и оркестровая яма) – позволяют смотреть концерты и спектакли профессиональных трупп, а также кино на широком экране. Клубная и зрелищная части эксплуатируются раздельно, при этом зрелищная – традиционна для театров: по оси расположены вестибюль, фойе с колоннами коринфского ордера и зрительный зал, по бокам которого – студии (в том числе звукозаписи), комнаты для кружковых занятий, буфет.

163

К вестибюлю примыкают два двухэтажных крыла, в которых, как правило, размещаются малый зал (кинозал), спортзал, хореографическая студия, библиотека. На третьем этаже хоровая студия. Всё это варьируется в зависимости от фантазии хозяев ДК.

Оба крыла и колоннада великолепного дорического ордера окружают дворик – патио. Если того требует рельеф местности, то к «большому» ДК, как к Парфенону, поднимаешься по широкой лестнице. У главного входа могут стоять скульптуры вождей, тружеников, покровительниц искусств (иной раз они обнаруживаются в нишах, на фронтоне или на перекрытии колоннады). В патио или перед ним иногда журчит фонтан. В ограде ДК порой встречаются ворота в виде триумфальных арок. Стены красят в любой цвет, но чаще всего в бежевый, розовый и светло-зелёный. В некоторых городах используются музыкальные или, как в Чимкенте, национальные мотивы.

Типовой проект ДК на 300 зрителей имеет меньший, но достаточный набор клубных помещений.

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Историки собирают информацию о построенных дворцах Бартошевича. Оба проекта реализовывались с 1949-го и во всяком случае по 1971 год. Сегодня известно о 135 «больших» и 147 «малых» дворцах, но до итога ой как далеко.

Некоторые из этих зданий находятся в плачевном состоянии. Другие, например, ДК «Строитель» в Новокузнецке – «двойного назначения»: в них устраиваются выставки-продажи, но работают и кружки. А есть как конфетки, выглядят шикарно, взять музыкальный театр в Калининграде или ДК шахтёров в столице Кузбасса.

Больше всего дворцов по проектам Бартошевича отстроили в Сталинской области, переименованной в Донецкую в 1961 году. Тринадцать ДК на 500 мест воздвигли в Горловке, Дебальцеве, Доброполье, Жданове, Кировском, Комсомольском, Макеевке, Новогродовке, Славянске, Сталино (три!), Ясиноватой.

И двадцать три ДК на 300 мест построили в следующих городах и весях: Артёмовск, Дзержинск, Доброполье, Макеевка с посёлком Пролетарское (восемь!), Мироновский, Селидово, Славянск, Снежное, Сталино (четыре!), Торез (два), Харцызск, Яма.

Дворцов, спроектированных Бартошевичем, в Донбассе вдвое больше, чем во всероссийской «кочегарке» – Кузбассе, где возвели по девять тех и других.

Виктор Иконников, бывший худрук сданного в 1965 году прокопьевского (на 500 мест) ДК шахты «Зиминка 3-4», объясняет эту дискриминацию тем, что почти все руководители углепрома – откуда угодно, часто из Сталинской области, а из Кузбасса очень редко.

ДВОРЦЫ В КУЗБАССЕ

Здесь было девять «больших» ДК проекта Бартошевича на 500–530 зрительских мест: по два – в Кемерове (ДК шахтёров и ДК «Азотовец»), в Прокопьевске (ДК шахты «Красногорская» и ДК шахты «Зиминка 3-4») и в Белове (ДК железнодорожников и ДК угольщиков); по одному – в Сталинске (ДК строителей), в Междуреченске (ДК имени Ленина) и в Мысках (ДК имени Горького).

Лихая доля досталась тем ДК, которых накрыла кампания по борьбе с архитектурными излишествами, когда декор убирался в приказном порядке. ДК шахты «Красногорская» успели закончить

ДК имени Горького, г. Мыски

ДК шахты «Красногорская»

до её разгара, а ДК шахты «Зиминка 3-4» (ныне ДК имени Маяковского), возведённому на горе ветров – Тыргане, повезло меньше: он превратился в долгострой. Фундамент, стены и характерную колоннаду поставили ещё до середины 1950-х, затем стройку заморозили на десятилетие, с безнадзорного объекта исчезли полы и сантехника, рассыпалась лепка – колоннаду пришлось убрать. Но сохранились основные элементы.

А вот ДК имени Горького, построенный в 1965 году (официально открыт на следующий год), упростили до неузнаваемости. Если при Сталине требовалась творческая переработка античного наследия и архитектуры Ренессанса, то при Хрущёве, наоборот, допускался только голый функционализм, поэтому ДК в Мысках не имеет внешних колонн и фронтона. Нет ни балконов, ни лож, лепнины – чуток, все оконные проёмы – не арочные, а прямоугольные, колонны в фойе – квадратного сечения. «Но, что замечательно, этот ДК до сих пор в строю, несмо-

тря на высокую степень износа», – говорит и. о. директора Татьяна Кольцова.

Возможно, я заблуждаюсь, но всю серию «больших» ДК завершил беловский ДК угольщиков, достроенный уже при Брежневе, в 1971 году. Борьба с излишествами к тому времени слегка ослабла – ДК венчает фронтон, на торцах появилась лепнина.

Увы, здание ДК железнодорожников, построенное в Белове 60 лет тому назад (в 1959 году), снесли в 2001 году, а ведь когда-то на его сцене вдохновенно выступали такие титаны эстрады, как Иосиф Кобзон, Вольф Мессинг, Георг Отс.

Не исключаю, что неполон и мой подсчёт кузбасских ДК на 300 мест. В Ленинске-Кузнецком построили два дворца: ДК имени Ярославского и Дворец пионеров. На руднике Шерегеш ДК «Горняк» открылся в 1958 году, а его одноимённый близнец в Таштаголе – в следующем году. Как вспоминает местный ветеран библиотечного дела Людмила Ротанова, клуб шахты «Тайбинская» в Киселёвске был сдан в эксплуатацию в 1958 году. В Мундыбаше стоит ДК «Октябрь», а в Берёзовском – ДК шахтёров. Кемеровский ДК «Заря» теперь является областным центром дополнительного образования детей.

30 июня 1955 года в Сталинске (Точилино) открылся Клуб металлургов имени Курако – жаль, в 2013 году его снесли.

ДОРОЖНЫЕ ЗАПИСКИ

В 2018 году мои добрые друзья, прокопьевские одноклассники Андрей Тагаев и Люда Соколова, пригласили меня к себе в гости в Нижний Новгород. Благодаря им удалось взглянуть на один из первых «больших» дворцов проекта Бартошевича – ДК имени Орджоникидзе. По словам худрука ДК Татьяны Бородич, его начали строить в августе 1949-го, открыли в октябре 1951-го, а в 2016-м он горел. Слава Богу, его восстановили, и он в хорошей форме.

Некоторые эпизоды комедийного телесериала «Физрук» снимались в Твери в ДК «Химволокно». Съёмки стартовали в августе 2016 года. Но часть сцен в этом фильме снималась в подмосковном Воскресенске, где стоит точно такой же ДК «Химик», спроектированный Бартошевичем.

Жители Кимр пришли в полный восторг, когда на Октябрьские праздники 1957 года, войдя в ДК «40 лет Октября», увидели хрустальные люстры, паркет, ковровые дорожки, изумительную роспись потолков и лепнину. Любопытно, что ДК-близнец с точно таким же названием был одновременно открыт в Пензе, а через год – в Новогродовке Сталинской области.

* * *

Существуют три столпа социализации личности: семья, школа и клуб в различных его ипостасях. Отдадим должное таланту забытого архитектора – для большинства из нас радужные впечатления юности неотделимы от дворцов Константина Бартошевича, а ведь от них и польза огромнейшая. Там работают зажигательные, креативные мастера культуры и влюблённые в своё дело чуткие педагоги. Они встречают людей разного возраста, и для каждого найдётся частичка тепла, а это так важно в наш безумно стремительный век. Совсем не просто провести культурно-массовое мероприятие, и уж тем более так, чтобы все были довольны. Благодаря им праздник приходит в нашу жизнь!

Клуб шахты «Тайбинская» в наши дни

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ

О ТВОРЕНИИ А. БРЮХОВЕЦКОГО «ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ…»

Искусство – отсекание всего лишнего, отбор, создание гармонии, творение из хаоса эстетической и духовной ценности. Организуй волнение своё, сказал Донбай. Для этого и дан разум. Но какое уж там «организуй», когда разум отключён, спит. А сон разума оправдывает всё.

Нет определённости жанра.

Но это же сон! Какой там может быть жанр?

Нет чёткого сюжета. Нет печки, от которой танцевать. Невозможно определить, где необходимое, а где лишнее.

Но это же сон! Где реальные картины перемежаются с фантасмагорией. Где видения перескакивают от чего угодно на что угодно. Сон – этим всё оправдано. Тут тебе и Джойс, и Дали, и Гойя, и Кастанеда, и всё, всё, всё… Всё в духе современного искусства. И недаром, как Чехов убил театр, на современной сцене творится неведомо что. (Чехов: «А не надо никакого действа! Просто люди разговаривают, пьют чай, а в это время рушатся их судьбы».) Искусство теперь не то чтобы откровенно разрушается, но замещается неискусством. Порой нагло и цинично. Вот нагажу в вашем выставочном зале и объявлю актом творения. Вот вам, нюхайте! Вот вам намалюю чёрный квадрат – плюну на ваше высокое искусство. Да пропади оно пропадом! А вы кучкуйтесь с головами круглыми у квадрата и многодумно гадайте, что сие означает, чего добивался. А добивался – чтобы имя моё осталось в искусстве. И добился. Меня не забудете…

– Забыть Герострата! – постановил сенат в наказание за поджог храма.

Храм Артемиды был одним из семи чудес света. Явно как творение искусства.

– Ага! Замучаетесь забывать! – усмехнулся Герострат.

И был прав! До сих пор забываем. Творца храма не помним, его разрушителя – помним.

Трудно остаться в памяти человечества. Помимо большого таланта, высокого мастерства, благоприятных обстоятельств, удачного времени и места требуется ещё много другого привходящего, из чего складывается аккорд гениальности, что оставляет имя в истории. А честолюбцам проще нагадить, поджечь, разрушить, залудить нечто эпатажное, из ряда вон выходящее – подменить, заменить искусство неискусством. Это покруче будет! И результат тот же – имя запомнят…

Что делать, что делать?! И литература, видимо, достигла своей вершины. А с вершины, как известно, все дороги – только вниз. Так что спускаемся-опускаемся… Бедная опущенная литература!.. Демонтаж, деформация, деструкция… – де-, де-, де-… И Брюховецкий туда же!..

(Кстати, насчёт «де-». Дарю тему для диссертации. Деградация русской литературы от князя Мышкина до комиссара Кошкина и далее от Куприна до Крупина.)

Творение Александра Брюховецкого, нашего талантливого прозаика, – повод осмыслить когда-то увиденное и прочитанное. И на том спасибо! Как истинный художник (в прямом и переносном смысле), он чувствует веяние времени, направление ветра в сегодняшней литературе. Да и журналу нашему это веяние нельзя, видимо, не учитывать. Хотя эта вещь в основе своей не совпадаёт с направлением нашего журнала.

Печатать, не печатать – вопрос открытый. Я больше склоняюсь к тому, что надо печатать. Пусть читают…

– Подорожную подавай! – вскричали стражники. – А то не впустим!

– Зачем вам подорожная, олухи! – ответил Ходжа. – Вы же неграмотные. Читать не умеете!..

Владимир ИВАНОВ,
г. Кемерово

КОМУ ПЕРЕДАВАТЬ ПЛУГ?

О ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ АНАТОЛИЯ ИЛЕНКО «ЗАПАХ ПАШНИ»

Поэзия Анатолия Иленко, члена Союза писателей России, продолжает в XXI столетии традиции крестьянской и новокрестьянской поэзии XIX и XX веков. Поэт воспевает полевую Россию, её быт и культуру, крестьянский труд, как прежде делали Иван Никитин, Иван Суриков, Сергей Есенин, Пётр Орешин. Лирический герой стихотворений А. П. Иленко умеет и пахать, и писать стихи, в этом ощущая свою «нужность родной земле»:

Может, лунной ночью родился,
Что удача выпала мне:
Где родился, там и сгодился, –
В деревенской родной стороне.
Эка штука – пахать умею,
Каждый третий – пахарь в селе.
За день так наломаешь шею –
Двух шагов не ступить по земле.
На закате снопом усталым
В травы смятые упадёшь,
До печёнок проймёт, бывало,
Хлебным духом спелая рожь…

Кемеровский поэт воспевает мгновения «тишины и благодати» деревенской жизни, существующей в едином ритме с жизнью природы:

В поздних сумерках деревни
Тишина и благодать.
Беспокойные деревья
Уложили листья спать.

Рядом ветер лёг уставший
Прямо в сонную траву...

Не спит лишь деревенский поэт, который должен словом живописать эту гармонию мира. Невольно возникают переклички со стихотворениями Сергея Есенина 1916–1918-х годов: «О красном вечере задумалась дорога…», «Закружилась листва золотая…» и др. Сердца поэтов наполняются «тихой радостью», ощущением узловой связи с миром природы и деревни.

Родом я вот из этой деревни,
По всему видно, тут и умру;
Поклонюсь, благодарный, деревьям,
Терпеливо учившим добру.

.....
Попрощаться ни с кем не забуду,
Вспомню каждого в милом краю.
Попрошу их: «Хорошие люди,
Берегите деревню мою».

Если новокрестьянские поэты в 1920-е годы оплакивали начальный этап разрушения деревни и тысячелетней крестьянской культуры, то поэту Анатолию Иленко дано было увидеть продолжение этого процесса в 1990-е годы. Чувство собственной вины перед разрушенной деревней переполняет сердце поэта:

Прости меня, моя деревня,
Что не могу ничем помочь.
Склонили головы деревья,
Беду пытаясь превозмочь.

Крапива жжёт нещадно руки,
На пашне и в душе бурьян.
За что немыслимые муки
Подкараулили крестьян?

Тревожит душу поэта осознание того, что некому передавать плуг:

Поле скошено. Запах пшеницы
Долго кружит над тёплым жнивьём.
Этим воздухом можно напиться,
Принести под рубахою в дом.

Он под крышей легко приживётся,
За семейный опустится стол,
Доброй песней в душе отзовётся,
Что в заботах житейских нашёл.

Пахнет хлеб... Разве есть что дороже?
Каждый колос в цене, каждый грамм.
Только взгляд мой с годами всё строже:
Плуг свой в поле кому передам?

Как выстоять и как жить крестьянскому сыну в эпоху «перестройки вечной» (А. Твардовский. «По праву памяти»)? Певец деревни хорошо усвоил нравственные заветы своих предков, он ощущает на себе груз ответственности за их передачу потомкам.

Учит не дорога,
А преодоленье.
Искушений много –
Вывезет терпенье...

Дорого сибирскому поэту Анатолию Иленко одно вековое свойство православного русского крестьянина – чувство сострадания ближнему.

– Как тебе дышится,
Что тебе пишется? –
Нынче приятель спросил.
Друга участие
Мне, как причастие,
Свежих добавило сил.

В сборнике «Запах пашни» Анатолия Иленко звучат и другие темы: войны и сыновней памяти, материнской любви, верности первому любовному чувству… Основной же мотив книги лучше всего можно передать словами Сергея Есенина: «Но более всего любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла». Книга Анатолия Иленко «Запах пашни» продолжает традиции русской патриотической, гражданской поэзии.

Галина КАРПОВА, кандидат филологических наук,
г. Кемерово

ОТКЛИК НА КНИГУ ЮРИЯ ДУБАТОВА «ИЗБРАННОЕ»

Что есть такого особенного в стихах и рассказах Юрия Дмитриевича Дубатова? Правда! Чистая как высокое синее небо в пору бабьего лета, когда сибирская природа, как деревенская молодка, накинув на плечи горящий жаром полушалок, выходит на сельский круг и под разухабистую гармонь поёт ис-

кромётные частушки. И в тех незатейливых на первый взгляд куплетах, щедро сдобренных юмором, то и дело поблёскивают выкристаллизованные крупицы соли земли русской, что на сто один раз была полита слезами, потом и кровью простых тружеников. А ещё стихи и рассказы Юрия Дубатова наполнены сладкой горечью красных ягод рябины, хранимым и любимым деревом, не единожды воспетым русскими поэтами. Эстетам, вкушающим нектар высших сфер, способным отличить тончайшие нюансы сладкого сиропа, рябина придётся явно не по вкусу, а уж тем более сладковато-кислые ягоды калины. Оно и понятно! Далеко не каждый сможет выдержать убойно-резкий запах пареной калины, кислой капусты, щей, старого овчинного полушубка или рубахи-вязанки.

А Юрий Дмитриевич продолжает настойчиво вопрошать: *«Кто мы? Что мы? Были иль не были…».* **С грустью и печалью вспоминает** *«ушедших друзей эскадрилью», «юность с печальной улыбкой»*, **что** *«ушла в окровавленный век»*. **Вспоминает и** *«батины военные рассказы», которые «наизусть выучил давно»*, **потому что Юрий – сын той** *«рождественской ночи, / Которую помнил отец, / Он третьего сына пророчил, / Вернувшись с войны наконец»*. **Да, Юрий Дмитриевич из поколения тех, чьё детство пришлось на трудное, голодное послевоенное время. Недаром он написал стихи «Ода российскому огороду» и «Ода картошке».** *«О, сколько ты насытил ртов голодных / И сколько спас, с Петровских тех времён»* **– воспевает Юрий Дмитриевич российский «картохан».**

Но душа поэта вольно или невольно тянется к Сергею Есенину, чьи стихи Дубатов знает наизусть и может читать их бесконечно долго, как и стихи многих других поэтов. В книге есть стихотворение «Светлой памяти дочери С. Есенина и Зинаиды Райх», а также рассказ «И такой родимый, и такой далёкий» о мимолётной встрече Юрия Дмитриевича с Татьяной, дочерью Сергея Александровича, на Ваганьковском кладбище. Есть стихи-посвящения, как, например, «Светлой памяти поэта В. Ковшова», «Памяти Володи Шуляева», «Сергею Гейне». Есть и такие стихи, где Юрий Дубатов высказывает своё мнение о художниках Алексее Саврасове, Марке Шагале, о картине «Чёрный квадрат» Казимира Малевича.

Оглядываясь назад *(«фотография прошлого <…> все такие хорошие / И чему-то все рады»)*, **поэт признается:** *«Тревожная память волнует меня»*. **Почти в каждой строчке слышится сожаление о том, что** *«мы безнадёжно устарели», «мы равнодушием убиты», «и сжимается сердце поэта, / Неужели всё было зазря…»* **Нет, не зря, Юрий Дмитриевич. Ваше слово останется в стихах, ведь Вы о главном сказали –** *«наяву и в сновидениях / Я – просто человеком был»!*

О КНИГЕ «ЗАВТРАШНЕЕ»
(СТИХИ, ПРОЗА, ДРАМАТУРГИЯ МОЛОДЫХ КЕМЕРОВСКИХ АВТОРОВ)

Первое, о чём подумалось после прочтения книги, – в своих произведениях авторы ищут ответы на вопросы: «Мир – я?» или «Я – мир?». Пробуют на вкус и цвет, пытаясь понять, а какой он, этот самый мир, если к нему прикоснуться щекой, губами, окунуться в него, как в море, взять в свои ладони и просветить солнечным лучом. Таня Речина *– «ступнями / целую / землю, / каждый / шаг – / поцелуй».* **Константин Стафиевский** *– «…Скорость и юность. Глаза словно птицы, / В которых борьба перемен…».* **Марина Фёдорова** *– «тёмная ночь / фонари спят / стоя»; «побелила деревья / танцуют весну / балерины».* **Михаил Рантович** *– «…не шелохнусь, насыщаю глаза, / вижу на воздухе водную пыль я…».*

Авторы рассказывают о своих попытках ответить ещё на один вопрос: «Кто – я?». Крутятся возле зеркала, примеряя то себя к миру, то мир к себе. Юрий Климанов – *«…О недужный и рваный ноябрь! / Как до боли похож на него я!». И его же стихотворение «Это был я».* **Марина Фёдорова** *– «Зазеркальная девочка – там, во мне…».* **Никита Мулинов** *– «Я – отпечаток любви твоей, Господи, / Я – рукотворный сосуд…».* **Анастасия Кондрина** *– «Я – плохое. / Я боль раненой головы./ Я канавы и рвы…»* **Александр Хорунжий** *– «Я первенец. / Я комом».* **Александр Шихер** *– «Я дерево. Жду своего палача. / Во мне деревянная кровь горяча…». А вот другие строки этого автора – «…отыскать в толпе, / Как заветный цветок на поляне, / Одного из меня-в-себе, / Говорить с ним об ине и яне…».* **Юлия Шкуратова** *– «я представляю себе себя как телеграмму…».* **А вот мир Юля видит так** *– «…Мне мир представляется ложным. / Всё есть, но чего-то в нём нет».*

Пора взросления – трудная пора. Ох как не просто найти себя в этом огромном мире. Никита Мулинов – *«…В мареве многомерности смысл нащупать хочу, / Нищий бродяга в колючих песках современности…».* **Михаил Рантович** *– «…Я, одинокий человек, / в свою печаль смогу влюбиться».* **Александр Хорунжий** *– «…Сегодня делают тела широкими, / Чтобы в них могли уместиться тощие души».* **Виктор Шагиахметов** *– «…Улыбаясь ближнему, / до сих пор на секунду дышать прекращаю».* **Александр Шихер** *– «…И понял: есть четвёртое состояние / У воды. Оно называется Бог…».*

Некоторые авторы пробуют свои силы одновременно и в прозе, и в поэзии, а вот Анастасия Кондрина написала стихи и пьесу. Какую форму литературного творчества предпочтут авторы книги в дальнейшем, трудно сказать сейчас. Жизнь идёт, всё меняется. Если в настоящее время *«поэзия – офигительное занятие»* **для Святослава Иванова, а Александру Шихеру хочется** *«вдыхать слова, выдыхать стихи»*, **то Анастасия Кондрина устами Миши, героя пьесы, говорит так:** *«Мои стихи – возможность говорить с людьми, кричать им обо всём, что накапливается внутри, об*

этом безудержном урагане, что рвётся из меня и рвёт меня на части».

В книге много иллюстраций молодых кемеровских художников. Все работы выполнены в чёрно-белом или бело-чёрном цвете. Да и обложка похожа на асфальт или кадр, снятый на полароид. Задумано, наверное, как чёрно-белое кино. Пока неизвестно, проявится ли этот кадр завтра или останется пустым негативом. А может, отпечаток получившегося изображения безвозвратно смоется временем…

Взяв в руки книгу и глядя на «чёрный квадрат», невольно подумала: «И это «завтрашнее?!». Нет, не хочу такого тёмного, строго выверенного завтрашнего. Спора нет, эффектно смотрится на белой стене «чёрный квадрат». Но пребывать, а тем более завтра в жёстких рамках пространства, как губка впитавшего в себя гарь, горечь и боль «Зимней вишни», «запах чёрного снега» и много ещё чего чёрного, не хотелось бы точно. Остаётся надеяться на молодых и креативных, которым будет по силам спасти души людей от скверны. Это как на тех иллюстрациях в сборнике, где пожарный вынес котёнка из дома, охваченного огнём, где от сердца к сердцу передают горящий уголёк, где руки, сотворившие техническое чудо прогресса, защищают от него же природу, которая замерла, как стрекозка, в ожидании тепла, солнца и человеческой любви.

Чёрным по белому, белым по чёрному
Тушью, гуашью, волшебным пером
Чертят, выводят, рисуют по голому,
Чистому полю, а строится дом.
Чёрным по белому, белым по чёрному
Дом потихоньку под крышу растёт,
Если построен с любовью, по-доброму,
Сказка в нём точно тогда оживёт.
Хочется верить, не будет там фальши,
В гости приедут одни лишь друзья.
Белым и чёрным рисуйте и дальше,
Вырасти чтоб в полноценное «Я»!

Татьяна ГОРОХОВА, *г. Топки*

Наши юбиляры

Владимиру Шумилову – 65 лет!

Дорогой Владимир!

Поздравляем тебя с 65-летним юбилеем! Желаем могучего здоровья, морского и сибирского, неиссякаемого вдохновения, оптимизма, радости, надёжного дружеского плеча!

Твои писатели

У Ирины Фроловой – юбилей!

Дорогая Ирина!

Все мы в едином порыве поздравляем тебя со славным юбилеем! Крепкого тебе здоровья, неувядающего вдохновения, любви, счастья, новых книг и только приятных хлопот!

Твои писатели

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

30 марта в рамках литературного круиза «Под белым парусом пера» в библиотеке села Красноярка Ленинск-Кузнецкого района прошла творческая встреча с Екатериной Тюшиной и Виктором Киселёвым. Авторы рассказали о своём творчестве, представили книги, почитали стихи и отрывки из произведений, ответили на вопросы читателей.

2 апреля в Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества состоялось Большое чтение антологии стихов для детей «Паровоз – 500 колёс», посвящённое Международному дню детской книги. Четвероклассники из лицея № 62 г. Кемерово прочитали наизусть пятнадцать стихотворений. Ребята выбрали стихи Дмитрия Мурзина, Людмилы Чидилян, Елены Елистратовой, Нины Глушковой, Марины Брюзгиной, а также стихи кузбасских поэтов, созданные в прошлом веке Михаилом Небогатовым, Александром Бересневым, Эдуардом Гольцманом, Валентином Махаловым, Владимиром Матвеевым, Леонидом Гержидовичем и др.

4 апреля в библиотеке им. В. М. Мазаева состоялась встреча на «Литературном перекрёстке», посвящённая творчеству кемеровского поэта, члена Союза писателей России Д. Мурзина.

Международный фестиваль «Мгинские мосты» опубликовал списки победителей и дипломантов. В номинации «Малая художественная проза» диплом I степени у И. Тюниной.

9 апреля в Кузбасском центре искусств прошло представление итогового альманаха конкурса «Говорит XXI век» за 2018 год. На представлении выступили авторы альманаха Аля Карелина, Маша Берестова, Елена Прокопенко, Олеся Шмакович, Ксения Бартули, Георгий Кузнецов. Вёл вечер организатор конкурса поэт Иосиф Куралов.

10 апреля в библиотеке «Встреча» состоялся вечер детской поэзии. Прозвучали стихи из антологии «Паровоз – 500 колёс», стихи современных детских поэтов – авторов журнала «Огни Кузбасса», в том числе И. Плохих. Вёл вечер поэт Д. Мурзин.

11 апреля прошли 3-и Матвеевские чтения в г. Прокопьевске. Школьники читали стихи поэтов. Гости чтений: Б. Бурмистров, И. Куралов, М. Шеховцов, Д. Мурзин, С. Чернопятов, В. Коньков – поделились своими воспоминаниями о Владимире Матвееве, прочитали его и свои стихи.

12 апреля в библиотеке имени В. М. Мазаева прошла встреча из цикла «На литературных перекрёстках» учащихся школы № 69 с поэтом Ириной Фроловой.

16–17 апреля прошли выступления кемеровских поэтов в Кемеровском профессионально-техническом техникуме. Перед учащимися выступили С. Донбай, Б. Бурмистров, Д. Мурзин.

19 апреля в центральной библиотеке Яйского района прошёл вечер памяти В. Фёдорова при участии литстудии «Компас» и студии им В. Д. Фёдорова г. Анжеро-Судженск.

19–25 апреля в Красноярске прошёл литературный фестиваль «КУБ». В рамках фестиваля состоялось общение писателей со школьниками и гимназистами города, выступления в библиотеках, вечера в Красноярском доме искусств. Кузбасс представляли поэты А. Пятак, Д. Филиппенко, Д. Мурзин. В рамках фестиваля читателям были представлены журнал «Огни Кузбасса» (Д. Мурзин) и альманах «Образ» (Д. Филиппенко).

24 апреля в библиотеке им. Н. В. Гоголя прошло представление альманаха «Говорит XXI век». Встречу вёл составитель альманаха и куратор конкурса И. Куралов.

25 апреля в библиотеке им. А. Берестнева прошло представление альманаха «Говорит XXI век» и антологии молодых авторов «Завтрашние». Встречу вели С. Донбай и Б. Бурмистров.

26 апреля в коммунально-строительном техникуме состоялся традиционный поэтический праздник «Весна в Притомье». Перед учащимися выступили Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Катков, В. Шумилов.

30 апреля в литературной гостиной «Твоё тепло – моё тепло» при библиотеке «Встреча» прошло представление первого за 2019 год, юбилейного номера журнала «Огни Кузбасса». Журнал представили главный редактор С. Донбай и отв. секретарь Д. Мурзин

9 мая в сквере у Кемеровского драмтеатра состоялись поэтические чтения, посвящённые Дню Победы. В них приняли участия Б. Бурмистров, И. Фролова, В. Феданов, С. Донбай, А. Катков, Ю. Дубатов, А. Иленко, Д. Мурзин, И. Краснова, Н. Дубровская, Ю. Шкуратова.

21 мая в библиотеке им. В. Фёдорова прошло представление хрестоматии «Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия», на котором вначале выступила председатель комитета по культуре Совета народных депутатов Кемеровской области И. Ф. Фёдорова. Во встрече приняли участие поэты Б. Бурмистров, И. Куралов, С. Донбай. Песни на стихи В. Фёдорова спел В. Егоров.

22 мая в Доме культуры села Топки состоялась научно-практическая конференция «Виктор Баянов.

Личность. Творчество. Эпоха», посвящённая 85-летию со дня рождения большого кузбасского поэта Виктора Михайловича Баянова. Перед учителями и библиотекарями выступили кемеровские поэты, члены Союза писателей России Б. Бурмистров, С. Донбай, И. Куралов, писатель из Юрги В. Чурилов, директор библиотеки им. В. Баянова Л. Елонова, филолог Г. Карпова и поэт М. Брюзгина, зав. рекламно-издательским отделом Центральной районной библиотеки им. В. М. Баянова (г. Топки). В конференции также приняли участие учителя, библиотекари и учащиеся.

24 мая в Кузбасском центре искусств состоялся праздник для школьников «Назад к истокам». Перед ребятами с рассказом о святых Кирилле и Мефодии выступил иерей Р. Анкудинов, поэты Б. Бурмистров, Л. Чидилян и С. Донбай.

24 мая в Кузбасском центре искусств состоялась поэтическая дуэль между участниками областного конкурса молодых литераторов «Говорит XXI век» и молодыми поэтами студии «Белый квадрат» областного центра, а также литературная викторина «Злые буки и другие науки». Победителем стал Ю. Климанов.

27 мая в библиотеке семейного чтения «Встреча» (теперь библиотека имени Г. Е. Юрова) открылась музейная экспозиция «Заповедное пространство», посвящённая поэту Геннадию Юрову.

На мероприятии выступила глава департамента культуры и национальной политики М. А. Евса. Писательское сообщество представляли поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин.

3 июня в Кузбасском центре искусств прошла встреча поэтов Б. Бурмистрова и С. Донбая с преподавателями института повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

5 июня в библиотеке им. А. Гайдара прошли встречи школьников с томскими и кемеровскими писателями. В одной аудитории выступили В. Колыхалов, А. Панов, С. Донбай. Во второй – Б. Бурмистров и В. Чубковец.

После писатели совместно выступили перед библиотекарями г. Кемерово. Представила поэтов начальник департамента культуры Кемеровской области М. А. Евса.

6 июня на площади Пушкина прошло торжественное мероприятие «Союз волшебных звуков, чувств и дум», посвящённое 220-летию со дня рождения поэта. С праздником собравшихся поздравили своими стихами поэты: Б. Бурмистров, И. Куралов, А. Правда, Л. Чидилян, Д. Мурзин, А. Пятак, Д. Филиппенко, С. Уланова, Ю. Михайлов. Выступили литературные студии «Образ» (г. Ленинск-Кузнецкий), «Притомье», «Белый квадрат», «Блокнот». Вёл вечер поэт С. Донбай.

14 июня в Кузбасском центре искусств произошло чествование поэта и подводника капитана-лейтенанта в отставке Владимира Шумилова. В связи с 65-летием и за большие творческие заслуги директор Центра искусств В. А. Каплунов вручил юбиляру грамоту департамента культуры, благодарственное письмо Кузбасского центра искусств и денежную премию.

18 июня в актовом зале разреза «Берёзовский» поэты Б. Бурмистров, Л. Чидилян, С. Донбай, В. Киселёв и журналист О. Кусакина выступили перед школьниками старших классов и учителями деревни Костёнкова и Прокопьевского района. Поэты почитали стихи, подарили книги и журналы с автографами. Под руководством О. Кусакиной провели фотосессию на фоне угольного разреза и колёс «БелАЗа».

20 июня в Кузбасском центре искусств произошло чествование поэтессы Ирины Фроловой. В связи с юбилеем и за большие творческие заслуги директор Центра искусств В. А. Каплунов вручил юбиляру грамоту департамента культуры, благодарственное письмо Кузбасского центра искусств и денежную премию.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Петровский мост» (г. Липецк) напечатал подборку стихов **Д. Мурзина** «Обратный отсчёт».

В № 1 журнала «Сибирь» был опубликован очерк **В. Коняева** «И речи русской сладостные звуки».

Журнал «Белая скала», № 1, напечатал стихи поэта **А. Раевского**.

Журнал «Подъем», № 3, напечатал стихи поэта **А. Раевского**.

Журнал «Наш современник», № 6, дал обширную подборку стихов поэта **В. Крёкова**.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Ляхов Илья. Актёрский двор: Невыдуманные стихи и рассказы. Кемерово: Книга. 2019. 280 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург)
«Роман-газета. XXI век» (Москва)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**.

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru.**

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор ***С. Л. Донбай***
№ 3. Дата выхода в свет: 10.07.2019
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 97. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК КО «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвузиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвузиздат»
Корректор: ***Е. В. Фефелова***
Компьютерная верстка: ***П. Б. Исаков***

VII Всероссийский фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова

Зрители перед началом поэтического конкурса

Юлия Сычёва

Организаторы Дмитрий Филиппенко, Светлана Уланова и гость фестиваля Даниэль Орлов (Санкт-Петербург)

Галина Золотаина и Дмитрий Мурзин

Мария Берестова

Гости фестиваля Геннадий Калашников и Анна Гедымин (Москва)

Участники и гости фестиваля

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37